

B 1,270,803

PROPERTY OF
*The University of
Michigan
Libraries*
1817
ARTES SCI

А. В. СТОРОЖЕНКО.

Storozhenko, Andrii V.

DK

429.5 Storozhenko

.S88

1904a

Stefan Batoriï i

dnieprovskie kozaki

zaki.

ІЙ

Из

ТКИ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Л. Фронцкевича, Анненковская ул., д. № 3.
1904.

D. T. FRANK

68

DK 429

5

S74

Доволнено цензурою.
Кіевъ, 8 Ноября 1904 года.

AE Sep. 27
TF Aug. 28, 1882

Предлагаемыя вниманію спеціалистовъ-историковъ изслѣдованія совершенно лишены притязаній на окончательное разрѣшеніе затронутыхъ въ нихъ вопросовъ. Въ нашихъ глазахъ это не болѣе, какъ кирпичи для будущаго зданія *достоверной* исторіи „Войска Запорожскаго,“ которое въ важнѣйшій моментъ своей жизни подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго положило основаніе козацкой Рѣчи-Посполитой (*reipublicae*)—малороссійской гетманщинѣ, просуществовавшей подъ могучимъ крыломъ Россіи 128 лѣтъ (1654—1782).

Просимъ благосклоннаго читателя прежде чтенія книги отмѣтить въ соответствующихъ мѣстахъ тѣ дополненія и поправки, которыя сдѣланы въ концѣ ея, и исправить замѣченныя нами опечатки.

Приложенный къ книгѣ портретъ короля Стефана Баторія считается знатоками лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ (см. *Zr. dz. t. XI*, 1882, предисл. проф. Павинскаго, стр. 10, прим.). О немъ писалъ извѣстный польскій художникъ Александръ Лессеръ въ ст. „*Wizerunki historyczne*“ (*Tygodnik Powszechny*, R. 1884, str. 215).

Въ заключеніе считаемъ долгомъ принести нашу искреннюю благодарность начальнику Варшавскаго главнаго архива древнихъ актовъ и профессору Варшавскаго университета Ѳедору Францевичу Вержбовскому за то любезное содѣйствіе, которое онъ неизмѣнно оказываетъ намъ при нашихъ научныхъ разысканіяхъ.

Авторъ.

Содержаніе.

Стр.

I. Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козаки . 1—158.

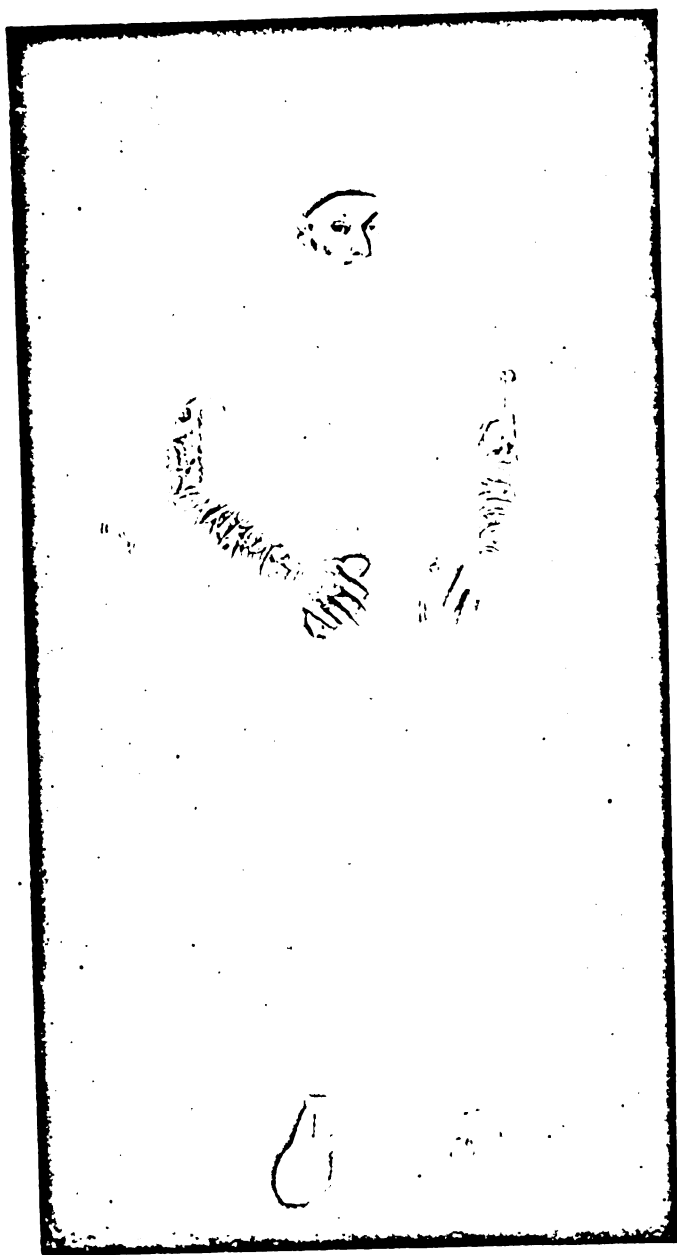
Личность Баторія—1, книжка Красинскаго—5, свиданіе Баторія съ козацкими старшинами—8, характеръ степей—9, севрюки—10, степные шляхи—13, козаки татарскіе и изъ генуэзскихъ колоній Каффы, Солдаи и Чембало—16, составъ Днѣпровскаго козачества—18, зимовки козаковъ—24, возникновеніе среди козаковъ войсковыхъ учреждений—25, статистическія данныя о козакахъ—30, Стефанъ Баторій и Высокая Порта—31, 1576 годъ—34, 1577 годъ—42, дѣло Подковы—45, 1578 годъ—52, пребываніе Стефана Баторія во Львовѣ—58, договоръ съ низовцами о вступленіи на королевскую службу—72, военныя силы Польши—75, набѣгъ Лукьяна Чернинскаго—81, Константинъ Лакуста—82, войны Стефана Баторія съ Москвой—83, 1582 годъ—93, сеймъ съ ⁵/₁₅ октября—97, лѣто 1583 года—100, письма Христофора Зборовскаго—103, казнь Янчи—108, 1584 годъ—111, убійство козаками Георгія Глембоцкаго—112, набѣгъ на Крымъ Орышовскаго—114, Орышовскій въ Кіевѣ—116, обзоръ отношеній Баторія къ козакамъ—117, Хроника Павла Пясецкаго—121, Исторія Самуила Грондскаго—125, „Война домова“ Твардовскаго—128, малороссійскія лѣтописи—131, „Исторія Русовъ“ лже-Конисскаго—142, заблужденія новѣйшихъ историковъ—148.

II. Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій и стихотворный „Плачь“ о немъ неизвѣстнаго по имени автора 1585 года 159—255

Epicedion—161, объясненіе рѣдкихъ словъ—221, послѣсловіе—235.

III. Янъ Орышовскій, запорожскій гетманъ .	256—275.
IV. Экспедиція Самуила Зборовскаго въ Запорожье лѣтомъ 1581 года	276—306.
Текстъ Бартоша Папроцкаго—276, примѣчанія—292, послѣсловіе—299.	
V. Изъ старинной переписки	307—324.
Дѣло Косинскаго—309, Самуиль Кошка—321,	
VI. Дополненія и поправки	325—327.

СТЕФАНЪ БАТОРІЙ, КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ,
опочиває 2/12 декабря 1596 г.

Оъ портрета оъ погребѣ братиоуъ иностранцоуъ на Страдани оъ г. Кривоуъ,
снотого оъ 1593 году.

Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козаци.

Są to jak Sfinksy, te ubiegłe wieki,
Mówią zagadką dziś ciemną dla synów.
Słowacki. „Jan Bielecki“.

..... Янъ-Дмитрій Соликовскій (род. въ 1539 г., ум. въ 1603 г.) былъ горячимъ сторонникомъ Гейнриха Валуа. Когда въ ночь на 18 іюня 1574 года Гейнрихъ внезапно бѣжалъ изъ Кракова во Францію, Соликовскій, по настоянію кувяскаго бискупа Станислава Карниковскаго, поѣхалъ вслѣдъ за нимъ, чтобы уговорить его вернуться. Ничего не добившись отъ нерѣшительнаго короля, возвращается онъ на родину въ надеждѣ, что король одумается и опять явится въ Польшу. Везкорольевъ было уже объявлено, начались хлопоты разныхъ партій о замѣщеніи опустѣваемаго престола, всѣ сторонники французскаго принца давно уже перешли въ другіе лагери, а Карниковскій съ Соликовскимъ все еще признавали Гейнриха Валуа своимъ законнымъ государемъ. Они были послѣдними, бросившими неудачную затѣю замѣщенія польскаго престола отпрыскомъ французскаго королевскаго дома. Причиною такой вѣрности Гейнриху была увѣренность, что онъ—добрый католикъ и что при немъ католическое духовенство вернетъ себѣ все прежнее значеніе, нѣсколько поколебленное распространеніемъ реформаціи.

Успѣхъ кандидатуры Стефана Баторія и окончательный въ-боръ его 14 декабря 1575 г., подъ давленіемъ Турціи и по настоянію Петра Зборовскаго и Яна Замойскаго,¹ смутили Карниковскаго

¹ См. Po ucieczce Henryka. Dzieje bezkrólewia 1574—1575 przez Wincentego Zakrzewskiego. W Krak. 1878, str. 402, 429.

съ Соликовскимъ. Ваторіи слытъ за человека, склоннаго къ реформациі, *1 и оба пріятеля боялись, какъ-бы новый король не привелъ Польшу къ окончательному отпаденію отъ католической церкви. Въ такомъ смущеніи Карниковскій уговорилъ Соликовского тайно отъ всѣхъ поѣхать на встрѣчу ѣхавшему въ Польшу Ваторію и переговорить съ нимъ безъ свидѣтелей, дабы убѣдиться, что онъ за человека и чего намѣренъ держаться въ вопросахъ религіи и церкви. Соликовскій встрѣтилъ Ваторію въ субботу 31 марта 1576 г. въ г. Снятинѣ на границѣ Молдавіи. Несмотря на противодѣйствіе окружавшихъ Ваторію протестантовъ, тайная конференція Ваторіи съ Соликовскимъ состоялась въ тотъ-же день субботній вечеромъ. Двери въ комнату, гдѣ они уединились, были заперты и ихъ охранялъ нѣкій Іеронимъ Филипповскій, польскій шляхтичъ герба Побогъ, почему-о зашедшій въ Седмиградію и долго служившій тамъ у Ваторіи еще до избранія его въ короли. *2 Впечатлѣніе о личности Ваторіи, вынесенное Соликовскимъ послѣ интимной бесѣды съ нимъ,—было самое благопріятное. Оказалось, что, несмотря на широкое распространеніе реформациі въ Трансильваніи, самъ Ваторій оставался католикомъ, что онъ подъ предлогомъ охоты ѣздилъ даже къ одному старому монаху для исповѣди и принятія святого причастія, что онъ выражалъ склонность слѣдовать совѣтамъ Карниковскаго въ вопросахъ спасенія души и въ дѣлахъ охраны и усиленія католической церкви. Изъ предложенныхъ Ваторіемъ вопросовъ объ устройствѣ правительства въ Польшѣ, объ обычаяхъ покойнаго Сигизмунда-Августа и бѣжавшаго Гейнриха, объ установленныхъ въ государствѣ должностяхъ и вообще о политическомъ строеѣ Рѣчи-Посполитой, Соликовскій

*1 „Der Batorius der Römischen religion sey, doch dergestalt, das er der augspurgischer confession nicht ungeneigt.“ Изъ отзыва современника. См. *Materiały do dziejów piśmiennictwa Polskiego*. Zebrał T. Wierzbowski. T. I, Warsz. 1900, str. 210.

*2 О Филипповскомъ—см. *Kronika Polska* Marcina Bielskiego. Изд. 1832 г. въ серіи *Zbiór pisarzy polskich*, cz. 6, t. XVIII, str. 214. Нужно имѣть въ виду, что хроника эта написана сыномъ Мартина Бѣльскаго, Іоаннимъ Бѣльскимъ, современникомъ Стефана Баторіи (род. въ 1540 г., ум. 8 января 1599) и личнымъ свидѣтелемъ многихъ событій его государствованія. Имя отца „Мартина“ служить Іоанну какъ-бы псевдонимомъ. Мы вездѣ эту хронику будемъ называть хроникой Іоанна Бѣльскаго.—См. также Bartosza Paprockiego *Herby rycerstwa polskiego*. Wyd. Turcowskiego, Krak. 1858, str. 232—238.

убѣдился, что Баторій—человѣкъ высокихъ умственныхъ способностей, быстро соображающій, зрѣлый въ сужденіяхъ, опытный въ дѣлахъ и чрезвычайно краснорѣчивый. Мнѣніе Соликовского, какъ политическаго дѣятеля, относившагося къ Баторію съ предубѣжденіемъ, особенно важно для оцѣнки личности короля, и показываетъ, что, несомнѣнно, онъ былъ человѣкомъ выдающагося ума и пригоднымъ къ правленію государствомъ.*1

Не менѣе обаятельное впечатлѣніе произвелъ Баторій при первомъ свиданіи и на другого политическаго противника, на литовскаго вельможу Ивана Ивановича Глѣбовича, каштеляна Мѣнскаго. Въ письмѣ къ каштеляну Виленскому Ивану Ходкевичу отъ 8 мая 1576 года онъ откровенно признается: „Король такъ сильно мнѣ понравился, что мнѣ показалось, будто я давно уже не разговаривалъ съ человѣкомъ, столь мудрымъ. Особенно онъ опытенъ въ военномъ дѣлѣ. О чемъ-бы ни начался разговоръ, онъ сводилъ его постоянно на военные вопросы. Я вижу, что ему не нравятся польскіе члены Рады. Король при мнѣ замѣтилъ:—„Они живутъ только сегодняшнимъ днемъ и не думаютъ о завтрашнемъ, испытаннаго же зла никогда не держатъ въ памяти; они очень чванятся, а между тѣмъ я не вижу въ нихъ необходимыхъ въ ихъ положеніи качествъ; въ ихъ костюмѣ много такого, что хорошо для маскарада, но не годится для военной службы.“*2

Всѣ разговоры съ Соликовскимъ и съ Глѣбовичемъ происходили на латинскомъ языкѣ, которымъ Баторій владѣлъ въ совершенствѣ*3 и которымъ всегда пользовался при отправленіи своихъ королевскихъ обязанностей. На этомъ языкѣ онъ бесѣдовалъ съ сотрудниками по управленію государствомъ и пропозитъ рѣчи на сеймахъ. Слова предлагавшихся королю, но не владѣвшихъ латинскимъ языкомъ, переводилъ обыкновенно над-

*1 См. Jana Dymitra Solikowskiego Krótki pamiętnik rzeszy polskich. Przełożył z łacińskiego... Władysław Syrokomla. Pet. i Moh. 1855, str. 25—30.

*2 См. Acta historica. T. XI. Sprawy wojenne króla Stefana Batorego. Zebrał i wydał X. Ignacy Polkowski. Kraków 1887, str. 83.

*3 Святославъ Оржельскій говоритъ о Баторіи: „Онъ такъ хорошо владѣлъ латинскимъ языкомъ, что развѣ только древніе ораторы могли-бы съ нимъ сравняться.“ См. Bezkrólewia ksiąg ośmiorek przez Świątosiława Orzelskiego. Przełożył Wł. Spasowicz. T. III, Pet. i Moh. 1856, str. 195.

юрий маршалъ, или другой придворный чинъ, отвѣты же король давалъ только по-латыни; затѣмъ они передавались по назначенію переводчикомъ.*¹ Даже съ своей супругой королевой Анной, не владѣвшей латинскимъ языкомъ, Баторій разговаривалъ черезъ переводчика. Это обстоятельство отмѣчено составителемъ дневника сейма 1585 года: „*powiedział trochę król u królowej rozmawiając z nią interprecie ochmistra*“ (=переводчикомъ былъ гофмейстеръ).*² Только въ опочивальнѣ, въ походахъ, да на охотѣ могъ онъ употреблять въ обращеніи съ домохозяевами и слугами изъ вонгровъ родной мадыарскій языкъ. По-польски Баторій никогда не выучился говорить, хотя, быть можетъ, и понималъ къ концу государственнаго отдѣльнаго фразы и слова. Тѣмъ болѣе, конечно, не стремился онъ овладѣть тѣмъ западно-русскимъ языкомъ, на которомъ тогда говорили и писали въ предѣлахъ бывшаго великаго княжества Литовскаго и на которомъ работала королевская канцелярія по литовскимъ дѣламъ. Политическій врагъ Баторія и Замойскаго Бартошъ Папроцкій сохранилъ намъ ту фразу, которою король Стефанъ оправдывалъ свое неумѣнье говорить по-польски: „*non docet regem reitacum esse*“ т. е. не подобаетъ королю быть попугаемъ;*³ иными словами Баторій говорилъ: „Поляки знали, выбирая меня, что получаютъ въ короля иноземца, не владѣющаго нѣхъ рѣчью; къ чему же на литомъ десяткѣ лѣтъ, будучи уже королемъ, стану я, какъ попугай, съ чужого голоса затверживать звуки труднаго мнѣ языка?“

* * *

Человѣкъ такого широкаго ума, какимъ обладалъ Баторій, не могъ, конечно, съ первыхъ же дней государственнаго не обрѣтѣ вниманія на столь любопытное явленіе народной жизни, какимъ былъ козацкій промыселъ—„козацтво“ въ юго-восточныхъ погра-

*¹ Напр., когда Баторій держалъ рѣчь къ Полоцкой шляхтѣ, переподдалъ ее литовскій писарь Агриппа, причемъ случилось, что онъ придалъ словамъ короля иной смыслъ. См. Jan Plotrowski. *Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków*. Wyd. A. Czuczynski. W Krak. 1891, str. 24.

*² См. *Dziaryszkie sejmowe z roku 1585*. Wyd. A. Czuczynski. W Krak. 1901, str. 2.

*³ См. Bartosza Paprockiego. *Dwie broszury polityczne z lat 1597 i 1598*. Wyd. Jan Czubok. Krak. 1900, str. 10.

ичныхъ областяхъ Рѣчи-Посполитой. Въ литовскомъ архивѣ были уже нѣкоторые официальные данныя для знакомства съ этимъ явленіемъ, какъ, напримѣръ, уставная грамота великаго князя Александра отъ 14 мая 1499 г. Кіевскому войту и мѣщанамъ о воеводскихъ доходахъ, какъ люстраціи замковъ Кіевского, Каневского, Черкаскаго и Винницкаго 1552 г. и т. д.; но архивъ этотъ на первыхъ порахъ былъ не доступенъ Баторію по отдаленности Вильны, да кромѣ того какъ человѣкъ жнзнн, а не науки, какъ воинъ, а не кабинетный правитель, онъ и не былъ подготовленъ къ наведенію архивныхъ справокъ.*¹ Къ тому же ему все равно непонятны были-бы бумаги, написанныя по западно-русски. Тѣмъ же по мнѣнію первыхъ свидѣній о козакахъ Баторіи по всей вѣроятности почерпнулъ не изъ устъ своихъ совѣтниковъ, а изъ книги, составленной съ цѣлью ознакомленія съ Польшею его предшественника Гейнриха Валуа и написанной на доступномъ ему латинскомъ языкѣ. Мы имѣемъ въ виду сочиненіе Яна Красинскаго:² „*Ioannis Crassinii Polonia. Ad Serenissimum et Potentissimum Henricum Primum Valesium, Dei gratia utriusque Poloniae regem. Bononiae apud Peregrinum Bonardum; venia ab superioribus concessa. 1574.*“³ Книжечка эта, очень маленькаго формата (12°), изящно надана на прекрасной бѣлой бумагѣ и имѣетъ 147 нумерованныхъ листковъ, заключающихъ въ себѣ по двѣ страницы; такимъ обра-

*¹ Въ государствствованіе Баторіи бывали случаи, когда обращались къ архивнымъ документамъ. Когда королевскаго коморника Бернарда Шидловскаго послали въ 1579 г. осмотрѣть Кіевъ, то въ инструкціи, выданной въ Гроднѣ 20 февраля, ему поручалось провѣрить въ присутствіи Кіевского воеводы, ротмистра и хорунжаго наличность огнестрѣльнаго оружія, пороха и боевыхъ припасовъ, сданныхъ Кіевскому городничему и мѣщанамъ „*przez komisarzy króla Jmóści nieboższczyka Zygmunta Augusta świętej pamięci, wodźkę inwentarza uczynionego, którego kupię z skarbu koronnego za pięćsetną skarbni mieć będzie.*“ См. *Acta historica*, t. XI, *Sprawy wojenne etc.*, str. 155.

*² Авторъ—Красинскій, при Баторіи королевскій секретарь, род. въ 1550 г., ум. въ 1612 г.

*³ Одинъ изъ пяти сохранившихся экземпляровъ этой книжечки принадлежитъ библиотекѣ Университета св. Владимира въ Кіевѣ. Имъ мы и пользовались. См. *Theodorus Wierzbowski. Bibliographia Polonica XV ac XVI ss. Vol. II, Var. 1891, pag. 134, № 1496.*—Что Баторіи любилъ читать книги географическаго содержанія, видно изъ расходной статьи 1576 г.: „*Bibliopolae Cracov. Zacheo Krásner, pro duobus libris, in quibus civitates depictae sunt, ad cameram S. Mti R. per manus Piekarski percepti, dati tal. 26, per gr. 84 facit tal. 29—14 (= 39 р. 49 коп.).*“ См. *Żr. dz. t. IX, A, str. 80.*

зомъ въ цѣлой книжкѣ 294 страницы. Не существовало въ то время лучшаго руководства для благого знакомства съ Польшею и не будетъ, кажется, ошибкою думать, что Ваторій пречелъ его, принимаясь за дѣло правленія польскимъ государствомъ. Раскрывъ книжку на оборотѣ 78 листка, Ваторій могъ найти у Красинскаго слѣдующія строки: „Послѣдній родъ конницы составляютъ козаки, которые легко переносятъ холодъ, голодъ и тягости всякаго рода. Вооружены они очень легко, совершенно такъ, какъ татары. Коня у нихъ очень подвижныя и пригодныя для мелкихъ стычекъ. Съда устроены такъ, что на нихъ легко поворачиваться на всѣ стороны и стрѣлять изъ лука. Въ сраженіяхъ они пользуются больше всего лукомъ, поражая непріятельскихъ всадниковъ и ихъ коней дождемъ стрѣлъ. Они снабжены также саблями восточнаго образца и короткими копьями. Въ непріятельской странѣ они двигаются чрезвычайно быстро, уничтожая все огнемъ и мечомъ. Быстротою движеній обезпечиваются безопасность воина и побѣда надъ врагомъ. Постоянно пребывая въ обширныхъ подольскихъ степяхъ, гдѣ они ведутъ непрерывную войну съ Крымскими татарами, козаки возятъ съ собою въ сѣдельныхъ выюкахъ всѣ любимыя съѣстные припасы, какъ-то: хлѣбъ, соленую свинину и соль, смѣшанную съ перцемъ. Каждый кромѣ того имѣетъ при себѣ топоръ и трутъ, дабы въ случаѣ удачной охоты на зѣбры, котораго множество водится въ посѣщаемыхъ козаками безлюдныхъ пустыняхъ, имѣть возможность тотчасъ разнести огонь и сжарить добычу, приправивъ ее солью и перцемъ.“ *1

*1 „Postremum equestris militiae genus, Cosachorum vulgo appellatum, frigoris, inediae, laborisque patientissimum est. Cosaci ad instar fere Tartarorum levissime omnium armantur. Equos perniciosissimos habent, et exercendis minutis praeliis aptissimos. Ehippia equorum in eum usum accomodata, ut se in omnes partes nullo negotio vortere, arcumque stringere queant. Arcubus potissimum pagnam ineunt, et frequentissimo sagittarum imbre viros, et equos simul conficiunt. Acinacibus Seythiolois accinguntur. Hastas quoque breves habent. Magna istorum inimicas aggrediuntur regiones, ferro, et flamma omnia miscentes, itinera faciunt. In celeritate, et salus exercitus, et vincendi tota spes collocatur. Deferunt secum in vastis Podoliae solitudinibus, in quibus cum Tauricanis Tartaris continenter bellum gerunt, in sacculis quibusdam panem, carnem suillam salsam, sal mixtam pipere. Praeterea unusquisque habet securim, fomitem; ut si quando feram, quarum in illis destitutis habitatoribus campis ingens est copia, conficere contigerit; tum ignem excutiant, et conditam sale, pipereque, praedam coquant.“

Воинственный дух Баторія долженъ былъ ликовать, узнавая, что въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой живутъ такіе закаленные воины и при чтеніи онъ, вѣроятно, мечталъ уже воспользоваться ими для своихъ военныхъ цѣлей. Въ самомъ Баторіи было много козацкаго: онъ не боялся спать на голой землѣ, въ походахъ не имѣлъ при себѣ кухни, а довольствовался какимъ-нибудь жаренымъ каплуномъ или кускомъ ветчины, которые находилъ въ дорожной сумкѣ, да и тѣмъ дѣлился съ лицами свиты, самъ отрѣзывая имъ ломти изъ своего запаса.*¹ А вотъ картинка изъ похода Баторія подъ Псковъ въ 1581 г. со словъ очевидца: „Король быстро двигается въ коляскѣ, съ нимъ только нѣсколько придворныхъ, да обозный и подскарбій; на ночь ему только палатка, а въ ней ни лавки, ни столика; въ полдень подкрѣпляется онъ ѣдою въ шалашѣ изъ вѣтокъ; сидѣнье ему дѣлаютъ, вбпвая въ землю нѣсколько разохватаыхъ колокъ и укладывая на нихъ перекладинки; такимъ же способомъ устраиваютъ и столикъ. О постелѣ или пологѣ и не спрашивай. Если король съ дороги захочетъ поспѣ объѣда заснуть или отдохнуть, то насѣкутъ мелко березовыхъ вѣтокъ съ листьемъ, разстелютъ по землѣ вмѣсто матраца и вотъ на эти вѣтки ложится король и спитъ, какъ въ самой лучшей опочпвалыиъ.“*²

Въ скоромъ времени по пріѣздѣ въ Польшу Баторіи и лично увидѣлъ представителей Днѣпровскаго козачества.

Пасха въ 1576 году, и католическая, и православная, — праздновалась въ Польшѣ 22 апрѣля, такъ какъ новый стиль не былъ еще введенъ. Въѣздъ Баторія въ Краковъ назначенъ былъ на 18 апрѣля, въ страстную среду, но желаніе отдаться въ страстные дни всецѣло исполненію религіозныхъ обязанностей задержало его въ Могильскомъ клишторѣ подъ Краковомъ и только на второй день Пасхи, 23 апрѣля, онъ торжественно вступилъ въ столицу. Во вторникъ на Троицкой недѣлѣ, 1-го мая, состоялся коронація и бракосочетаніе короля съ престарѣлой королевной Анной (род. въ 1522 г.)*³. Весь май длился коронаціонный сеймъ (conventus co-

*¹ См. *Pisma polityczne ks. Józefa Wereszcyńskiego*. Wyd. Turowskiego. Krak. 1854, str. 115.

*² См. X. Jan Piotrowski. *Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków*. Wydał A. Szuszyński. W Krak. 1894, str. 36.

*³ См. *Acta historica*. T. XI. *Sprawy wojenne etc.* № XXI, str. 80—81. — *Bezkrólewia ksiąg ośmioro...* Świętosława Orzelskiego. Przełożył z rękopismów... Włódz. Spasowicz. T. III, Pet. i Moh. 1856, str. 192 i nast.

nationis) и король оставался въ Краковѣ для устройства государственныхъ дѣлъ. Здѣсь въ концѣ мая представлялись ему старшины Днѣпровскихъ козаковъ Иванъ Стерный, Федоръ Захвостый, Денисъ Пехогеній и Маркъ Винницкій. Содержаніе рѣчей, какія могли произносить козаки, нигдѣ не записано, равно не знаемъ мы и отвѣтовъ Баторія. Конечно, разговоръ велся черезъ переводчика. Струская козацкихъ старшинъ, король приказалъ выдать каждому по 15 флориновъ (=20 рублей) деньгами и по 6 аршинъ ліонскаго сукна, стоимостью по 24 гроша за аршинъ (24 гроша=1 р. 8 коп.)^{*1}.

* * *

Въ моментъ пріѣзда Стефана Баторія въ Польшу пограничными городами Рѣчи-Посполитої на юго-востокѣ со стороны стовой были: Остеръ, Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Вѣлан-Церковь, Брацлавъ и Винница.^{*2} При немъ построены были укрѣпленные замки на старыхъ городищахъ въ Васильковѣ,^{*3} Корсуни^{*4} и Переславѣ.^{*5} Во второй линіи отъ границы лежали городки: Баръ и Хмельникъ.

*1 См. Źródła dziejowe (Иавинскаго), t. IX. A, str. 80; t. VIII. str. 457.

*2 Въ 1576 г. посланъ былъ нѣккіи Варооломеи Банациллі ad castra finiti-
na Kłow, Ozerkasku, Białocerkłow, Kanłow, Bracław. Winnicza et ad Boristenos
(—днѣпровскіе козаки). См. Źr. dz. t. IX. A, str. 63. По-польски погранич-
ные города назывались *miasta* или *zamki ukrainne*: „Margo enim polonice Kray;
inde Ukraina, quasi Provincia ad fines Regni posita, antiquitus quidem inhabita-
ta, sed postmodum multis Civitatibus ac pagis aucta“ (объясненіе писателя XVII
вѣка Грондекаго). См. Historia belli cosaco-polonici, authore Samuele Grondski-
Pest. 1789, p. 19.

*3 См. грамоту короля Стефана, разрѣшающую Кієво-Печерскому архимандриту Мелетію Хребтовичу построить замокъ и основать городъ на старомъ городищѣ Василевѣ на р. Стугнѣ, отъ 28 марта 1586 г. Сборн. матер. для истор. топогр. Кієва, 1874, отд. III, ст. 48—50, № 28; или Акты, относ. къ ист. Зап. Р. т. III, стр. 309.

*4 „Korsun—civitas noviter locata a Stephano primo, Rege Poloniae, cum munitione firma ad flumen Ros in ipso transitu Scytharum (= татаръ) seu Szlak Czarny. Et pollicentur Regi praesides illius loci, quod non amplius Scythae possunt transire impune per Czarny Szlak. Fuisse etiam olim ibi arcem nobilioris testantur muri vetustate neglecti.“ См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1586, подъ словомъ *Korsun*.

*5 См. грамоту Стефана Баторія кн. Острожскому на право возоб-
новленія Переяслава отъ 6 марта 1586 г. въ Арх. юго-зап. Рос. ч. VII, т. III
(невыпущенный въ свѣтъ), прилож. № XVI, стр. 285.

Дальше за этими линиями укрѣпленій тянулось до самаго Чернаго моря безлюдныя степныя пространства, такъ называемыя Дикія Поля, захватывавшія собою нынѣшнія губерніи Полтавскую, Екатеринославскую и Херсонскую съ южными частями Черниговской, Кіевской и Подольской. Ихъ прорѣзывали многочисленныя степныя балки и рѣчки, сливавшія потомъ свои воды съ водами Буга, Ингула и Днѣпра, или впадавшія непосредственно въ море, какъ Куяльникъ или Тилигуль. Всѣ эти воды были немовѣрно богаты рыбою.

Глухо и мертво было въ этихъ пустынныхъ степяхъ зимою. Свободно гулялъ тамъ вѣтеръ, принося иногда съ собою страшныя мотолы и вьюги. Степные медвѣди (*ursi campestris*) мирно спали въ своихъ берлогахъ. Бобры, заготовивъ съ лѣта съѣстные припасы на зиму, отдыхали въ искусно построенныхъ хижинахъ, называвшихся „гонами,“ и группировавшихся въ цѣлыя поселенія, которыя на тогдашнемъ языкѣ именовались „жеремьями.“^{*1} Уныло бродили по степямъ въ поискахъ корма стада зубровъ (*bisontes*), лосей (*alces*), оленей (*cervi*), антилопъ, дикихъ—козъ (*capri*), овецъ (*ovis sylvestris*), свиней (*apri*) и лошадей (*equi sylvestres*). Иногда зимы бывали такъ суровы, что эти животныя во множествѣ погибали въ глубокихъ снѣгахъ отъ голода и жажды и тогда въ степяхъ находили огромныя груды ихъ костей.^{*2} Только хитрые волки да лисы рады были безъ труда находить легкую добычу въ ослабѣвшихъ отъ безкорыпцы животныихъ и ихъ трупахъ.

^{*1} См. о бобровыхъ гонахъ по Днѣпру, Росн. Удаю и другимъ рѣчкамъ въ описаніяхъ замковъ 1552 г. Арх. юго-зап. Рос. ч. VII, т. I, стр. 86, 112—113.

^{*2} „Ille campus quinquaginta vel amplius milliaribus bene emensis, sex vel septem dierum vel dietarum, ut illi computant, expedito viatori iter acceleranti Bratislavia Oczakoviam usque constat. Feras, *bisontes*, *alces*, *equos*, *cerros*, *arictes*, qui unicum tantum cornu habent, *capros*, *apros*, *ursum campestris* habet. Et si a decennio, vel paulo amplius, hiemis asperitate, niviumque magnitudine, fame ac siti plurimae admodum enocatae fulsae dicuntur, earumque in *campis ingentes ossium acervi reperiuntur.*“ Описание очевидца изъ книги Мартина Броневскаго: „Martini Broniewi de Biezsafodea, bis in Tartariam nomine Stophani Primi Poloniae regis legati, Tartariae descriptio.“ Coloniae Agrippinae 1595. Стр. 2. Мы пользовались экземпляромъ этого рѣдчайшаго изданія, принадлежащимъ библиотекѣ Варшавскаго Университета. Русскій переводъ сочиненія Броневскаго напечатанъ въ „Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей,“ т. VI, Од. 1867, стр. 333—367.

гдѣ не курился дымокъ человѣческаго жилья.⁴¹ Исключеніе сдѣлала только мѣстность бывшей Переяславской волости; тамъ нисколько нѣтъ по лѣснымъ полянамъ и затерявшимся среди ютъ островамъ рѣдкіе остатки стараго сѣверянскаго и торкскаго жилища подъ именемъ севрюновъ (севрюкъ—сѣверукъ, сѣверянъ).⁴² Упоминанія о нихъ въ источникахъ очень скудны.

Въ апрѣлѣ 1493 г. Менгли-Герай послалъ къ Іоанну III новгородскому слугу своего татарина Яныша. Ханъ приказалъ ему провождать войско ханскаго сына Ахмедъ-Герая, отправлявшася въ Литовскую землю, чтобы опъ, лично увидѣвши, какъ легко Ахмедъ-Герая грабить и разорять Литовскую землю, могъ въ этомъ разсказать великому князю Московскому. Затѣмъ онъ приказалъ Янышу, отдѣлившись отъ Ахмедъ-Герая, не входить въ Русскую землю, которою, какъ видно изъ словоупотребленія Менгли-Гераевыхъ грамотъ, называлась мѣстность бывшаго Переяславскаго княженія—Днѣпровское Лѣвобережье, а отклониться бо. къ востоку и идти „полямъ“ т. е. совершенно уже безлюдною степью. Мотивъ этого приказанія изложенъ такъ: „Коли въ Рускую землю войдутъ, къ тобѣ къ брату моему не дойдутъ отъ

⁴¹ „Reperiuntur in vastis Podollae solitudinibus, *Simontes, Alcea, et equi sylvestres*, quorum frequentissimi greges, cum noctu ad aquas potandi causa conveniunt, vel maximos exercitus, quos ibi Rex adversus continuas Tauricanorum Tartarorum praedationes alit, falsa hostilium copiarum imagine decipiunt. Sunt et circa rithanem *ores sylvestres*, capreolorum staturam non excedentes, curtioribus non peditibus, perniciosissimi cursus et altissimorum saltuum. Cornua in altum recta, quibusdam circulis notata conspiciuntur: ex quibus Roxolani transparentium cultellorum manubria elaborant. Universa haec Podollae provincia, multis nobis irrigatur fluminibus; lacus piscosissimos habet; ubertate agrorum omnes totius Europae regiones superat; nemoribus sparsim ornatus amoenissimis. Qua tamen rithanem respicit, magna ex parte habitatoribus caret; ita ut accusanda sit nostrorum nimium negligentia, qui eos sinunt immanibus feris patere campos, ex quibus homines ingenio, ac industria praediti, magnos, et uberos fructus percipere possent.“ *Annae Crassini Poloniae* f. 112—113. Дикія ошны (ovcs sylvestres)—видъ антилопы; мѣстные жители называли ихъ сайгаками или сугаками; отсюда и ученое названіе ихъ *antilope nigris*. Описаніе сайгаковъ у Красинскаго почти дословно повторяетъ описаніе Герберштейна: „In desertis campis circa Borysthemum, Tanaim et Rha, est ovīs sylvestris, quam Poloni Solhac, Mosci Seigack pehac, magnitudinis capreae, brevioribus tamen pedibus; cornua in altum recta, quibusdam circulis notata, ex quibus Mosci manubria cultellorum transparentia faciunt: velocissimi cursus, et altissimorum saltuum.“ См. *Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstein*, Basileae 1556, p. 113, A. По вопросу о животномъ царствѣ восточно-европейской равнины XV и XVI в. см. соч. Замисловскаго: Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Спб. 1884, стр. 254—310.

⁴² См. напр. Очерки Переяславской старины, Кіевъ 1900, стр. 48 и 197.

севрюковъ." Затѣмъ объясняется, что, по словамъ знатоковъ края, севрюки—люди кожные („ѣжжальные“) т. е. способные догнать и захватить въ плѣнъ ханскихъ посланцовъ.*1

Въ январѣ 1518 г. посланцы великаго князя Василія Ивановича Московскаго Девлетъ-Келдей, Кудояръ и Неболса Кобыковъ писали своему государю изъ Путивля: „По грѣхомъ... по нашимъ ложимъ и нымъ въ Путивль, а итти... не мощно: какъ есми... прѣехали въ Путивль, и мы... ѣздили дороги отвѣдывать; и мы... день ѣхали, а пяти версть... не могли перебитися; снѣгъ... доброму коню по тебенекъ;*2 сверху серень,*3 а на исподи ледъ толща перста. И мы... послѣ того недѣлю лежали, а ждали есми... севрюковъ съ поля, чтобы... намъ тою дорогою итти; и севрюки... съ поля пришли на нартахъ,*4 а кони... и съ санми пометали на полѣ съ своимъ вощинахъ, а итти... было имъ, сказываютъ, на конехъ не мощно.“*5 Мѣстность, откуда прибыли севрюки,—берега р. Сулы. Другіе послы великаго князя бояринъ Иванъ Григорьевичъ Мамоновъ и середній челоуѣкъ Илья Челищевъ въ

*1 См. Сборникъ Импер. Рус. Ист. Общ. т. 41. Спб. 1884. Памятники дипломатическихъ сношеній Моск. гос. съ Крым. и Ногай. ордями и съ Турціей, т. I, стр. 189.

*2 *Тебенекъ*—четыреугольный отрѣзокъ кожи, привѣшенный у сѣдла, для защиты ноги отъ тренія о стременную ремень. См. Саввантовъ. Описание старинныхъ русскихъ утварей и проч. Спб. 1896, стр. 144.

*3 *Серень*—тонкій, рыхлый снѣгъ, въ который грузнуть ноги людей и лошадей.

*4 Въ настоящее время *нартою* (им. нарта) называются сибирскія сандаки, въ которыхъ ѣздятъ на собакахъ или на оленяхъ. Нарты, возимыя собаками, длиннѣе возимыхъ оленями, но послѣднія ниже. Въ нашемъ текстѣ *нартами*, вѣроятно, называются *лыжи*. *Пришли на нартахъ*—пришли на лыжахъ. Въ описаніи Остерскаго замка 1552 года (Архивъ Юго-Запади. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 592—598) есть такой пунктъ: „*Порошизна*. Коли *серень*, тогда тежъ повинни [бояре, мещане и воложане] ходитъ старосте на зѣръ день одинъ (на) *нарматахъ*. Кгды нейдуть у лови, откупаючи отъ того, даютъ старосте порошизни 3 кони грошей, складаючи вси.“ Охота пріурочивалась къ тому дню, когда снѣгъ былъ топкимъ, рыхлымъ (*серень*), вѣроятно, на томъ основаніи, что крупицы зѣри, на которыхъ тогда охотились, напр. зубры, лоси и олени, не могли въ такую пору быстро убѣгать отъ охотниковъ и легко дѣлались ихъ добычею. *На нарматахъ*, какъ видно, и здѣсь—на лыжахъ. См. Z. Gloger, Encyklopedja staro-polska. T. III, 1902, str. 255, a v. *narty*—łyżwy drewniane.

*5 См. Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ. т. 95, Спб. 1895. Памятники диплом. Моск. гос. съ Крым., Ногайскими и Турціей. т. II, стр. 89.

нихъ доносеніяхъ подробнѣе обозначаютъ дорогу, по которой основныя послы и гонцы ѣздили въ Крымъ, пользуясь указаніями кочевниковъ, какъ мѣстныхъ жителей.

Мамоновъ въ январѣ 1516 года писалъ:

„Какъ вышолъ изъ Путивля, да Сулу перешодъ, пошли по сушью межъ Сулы и Псла къ устью ко Пселскому, а захотѣли... [и ширъ лѣзти на усть Псла]...“¹

Илья Челищевъ въ январѣ слѣдующаго 1517 года писалъ:

„Пришолъ есмь... въ Путивль въ первое воскресенье по Крестовъ Христовъ, изъ Путимля... есмь пошелъ на поле въ недѣлю а Ооонасьевъ день (18 января), а подъячаго есмь, государь, твоего Коростку Оноерьева отпустилъ къ тебѣ ко государю нанань Ооонасьева дня въ понедѣльникъ съ пераго стану съ Рышова, а мы есмь... пошелъ пробродомъ до Сулы, что севрюки шли въ Явьеры. А отъ Сулы... сказываютъ, до Псла снѣги волпки, а за Псомъ... снѣги, сказываютъ, малы. А Сула мнѣ... лѣзть, ожъ дастъ Богъ, во Лепетцкіе волости, а отъ Лепетцкіе волости... ожъ дастъ Богъ, итти мнѣ къ усть-Полу, къ Нѣпру.“²

Изъ этихъ извѣстій ясно, что „вотчинны“ севрюковъ ложили въ предѣлахъ нынѣшней Полтавской губерніи въ бассейнахъ рѣкъ Сулы и Псла...

Но возвратимся къ нашему сюжету.

Вотъ дохнуло весною... Степи оживали и покрывались обильною растительностью. Травоядные звѣри быстро оправлялись на обильныхъ кормахъ. Лѣса, перелѣски и заросли, которыхъ по малу разбросано было въ степяхъ вдоль рѣчекъ и балокъ, звучали голосами возвращавшихся съ юга птицъ. Стопы облокались той красотой, которую такъ вдохновенно воспѣлъ Гоголь въ знаменитомъ лирическомъ отступленіи козацкой эпопеи о Тарасѣ Бульбѣ: „Стопы, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе“....

Съ весною появлялись въ степяхъ и люди. Въ эпоху Стефана Баторія они принадлежали къ тремъ группамъ.

Первую группу составляли татары скотоводы, которые съ наступленіемъ весны въ апрѣлѣ мѣсяцѣ забирали съ собою на арбы женъ, дѣтей, рабовъ и весь свой домашній скръь, и гнали

¹ См. тамъ-же, т. II, стр. 225.

² См. тамъ-же, т. II, стр. 425—426.

пъ своихъ Крымскихъ улусовъ въ степи на лѣтнія пастбища огромныя стада верблюдовъ, лошадей, овецъ и рогатаго скота *1.

Второй группой были „солнники“, *2 а затѣмъ—отчасти турецкіе и татарскіе, но преимущественно армянскіе купцы, которые составляли караваны (сагабанос) и передвигали восточные товары въ предѣлы Польши, Литвы и Москвы, чтобы запасться тамъ товарами сѣверными, главнымъ образомъ—мѣхами. Двигались они по вѣковѣчнымъ дорогамъ, пролегавшимъ въ степяхъ и называвшимся по-татарски: „шляхами.“ Южнорусскіе степные шляхи были впервые измѣрены и описаны, по порученію Стефана Баторія, каштеляномъ Львовскимъ Яномъ Сѣвинскимъ и современники воздавали ему за это большія похвалы, считая его трудъ не только полезнымъ, но и благочестивымъ, *3 такъ какъ, благодаря знаком-

*1 См. рус. пер. М. Броневскаго, стр. 837—838.

*2 „Солнниками“ называли людей, которые ѣздили въ Крымъ за солью. Бартошъ Папроцкій говоритъ объ одномъ степномъ урочищѣ („подъ дорогами гай“) „что здѣсь „zapadaję Tatarowie, strzegę na solniki z wazech stron. I nasky także, kto kogo ubieży.“ См. Herby etc. Wyd. Turowskiego, 1858, str. 221.

*3 „Et certe si quid laude dignum praestitit Magnificus vir Joannes Stenienius in hac lustratione, istud sane, quod hęc itinera accurate descripsit et depinxit numero milliarium adjecto, non modo utile, sed etiam valde piū opus perfact.“ См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1686, подъ словомъ *Szlak*. Цитата по экземпляру Варшавской унив. библиотеки. Матеріалъ для этого сочиненія собранъ Львовскимъ каштеляномъ Яномъ Сѣвинскимъ, литературная обработка дана ему Станиславомъ Сарницкимъ. Изъ предисловія, написаннаго Сѣвинскимъ, видно, что онъ обстоятельно изучилъ южно-русскія степи. Приводимъ здѣсь это предисловіе, обращенное къ королю Стефану Баторію, цѣлкомъ:

„Sacra ac serenissima Regia M. D. domine clementissime! Quemadmodum à M. vestra Regia delectus ac destinatus fui, ut nitum inferioris Rusiae cunctaque campentria desolata perlustrarem et reciderem, id sedulo praestiti et feci. De qua re complura cum Maiestate vestra et verbis et scriptis egi, monstravique omnia quae videbantur ad hoc propositum pertinere. Nunc verò ut magis promererer novis obsequiis, gratiam M. vestrae Regiae, curavi (sumptibus non parcens) ut haec in pleniore forma luculentius artificiosiusque traderentur, adhibita arte Geographica, et praecipitis, quae à literatis hac in parte observari solent, ut etiam ab eruditissimis in aliis Regnis cum celebritate et laude Maiestatis vestrae legi possint. Cumque ipse occupatus essem alijs negocijs arduis, unus sum ea in re opera eruditissimi et doctissimi viri generosi domini Stanislaus Sarnecki, amici mei non vulgaris, qui etiam notus est M. vestrae. Nam cum aliquot vicibus, libris in lucem editis, nomen et victorias M. vestrae ut par erat celebrasset, M. vestra Regia eum pro cliente suo accepit, ei que se benignissimum fore patronum declaravit, promissa ei gratia Regia, ut ex diplomate ei tradito liquet. Hic ergo, lustrations

ству съ его описаніемъ, многимъ удавалось найти надлежащую дорогу въ отечество въ случаѣ удачнаго побѣга изъ татарскаго плѣна. Важнѣйшихъ шляховъ было четыре: одинъ шляхъ шелъ вдоль берега Чернаго моря изъ Вѣлгорода (Анкермана) въ Очаковъ; другой шляхъ назывался Кучманскимъ и шелъ отъ Очакова на Саврань, а затѣмъ по водораздѣлу Буга и Днѣстра черезъ Брацлавъ и Шаравку къ Львову; третій шляхъ, Черный, шелъ отъ Перекопа черезъ устье Днѣпра къ верховьямъ Ингула и оттуда мимо Черкасъ и Канева черезъ Вѣлую-Церковь къ Кіеву; четвертый шляхъ, Муравскій, начинался также отъ Перекопа и шелъ параллельно Днѣпру до Самарской переправы, а затѣмъ далѣе по водораздѣлу Дона и Днѣпра къ Тулѣ и Москвѣ. Эти главные шляхи имѣли развѣтвленія. Такъ, напримѣръ, отъ Чернаго шляха въ верховьяхъ Ингула отдѣлился шляхъ, который вель къ переправѣ черезъ Днѣпръ противъ устья Псла, затѣмъ по водораздѣлу Сулы и Хороба въ предѣлы Московскаго государства къ Путивлю (позднѣйшій Ромоданъ). Съ теченіемъ времени пути эти становились все болѣе опасными отъ разбойничавшихъ на нихъ русскихъ и татарскихъ козаковъ, а вслѣдствіе этого торговли съ Востокомъ сохраняла все менѣе и менѣе оживленія.*1

Послѣдней, третьей, группой людей, появлявшихся въ степяхъ съ наступленіемъ весны, были промышленники, называвшіеся по-татарски: „козаками“. Они въ свою очередь распадались на двѣ подгруппы: къ первой принадлежали козаки татарскіе, ко второй—

meae typo accepto effecit, ut non modo Russiae, sed etiam totius regni Maiestatis vestrae situs, hoc est Poloniae, Lituaniae, Prussiae, Livoniae, et quae paucis ante annis de Moscho M. vestra recuperavit, exactè describeretur: ut uno quasi intuitu veluti in tabella à legentibus cerni possit: quam operam spero gratam futuram M. vestrae, et Reipub. non inutilem, praesertim cum à nemine hactenus istud argumentum hoc pacto tractatum sit. Certè praecipuos olim Reges et Imperatores eius modi studijs mirificè delectatos fuisse, ac sumptus ad ea promovenda liberalissimè suppeditasse ex historlis constat. Cumque Regia M. tua, haud postremum inter laudatos Reges locum obtineat, non dubium est, eam quoque pro sua ingenita clementia declaraturam, sibi hunc honestum conatum non displicere, neque in liberalibus studiis promovendis sumptibus parcere. Datum Warsaviae primo Calendae Mar. 1585. Sacrae ac Serenissimae Regiae M. vestrae Fidelis subditus *Joannes Sienicinus C. L.*

*1 См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словами *Diatogrol a Szlak*. О караванахъ—см. Арх. юго-зап. Рос. ч. VII, т. 1, стр. 82-83, 96, 112, 595.

козаки изъ разныхъ областей Рѣчи-Посполитой. Въ зависимости отъ того, гдѣ промышляли послѣдніе, они назывались днѣпровскими, запорожскими, нязовыми, рѣчными;⁴¹ иногда ихъ называли по укрѣпленію, служившему имъ центромъ,—сѣчевыми, или, по именамъ ближайшихъ городовъ, въ которые они укрывались на зиму,—Кіевскими, Каневскими, Черкасскими, Винническими, Брацлавскими и т. д.⁴²

* * *

Козацкій промыселъ, возникшій первоначально у приволжскихъ татаръ, особенно развился среди татаръ, поселившихся въ Крыму. Если ордынецъ порывалъ связь съ ордою, бросалъ мирную пастушескую жизнь, одинъ или въ сообществѣ подобныхъ ему удалцовъ углублялся въ степи, ловилъ тамъ рыбу, охотился на звѣрей, грабилъ купеческіе караваны, пробирался въ Русь и Польшу для захвата плѣнныхъ, которые потомъ или служили ему рабами, или выгодно продавались на невольничьихъ рынкахъ, то такой вольный, независимый человѣкъ, покатель приключеній, бродяга и раз-

⁴¹ Наиболѣе употребительно въ латинскихъ документахъ названіе: *Boristenes*, *Boristenis kozaki*, *Milites Boristenis*. Иногда въ названіи Днѣпра послѣ *i* пишется *h*: *Boristhenes*, *Boristhenis*. Очень употребительно названіе *Nisovii*. Стефанъ Баторій адресуетъ свои письма отъ 27 іюля 1578 г. и отъ 6 апрѣля 1579 г.: „Motojscom Zaporożnym.“ Въ документѣ 1581 г. написано: „Registr Kozaków nżowych, zaporożkich i rżecznych“.... Значеніе термина *рѣчки*=*гзeczki* лучше всего выясняется изъ письма бискупа Іосифа Верещинскаго къ Станиславу Жолкѣвскому отъ 7 апрѣля 1594 г. Верещинскому было поручено со стороны Жолкѣвскаго набрать козацкій отрядъ въ 500 человѣкъ для службы королю и Рѣчи-Посполитой. Онъ требуетъ отъ Жолкѣвскаго нѣкоторыхъ разъясненій и проситъ отыѣчать ему какъ можно скорѣе, чтобы подходящіе для службы люди не ушли *ю rżeczki i ю zaporohy*—на рѣчки и за пороги. *Рѣчки*, очевидно, тѣ степныя рѣчки, по которымъ промышляли лѣтомъ козаки. Въ концѣ письма Верещинскій еще разъ проситъ о скорѣйшемъ отыѣтѣ, чтобы договоренные люди не разошлись по рѣчкамъ и запорожскимъ мѣстамъ—*ю rżeczki i do zaporohów*. См. *Materyały... Вержбовскаго, Варш. 1900, стр. 305—307, № 444.*

⁴² Сѣчевыми названы козаки въ одномъ изъ списковъ дневника сѣйна 1585 г.; „*Externa od Tatar od Turków niebezpieczeństwo... k'temu wojska zbiera, przegrza a najwięcej się obraża Siczowych Kozaków najazdy, lupiektwy.*“ См. *Dynaryzse sejtmowe z roku 1585. Wyd. Al. Czuczyski. W Krak. 1901, str. 9.*

Бойшикъ — назывался по-татарски: **козакъмъ**.⁴¹ Это тотъ же типъ пограничнаго добычника, который теперь въ Манчжуріи и на берегахъ Амура называется хунхузомъ. Въ событіяхъ послѣдней китайской смуты и въ дѣятельности хунхузовъ можно найти много параллелей для выясненія нѣкоторыхъ эпизодовъ въ исторіи пограничнаго козачества Рѣчи-Посполитой. Очевидно, что знаменитый Янъ Длугошъ (род. въ 1415, ум. въ 1480 г.) превосходно понималъ значеніе татарскаго названія „козакъ“, если онъ говорилъ о татарскомъ войскѣ, ворвавшемся въ предѣлы Волыни въ 1409 году, что оно (*frequens Tartarorum exercitus*) „*ex fugitivis, praedonibus et exulibus, quos sua lingua Kozakos appellant, collectus*“ (=составлено изъ бѣглецовъ, добычниковъ и изгнанниковъ, которыхъ они на своемъ языкѣ называютъ козаками).⁴² Несомнѣнно, татарскіе козаки закололи того юношу Альмальчу, сына Самака, о которомъ говоритъ Сугдейская приписка въ греческомъ Синаксарѣ, относящаяся къ 17 мая 1308 года: τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ ἐτελέσθη ὁ δούλος τοῦ τοῦ ἀλμαλτζοῦ υἱὸς τοῦ σακαῦ, φεῖ ὁ νέος εἰς τὴν στρατὸν ὑπὸ καζακῶν. ἰνδ с τοῦ сѣѣс іѣ + — въ тотъ же день (17 мая) скончался рабъ Божій Альмальчу, сынъ Самака, увы, молодой человѣкъ, заколотый козаками. Инд. 6, 6816 года.⁴³

Занятіе козацкимъ промысломъ перенили отъ татаръ генуэзцы. Генуэзскіе козаки также промышленяли въ степяхъ разбоемъ и охотой, въ виду чего въ Уставы генуэзскихъ колоній въ Крыму внесены параграфы, вообще подтверждающіе право на „добычу“ (*praeda*) за тѣми лицами, которыя ее захватили, хотя въ Устанахъ Солдаи и Чембалю съ значительнымъ ограниченіемъ. Въ Уставѣ для города Каффы, изданномъ въ Генуѣ въ послѣдній день февраля 1449 года, такъ говорится „о добычѣ, которая будетъ вѣзта на сушѣ“ (гл. 66, § 1): „Если случится, что будетъ вѣзта какан-

⁴¹ См. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій, Вып. 8, 1896, стр. 364—365; ст. Миклошича „Ueber Fremdwörter“ въ Archiv für slavische Philologie, B. XI, s. 111.

⁴² См. Joannis Dlugossi seu Longini canonici quondam Cracoviensis Historiae Polonicae liber XIII et ultimus in mscis codicibus tantum non omnibus desideratus, nunc tandem in lucem publicam productus ex bibliotheca Henrici L. B. ab Huysen etc. Lipsiae etc. Anno 1712, pag. 449 подъ 1409-мъ годомъ.

⁴³ См. Записки Одесскаго общ. чт. и дрени. т. V. Од. 1863, стр. 613, № 116.

нибудь добыча на оушѣ козаками, или оргузіями,⁴¹ или каффскими людьми, состоящая въ вещахъ, скотинѣ и волахъ, принадлежащихъ татарамъ или кому-нибудь другому, то мы постановляемъ и повелѣваемъ, чтобы ни каффскій консулъ, ни сторожа городскихнихъ воротъ, ни каффскіе чиновники, ни кто-либо другой, какого бы онъ ни былъ званія,—не могли, не смѣли и не думали отнимать часть этой добычи или скота; напротивъ, таковая добыча должна быть и считаться неприкосновенною, и съ полнымъ правомъ должна принадлежать тѣмъ, которые ее взяли или перехватили. Г. консулъ Каффы долженъ таковыхъ козаковъ, оргузіевъ и добычников поддерживать и оказывать имъ помощь и благоволеніе.

Если же какой-нибудь консулъ Каффы, или чиновники, или иное какое-либо лицо—отнимутъ или отберутъ что-либо отъ выше-сказанныхъ добычниковъ, то подвергаются штрафу въ размѣрѣ двойной стоимости взятаго или отнятаго.⁴²

Въ Солдаѣ и въ Чембалѣ козаки обязаны были дѣлиться добычею съ мѣстными консулами и городскими общинами, какъ объ этомъ гласятъ § 16 Устава Солдаи и § 19 Устава Чембалѣ, выраженные почти одними и тѣми-же словами: „Наконецъ, поелику могутъ быть случаи, что въ упомянутомъ городѣ взята или перехвачена будетъ добыча (людьми того города), то постановляемъ и повелѣваемъ, чтобы четвертая часть добычи, какова бы она ни была, и кѣмъ бы ни была взята, у враговъ ли, или у сопротивляющихся рѣшеніямъ Каффы, отдавалась консулу упомянутаго

⁴¹ „Per casachos, *orguzios* seu homines Caphe.“ Оргузіями назывались въ г. Каффѣ конные полицейскіе стражники, служившіе при каффскомъ консулѣ. Проф. Смирновъ въ книгѣ „Крымское Ханство подъ верховенствомъ Османской порты“ (Сиб. 1887) на стр. 43-44 обращается къ разсмотрѣнію этого слова и приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) *horguzius* или *orguzius* есть терминъ монголо-тюркскій и значитъ буквально *разбирающій споры* или *судья*; происходитъ онъ отъ монгольскаго слова *dzariu*, значащаго: *распря, тяжба*; 2) въ русскомъ языкѣ память объ этомъ чиновникѣ осталась въ словѣ *армя*, *арыжка*, что значило: низшій полицейскій чинъ; 3) въ Уставѣ Каффы названіе полицейскихъ стражниковъ оргузіями не соотвѣтствуетъ первоначальному значенію этого термина у того народа, отъ котораго онъ заимствованъ; оно принято лишь, какъ терминъ вульгарный.

города (т. е. Согда или Чамбало), остальные же три четверти раздѣлялись между общиною и козаками пополамъ.⁴¹

Козаки польско-литовскаго государства промышленны такимъ же способомъ, какъ ихъ татарскіе и генуэзскіе братья. Самая цѣнная добыча (грабжа, zdobywa, добытокъ) получалась путемъ разбоя.⁴² Но если не представлялось случая разбойничать и грабить, то козаки довольствовались болѣе мирными занятіями, дававшими средства пропитанія: ловили рыбу, охотились на звѣрей, добывали медъ дикихъ пчелъ, заводили и собственные пасѣки, разумѣется - въ бортихъ. Люстрація Каневского замка 1552 г. съ записью говорить о козакахъ, промышленавшихъ по сѣверскимъ рѣчкамъ т. е. въ нынѣшней Полтавской губерніи, что они постоянно ѣдятъ мясо, рыбу, и медъ, изъ котораго приготавливаютъ чудный напитокъ, очень любимый, какъ извѣстно, въ тѣ времена.⁴³ Звѣринныя шкуры и рыба, вяленая и соленая,⁴⁴ служили предметамъ сбыта и обмѣнивались на деньги, которые нужны были козакамъ для покупки предметовъ, необходимыхъ въ ихъ ежедневномъ быту.

Откуда же пробирались козаки въ придиѣпровскія и прибужскія степи съ наступленіемъ весны?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дать до нѣкоторой степени списокъ 530 козаковъ съ обозначеніемъ мѣста ихъ родины, составленный въ Черкасахъ 30 марта 1581 года. Преобладающее большинство козаковъ, записанныхъ въ этотъ реестръ, происходило изъ городовъ и мѣстечекъ, расположенныхъ по Днѣпру и его притокамъ: изъ Черкасъ (26 чел.), изъ Канова (14 чел.), изъ Вилои

⁴¹ См. Записки Одесскаго общ. ист. и древн., т. V, Од. 1863, стр. 737-738, 783 и 789.

⁴² Грабежъ добычи при нападеніяхъ на сосѣднія страны Наливайко называлъ козацкими граблями: „Bawiało się z młodych lat moich za wielu hetmanów kosańskich na wielu miejscach w ziemiach nieprzyjacielskich *chłodem kosańskim*“... Изъ письма Наливайка къ королю Сигизмунду III изъ Рачицы отъ января 1566. См. Zbiór pamiętników do dziejów polskich. Wydał Wł. hr. de Broel-Plater. T. 2. Warsz. 1858. Str. 214.

⁴³ См. Архивъ юго-западн. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 103.

⁴⁴ Королевскому коморнику Бернарду Шидловскому, ѣхавшему въ Кіевъ 20 февраля 1579 г., поручалось установить тамъ пошлину „od ryb słonych i miśnych, których smac bardzo wiele stamtąd wywożą i tam przywożą a nie od nich nie dają.“ См. Acta historica, t. XI, Sprawy wojenne etc., str. 157.

Церкви (8 чел.), изъ Кіева (18 чел.), изъ Любеча (7 чел.), изъ Остерра (4 чел.), изъ Рогачева (2 чел.), изъ Выхова (8 чел.), изъ Могилева (11 чел.), изъ Тетеряча (1 чел.), изъ Дубровной (2 чел.), изъ Друцка (1 чел.), изъ Горокъ (1 чел.), изъ Гомеля (7 чел.), изъ Черска (1 чел.), изъ Кричова (2 чел.), изъ Мстиславля (10 чел.), изъ Брагина (10 чел.), изъ Чернобыля (3 чел.), изъ Мозыря (17 чел.), изъ Любоня (1 чел.), изъ Озерянъ (2 чел.), изъ Петрикова (1 чел.), изъ Турова (13 чел.), изъ Давидова-Городка (6 чел.), изъ Пянси (2 чел.), изъ Хвойни (1 чел.), изъ Слуцка (4 чел.),^{*)} изъ Минси (3 чел.), изъ Кайданова (1 чел.), изъ Борисова (1 чел.), изъ Тризони (1 чел.), изъ Вобруйска (9 чел.); затѣмъ значительный контингентъ данали города и мѣстечки Волини: Вишневецъ (4 чел.), Дубно (11 чел.), Кременецъ (6 чел.), Константиновъ (7 чел.), Крапиловъ (2 чел.), Ровно (2 чел.), Тучинъ (1 чел.), Олыка (1 чел.), Звигель (1 чел.), Луцкъ (4 чел.), Торчинъ (1 чел.), Острополь (2 чел.), Владимиръ (3 чел.), Литовижъ (1 чел.), Острогъ (5 чел.), Ковели (1 чел.), Корецъ (4 чел.), Ворестечко (1 чел.), Дермань (1 чел.) и Чудновъ (1 чел.); сравнительно немного своихъ сыновъ дали подольскіе города и мѣстечки: Каменецъ (5 чел.), Винница (3 чел.), Брацлавъ (1 чел.), Хмельникъ (2 чел.), Пиковъ (2 чел.), Ямполь (2 чел.); были представители и далекой отъ Днѣпра и Черкасъ Червоной Руси: изъ Коломыи (2 чел.), изъ Бучача (1 чел.), изъ Галича (1 чел.), изъ Золочова (1 чел.), изъ Збаража (1 чел.), изъ-подъ Львова (1 чел.), изъ Ярославля (2 чел.); наконецъ, попадаютъ и уроженцы такихъ отдаленныхъ городовъ, какъ Вильно (4 чел.), Новогрудокъ (2 чел.), Ковно (2 чел.), Городокъ-Витебскій (5 чел.), Полоцкъ (6 чел.), Смоленскъ (1 чел.), Коричинъ (1 чел.), Слонимъ (2 чел.). Кромѣ жителей литовско-русскихъ, волинскихъ, подольскихъ и галицкихъ — отмѣчены въ спискѣ и иностранцы: Москвит-

^{*)} Происхождение многихъ козаковъ изъ такъ называемаго Кошылъско-Слуцкаго княжества (часть воеводства Новогрудскаго) подтверждаетъ Навиайко слѣдующими словами своей жалобы королю Сигизмунду III на Литовскихъ пановъ: „Potém się w Korylu i naszymi kilkudziesięt, którzy tam na leży byli rozstawiali, chłopiąt, pacholków i kilku towarzyszyw naszym na przystawach, a niektórych do rodziców judących napali (= на некоторыхъ напали въ то время, когда они ѣхали къ родителямъ), a jakom wziął wiadomość, niektórych poćcinali, niektórych zaśie rozmaicie zamordowali.“ См. Zbiór etc. Wydał hr. de Broel-Plater, str. 217.

ше (20 чел.), Петръ изъ Рязани, Кондрать и Иванъ съ Волги, Юндавано (4 чел.), Марко изъ сербской земли, Андрей изъ Нѣм-
вѣ, Куланъ-Мурза изъ Крыма, Семенъ изъ Каффы. Польскій
географическій элементъ былъ представленъ козаками изъ По-
вони, Кракова, Лукова, Глуска, Стенжицы, Сандомира и Грубешо-
ва, и шляхтичами, занимавшими командныя мѣста. По всей вѣро-
ятности къ польской народности принадлежали и тѣ три споциа-
шота, которые названы въ реестрѣ: Матисъ фольдшоръ (balwier),
Ишко портной (krawiec) и Денисъ, баккалавръ какихъ-то наукъ
(scalaureus).^{*1}

Люблинскій воевода Янъ Тарло, ѣздившій въ степи, по пору-
ченію Стефана Ваторія, лѣтомъ 1578 г. для разслѣдованія козац-
кихъ пограничныхъ разбоевъ (о чемъ рѣчь ниже), по возвращеніи
въ сентябрѣ докладывалъ королю, что болѣе всего козаковъ вы-
ѣздить на Низъ изъ нѣмѣншій воеводы кievскаго князя Константина
Константиновича Острожскаго, а также изъ нѣмѣнныя восподы бра-
цлавскаго князя Януша Николаевича Збаражскаго—г. Номпропа.^{*2}

Іоакимъ Вѣльскій упоминаетъ еще объ нѣмѣнѣ Филона Кмы-
ны Пиковѣ, какъ о мѣстѣ, куда, по словамъ турецкаго чауша,
бывались козаки послѣ разбойничьихъ набѣговъ на турецкія
здѣнія.^{*3}

Всѣми этими свѣдѣніями исполнѣ подтверждается характеръ
Дѣлпроовскихъ козаковъ, сдѣланная довѣреннымъ секретар-
емъ Стефана Ваторія и другомъ его мпнистра Яна Замойскаго
Гейнгольдомъ Гейденштейномъ: „Огромное пространство полей и
погія нивы остаются тамъ (въ пограничныхъ степяхъ) не воздѣ-
ланными и не заселенными по причинѣ разбоевъ или вслѣдствіе
страха. Всякій, кто былъ въ тяжелой нуждѣ или былъ осужденъ
а уголовныя преступленія, и всѣ тѣ, которымъ или обстоятель-
ства или законы не позволяли жить въ отечествѣ, какъ изъ дру-
гихъ народовъ, такъ и изъ поляковъ и литовцевъ,^{*4} собирались сю-

^{*1} См. Źródła dziejowe (Яблоновскаго), т. XX, 1894, стр. 154—164 и Gór-
kiego, Historia piechoty polskiej, Krak. 1893, стр. 243-244.

^{*2} См. Acta historica, т. XI, Sprawy wojenne etc., стр. 143.

^{*3} См. хрон. Іоакима Вѣльскаго, т. XIX, стр. 75.

^{*4} Конечно, здѣсь подразумѣвается не этнографическая принадлежность
къ польскому или литовскому племени, а подданство или Польской Коронѣ,
или Великому Княжеству Литовскому.

да, чтобы промыслять грабежомъ и добычею. Въ прежнія же времена, при общемъ мирѣ между народами, даже нѣкоторые знатные юноши стремились въ эти мѣста, ненавидя спокойную жизнь и жаждая не бездѣлствія и досуга, а возможности выказать доблесть. Вольшею частью они питались рыбною ловлею по озерамъ и по рѣкѣ Днѣпру, а также разбоями, считая врагомъ всякаго, съ кого надѣлились побольше награть добычи. Но такъ какъ среди нихъ преобладали числомъ христіане, то болѣе всего враждебны были они варварамъ, особенно — татарамъ, королямъ же польскимъ зачастую приносили пользу. Занимая нижнюю часть Польши, прилегающую къ рѣкѣ Днѣпру, они отъ своего мѣстожительства называются Низовцами. Среди остальныхъ козаковъ (=имя, которымъ обыкновенно называются какъ конные, такъ и пѣшіе воины, собирающіеся по частному почину и по своей доброй волѣ на границахъ, чтобы производить разбой и опустошать набѣгами непріятельскія страны) они наиболѣе отличаются и численностью, и доблестью.¹

Что касается сословнаго происхожденія отходившихъ въ „козацтво“, то болышею частью это были люди, стоявшіе невысоко на общественной лѣстницѣ: мѣщане, бояре, бѣглые „подданные“ разныхъ владѣльцовъ.²

Въ болѣе древнее время литовско-русскіе козаки очень часто смѣшивались въ своихъ предпріятіяхъ съ татарскими. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что татары оставались въ составѣ козацкихъ купъ навсегда и что, напримѣръ, среди козаковъ, служившихъ у кіевскаго воеводы (1492-1505) князя Дмитрія Ивановича Путятича, являлись несомнѣнными татаринъ Душбекеничъ.³ Въ эпоху Баторія въ Черкасахъ проживало такъ много татар-

¹ См. Reinoldi Heldenstent secr. regii de bello Moscovitico, quod Stephanus rex Poloniae gessit, Commentariorum libri VI. Basileae 1588, pag. 11 Записки Гейденштейна о Московской войнѣ въ русскомъ переводѣ изданы С.-Петербургскою Археографическою Коммиссіею въ 1889 г.

² На сѣмъ 1585 г. въ засѣданіи 18 февраля „Instigator contra receptores et patronos Nizovienses agebat judicialiter, quod eos comeatu, sale nitro, pulvere tormentario, subvectionibus juverint et famulos subditosque suos eis pre praedae adiunxerint.“ См. Dyaryusz sejmowe z roku 1585. Wyd. Al. Czaczyński. W Krak. 1901, str. 240.

³ См. Архивъ юго-зап. Рос., ч. III, т. I, К. 1863, стр. 1, N I.

тъ козаковъ, что посланный Баторіемъ для изученія и описанію русскіхъ областей львовскій каштелянъ Янъ Свѣниноскій мо говоритъ о жителяхъ г. Черкасѣ, что „религія ихъ болѣе частью магометанская“ (*religio apud eos magna ex parte Machometana*).⁹¹

Но востанъ въ общемъ съ теченіемъ XVI вѣка татарскій элементъ среди козачества слабѣлъ, зато усиливался элементъ шляхскій. Это явленіе отмѣчаютъ два современныхъ писателя: Верескскій (1532—1598) и Лубенецкій (1550—1622).

Іосифъ Верещинскій въ своемъ правоучительномъ трактатѣ 15 года: „*Gościniec pewny nieropiernymъ мосзугѣбомъ, а омиералымъ dmikufłomъ świata tego*“ писалъ: „Что отецъ съ матерью собралъ грошу, наживая съ большимъ трудомъ за много лѣтъ мучство, то безразсудный сынокъ пропуститъ черезъ горло въ одинъ дѣнь, а потомъ, когда ужъ не откуда взять, боясь околѣть съ голоду, выишъ о немъ)—или очутился на Низу и рабѣтъ чабаномъ турецкымъ, или въ Слезинскомъ бору вытряхиваетъ фуры (купческія)“⁹² Андрей Лубенецкій въ сочиненіи „*Poloneutichia*,“ изданномъ по рукописи Александромъ Батовскимъ только въ 1843 г., передаетъ этотъ текстъ гораздо обстоятельнѣе: „Наши чаще ходили въ татарскія мѣста на козацкіи промыслы, нежели татары къ намъ. За короля Стуґа въ русскіхъ областяхъ было достаточно предприимчивой милой молодежи, съ которою татарамъ много было возни, такъ имъ приходилось отъ нея отбиваться. Среди нея находились Селецкіе, Струсп, Гербурты, Претвичъ, Станиславъ Зимоіскій, Поддѣжскій, Влодекъ, князья Вишневекіе, Эбаражскіе, Заславскіе, Козинскіе, Ружинскіе и иная знать, а также не мало шляхты; они рѣдко сходили съ Полесіи. Они считали своего рода охотничьею заба-

⁹¹ См. *Descriptio veteris et novae Poloniae*, 1585, подъ словомъ *Czerkasy*.

⁹² См. *Pisma treści moralnej Ks. Józefa Wereszczyńskiego*. Wyd. Turowsko. W Krak. 1800, str. 14.—*Ślecin* или *Ślezyn*—озеро и посадъ въ нынѣшнемъ калишскомъ уѣздѣ Калишской губ. Западный берегъ озера и теперь называется „*Wyspy zbójckie*“ (См. *Słownik geograficzny*, t. X, str. 762) и по имени въ большихъ лѣсахъ этой мѣстности гнѣздились въ былое время разбойники, которые грабили купцовъ, путешествовавшихъ изъ Гнѣзна или Познаня въ Варшаву, Радомъ или Сандомиръ.

вой — ходить въ Поля лично или снаряжать туда своихъ подданныхъ.“^{*1}

Всѣ козацкія предпріятія были такого рода, что они требовали дѣйствія скопомъ, образованія промысловыхъ купъ или товариществъ; члены ихъ такъ и назывались „товарищами.“ Въ подобныхъ скопищахъ, конечно, являлись вожаки, болѣе предпримчивые и сильные духомъ, которые подчиняли своему авторитету остальныхъ. Такъ какъ рыболовство являлось одною изъ важныхъ отраслей козацкаго промысла, то этимъ объясняется, почему начальникамъ козацкимъ усвоилось названіе, искони свойственное руководителямъ рыболовныхъ предпріятій; — они стали называться „атаманами.“ Это названіе извѣстно въ русскомъ языкѣ съ 1294 г., когда оно упоминается въ грамотѣ новгородскаго князя Андрея Александровича о правѣ его посылать три ватаги на море для рыбной ловли, „а ватаманъ Ондрей Критцики.“^{*2} Позднѣе слово „атаманъ“ стало служить для обозначенія начальниковъ младшихъ, второстепенныхъ, главнѣйшіе же вожди присвоили себѣ употребительный въ Польшѣ титулъ „гетмана,“ заимствованный у Чеховъ и составляющій искаженіе нѣмецкаго слова „Hauptmann“ = начальниій человѣкъ, голова. Такъ какъ козаки были разсѣяны на

^{*1} См. Poloneutichia, albo królestwa polskiego szczęście, a przytem i w. ka. litewskiego, Andrzeja Lubienieckiego. Wydanie zakładu naukowego imienia Ossolińskich. We Lwowie 1843. Str. 80—81.

^{*2} См. Матеріалы для словаря древнерусскаго языка Срезневскаго, т. I, Спб. 1893, стол. 231. Въ настоящее время это же самое названіе присваивается руководителямъ рыболовныхъ артелей или товариществъ, отправляющихся изъ Золотоношскаго уѣзда Полтавской губ. ловить рыбу въ г. Маріуполь и на косу Бѣлосарайку, а также въ другія мѣстности Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерній. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ промыслѣ Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ. т. VI, Золотоношскій уѣздъ, стр. 131: „Уходъ на рыбную ловлю весьма распространенъ въ м. Кропивной. Собирается товарищество въ нѣсколько десятковъ человѣкъ (менѣе 30 не бываетъ); выбираютъ изъ своей среды атамана и, придя на мѣсто, поступаютъ къ хозяину, который отводитъ имъ избу, даетъ снасть, лодку, напимаетъ на свой счетъ озера, а они уже покупаютъ на общій счетъ патентъ на право торговли и провоза. Цѣлое лѣто ловятъ рыбу и топятъ жиръ, атаманъ распоряжается продажей рыбы, работами, а въ концѣ лѣта пропозивается дѣлежъ; хозяинъ получаетъ половину барыша со всего улова, а остальная половина раздѣляется на равныя части по числу товарищей, исключая атамана, получающаго въ три раза болѣе простаго работника.“

рокомъ пространствъ юго-восточныхъ границъ Рѣчи-Поспо. кой отъ нынѣшней южной Черниговщины до Вессарабіи, то въ этихъ мѣстахъ козацкими скопищами предводительствовали раз- ные лица и такимъ образомъ одновременно могло появляться по- скольку гетмановъ. Такъ, напримѣръ, въ эпоху Баторія мы имѣемъ фактъ, что въ 1577 г. въ Немировѣ былъ гетманомъ Шахъ, въ Кіевѣ—Арковский.^{*1}

Зима была порой, когда козацкія предпріятія приостанавлива- юсь. Въ ноябрѣ 1504 года Менгли-Герай писалъ Іоанну III Мо- сковитскому, чтобы тотъ отпустилъ его посланца Асанчюкъ Авыза въ „на зимѣ“—зимою, „коли казаки не ѣздятъ и дорога чиста.“^{*2} Въ степяхъ негдѣ было укрываться отъ стужи и метелей, и коза- ки должны были искать на зиму пріюта или на родинѣ, если со- стояли въ связи съ нею, или въ ближайшихъ пограничныхъ со- шью городахъ. Вотъ, напримѣръ, что сообщалъ Менгли-Герай московскому князю Ивану Васильевичу въ апрѣлѣ 1503 года: „Сего лѣта отъ Шигзады отъ его величества (Магометъ-Шихзода—сул- танъ каффинскій, сынъ турецкаго султана Баязета) каффинскіе гости (купцы) отъ Кіева Нѣпромъ рѣкою со многими кунами^{*3} поѣха- ли были сюды; и кіевскіе и черкасскіе казаки, соединившись, тѣхъ гостей всѣхъ побили и куны всѣ взяли; и сего лѣта въ Кіевѣ и въ Чер- каскахъ тѣ люди не были, бѣжали. И какъ близко зима, и они въ Кіевѣ при- шли и оманкою тѣхъ понимали, и тѣ куны всѣ собравъ, поставили пол- трѣтьятцать сотъ тысячь алтынъ,^{*4} розчетъ учинивъ, поставили.“^{*5} Въ г. Черкасы на зиму съ 1551 на 1552 г. собралось 250 козаковъ: кромѣ ослѣпыхъ бояръ и мещанъ бываютъ у нихъ при- нципальные козаки; все зимы было ихъ разомъ о полѣтретиста.^{*6} Съ

^{*1} См. Biblioteka ordynacyi Krasniskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. Tom. V i VI, Warsz. 1881, str. 83.

^{*2} См. Сборн. Имп. Рус. истор. общ. т. 41, Памятн. днѣл. спомн. Моск. съ Крыи. и Нагай. ордн съ Турц. т. I, стр. 550.

^{*3} Куна—шкурка куны (куницы), имѣвшая значеніе денегъ; куны—день- ги вообще. Со многими кунами=съ большою суммою денегъ. Матеріалы и Срезневскаго т. I, стол. 1305—66.

^{*4} Алтынъ—денежная единица въ 6 денегъ—3 коп. Отъ татар. алты- нъ. См. тамъ-же стол. 18. Полтрѣтьятцать сотъ тысячь=2.500.000.

^{*5} См. Сборн. Имп. Рус. ист. общ., т. 41, Памятн. и пр. т. I, стр. 407.

^{*6} См. Арханъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 91.

наступленіемъ весны эти козаки опять отправлялись или, по тогдашнему выраженію, отходили „у козацтво на поле“ или „рекою у низъ;“ лѣтомъ, по выраженію одной изъ грамотъ Іоанна III, „отъ казака страхъ на полѣ.“^{*1}

Были-ли при козакахъ женщины во время ихъ лѣтнихъ промысловъ? Несомнѣнно, что нѣкоторыхъ козаковъ въ ихъ кочевой, наполненной опасностями жизни сопровождали и жѣны. На это указываетъ тотъ-же упоминавшійся раньше Янъ Сѣвинскій, когда онъ говоритъ о жителяхъ г. Черкасъ: „Mulieres fere ac viri belli turpia apud eos obeunt“ (=женщины у нихъ наравнѣ съ мужчинами участвуютъ въ военныхъ дѣйствіяхъ).^{*2} Извѣстіе Сѣвинскаго служить комментариемъ къ тому мѣсту позднѣйшаго письма Станислава Жолкѣвскаго къ Іну Замойскому отъ 16 апрѣля 1596 г. изъ Вѣлои Церкви, гдѣ Жолкѣвскій говоритъ о перерзавшихся за Днѣпръ козакахъ: „głód szam zwoiucie ich tam (т. е. на лѣвой сторонѣ Днѣпра), bo takowej wielkosci z koniami z dziećmi Pereaslów (=Переяславъ) a Alexandrów (=Лубны) niemoże długo wytrzymać.“^{*3} Съ другой стороны забубенныя головы, о которыхъ говорятъ Верещинскіи, конечно, не имѣли при себѣ жѣнъ и все лѣто проводили въ вынужденномъ цѣломудріи; за то зимою, когда стужи и непогоды загоняли ихъ въ города, они находили утѣшеніе въ объятіяхъ случайныхъ красавицъ, „зъ бѣлыми головами непочестныи рѣчи дѣлаючи.“^{*4}

* * *

Каждое явленіе народной жизни съ теченіемъ времени преобразуется и теряетъ свой первоначальный характеръ. Тоже случилось и съ „козацтвомъ.“ По мѣрѣ того, какъ учащались татарскіе набѣги изъ Крыма и степные промыслы становились чѣмъ далѣе, тѣмъ опаснѣе, козаки изъ рыболововъ и охотниковъ, склонныхъ только при случаѣ пограбить и поразбойничать, все болѣе

^{*1} См. Сборн. Имп. Рус. ист. общ. т. 41, Памятн. и пр. т. I, стр. 554.

^{*2} См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словомъ *Czerkasy*.

^{*3} См. Listy Stanisława Żółkiewskiego. W Krak. 1898, str. 81—82.

^{*4} См. Акты, отн. къ ист. Западной Россіи, т. I, Спб. 1846, стр. 194, № 170.

сформировывались въ настоящихъ добытчиковъ, которые тогда шь считали себя занятыми, когда имъ удавалось собираться въ ны и предпринимать нападенія въ цѣляхъ грабежа на татары и турецкіе юрты и улусы.¹ Изъ ряда промышленныхъ гоней и разбойничьихъ шаекъ козачество все болѣе преобразуется въ своеобразный военно-разбойничій орденъ съ центромъ одномъ изъ острововъ днѣпровскихъ ниже Пороговъ.² Вѣсьма роятно предположеніе одного изъ новѣйшихъ польскихъ истоповъ Маріана Дубецкаго, что инициаторами и основателями порожскихъ учреждений, напоминающихъ во многомъ западноевропейскіе рыцарскіе порядки, являлись пристаившіе къ козачеству польскіе шляхтичи, которые приносили съ собою на днѣпровскій Низъ польскія рыцарскія понятія, выработанныя въ ление вѣковъ подъ вліяніемъ идей западно-европейскаго рыцарства.³ Правъ отчасти и Кулишъ, говоря: „Какъ и когда устрою свои войсковые и полковые порядки запорожское войско, намъ извѣстно, потому что казаки не любили письменности.“⁴ Тѣмъ менѣе исторически можно доказать, что сильные толчки разитію военныхъ инстинктовъ среди литовско-русскаго козачества и съ одной стороны—киевскіе воеводы и старосты пограничныхъ городовъ Черкасъ, Канева, Брацлава и Винницы, съ другой стороны—такіе авантюристы, какъ князь Дмитрій Ивановичъ Шеневецкій или князь Богданъ Евстафійевичъ Ружинскій, съ третьей, наконецъ,—непрерывно смѣнявшіеся претенденты на Молдавскій господарскій столъ.

Кіевскій воевода князь Дмитрій Ивановичъ Путятинъ (1492—1505), справца кіевского воеводства князь Андрей Михайловичъ Сан-

¹ См. рус. пер. Мартіана Броневскаго, стр. 338.

² Напр. въ Descr. vet. et novae Pol. 1585 г. говорится о Томаковѣ: Tomakowka—insula est in Borysthene, inter Tesmien flumen et Fessinum, quod nigra sylva damanat, ubi Nisovii Kozaki tanquam in arce fortissimi habitant confidit.

³ См. Obrazy i studia historyczne skreślone przez Maryana Dubieckiego, Serya Waga. 1899, str. 97—102. Общежительное устройство куреней, безпрековное послушаніе старшимъ, безженность и культъ Покрова Пресв. Богородицы—вотъ черты быта, заимствованныя, по мнѣнію Маріана Дубецкаго, у вѣднхъ рыцарско-монашескихъ орденовъ.

⁴ См. П. А. Кулишъ, Матеріалы для исторіи возсоед. Руси, М. 1877, стр. 11.

гушко-Коширскій (1541), кievскій воевода князь Фридрихъ Глѣбовичъ Пронскій (1546—1554), справца кievскаго воеводства князь Николай Андреевичъ Збаражскій (1559), кievскій воевода князь Константинъ Константиновичъ Острожскій (1559—1608); староста каневскій Никифоръ Васильевичъ Вободъ (1541), староста черкасскій князь Андрей Глѣбовичъ Пронскій (1541); бывшіе старостами въ Каневѣ и Черкасахъ въ то время, когда эти староства замѣщались однимъ лицомъ: Евстафій Ивановичъ Дашковичъ (1528), Василій Тихоновичъ Тышкевичъ (1536—1537), Иванъ Петровичъ Пенько (1539), Овкій Горностаевичъ, второй сынъ Горностаея Романовича (1544), Иванъ Хрщоновичъ (1550—1552) и князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій (1559—1580); старосты брацлавскіе и винницкіе, которыми также обыкновенно бывали одни и тѣже лица: князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (1498—1500, 1507—1517, 1518—1530), князь Илья Константиновичъ Острожскій (1530—1539), князь Фридрихъ Глѣбовичъ Пронскій (1540—1541), князь Ѳедоръ Андреевичъ Сангушко (1546), князь Богущъ Ѳедоровичъ Корецкій (1548—1576)—все эти представители государственной власти на пограничьи снабжали козаковъ лошадьми, боевыми снарядами (съ распространіемъ огнестрѣльнаго оружія—порохомъ [sale nitro, pulvere tormentario] и оловомъ) и съѣстными припасами (comeatu) и покровительствовали козацкимъ скопищамъ въ ихъ разбойничьихъ нападеніяхъ на сосѣднія страны на томъ основаніи, что львиная доля заграбленной добычи (praedae) доставалась имъ: „Кгда козаки, в земли непріятельскомъ здобывшись, приходятъ, з добытку того старосте одно што лепшее.“^{*1}

Другимъ обстоятельствомъ, укрѣплявшимъ связи между воеводами, старостами и козаками, была служба козаковъ въ конвойныхъ командахъ, вербуемыхъ для охраны воеводской или старостинской особы во время поѣздокъ и походовъ, и для отраженія непріятельскихъ нападеній на тотъ замокъ, въ которомъ эта особа имѣла свое пребываніе. Козаки воеводы князя Дмитрія Ивано-

^{*1} См. Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 83. Ср. выше, примѣч. 2 на стр. 21, гдѣ выписано заявленіе пистигатора (прокурора) въ засѣданіи сейма 18 февраля 1585 г.

и Путатича или какого-либо пограничнаго старосты, конечно, не имѣ близки, какъ ихъ тѣлохранители.*¹

Что касается авантюристовъ въ родѣ основателя запорожскій сѣчи (—укрѣпленія, срубленнаго изъ древесныхъ колодъ)*² островѣ Хортицѣ князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго*³ и князя Богдана Евстафѣевича Ружинскаго, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они увлекали козаковъ въ военныя экспедиціи противъ татаръ и турокъ; вѣдь для такихъ людей модѣйшій набѣгъ—вся цѣль и вся отрада жизни, но чтобы почувствовать сладостный трепетъ, охватывающій воина при выступленіи въ походъ, они должны были знать, что за ними слѣдуетъ и удалцовъ, готовыхъ раздѣлить съ ними всѣ труды и опасности войны; такихъ соратниковъ они могли находить только среди козаковъ. Обращаясь мыслью къ этимъ оорвиголовамъ, невольна вспоминаемъ образъ Лермонтова:

Толпа садится на коней.
При свѣтѣ гаснущихъ огней
Мелькаютъ сумрачныя лица.
Такъ опоздавшая станица
Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
Вдругъ поднимается съ полей....
Смѣхъ, клики, ропотъ, стукъ и ржанье —
Все дышитъ буйствомъ и воіной.

Обратимся, наконецъ, къ искателямъ Молдавскаго престола. В 1541 года Молдавія почти лишилась своей политической самостоятельности и попала въ самую тѣсную зависимость отъ Высо-

* Самый лучший указатель актоваго матеріала, характеризующаго дѣятельность пограничныхъ старостъ по отношенію къ козакамъ, составленъ Н. Изюваискимъ. См. Исторія Россіи, т. III (1890), стр. 705—709, прим. 98.

* Сѣча, сѣчь=silva caedua. Переходъ значенія таковъ: 1) площадка въ ту, на которой только-что срублены деревья, нигде еще не употребленныя въ-же лежащія; 2) укрѣпленіе, построенное на той-же площадкѣ изъ срубленныхъ колодъ (нѣм. Blockhaus).

* Въ Descr. vet. et novae Polon. 1595 г. подъ словомъ *chorryca* сообщаетъ: „Insula est in alveo Borystenis, clara Wisniorecii herois oeconomia militari. In eam sedem et firmamentum sui roboris stabiliverat. Sita est à Kiovia 44 milibus, pauló infra ostia fluminis Tismienca.“

кой Порты. Винови́никомъ такого печальнаго оборота дѣлъ явился молдавскій господарь Петръ Рарешъ, который, желая возвратить утраченный имъ ранѣе престолъ, не постѣнися обратиться за содѣйствіемъ къ Турецкому падишаху и дорогою цѣною заплатить туркамъ за возвращеніе ему власти. Онъ обязался платить ежегодно Портѣ 12.000 дукатовъ вмѣсто 3.000, назначенныхъ при господарѣ Богданѣ III, и притомъ не въ формѣ подарка, а прямо въ видѣ дани; онъ обязался содержать при себѣ отрядъ турецкой кавалеріи въ 500 человекъ, будто-бы для защиты отъ домашнихъ враговъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы его поведеніе было подѣ постояннымъ контролемъ со стороны турокъ; наконецъ, онъ обязался оставить заложникомъ въ Константинополѣ родного сына. Съ этихъ поръ турецкое правительство начало открыто торговать Молдавскимъ престоломъ, отдавая его тому, кто предлагалъ вышшую цѣну.*1

Важнымъ обстоятельствомъ, плодившимъ многочисленныхъ претендентовъ на Молдавскій престолъ, было странное и неблагоразумное воззрѣніе мѣстныхъ жителей, по которому законные и незаконные сыновья бывшихъ господарей считались одинаково правоспособными для занятія опустѣвшаго престола. И вотъ если господарь имѣлъ совершенно случайную и мимолетную связь съ какой-нибудь жепщиной, то этого было уже достаточно, чтобы сынъ сей женщины выдавалъ себя за потомка господаря Богдана или Стефана и т. д., и стремился къ захвату господарскаго престола.*2 Соперничество и взаимныя козни бояръ вели къ тому, что любой претендентъ находилъ въ ихъ средѣ охотниковъ содѣйствовать осуществленію его честолюбивыхъ замысловъ. Если претенденту, какъ напр. Ивану Грозному (Ивоніи), не удавалось составить партіи среди бояръ, то онъ принимался истреблять ихъ и искать опоры у крестьянъ, которые, по обыкновенію всѣхъ странъ и народовъ, ненавидѣли бояръ, какъ сословіе, стѣсняющее ихъ свободу и надъ ними властвующее, и рады были ослабленію того значенія, какимъ бояре пользовались въ Молдавіи.

*1 См. *Histoire des Roumains de la Dacie Trajane* par A.—D. Xénopol. Paris 1896, I vol., p. 808—809.

*2 См. *ibid.* p. 818.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ неустойчивомъ мѣстѣ замѣщенія Молдавскаго престола, къ увеличенію народнаго бѣдствія, начали появляться еще и самозванцы, въ родѣ знаитаго грека Якова Василика Гераклида, которые безъ дальнѣйшихъ околичностей измышляли прямо свои мнимыя права на престолъ и своими домогательствами вносили въ жизнь страны смуты и тревоженія.

Кто бы ни былъ претендентъ, онъ не могъ обойтись при попыткѣ осуществить свои мнимыя или дѣйствительныя права на молдавскій престолъ безъ помощи военной силы, которая могла заставить противниковъ признать эти права и убѣдить ихъ, что въ большинствѣ случаевъ сила есть право. Готовый контингентъ вооруженныхъ людей претенденты находили среди козаковъ, промышлявшихъ на юго-восточныхъ границахъ Рѣчи-Посполитой. Сюда они обращались за содѣйствіемъ, козаки охотно принимали предложенія, чужа богатую добычу, и чѣмъ болѣе практиковались они въ военномъ ремеслѣ, тѣмъ становились въ немъ опытнѣе, тѣмъ болѣе развивали у себя войсковые порядки, тѣмъ болѣе превращались изъ рыбопромышленныхъ ватагъ и разнородныхъ скопищъ въ своеобразный рыцарскій орденъ.*¹

* * *

Профессоръ Любоничъ въ своей брошюрѣ „Статистическій очеркъ въ приложеніи къ исторіи“ (Варш. 1901) на нѣкоторыхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ исторіи Германіи XIV—XVI вѣка, объясняетъ, „какъ изученіе нѣкоторыхъ историческихъ явленій, опирающееся на точныя цифровыя данныя, помогаетъ составить себѣ опредѣленное, вѣрное представленіе о нихъ, а также порѣдку сразу развиваетъ прежнія часто сильно укоренившіяся въ наукѣ ложныя мнѣнія и сужденія.“ Источники позволяютъ намъ привести

¹ Самое лучшее описаніе козацкаго быта въ эпоху Баторія принадлежитъ Бартошу Павроцкому (составлено по разсказамъ Самуила Эборовскаго) — *Narby rycerstwa polskiego. Wyd. Turowskiego 1858, str. 156—167.*

нѣсколько цифръ, показывающихъ численность козаковъ, ютившихся въ приднѣпровскихъ и прибузовскихъ пустыняхъ въ эпоху Баторія.

Осенью 1576 г. Девлетъ-Герай въ письмѣ къ королю опредѣлялъ численность козаковъ, нападавшихъ на его владѣнія, цифрою 3.000 человекъ.

Въ маѣ 1578 г. въ канцеляріи Баторія имѣлись свѣдѣнія, что козаковъ собралось на Днѣпрѣ около 3.000 человекъ. Воевода кіевскій князь Константинъ Константиновичъ Острожскій долженъ былъ сгнать ихъ съ Днѣпра, а царь Перекопскій имѣлъ смотрѣть на эти дѣйствія съ татарскаго т. е. лѣваго берега рѣки.

Подкову сопровождалъ въ Молдавію отрядъ въ 600 человекъ. Число козаковъ, водившихъ въ Молдавію самозванца Александра, Турецкіи падишахъ въ письмѣ къ Баторію опредѣляетъ цифрою 2.000. Янчи Бегеръ наварбовалъ въ 1578 г. на королевскую службу 500 козаковъ. Въ 1581 г. ихъ служило 530. Оржельскому въ 1583 г. поручено было наварбовать въ г. Черкасахъ 600 человекъ....

Эти цифры даютъ нѣкоторое понятіе о томъ численномъ составѣ козачества, съ которымъ приходилось считаться Баторію.

Какъ воинъ, Баторій, конечно, цѣнилъ необыкновенныя воинныя качества козаковъ, но, какъ правитель государства, онъ не могъ относиться къ нимъ иначе, какъ съ глубочайшею ненавистью, такъ какъ они въ теченіе всего его государствованія служили важною помѣхою въ осуществленіи предначертанной имъ полптической программы. Если Баторій поручалъ послу своему Мартину Вроневскому сказать отъ его имени царю Перекопскому о козакахъ: „мы не питаемъ любви къ нимъ и намѣрены не охранять ихъ, а, напротивъ, истреблять“, ⁴⁴ то это было вполне искреннее признаніе съ его стороны.

Изучая отношеніе Стефана Баторія къ Днѣпровскимъ козакамъ, нужно твердо помнить, что Баторій былъ выбранъ подъ давленіемъ Турціи, какъ человекъ удобный тогдашнему султану

⁴⁴ См. Bibl. Ord. Kras. Muz. Świdz. t. V i VI, str. 96.

ниту. Къ прежнимъ доказательствамъ этого обстоятельства¹ можно присоединить новое свидѣтельство современника, обнаруженное недавно проф. Вержбовскимъ. Известный историкъ и зоологъ Янъ Ласицкій, посланный въ Германію краковскимъ воеводою Петромъ Зборовскимъ, такъ говорилъ въ г. Касселѣ 30 мая 1576 г. гессенскому ландграфу Вильгельму:

„Что поляки предпочли Ваторія Его Императорскому Величеству, то они сдѣлали это не изъ нѣкотораго пренебреженія къ Его Имп. Вел., но ради того, что поступивъ они такъ, то безъ всякаго сомнѣнія они имѣли бы турокъ у себя на шеѣ, такъ какъ турецкій падишахъ очень грозно написалъ, что въ случаѣ, если поляки изберутъ въ короли Его Имп. Вел., то онъ будетъ преслѣдовать ихъ мечомъ и огнемъ, и двинетъ противъ нихъ татаръ.

Далѣе имъ, полякамъ, нуженъ былъ такой король, который во всякое время проживалъ бы среди нихъ, вершилъ бы правосудіе, имѣлъ бы достаточно тѣлесныхъ силъ, чтобы защищать и охранять ихъ отъ варваровъ, понималъ бы способы веденія войнъ противъ турокъ, москвитянъ и татаръ, вступилъ бы, наконецъ, въ бракъ съ королевной Анной.

Его Имп. Вел. не могъ бы выполнить всѣхъ этихъ условій не только по недостатку тѣлесныхъ силъ, но и потому, какъ хорошо понимали поляки, что Его Имп. Вел. не согласился бы покинуть Священную Имперію и свое королевство.

Были кромѣ того и другія причины, которыя подвинули поляковъ къ выбору Ваторія.

Избранный ими въ короли Ваторій по тѣлеснымъ силамъ и во разуму какъ бы созданъ для того, чтобы быть самымъ лучшимъ военачальникомъ противъ турокъ. Онъ самъ предлагалъ за это свои услуги въ собственноручномъ письмѣ къ Его Имп. Вел. и это письмо, неизвѣстно, какимъ образомъ, попало, наконецъ, и въ руки Турецкаго падишаха.

Если бы Его Имп. Вел. былъ избранъ и признанъ королемъ, то жители Подолія и Руси сейчасъ объявили бы, что они

¹ См. Nehring, O życiu i pismach Jana Dymitra Solikowskiego. Poznań 1880, str. 41, примѣчаніе.

поддаются туркамъ, такъ какъ они не могли бы ожидать отъ Его Имп. Велич. достаточной для себя защиты отъ турокъ.

Что касается тѣхъ клеветъ противъ Баторія, которыя повсюду распространяются, будто онъ—турецкой религіи, будто онъ поступилъ въ рабство къ туркамъ и позволилъ туркамъ свободно проходить черезъ Польшу, то во всемъ этомъ нѣтъ правды; Баторій исповѣдуетъ римскую религію, но такимъ образомъ, что онъ склоненъ также и къ аугсбургскому исповѣданію.⁴¹

Извѣстно, что послѣ битвы при Могачѣ (26 августа 1526 г.) и послѣдующихъ походовъ Салимана пынѣшняя Венгрія была раздѣлена на три части: западная часть осталась во владѣніи Австріи; средняя сдѣлалась турецкою провинціею, которая была раздѣлена на четыре вилаета съ центрами въ Будѣ, Эгерѣ, Канпжѣ и Темошварѣ, и на 25 санджаковъ; и, наконецъ, восточная часть, Седмиградія или Трансильванія, образовала самостоятельное княжество подъ властью Яна-Сигизмунда Заполья, внука польскаго короля Сигизмунда I по дочери его Изабеллѣ. Когда этотъ князь умеръ 14 марта 1571 г., преемникомъ ему избранъ былъ на трансильванскомъ сеймѣ 25 мая того-же года Стефанъ Баторій.⁴² Отличаясь большими дипломатическими талантами, онъ умѣлъ искусно лавировать между Вѣною и Константинополемъ и этимъ умѣніемъ заслужилъ себѣ расположеніе властвовавшего тогда султана Салима. Кромѣ того Баторій взялъ на себя, какъ увидимъ ниже, нѣкоторыя обязательства по отношенію къ Турціи.

Занявши польскій престолъ, Стефанъ Баторій не забывалъ, кому онъ обязанъ королевскимъ сапогъ, и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не вызывать раздраженія въ правителяхъ Высокой Порты. Кромѣ того прочный миръ съ Турціей нуженъ былъ ему и по тому, что всѣ планы его политики были направлены на сѣверъ: покореніе Гданска, возвращеніе Инфлянтъ и Сѣверщины, ослабленіе Московскаго государства, распространеніе католицизма въ литовско-русскихъ областяхъ и въ самой Москвѣ—вотъ важнѣйшія государственныя задачи, увлекавшія Баторія. Спокойно за-

⁴¹ См. *Materyały do dziejów piśmiennictwa polskiego zebrał T. Wierzbowski*. T. I, Warsz. 1900, str. 209—210. Последняя фраза выписана выше на стр. 2, прим. 1.

⁴² См. *Histoire de l'Autriche-Hongrie par Louis Léger*, Paris 1879, p. 311—312. *Dzieje Węgier w zarysie skreślił J. F. Gajdler*. T. III, Warsz. 1902, str. 43—44.

тѣхъ имъ онъ могъ только при условіи, что на южныхъ границѣхъ все будетъ покойно и что Турція не выйдетъ изъ своего Итралиитета. Днѣпровскіе козаки своими нападеніями на татары и турецкія владѣнія и вмѣшательствомъ въ молдавскія дѣла постоянно вызывали татарскіе набѣги и грозили вывести самого дидшаха изъ его мирнаго, спокойнаго положенія. Могъ-ли Баторій возненавидѣть ихъ?

* * *

Въ ту же весну 1576 года, когда Баторій прибылъ въ Польшу, козаки сожгли Тягинь и опустошили Хасланъ-Городокъ.^{*1} Подávalи жалобы турецкихъ и татарскихъ властей. Для изслѣдованія этихъ происшествій посланы были: по вопросу о Тягинѣ — Добецкій (30 іюня),^{*2} по вопросу о Хасланъ-Городкѣ — Варшомей Завадкій.^{*3} Донесенія ихъ королю пока не извлечены изъ архивовъ, но чувства Баторія по поводу совершившихся событій явственно описываетъ политическій врагъ короля Стефана аббатъ Севастіанъ Грабовецкій въ письмѣ къ императору Максимилиану II отъ 5 сентября 1576 года: „Татары, ходившіе походомъ въ Москву, вернулись“ — пишетъ между прочимъ Грабовецкій; „они шли въ числѣ 40.000; пятнадцать тысячъ изъ нихъ легли подъ ударами московскихъ воиновъ, остальные обратились въ бѣгство; 60 изъ нихъ потонуло въ рѣкѣ Окѣ, столько же было убито войсками нашего Священнаго Величества, такъ называемыми козаками; только 700 остались цѣлыми и увидѣли свои дома; но козаки по нежности къ нимъ тотчасъ и этихъ сожгли вмѣстѣ съ ихъ хижинами. Когда козаки варывали (disiciantes) какое-то татарское укрѣ-

^{*1} Тягинь — татарское укрѣпленіе, „коего развалины“ по словамъ Ф. Бруна, „нынѣ еще видны между Херсономъ и Берисланомъ при деревнѣ Тягинѣ на берегу Днѣпра.“ См. Черноморье. Сборникъ изслѣдованій Ф. Бруна. Часть I. Од. 1879. Стр. 179—180. Замокъ Хасланъ-Городокъ былъ построенъ на островѣ близъ лѣваго берега Днѣпра, противъ нынѣшняго мѣстечка Каховки. См. Варшавскій. Запорожье въ остаткахъ старины. Часть II, Спб. 1888, стр. 129—130.

^{*2} См. Źródła dziejowe (Павинскаго), t. IX, A, str. 68.

^{*3} См. Ibid., str. 63.

пление, то обломки его задавили почти 500 козаковъ, при чемъ погибъ и вождь ихъ Богданъ Ружинскій;^{*1} тамошнія края и земли проливали о немъ обильныя слезы.

Послѣ побѣды, одержанной надъ татарами, козаки прислали двѣнадцать главныхъ плѣнниковъ Баторію; сопровождалъ ихъ Иванъ Старжинскій; увидѣвъ плѣнниковъ, Баторій удрученъ былъ печалью и почти слезно оплакивалъ понесенное татарами поражение; когда ему поставили на видъ неумѣстность тяжкихъ вѣдоховъ и объяснили, что татары являются какъ-бы наслѣдственными врагами польскаго королевства, то голосъ застылъ у него въ устахъ, но видно было, что томительное горе пронизываетъ насквозь его сердце. Упомянутому Старжинскому, который привелъ плѣнниковъ, онъ подарилъ имѣніе, богатое полями и жителями, а плѣнныхъ татаръ наградилъ одѣянiями, одарилъ лошадьми и отпустилъ на свободу, снабдивъ на дорогу деньгами^{*2}.

Чаушъ прибылъ отъ Амурата.^{*3} Напомнивъ, во-первыхъ, о блаженіи своего повелителя, онъ настаиваетъ, чтобы Баторій возобновилъ клятву, данную имъ въ городѣ Мегешѣ, какъ онъ обѣщалъ это тамъ пашамъ Будинскому и Темешварскому. Во-вторыхъ, чаушъ требуетъ, чтобы тѣ козаки, которые причинили такіа обиды татарамъ, были обузданы и чтобы надъ ними учинено было правосудіе. Если король не въ силахъ самъ расправиться съ ними вслѣдствіе ихъ непослушанiя, то пусть предоставитъ сдѣлать это туркамъ. Если они не будутъ обузданы, то случится то, что въ скоромъ времени они вызовутъ враждебныя отношенiя къ

^{*1} Князь Богданъ, кажется, Евстафiевичъ Ружинскій. Бартошъ Папроцкій описываетъ гибель князя Ружинскаго слѣдующими словами: „Książ Rożniaki przed kilku laty, starając się o on zamek (Hasłonhorodok), aby go mógł być zburić, jakożby był tego już dokazał, tylko przez nieopatrzność, gdy podsadził pod zamek prochy, na złem miejscu stanął, potem nierzemie zginął.“ См. Herby etc. str. 163. О мѣстѣ князя Богдана въ генеалогіи рода Ружинскихъ см. Wolff. Książowie litewsko-ruscy. Warsz. 1895, str. 417.

^{*2} Въ расходной книгѣ записана выдача 10 флориновъ только одному отпущенному на свободу татарину: „Tartaro vineto, quem Mtas R. libere dimisit f. 10.“ См. Ыг. dz. t. IX, A, str. 85. Не преувеличиваетъ-ли Грабовецкій щедрости Баторіа къ враждамъ къ нему?

^{*3} Султанъ Мюрадъ III (1574—1595) былъ знаменитъ, по выраженію проф. Смирнова, своимъ женолобіемъ, многочадіемъ и жадностью. См. Крым. ханство. Спб. 1887, стр. 437.

королевству польскому и къ королю со стороны падишаха турецкаго. Въ-третьихъ, чаушъ приказываетъ, чтобы безъ согласія падишаха король польскій ни съ кѣмъ не вступалъ въ перемирія и не заключалъ союзовъ. Наконецъ, чаушъ напоминаетъ, чтобы Баторій не боялся Вашего Священнаго Величества, такъ какъ со стороны падишаха повелѣно де Вашему Величеству (Васъ онъ называетъ королемъ Германіи), чтобы Ваше Священное Величество не имѣло чѣмъ-либо досаждать Баторію. Прежде чѣмъ ѣхать изъ Кракова въ Варшаву [послѣ коронаціи], Баторіи послалъ къ Амурату нѣкоего благороднаго русскаго пана по фамиліи Дзѣржка; послѣдній возвратился теперь почти по слѣдамъ чауша и донесъ, что государство Амурата обезсилено крайне стѣсненными обстоятельствами, такъ какъ шахъ персидскій взялъ Вавилонъ и имѣетъ самыяшіе планы. Говорятъ, будто кто-то изъ родственниковъ Амурата отправился къ великому хану и, выпросивъ у него помощь противъ преступнаго падишаха, идетъ теперь съ многочисленнымъ и сильнымъ войскомъ, вслѣдствіе чего и Русь дрожитъ отъ страха; судя по слѣдамъ отъ ногъ и копытъ, много народа собралось подъ Гирцинскимъ лѣсомъ [Трансильванскія Альпы], а потому русскіе, боясь, какъ-бы не молотили бобовъ на нашей спицѣ, совѣтуютъ собирать войско. Тотъ же Дзѣржокъ говорилъ, что Донъ-Жуанъ Австрійскій нанесъ новое пораженіе падишаху, но такъ какъ это должно быть лучше извѣстно Вашему Священному Величеству, то я не распространяюсь. Онъ говорилъ, что татары были у Амурата и просили, чтобы имъ было вольно съ его разрѣшенія идти противъ насъ и отомстить за испытанную обиду, но что падишахъ не склонился на ихъ просьбы, во-первыхъ, потому, что теперешній польскій король—его вассалъ, во-вторыхъ, чтобы татары не осрамили его, если они потерпятъ пораженіе, то можетъ случиться, такъ какъ они безоружны и почти голы. Хорошо извѣстно, какую клятву давалъ Баторіи нашимъ въ Мемельскомъ монастырѣ. Онъ присягалъ: 1) что полученное имъ право на Польшу онъ не можетъ передать никому, кромѣ падишаха; 2) что онъ никогда не подыметъ руки противъ Амурата; 3) что онъ долженъ пропускать турецкое войско черезъ свои владѣнія, куда бы оно ни направилось; 4) что съ Трансильваніи онъ будетъ платить денежную дань, а изъ Польши будетъ доставлять

ежегодно 60 мальчиковъ на пополненіе янычаровъ. Остальные пункты—меньшаго значенія, а посему я счелъ возможнымъ пройти ихъ молчаніемъ.^{•1}

Лѣто 1576 года прошло для Баторія въ непрерывныхъ поѣздкахъ. Необходимость лично уладить отношенія къ примасу Ухалскому и къ литовскимъ вельможамъ, и желаніе поскорѣе овладѣть казной и сокровищами, оставленными въ Тыкоцинѣ покойнымъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, заставили короля проѣхать въ Варшаву, а оттуда въ Тыкоцинъ и Кнышинъ, и только къ 4-му сентября могъ онъ прибыть въ Мальборгъ для веденія переговоровъ съ непокорными Гданчанами.^{•2} Здѣсь король оставался до самого сейма, открытаго въ Торнѣ 18 октября. Во время пребыванія Баторія въ Торнѣ явился къ нему посолъ Перекопскаго царя Джанъ-Темиръ-ага, оставался здѣсь, начиная съ 8-го ноября, девять недѣль, выполнялъ свой Рамазанъ,^{•3} праздновалъ Байрамъ, 20 ноября получилъ аудіенцію у короля^{•4} и передалъ ему слѣдующее письмо Девлетъ-Герая:

„Великой орды вольнаго царя перекопскаго слово. Множества христіанъ государю, королю, брату нашему Стефану Баторію отъ насъ поклонъ и братская пріязнь и милость. Съ давнихъ временъ цари перекопскіе съ королями польскими жили въ милости, пріязни и братскомъ согласіи; отъ насъ нмъ, а отъ нихъ намъ не дѣлалось никакихъ непріятностей и никакого вреда; справедливость и пріязнь между двумя государствами были настолько сильны, что если-бы какая-нибудь женщина съ сокровищами ѣхала изъ одного государства въ другое, то никто не причинилъ бы ей непріятности или вреда, а если-бы кто и покусился на нее, то такого преступника, если-бы онъ былъ уличенъ и пойманъ, немилосердно наказала бы та или другая сторона. Но теперь, въ настоящее время, *козаки* изъ вашего королевства переѣзжаютъ Днѣпръ и въ предѣлахъ нашего государства захватываютъ коней, скотъ и имущество нашихъ подданныхъ, а жнецовъ, пахарей и работни-

^{•1} См. Materiały etc. Вержбовскаго, стр. 214—215.

^{•2} См. Źródła dziejowe (Павицкаго), t. IX, A, str. 56—59.

^{•3} Рамазанъ—магометанскій постъ.

^{•4} См. Źr. dz. t. IX, A, str. 94—95.

въ нихъ—беруть въ плѣны. Мы съ своей стороны, собравши всѣхъ ~~иже~~ нашихъ (т. е. татарскихъ), строго приказали имъ, а такъ дѣтямъ нашимъ, царевичамъ, чтобы они не причиняли урона преда областямъ королевства польскаго до тѣхъ поръ, пока, въ Богъ, не будетъ короля въ этомъ государствѣ: тогда де мы королевъ по добру поладимъ. Но ваши *козакъ*, не обращая вниманія на нашу доброту, день за днемъ причиняли намъ непріюсти и убытки; они грабили имущество у подданныхъ турецко падишаха, многихъ изъ нихъ побили, и надѣлали имъ не по ала; а между тѣмъ наше государство входитъ въ составъ періи Его Турецкаго Величества и имперія Его Турецкаго Величества все равно, что наше государство; вредъ, причиненный Его рецкому Величеству, все равно, что намъ причиненный вредъ, по общему. Точно также въ то время, когда сынъ нашъ Махметъ-Герай на обратномъ пути изъ Багдада (з Bukdata) переправлялся черезъ гѣпръ, пришли ваши *козакъ*, и ударили на него сзади, и убили юныхъ изъ бывшихъ при немъ людей. Тогда сынъ нашъ Адиль-рай не могъ стерпѣть такихъ великихъ кривдъ и убытковъ, и безъ вѣдома нашего часть войска, поѣхалъ во владѣнія королевства польскаго и во многихъ мѣстахъ причинялъ не мало устошеній и убытковъ; и все это случилось по винѣ нашихъ ~~иже~~. Когда мы услышали, что литовскіе паны не хотѣли имѣть бы королевъ, но хотѣли набрать себѣ королевъ сына князя Мовскаго, то мы отправились съ своимъ войскомъ къ предѣламъ литовскаго государства и уже дошли до р. Саги (не Сагайдакъ, притокъ Ингула?), но въ это время Ваше Величество прислало къ намъ своего гонца *Яна Бадовскаго* *1 съ любезнымъ письмомъ и увѣдомили насъ, что волею Божіею Вы уже признаны королемъ и Литовскихъ владѣній; Вы выражали желаніе, чтобы мы жили съ Вами въ ласкѣ и любви братской, чтобы между нашими двумя государствами хранились неизмѣнно пріязнь и любезность. И, услышавши, что Вы признаны уже королевъ, очень этому радовались и возвеселились, и просили Господа Бога, чтобы Вы

*1 Янъ Бадовскій, житель Бѣлой-Церкви, раньше, въ 1572 г., былъ назначенъ судьей для разбирательства недоразумѣній и споровъ между осѣдлыми пограничными жителями и прихожими изъ степей *козакъ*.

счастливо государствовали на своемъ престолѣ. Мы уже обѣщали Вашему гопцу, что отправимся съ войскомъ противъ непріятеля нашего, проклятаго Москвитянина. Но въ это время до насъ дошла вѣсть, что *козаки ваши, которые пребывали надъ Днѣпромъ, а также другіе козаки, прибывшіе къ нимъ на помощь, числомъ всего три тысячи, съ пушками,—начали подтягиваться къ нашему замку.* Вслѣдствіе этого мы вернулись въ добромъ здоровьи въ предѣлы нашего государства. Между тѣмъ ваши козаки подошли къ Хасланъ-Городку и тамъ около Хасланъ-Городка все пожгли, опустошили, а въ самомъ городкѣ одну башню разрушили.*
 Богъ помогъ моеѣ сторонѣ и мои люди не мало тѣхъ козаковъ побили и пострѣляли. Тогда шестьсотъ козаковъ, собравшись въ полночь, ворвались въ замокъ, но тамъ, по милости Господа Бога, наши люди на голову ихъ разбили и многихъ изъ нихъ поранили. Види, что съ того края нѣтъ намъ никакой пользы, а только приходится терпѣть отъ вашихъ козаковъ великіе убытки и притѣсненія, мы, по вину вашихъ козаковъ, должны были убрать изъ того замка всѣ наши принадлежности и должны были оставить тотъ замокъ. А развѣ годится, чтобы своевольные люди нарушали братскую пріязнь и любовь между государями? Если Ваше Величество, мой братъ, желали жить со мною въ братскоѣ пріязни и любви, то почему Вы не повелѣли наказать этихъ людей, своевольныхъ козаковъ? Если теперь Вы хотите жить со мною въ любви, согласіи и братскоѣ пріязни, то въ такомъ случаѣ *озаботьтесь послать своего слугу на Днѣпръ, собрать тамъ тѣхъ своевольныхъ козаковъ и казнить ихъ передъ стрѣнными слугою и почетнымъ человекомъ, посломъ моимъ Джанъ-Темиромъ, который понесъ отъ насъ къ Вамъ наше любезное письмо, нашъ поклонъ и нашъ подарокъ; кромѣ того позаботьтесь уплатить всю дань.* При этихъ условіяхъ Вы будете намъ братомъ и пріятелемъ. Какъ при Вашихъ предкахъ, короляхъ, была справедливость, любовь и братская доброта между нашими двумя государствами, такъ и теперь пусть существуютъ между нами—величайшая любовь, и братская пріязнь, и справедливость, и да будемъ мы по

* Вѣроятно, указаніе на взрывъ подкопа, при которомъ погибъ князь Богданъ Ружинскій.

ниней присягѣ крѣпко держаться другъ за друга; и да будемъ
непріателями для нашего непріателя и пріателями для нашего
ителя; и да будемъ мы помощниками другъ другу. Но если
ше Величество не прикажете, какъ я сказалъ выше, казнить
къ своихъ козаковъ, пославши для этого на Днѣпръ слугу
его, и совершить эту казнь передъ моимъ посломъ и передъ
ими людьми; и если не прикажете выдать намъ дань; то
будетъ между нами согласія, пріязни и любви братской.
гнѣмъ уже что кому Господь Богъ захочетъ послать, то и бу-
етъ. Имѣйте также въ виду, что дани не давали намъ восемь лѣтъ,
то намъ слѣдуетъ ее прислать. Кромѣ того при предшествующихъ
розахъ такъ дѣлалось, что намъ давали на походъ, если мы
правлялись противъ непріателя. Вотъ и теперь мы хотимъ ве-
ю, если дастъ Богъ, отправляться противъ непріателя Вашего и
шего, противъ великаго князя Московскаго. Поэтому соберите,
аше Величество, братъ мой, двадцать тысячъ золотыхъ червон-
нѣ и пришлите намъ черезъ нашего слугу, давши ему конвой
въ своихъ людей. Теперь одинъ нашъ человѣкъ находится въ
юскѣ и Москвитянина постоянно насъ просятъ, чтобы мы съ
нимъ помѣрились и жили бы въ доброй пріязни. Но мое согла-
шеніе съ нимъ было бы очень невыгодно для Васъ. Вашъ пред-
ставителькъ всегда кромѣ дани присылалъ намъ еще на походъ, а
ны, отправившись въ походъ, всегда нападали на Вашего непріателя.
Изобойтесь, Ваше Величество, мой братъ, сообщить мнѣ и о
ихъ непріателяхъ, которыхъ Вы имѣете въ своихъ владѣніяхъ.
Всѣ эти слова и вопросы мы поручили нашему вѣрному слугѣ
Джанъ-Темиру; я прошу Ваше Величество, моего брата, хорошень-
ко переговорить съ нимъ о всѣхъ этихъ предметахъ, а затѣмъ
сообщить намъ; кромѣ того прошу Ваше Величество передать мнѣ
черезъ того-же слугу, въ нынѣшнюю еще зиму, двадцать тысячъ
золотыхъ, потому-что, если Господь Богъ поможетъ, то перваго
мрта мы выступимъ противъ нашего и Вашего непріателя, про-
тивъ Москвитянина; будьте увѣрены въ этомъ, Ваше Величество.
Мы поручили нашему послу изустно передать Вамъ наши слова.
Вы, Ваше Величество, распросите у него обо всемъ, хорошенько
съ нимъ переговорите и о послѣдующемъ насъ увѣдомьте. Слова
нашего посла будутъ какъ-бы наши собственные слова. Мы посла-

ли его съ нашимъ письмомъ, съ челобитіемъ, съ поздравленіемъ, съ подаркомъ и съ конемъ-иноходцемъ, и просимъ, чтобы Вы приняли его любезно.⁴¹

На посольствѣ хана Баторій отвѣчалъ посольствомъ съ своей стороны. Посломъ отправленъ былъ Андрей Тарановскій, знаменитый дипломатъ, знатокъ восточныхъ народовъ, ихъ страсть, языковъ, обычаевъ и порядковъ.⁴² 31 декабря 1576 г. написана была ему въ руководство обширная инструкція относительно веденія переговоровъ съ ханскимъ правительствомъ. Она извлечена изъ Литовской метрики (Ex libris Metr. Lit. 215 fol. 907) и напечатана покойнымъ профессоромъ Павинскимъ (Źródła dziejowe, t. I, № XXXVIII, str. 73—77), и мы не будемъ здѣсь подробно излагать ея, а приведемъ изъ нея только пункты, относящіеся къ Дѣлѣ-провскимъ козакамъ.

„Царямъ дозволяется,“ говорится въ инструкціи, „ловить за рѣкою Дѣлѣ-промъ *низовыхъ козакъ* и казнить ихъ смертію; а съ той стороны Дѣлѣ-пра, гдѣ наши замки, мы не должны допускать, чтобы ихъ принимали; если-бы какіе-либо изъ нихъ пришли, то по нашему приказу старосты наши должны ихъ хватать и казнить.

Если Ханъ будетъ требовать относительно Низовцевъ чего-нибудь еще сверхъ того, что мы выше написали, то отвѣчать ему такъ: объ этомъ вопросѣ было много переговоровъ въ то время, когда заключалось перемиріе съ прежними польскими королями, а между тѣмъ нельзя было помочь этому злу. Вѣдь Ханъ хорошо знаетъ, что это скопище людей не имѣетъ надъ собою никакой власти; оно составилось изъ москвитянъ, волоховъ и тѣхъ изъ нашихъ подданныхъ, которые, будучи приговорены къ смерти, отравились въ козаки; ихъ прибавилось послѣ вторженій, которыя каждый годъ производилъ сынъ Хана съ своимъ войскомъ въ русскія земли, потому-что къ козакамъ присоединились многіе такіе люди, которые, лишившись имуществъ, не имѣли орудствъ къ пропитанію; къ тому же они хотѣли отмстить за убійство и плененіе татарами ихъ родителей, женъ, братьевъ и дѣтей. Мы за Дѣлѣ-промъ не имѣемъ никакихъ замковъ, и не можемъ воспротивить

⁴¹ См. Źródła dziejowe (Павинскаго), t. IV, str. 67—70, № XXXV.

⁴² См. Bartosza Paprockiego Herby rycerstwa polskiego. Wyd. Turowskiego. Krak. 1858. Str. 427—28 и 826—27.

замкамъ, чтобы они не ютились въ Московскихъ и иныхъ пусты-
хъ; однако по ою сторону Днѣпра, гдѣ находятся наши замки,
аросты наши не только не будутъ ихъ терять, но по нашему
казу будутъ ихъ хватать и карать.“²¹

Въ началѣ января (4 или 5 числа) 1577 года Джанъ-Темиръ-
а и Андрей Тарановскій тронулись въ путь.²²

Но пока татарскій посолъ гостилъ въ Торнѣ, а затѣмъ мед-
ленно двигался вмѣстѣ съ Тарановскимъ по пути къ Крыму, въ
послѣхъ произошло слѣдующее:

Изъ Москвы ѣхалъ татарскій посолъ. Онъ везъ съ собою
мнѣтельную сумму денегъ и двухъ соколовъ-бѣлозоровъ,²³ со-
павившихъ, вѣроятно, подарокъ государя Московскаго царю По-
московскому. По дорогѣ на него напали низовые козаки подъ на-
казомъ гетмана Шаха и ограбили его, будто-бы по приказа-
нію или, по крайней мѣрѣ, съ дозволенія кievскаго воеводы князя
Юсантина Константиновича Острожскаго. Прѣзжая далѣе та-
тарскій посолъ встрѣтилъ отрядъ своихъ соотечественниковъ подъ
предводительствомъ перекопскаго царевича Махметъ-Герай-султа-
на, направлявшійся для грабежа въ Московскія владѣнія. Посолъ
жаловался царевичу на Шаха и царевичъ рѣшилъ оставить за-
мѣнный набѣгъ на Московскія земли и во что бы то ни стало
имѣть по свѣжимъ слѣдамъ Шаха, скрывшагося тѣмъ време-
немъ въ имѣніяхъ князя Константина Константиновича Острожскаго.
Для этого Махметъ-Герай-султанъ, ворвавшись въ предѣлы Рѣчи-
Посполитой между Кіевомъ и Бѣлой Церковью, повелъ свой отрядъ
на Волинь. „Мы побывали подъ 40 замками,“ рассказываетъ онъ
въ письмѣ къ молдавскому господарю Петру Хрому, „и не
могли найти его; потомъ расположились мы подъ Дубномъ и при-
казали своимъ всадникамъ ѣздить попарно и искать его вездѣ по
лѣсностямъ“.....²⁴ Живую картину этого набѣга набросалъ воспо-

²¹ См. Źródła dziejowe (Павлицкаго), т. IV, str. 76—77.

²² „Царь Перекопскій убезпечилъ насъ черезъ посла своего, которого
жвасъ на соймъ Торунскій послать и отправленъ онъ насъ з нашими послами“
—въ письмѣ Стефана Баторія къ Николю Радзивилю изъ Влоцка отъ
1 апрѣля 1577 г.—См. Acta historica, т. XI, Sprawy etc., str. 73.

²³ Соколы-бѣлозоры = faucons royaux. См. предисловіе проф. Павли-
скаго къ XI тому изданія Źródła dziejowe, стр. 33.

²⁴ См. Źródła dziejowe (Павлицкаго), т. IV, № LVІ, str. 109—110.

да брацласскій князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій въ письмѣ къ вице-канцлеру Яну Замойскому: „Вы писали ко мнѣ, мой милостивый государь, чтобы я объяснилъ Вашей милости, гдѣ и въ какихъ краяхъ татары подѣлали опустошенія. Такъ вотъ узнайте, мой милостивый государь, что они ворвались въ землю нашу между Кіевомъ и Бѣлою Церковью, прошли мимо Гончарихи, мимо Острополя, мимо Копотанова, между Заславлемъ и Жоховицами, далѣе между Кременцомъ и Острогомъ подъ Дубно, подъ Рсвию; однакоже нигдѣ не доходили до Стиря; до Луцка не дошли нѣсколькихъ миль, за то были у Перемышля; рассказываютъ, что сто всадниковъ прорвались было за Стирь, но возвратились назадъ; плѣнныхъ они вели на села Кременецкія, не слѣдуя по прежнему своему пути; шли они мимо Збаража; вотъ что они при этомъ сожгли и опустошили: всѣ Кременецкія села Его Королевскаго Величества, села воеводы Кіевского въ Дубенской волости около Базалии, Шульжинцовъ, Красилова, Кузьмина и Константинова, села князей Вишневецкихъ; также мои села около Збаража, всѣ села моихъ дядей около Аричова, Чоховскія села старосты Луцкаго и другихъ моихъ дядей, князи Владислава и князи Юрія; произвели они также опустошенія въ селахъ князей Заславскихъ; у князей Вишневецкихъ они всё сожгли; въ этотъ походъ татары имѣли не какое-нибудь особенное оружіе, а свое обыкновенное, стародавнее; благодаря многолюдству войска, они шли смѣло, на проломъ, захватывали людей, стада скота и всякое иное имущество; какого имущества они не могли захватить, то—сожгли вмѣстѣ съ домами и гумнами; до тла опустошили они землю, ничего не оставивъ въ ней нетронутымъ. Извольте узнать это, милостивый государь мой; около Горыни они также кое-что захватили, а около Ямполья сожгли.“^{*1} Набѣгъ этотъ обстоятельно описанъ и въ „Хроникѣ“ Іоакима Бѣльскаго (изд. 1833-го года, том XIX, стр. 29—32), но мы не будемъ долѣе на немъ останавливаться, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу. Для насъ важно только, что всѣ попытки татаръ поймать Шаха оказались тщетными, Шахъ не попался имъ въ руки и они вынуждены были возвратиться по-своимъ.

^{*1} См. *Źr. dz.*, t. IV, str. 138—139, № LXXX.

исполонившись въ началѣ апрѣля лагеремъ у Тапиляковъ (вѣроятно, у рѣтекъ этого имени, существующихъ и нынѣ въ Балтскомъ Ямпольскомъ уѣздахъ Подольской губ.), Махметъ-Герай-султанъ послалъ своего младшаго брата Дершъ-Махметъ-мурзу, по прозвищу Эминей, съ порученіемъ разыскать князя Константина Копантинича Острожскаго, гдѣ бы опъ въ ту пору ни находился, извести ему о поступкѣ Шаха и бывшихъ съ нимъ изъзовыхъ козловъ и потребовать отъ него вознагражденія за ограбленіе татарскаго посла и уплаты обычной дани. Чѣмъ кончилась миссія Дершъ-Махметъ-мурзы, въ точности неизвѣстно. Повидимому, князь Острожскій обѣщалъ разогнать козаковъ на Днѣпрѣ и казнить тѣхъ изъ нихъ, которыхъ удастся захватить въ плѣнъ.

Между тѣмъ Стефанъ Баторій, узнавши о вторженіи татаръ, испорядился догнать уѣхавшихъ совмѣстно Джанъ-Темпръ-агу и Андрея Тараповскаго и передать Тараповскому приказъ остановиться и задержать Джанъ-Темпръ-агу въ виду нарушенія мира татарами. Королевскій приказъ былъ исполненъ и великій татарскій посолъ заарестованъ былъ въ Каменцѣ-Подольскомъ до выясненія дѣла.*1

Тѣмъ не менѣе степь не успокаивалась. Во второй половинѣ мая 1577 г. перекопскій царевичъ Алпъ-Герай, соединившись съ въгородскими царевичами Сихозою и Бакемъ, собралъ вокругъ себя болѣе 20 тысячъ человекъ и устроилъ вторичный въ 1577-мъ году набѣгъ. Татары двинулись на этотъ разъ по Кучманскому шляху, опустошили окрестности Бара, Меджибожя и Жукова, а затѣмъ прошли въ Червоную Русь и, раздѣлившись на два отряда, достигли въ одну сторону до Олеска и Подгайцовъ, а въ другую—до Бережанъ; по своему обыкновению, они захватывали въ плѣнъ жителей, грабили ихъ имущество и сжигали жилища строенія и гумна. Только послѣ удаленія татарскихъ отрядовъ во-сво-

*1 „То какъ еще его посолъ з нашимъ посломъ з паньства нашего не вышлъ. того посла Татарского розказали есмы *здержати а з паньства нашего не вышчати*“—изъ письма Стефана Баторія къ Николаю Радзивилу. См. *Acta historica*, t. XI, *Sprawy etc.* str. 78. „Posła tego, który do nich był posłan, *odprawiono było dobrze i z podarki, ale jest zatrzyman w Kamieńcu i onadzwon*“—изъ письма господаря молдавскаго къ Махметъ-Герай-султану отъ 11 мая 1577 г. См. *z. dz. t. IV*, str. 137.

ясн Джагъ-Темиръ-ага и Тараповскій двинулись въ Крымъ. Это случилось въ первыхъ числахъ іюля 1577 г.*¹

* * *

Вся вторая половина 1577 года въ рамкахъ нашего повѣствованія наполнена третьимъ въ этомъ году вторженіемъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитої татаръ и эпизодомъ козацкаго похода въ Молдавію подъ предводительствомъ нѣкоего самозванца Ивана, по прозвищу Подковара или Подковы.

Татары вторглись на этотъ разъ въ октябрѣ. Стефанъ Баторій былъ особенно обижень тѣмъ обстоятельствомъ, что „nad zwyczaj rospolity wszzech narodów i nad wszelaką przystojność, szar sam głową swą w Ziemię naszą wtargnął i onę niepomalu uszkodził“ (=вопреки общепринятому у всѣхъ народовъ обычаю и противъ всякаго приличія ханъ самъ, собственною особою, вторгнулся въ нашу землю и причинилъ ей не мало вреда).*¹ Отпоръ татарамъ далъ князь Янушъ Збаржскій, воевода брацлавскій. Вступивши съ ними въ битву подъ Заславлемъ, онъ наголову разбилъ ихъ и заставилъ вернуться домой.*²

Иванъ Подкова—будто-бы сынъ господаря Стефана Молодого отъ нѣкоей армянки, родившей отъ него-же Ивана Грознаго (Ивонію), овладѣвшаго на время молдавскимъ престоломъ съ помощью козаковъ въ 1572 г., и Александра, продолжавшаго предпріятіи Ивана въ 1578 г. Они носили фамилію „Серпяга“, такъ какъ мать ихъ, находившаяся въ прелюбодѣйной связи яко-бы съ Стефаномъ Молодымъ, пытла мужа—армянина съ этою фамиліею.*³ Эпизодъ похода Ивана Подковы съ козаками въ Молдавію для захвата тамошняго господарскаго стола мы изло-

*¹ Деньги на путевые расходы вручены были Андрею Тараповскому 27 іюня: „per Koszowski puerum remissi die 27 Iunii in taleris antiquis n. 242 per gr. 35 et moneta f. 117—20, totius facit fl. 400“. . . . См. Źr. dz. t. IX, B, str. 173.

*² См. Bibl. ord. Kras. Muz. Świdz. t. V i IV, str. 34, слова изъ инструкціи Баторія послу Мартину Брошевскому отъ 4 апрѣля 1578 г.

*³ См. Хроника Іоакима Бѣльскаго, т. XIX, стр. 60.

*⁴ См. Histoire des Roumains par A.—D. Xénopol, v. I, pag. 380.

нимъ, придерживаясь разсказа современника, Іоакима Вѣльскаго. Извѣствованіе Вѣльскаго производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто оно составлено со словъ непосредственныхъ очевидцевъ и участниковъ событій похода. Оно подтверждается и всѣми официальными актами, доселѣ намъ извѣстными. Предводителемъ и гетманомъ у козаковъ является въ эту пору тотъ-же Шахъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ ограбилъ ѣхавшаго въ Москву татарскаго посла.

Между запорожскими козаками проживалъ нѣкій Иванъ Подкова,—разсказываетъ Іоакимъ Вѣльскій;*1 нѣкоторые были увѣрены, что онъ—родной братъ покойнаго Ивана, господаря молдавскаго; его называли Подковою, потому-что онъ былъ такъ силенъ, что ломалъ подковы. Узнавши о его существованіи, молдаване тайно послали къ нему, прося его, чтобы онъ, какъ наслѣдственный ихъ государь, пріѣхалъ къ нимъ и не допустилъ никого изъ нихъ обладать своимъ отечествомъ, которое принадлежитъ ему по наслѣдству отъ брата Ивана. При этомъ они жаловались, что терпѣли множество невыносимыхъ обидъ отъ своего господаря Петра Хромаго, а также отъ турокъ, которыхъ Петръ очень любилъ и держалъ при своемъ дворѣ. Подкова былъ очень признателенъ имъ за ихъ расположеніе и благодарилъ ихъ. Однако совѣтовался съ ними, какъ-бы устроить, чтобы они выдали ему удостовѣреніе о его правахъ, котораго онъ не имѣлъ. И вотъ они въ скоромъ времени прислали ему два письма, адресованныхъ: одно—князю Константину Константиновичу Острожскому, воеводѣ кievскому, а другое—старостѣ барскому Николаю изъ Бучача Творовскому, къ которымъ было приложено болѣе десяти печатей самыхъ знатнѣйшихъ молдавскихъ вельможъ. Въ этихъ письмахъ они усердно просили обонхъ оказать содѣйствіе Подковѣ только до Днѣстра, а за Днѣстромъ они сами до будутъ ожидать его съ войскомъ въ назначенный день. Получивши эти письма, Подкова тайно пріѣхалъ съ ними въ Баръ и отдалъ ихъ старостѣ, съ которымъ имѣлъ и дальнѣйшій секретный разговоръ. Староста отвѣчалъ ему на это, что онъ съ радостью помогъ бы ему и что ему легко было бы это устроить, но что ему не подо-

*1 См. Хроника Іоакима Вѣльскаго, т. XIX, стр. 60—68.

басть ничего предпринимать безъ согласія и указаній со стороны короля, такъ какъ онъ помнитъ о перемиріи, заключенномъ королемъ съ падишахомъ Турецкимъ. Поэтому онъ обѣщалъ не забыть написать объ этомъ королю, когда будетъ писать по другимъ вопросамъ. Онъ не отказывался отъ участія въ этомъ дѣлѣ, если только послѣдуетъ на него королевское соизволеніе. Но пока что онъ приказалъ Подковѣ проживать гдѣ-либо внѣ Бара, такъ какъ, проживая въ Барѣ, онъ могъ бы сдѣлаться извѣстнымъ и въслѣдствіе этого могла бы подняться тревога въ Молдавской землѣ. Поблагодаривъ за совѣты, Подкова уѣхалъ прочь. Станиславъ Копыцкій, который только-что прибылъ въ Баръ изъ степей, узнавши объ этомъ, поѣхалъ къ Подковѣ, радовался его счастью и обѣщалъ по возможности помогать ему. Подкова сердечно благодарилъ его за это и просилъ, чтобы онъ на дѣлѣ доказалъ то, о чемъ говорилъ. Онъ обѣщалъ щедро вознаградить его, если только Господь Богъ утѣшитъ его и поможетъ ему утвердиться въ отечествѣ, въ которое призываютъ его подданные. Послѣ этого Копыцкій, пользовавшійся любовью козаковъ, среди которыхъ провелъ до двадцати лѣтъ, поѣхалъ къ нимъ и роздалъ имъ небольшую сумму денегъ, которую собралъ на службѣ. Къ этому дѣлу присталъ еще одинъ молдаванинъ, по имени Чапа, который женился въ этомъ краѣ и проживалъ въ окрестностяхъ Брацлава. Страніемъ этихъ двухъ лицъ собрано было 330 *козиковъ*. Народъ все былъ отборный, а гетманомъ надъ ними былъ Шахъ. Они явились къ Подковѣ и вторгнулись вмѣстѣ съ нимъ въ Молдавію. Но когда они услышали, что молдавскій господарь Петръ Хромоіи двинулся противъ нихъ съ большимъ войскомъ и что онъ имѣлъ у себя не мало пушекъ, то они сообразили, что не могутъ мѣряться съ нимъ силами, а потому набрали съѣстныхъ припасовъ и отступили назадъ, думая въ другое время попытать счастья. Господарь молдавскій Петръ Хромоіи, узнавши объ этомъ, послалъ состоявшаго при немъ чауша Турецкаго падишаха къ каштеляну галицкому Яну Свининскому, который какъ разъ въ то время ѣхалъ отъ падишаха, заключивъ съ нимъ перемиріе. Онъ жаловался каштеляну, что вопреки договорамъ и перемирію козаки опустошаютъ падишахову землю и во что бы то ни стало хотятъ посадить Подкову на молдавскій столъ. Поэтому пусть каштелянъ

писать королю, чтобы король как можно скорѣе прекратилъ это, чтобы захватилъ Подкову и наказалъ его по условіямъ договора, и чтобы учинилъ правосудіе надъ всѣми козаками. Если уйдетъ иначе, то Турецкій падишахъ не будетъ соблюдать перемирія съ королемъ. Обо всемъ этомъ галицкій каштелянъ Янъ Чиницискій състоятельно написалъ королю. Король былъ очень безпокоенъ этимъ извѣстіями и тотчасъ же послалъ своего коморника съ письмами къ гетману Николаю Сенявскому, а также и нѣкоторымъ русскимъ панамъ, въ которыхъ приказывалъ имъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы поймать Подкову и иныхъ унтовщиковъ. Послѣ этого гетманъ двинулъ три роты, начальствовавшія которыми ввѣрилъ слугѣ своему Воболецкому. Ожидая застать Подкову въ Немировѣ, такъ какъ онъ тутъ незадолго до того проживалъ, Воболецкій прямо двинулся туда. Онъ бы его тамъ и засталъ, но Подкова вовремя догадался и выѣхалъ изъ города, имѣя при себѣ 50 пѣхотинцевъ съ ружьями. Онъ подъѣхалъ къ одному броду, вбрѣлъ въ воду по брюхо коню, а впереди себя поставилъ стрѣлковъ въ боевомъ порядкѣ для отпора. Когда Воболецкій также подъѣхалъ къ этому броду, то, увидѣвъ, что люди стоятъ въ боевомъ порядкѣ и занимаютъ мѣсто удобное и труднотелное для стычки,—повернулъ назадъ. Подкова вслѣдъ за Воболецкимъ также въѣхалъ въ Немировъ; Воболецкій остановился въ замкѣ, а Подкова на предмѣстьи. Воболецкій потребовалъ отъ городского урядника, чтобы онъ выдалъ ему Подкову. Урядникъ отвѣчалъ: „Выдать тебѣ его я не могу, но и не защищаю его; возьми его, если можешь.“ Воболецкій уѣхалъ прочь, ничего не добившись. Послѣ этого гетманъ Николай Сенявскій далъ знать королю, что онъ настигъ Подкову въ Немировѣ, но что наѣстники воеводы брацлавскаго, князя Януша Николаевича Збаржскаго, въ Немировѣ—не захотѣли его выдать. Король написалъ воеводѣ, чтобы онъ приказалъ выдать Подкову. Но прежде чѣмъ коморникъ пріѣхалъ, Подкова снова лучше прежняго изготовился и вторгнулся въ Молдавію. На помощь ему прибылъ гетманъ Шахъ съ тысячами козаковъ, а четыреста человекъ оставилъ на Пулу. Онъ вышелъ на шляхъ, который зовутъ Пробитымъ, и здѣсь провозгласилъ Подкову господаремъ молдавскимъ, при чемъ приказалъ бить въ кожаные бубны. Такимъ образомъ козаки про-

вожали Подкову до Сороки. Когда продалились далѣе за Сороку, то чернь прежде всего признала его господаремъ. Услышавъ объ этомъ, Петръ сталъ готовиться противъ Подковы. Когда подошли казаки съ Подковой къ Яссамъ, то навстрѣчу выступилъ Петръ съ войскомъ, котораго у него было не мало. Впереди двигались турки, въ числѣ пятисотъ; они составляли голову отряда и имѣли при себѣ пушки. Казаки тотчасъ замѣтили это и устроились такъ, чтобы пушки не могли причинить имъ вреда. Нѣкоторые объясняли, будто-бы одинъ изъ козаковъ могъ заговаривать пушки, по гораздо вѣрнѣе, что они, увидѣвши дымки въ тотъ моментъ, когда поджигали порохъ въ пушкахъ, всѣ прилегли къ землѣ и такимъ образомъ пушки не причинили имъ вреда. Турки же, думая, что казаки пали убитыми, бросились къ нимъ; тогда казаки вскочили и выстрѣлили въ турокъ изъ ружей; оразу триста лошадей у нихъ было подстрѣлено, а остальные всадники поскакали въ разныя стороны. Петръ, увидѣвши свое неочастіе на первомъ же шагу, вмѣсто того, чтобы приказать остальнымъ людямъ вступить въ битву, повелѣлъ имъ отступать, а вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Яссы, двинулся въ Валахію къ своему брату, тамошнему господарю. Оттуда уже онъ отправилъ посольство къ турецкому падишаху съ жалобой на козаковъ, подданныхъ польскаго короля, за то, что они выгнали его изъ страны и отдали ее во владѣніе иному лицу. Онъ просилъ падишаха оказать ему помощь. Падишахъ отвѣчалъ ему такъ: „Я называлъ тебя своимъ подданнымъ и далъ тебѣ тамошнее господарство для того, чтобы ты служилъ мнѣ тамъ, куда я тебя пошлю, а ты вмѣсто этого меня заставляешь служить себѣ. И вотъ я приказываю тебѣ, чтобы ты этого разбойничка выгналъ, а если ты этого не сдѣлаешь, то я отрублю тебѣ голову и пошлю кого-либо иного на тамошній столъ.“ Тѣмъ временемъ Шахъ съ казаками счастливо и безъ всякихъ потерь возвели Подкову на господарство. Они вступили въ Яссы въ канунъ св. Андрея (т. е. 29 ноября) 1577 года и тотчасъ отпустили на выкупъ всѣхъ невольниковъ, которые только тамъ были. Между ними былъ волыньскій шляхтичъ Воки; онъ былъ проданъ туркамъ татарамъ..... Потомъ Подкова началъ раздавать должности; Шаха онъ сдѣлалъ какъ-бы первымъ министромъ, поручивъ ему въ управленіе весь молдавскій народъ, Чапу назначилъ

ришалоу, а Копицкаго — буркулабомъ Хотинскимъ. Къ турецкому падишаху онъ послалъ за знаменемъ, но его посла перехватили на дорогѣ, такъ что до падишаха онъ не доѣхалъ. Прежній сподаръ Петръ Хромой снова собралъ не мало войска. Когда казаки услышали, что онъ двгается къ Ясамъ, то совѣтовали одковъ, чтобы онъ не ожидалъ непріятеля въ замкѣ, но чтобы яступилъ ему на встрѣчу. Когда Петръ былъ уже невдалекѣ отъ Яссы, то Подкова двинулся впередъ съ козаками и съ молдавскимъ войскомъ. Онъ началъ было молдавское войско строить въ головахъ, желая, чтобы оно открыло битву, но козаки не допустили до этого, такъ какъ не полагались на молдаванъ. Между тѣмъ Іахъ послалъ нѣсколькихъ козаковъ въ передовую стражу. Они извѣстили, что непріятель гонитъ впереди себя стада лошадей и ятого скота, желая раздавить окомомъ пѣшее войско, а впереди пады гарцуютъ турецкіе наѣзники.*¹ Они гарцовали такъ долго, что козакамъ не въ мочь уже было долѣе терпѣть. Тѣмъ не менѣе Іахъ удерживалъ своихъ, чтобы допустить непріятеля поближе къ окомъ, когда враги наткнулись на нихъ, онъ приказалъ выпустить въ нихъ изъ ручнаго оружія. Одни были убиты, а другіе оказали тылъ. Тогда козаки начали стрѣлять въ скоть, который ювернулъ назадъ и сталъ давить войско Петра. Видя это, Подкова, стоявшій на правомъ флангѣ, и Шахъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ, ударили на непріятелей и стали бить и сѣчь приведенный въ замѣшательство народъ. Многіе легли на мѣстѣ, а Петръ въ остаткомъ войска едва успѣлъ убѣжать. Хотя Подкова одержалъ побѣду, но онъ сомнѣвался, чтобы ему удалось успѣть на господарскомъ столѣ, въ особенности въ виду того, что, по слухамъ, въ помощь Петру дѣлалось значительное войско отъ воеводы седмиградскаго съ Стефаномъ Андреевичемъ Баторіемъ, племянникомъ короля, со златомъ. Дѣлалось это по письму короля, который желалъ господарскаго стола для Петра и былъ ему добрымъ пріателемъ. Поэтому Подкова выѣхалъ заранѣе изъ Яссы. Онъ увезъ оттуда 14 пушекъ, захватилъ съ собою наилучшія вещи и хорошо снабдилъ себя съѣзными припасами. Прежній Хотинскій буркулабъ, кото-

*¹ Такой способъ войны примѣняли южно-африканскіе буры во время восточной войны съ англичанами.

раго Копыцкій выгналъ изъ Хотина, жилъ на польской сторонѣ р. Днѣстра въ имѣніи Якова Струса.*¹ Когда онъ узналъ, что новый господарь, Иванъ Подкова, двинулся изъ Яссы, то выѣхалъ тайно изъ своего убѣжища, подстерегъ Копыцкаго и взялъ его въ плѣнъ. Когда онъ ѣхалъ съ нимъ къ своему старому господарю Петру, то наткнулся на козаковъ, посланныхъ Подковою на встрѣчу Копыцкому, чтобы послѣдній могъ безопасно выѣхать изъ Хотина. Козаки сейчасъ же отбили Копыцкаго, зарубили самого буркулаба и никого изъ его свиты не оставили въ живыхъ. Когда Подкова приближался къ Сорокѣ, то онъ все раздумывалъ, какъ бы ему пробраться на Нпзъ т. е. за днѣпровскіе пороги. Двигаться степями—страшны глубокіе снѣга; ѣхать мимо Немирова—опасны гетманъ Николай Сенявскій и брацлавскій воевода князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій. Получивши относительно Подковы приказы короля, они прилагали всѣ усилія, чтобы его поймать. Однакожъ когда гетманъ со своимъ отрядомъ встрѣтился съ Подковою, то, видя, что тотъ хорошо снабженъ оружіемъ и имѣетъ достаточно войска, не рѣшился вступить съ нимъ въ битву, отлично понимая, что онъ можетъ получить его въ плѣнъ и безъ пролитія крови. И вотъ брацлавскій воевода, будучи въ Немировѣ, пригласилъ нѣсколькихъ козаковъ къ себѣ во дворъ. Среди нихъ находился и ихній гетманъ Шахъ. Тамъ князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій разсказалъ имъ, какъ король недоволенъ имъ, хотя онъ ни въ чемъ не виноватъ, изъ-за того Подковы, котораго они водили на господарскій столъ; этимъ походомъ они дали турокскому падишаху поводъ нарушить перемиріе. Онъ совѣтовалъ козакамъ, чтобы они не относились къ такимъ дѣламъ легкомысленно и чтобы не раздражали противъ себя короля. С Подковѣ онъ говорилъ, чтобы тотъ ѣхалъ къ королю и далъ королю о себѣ отчетъ; такъ какъ онъ человѣкъ, занимающійся военнымъ ремесломъ (по тогдашнему выраженію: „człek gusarski“), то король пріиметъ его ласково. Онъ самъ обѣщалъ провести его къ гетману Николаю Сенявскому, а гетманъ поѣдетъ де съ нимъ къ

* „Chmielnik. Propugnaculum contra Scythas Bohum versus. Administrata nunc praefectura illam summa cum laude Jacobus Strus, robore animi et corporis cunctis jamdudum conspicuus, patrisque et avorum memoria celebris.“ Desci vet. et nov. Polon., 1585, подъ словомъ *Chmielnik*.

ролю. Козаки передали Подкову слова князя Збаражскаго и Под-
ва охотно съ нимъ согласился.^{*1} Онъ поѣхалъ съ княземъ къ
гетману. Князю-воеводѣ брацлавскому онъ подарилъ 12 изъ своихъ
шекъ, а гетману 2. Гетманъ отослалъ его къ королю въ Вар-
шву..... Это произошло въ январѣ мѣсяцѣ 1578 года.

* * *

Далѣе начало 1578 года протекало при слѣдующихъ обсто-
ятельствахъ:

Съ 8-го января Стофанъ Ваторій былъ уже въ Варшавѣ и
товарился къ сейму, который долженъ былъ собраться тамъ въ
январѣ, чтобы установить налогъ для покрытія расходовъ по
идущей войнѣ съ Москвою. Сюда доставили арестованнаго
вана Подкову. Король принялъ его крайне немилостиво, сейчасъ
же приказалъ посадить его въ тюрьму, надѣть на ноги кандалы
держать подъ строгимъ карауломъ.^{*2}

Между тѣмъ козаки подыскивали себѣ новаго самозванца, нѣ-
кого Александра, который выдавалъ себя за брата Ивопи и Под-
мы, и, пользуясь отсутствіемъ арестованнаго Подковы, продѣ-
лывалъ свои права на Молдавскій столъ. Подъ его предводитель-
ствомъ козаки снова ходили подъ Яссы, но неудачно: они были
голову разбиты войсками королевскаго брата Христофора Ва-
рія, явившимися на содѣйствіе туркамъ; Александра турки поса-
дили на колъ, а козаковъ, попавшихся въ плѣнъ, отправили въ
Константинополь, — конечно, для обращенія въ рабство.^{*3}

Тѣмъ временемъ явился въ Варшаву посланникъ молдавска-
го господара Петра хлопотать о казни Подковы.^{*4} Еще до закры-
тія сейма король приказалъ бы казнить Подкову, озлобленный

^{*1} Передъ казнью Подкова проклиналъ за этотъ совѣтъ князя Януша
князя Збаражскаго, называя его предательскимъ псомъ. См. *Listy Anni-
la z Karai, nuncjusza w Polsce etc.* Wyd. Al. Przezdziecki. War. 1852, str. 255.

^{*2} См. Хрон. Іоакима Бѣльскаго, т. XIX, стр. 68.

^{*3} См. *ibid.* т. XIX, стр. 74.

^{*4} „Provisio nuntii palatini Moldaviae nomine...., qui Varschaviam ad S.
tam R. venerat diebus Februarii in legatione“... См. *Źr. dz. t. IX, B.*, str. 192.

противъ него за бездоговорность, причиненныя имъ господарю Петру жившему съ королемъ въ доброй пріязни; но его останавливаѣтъ опасеніе задѣтъ сеймующую шляхту, которая относилась къ Подковѣ съ сожалѣніемъ, считая его человѣкомъ добрымъ.*1

10 марта 1578 г. пріѣхалъ къ королю въ Варшаву посланникъ царя перекопскаго Мухаммедъ-Герай-хана Хоромалы съ цѣлымъ рядомъ жалобъ на низовыхъ козаковъ.*2 Ходъ переговоровъ съ Хоромалой никѣмъ не записанъ. Какъ результатъ сношеній съ молдавскимъ посланникомъ и съ Хоромалой, вышли изъ королевской канцеляріи четыре документа, имѣющихъ важное значеніе для исторіи Днѣпровскаго козачества. Всѣ они помѣчены 4-мъ апрѣля 1578 года.

Первымъ изъ этихъ документовъ является королевскій универсалъ, обращенный ко всѣмъ воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ, подстаростамъ, шляхтичамъ, бурмистрамъ, райцамъ, войтамъ и вообще ко всѣмъ королевскимъ подданнымъ, до которыхъ только онъ можетъ дойти. Въ немъ король объясняетъ, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ многіе подданные польскаго королевства, а также уроженцы сосѣднихъ странъ дошли до такой дерзости, что организуютъ военно-партизанскіе отряды, нападаютъ на Молдавію и Валахію, производятъ тамъ ужасныя безчинства, вводятъ туда разныхъ бунтовщиковъ, стремящихся къ переворотамъ и къ захвату власти надъ этими государствами, и всѣми этими дѣйствіями нарушаютъ договоры, заключенные ранѣе между Рѣчью-Посполитою и правителями Молдавіи и Валахіи; что поэтому, испросивши согласіе только-что закрытаго сейма, онъ рѣшилъ послать для открытія въ русскихъ, подольскихъ и другихъ сосѣднихъ областяхъ зачинщиковъ и пособниковъ этихъ предпріятій—*Яна Тарла* изъ Щекаржовицъ, воеводу люблинскаго, старосту пильзенскаго. Въ заключеніе король объявляетъ, что Янъ Тарло получилъ особыя полномочія производить слѣдствія и подвергать виновныхъ суду и наказанію и что, только если виновнымъ окажется кто-либо изъ богатыхъ шляхтичей, то дѣло его

*1 См. Хроника Іоанниа Бѣльскаго, т. XIX, стр. 74.

*2 „Provisio nuntii magni Tartarorum caesaris Przekopscensium Machmeth-glerel Cham, nomine *Choromala*, qui Varschaviam ad S. Mtem R. in legatione venerat die 10 Martii 1578“.... См. *Zr. dz. t. IX, B, str. 192.*

имѣть бытъ, по усмотрѣнію Тарла, представлено королю, равно и Тарло самъ имѣетъ право обращаться къ королю въ затруднительныхъ случаяхъ за совѣтами и указаніями. Всѣмъ, къ кому брашенъ универсаль, выѣняется въ обязанность оказывать Тарлу личное содѣйствіе.

Второй универсаль адресованъ кievскому воєводѣ князю Константину Константиновичу Острожскому. Въ немъ король напоминаетъ князю Острожскому, чтобы послѣдній исполнилъ свое обѣщаніе, данное царю Перекопскому (вѣроятно, черезъ царевича Мишея), а именно, чтобы немедленно двинулся на Днѣпръ, согнавъ оттуда разбойниковъ-Низовцевъ, а какихъ захватитъ въ плѣнъ, чтобы казнилъ. Далѣе король приказываетъ князю Острожскому извѣстить царя Перекопскаго о срокѣ, на какой онъ назначитъ вой походъ къ Днѣпру. Въ концѣ универсала выражается радость, что отборная часть (сзою) Низовцевъ погибла во время похода въ Молдавію съ Александромъ.

Во второмъ универсаль Стефанъ Баторій упоминаетъ и о третьемъ, въ которомъ онъ обращается къ украиннымъ т. е. пограничнымъ старостамъ вообще, а въ частности къ старостамъ Хмельницкому, Барскому, Брацлавскому, Винницкому, Бѣлоцерковскому, Кіевскому, Черкасскому и Каневскому* съ приказаніемъ содѣйствовать всѣми способами воєводѣ кievскому князю Константину Константиновичу Острожскому, когда онъ будетъ сгонять Низовцевъ съ Днѣпра, ловить и казнить ихъ, такъ какъ Низовцы своими нападеніями на земли царя Перекопскаго вызываютъ отмѣстку со стороны татаръ. Король требуетъ отъ старостъ, чтобы они не защищали Низовцевъ, чтобы не скрывали этихъ опасныхъ разбойниковъ изъ управляемыхъ ими городахъ и въ принадлежащихъ имъ имѣніяхъ, чтобы не снабжали ихъ селитрою, порохомъ, оловомъ и съѣстными припасами и чтобы не снаряжали ихъ для нападеній на подвластные царю Перекопскому земли. О подобныхъ дѣйствіяхъ пограничныхъ старостъ, говоритъ король, мы узнали отъ посла царя перекопскаго Хоромалы, который недавно у насъ былъ и который назвалъ намъ по именамъ низовскихъ вождей Шаха

* „Wzajem wobec i kazdemu z osobna z starost naszych ukrainnych, a swiazeczka“ i t. d.

и Арковского, зимовавшихъ съ 1577 на 78 годъ: первый—въ Непировѣ, а второй—въ Кіевѣ. Если Низовцы не прекратятъ своихъ нападеній на татарскія поселенія, то никакія подарки (upominki) татарамъ не предотвратятъ ихъ отвѣтныхъ набѣговъ.

Наконецъ, четвертый документъ представляетъ собою инструкцію, данную ѣхавшему въ Крымъ посломъ королевскому секретарю и придворному Мартину Броневскому для руководства при веденіи переговоровъ съ перекопскимъ царемъ Мухаммедъ-Герасомъ. Такъ какъ посланный въ Крымъ въ предыдущемъ году Андрей Тарановскій продолжалъ еще оставаться тамъ, то Мартину Броневскому вмѣняется прежде всего въ обязанность столкнуться съ Тарановскимъ и дальнѣйшіе переговоры съ ханскимъ правительствомъ вести сообща. Затѣмъ предписывается поставить на видъ хану, что онъ поступилъ недобросовѣстно, когда осенью 1577 года, не ожидая окончанія мирныхъ переговоровъ, самъ лично вторгся въ предѣлы Рѣчи-Посполитой и надѣлалъ въ нихъ много опустошеній. Тѣмъ не менѣе король предлагаетъ миръ и дружбу при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) пусть ханъ вернетъ всѣхъ плѣнныхъ, захваченныхъ во время послѣднихъ набѣговъ; 2) пусть не требуетъ увеличенія той дани (upominki госпе), которая была установлена при Сигизмундѣ-Августѣ; 3) пусть ханъ поидетъ походомъ противъ Московскаго государя. По этому пункту вмѣняется обоимъ посламъ (Тарановскому и Броневскому) въ обязанность особенно настаивать, чтобы ханъ шелъ на Москву непременно собственною особою и непременно въ августъ мѣсяцъ текущаго 1578 года и вообще, чтобы онъ ежегодно ходилъ на Москву въ августъ мѣсяцъ. Когда онъ, двигаясь на Москву, поровняется съ Черкасами (предполагается, что татары идутъ лѣвымъ берегомъ р. Днѣпра), то пусть пошлетъ своего чиновника въ Черкасы и тамъ 7 августа королевскій посланецъ отдастъ ему дань, при чемъ не будетъ промедленія ни на одинъ часъ. Послы могутъ прибавить какъ-бы отъ себя, что сверхъ дани король по своей щедрости дастъ царю еще что-нибудь, если онъ окажетъ дѣйствительныя услуги Рѣчи-Посполитой. На требованіе царя, чтобы Рѣчь-Посполитая пропускала Вѣлгородскихъ (Аккерманскихъ) татаръ черезъ свои владѣнія, когда они будутъ двигаться на Москву, послы должны отвѣчать, что такое дозволеніе можетъ быть

по водѣ условіемъ, чтобы эти татары промыслили заблаговременно за проводникомъ, который указывалъ бы имъ путь и который дѣлъ бы объявлять королевскимъ подданнымъ, что татары идутъ по разрѣшенію короля; при этомъ они обязаны не причинять никому никакого вреда.

„Далѣе послы должны озаботиться,“ продолжаетъ король, чтобы царь далъ обязательство, что земли и подданные наши не сдѣлаютъ, а на дѣлѣ будутъ оставлены въ покоѣ татарами, какъ крымскими, такъ и Вѣлгородскими, Ногайскими, Очаковскими иными, на томъ самомъ основаніи, на какомъ онъ ищетъ это намъ черезъ своего посла Хоромалу и черезъ воеводу кіевского князя Острожскаго.

Что же касается Низовцевъ, то мы приказали господину воеводѣ кіевскому согласно договору, заключенному съ нимъ царемъ крымскимъ, чтобы онъ двинулся на р. Днѣпръ и разогналъ тамъ этихъ разбойниковъ (te lotry). Поэтому пусть и царь одновременно гоняетъ ихъ на берегахъ Днѣпра по уговору съ воеводою кіевскимъ. Однако невѣроятно, чтобы потомъ, когда воевода кіевскій и царь переконскій уйдутъ во-свои, не собрались бы тамъ снова эти разбойничьи шайки (lotrowstwo); устеречь этого невозможно въ тамошнихъ пустынныхъ мѣстахъ; къ тому же они могутъ найти себѣ пріютъ и въ Московской землѣ, такъ какъ они ходятъ въ соглашеніи съ Московскимъ государемъ, который удерживаетъ даже должность какого-то Днѣпровскаго воеводы, имѣющаго надъ ними начальствовать, и который подстрекнулъ ихъ къ походу въ Молдавію, какъ это выяснилось изъ показаній языкони, юманныхъ въ Молдавіи. За это мы не ручаемся, да и нѣтъ мысли, чтобы наша дружба разстроилась изъ-за того, что потомъ появится тамъ на Днѣпрѣ нѣсколько Низовцевъ. Если они тамъ и будутъ, то навѣрное будутъ безъ вѣдома нашего, такъ какъ мы ихъ не любимъ и не желаемъ сохранять ихъ, а напротивъ стремимся истребить, но въ тоже время не можемъ держать постоянно тамъ такого большого войска, чтобы оно было въ силахъ когда имъ противодѣйствовать.

Что касается тѣхъ способовъ, которые указывалъ намъ царскій посолъ Хоромала, какъ наиболѣе подходящіе для скорѣйшаго истребленія Низовцевъ, а именно, чтобы мы запретили на-

шимъ пограничнымъ старостамъ снабжать ихъ селитрой, порохомъ, оловомъ и съѣстными припасами, и дозволить имъ проживание въ селахъ, мѣстечкахъ и замкахъ, а также чтобы мы самыхъ отборныхъ изъ нихъ приняли на нашу службу, то мы съ своей стороны приказали уже всемъ пограничнымъ старостамъ подъ страхомъ строгой кары, чтобы они не давали этимъ разбойникамъ пріюта, но чтобы немедленно казнили, какъ только поймаютъ котораго-нибудь изъ нихъ. *Мы также попробуемъ, нельзя-ли будетъ пригласить ихъ на службу, хотя и не ручаемся за то, чтобы часть ихъ не ушла въ Московскіе предѣлы.* Тѣмъ не менѣе положено уже доброе начало потребленія Извозцовъ, потому-что въ послѣднее время они на голову были разбиты въ Молдавіи людьми нашего брата*¹ и самая отборная часть ихъ тамъ погибла.*

Въ заключеніе король поручаетъ своимъ посламъ заключить перемиріе съ царемъ Перекопскимъ даже въ томъ случаѣ, если онъ не согласится послать отвѣтныхъ пословъ, какъ не согласился при переговорахъ о перемиріи, заключенномъ при Сигизмундѣ Августѣ.*²

Снабженный такою инструкціею, Мартинъ Броневскій 10 апрѣля 1578 г. выѣхалъ въ Крымъ.*³ Выѣстъ съ нимъ выѣхалъ во главе и татарскій посолъ Хоромала со своей свитой, получивъ отъ короля въ подарокъ одежду изъ золотой парчи („*cui data vestis auro intexta*“). Подарковъ и денегъ на путевые расходы Хоромалъ и его спутникамъ выдано было на значительную по тому времени сумму 1322 флор. 24 гронн.=1772 р. 48 к.*⁴

Мы должны быть очень благодарны Стефану Баторію за двукратный выборъ посланникомъ въ Крымъ Мартина Броневского.*⁵ Чоловѣкъ это былъ образованный и наблюдательный; онъ

*¹ Подразумѣвается: Христофора Баторія.

*² См. Biblioteka orłynacyi Krasniskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. T. V, VI. Warsz. 1881. Str. 31—37, №№ 23, 24, 25 и 26.

*³ „*Expositio nuntii S. Mts R. ad caesarem Præboreconsensum cum eodem nuntio die 10 Aprilis gnos Martini Broniewski S. Mts R. secretarii.*“ См. Źr. dz. IX, B, str. 192.

*⁴ См. тамъ-же.

*⁵ Первый разъ Броневскій поѣхалъ въ Крымъ, какъ сказано выше, 10 апрѣля 1578 г., второй разъ 12 сентября того-же года. Въ Крыму онъ провѣлъ зиму съ 1578 на 1579 г. и возвратился домой только весной.

использовался теми досугами, какие онъ имѣлъ во время пребывания при ханскомъ дворѣ, чтобы написать на латинскомъ языкѣ подробный отчетъ королю обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Юскѣ нѣкоторой литературной обработки этотъ отчетъ составилъ превосходное географическое сочиненіе, изданное въ 1595 г. въ Вильнѣ на счетъ Арнольда Мылія подѣ такимъ заглавіемъ: *Magini Broniovii de Biezdzedea¹ bia in Tartariam nomine Stephani Primi Poloniae regis legati, Tartariae descriptio, ante hac in lucem numquam edita, cum tabula geographica eiusdem Chersonesus Tauricae. Poloniae Agrippinae, in Officina Birekmannica, sumptibus Arnoldi Mylij. Anno MDLXCV. Cum gratia et Privilegio S. Caesaris Maiestatis.*

* * *

Пасха 1578 г. приходилась рано, 30-го марта. Отпраздновавъ ее въ Варшавѣ, и отпустивъ въ Орду 10-го апрѣля, какъ упомянуто выше, татарскаго посла Хоромалу и Мартина Броневскаго, Стефанъ Баторій 13 апрѣля самъ тоже покинулъ Варшаву, держа путь на Львовъ. Іоакимъ Вѣльскій объявляетъ, будто-бы король поѣхалъ во Львовъ наиболѣе ради тѣхъ неурядиць (*rozruchów*), поводъ къ которымъ подалъ Подкова. Самого Подкову король отправилъ въ г. Раву для содержанія его подѣ стражей въ тамошнемъ замкѣ. Путь короля лежалъ черезъ Черокъ, Варку, Гловачевъ, Едльню, Радомъ, Ильжу, Куновъ и Оуатовъ на Сандомиръ. Здѣсь король задержался съ 20-го апрѣля до 2-го мая, а затѣмъ двинувшись далѣе, черезъ Лежайскъ и Ярославъ, 13-го мая онъ прибылъ въ столицу Червоной Руси.*²

Вскорѣ по прибытіи короля во Львовъ явились къ нему посланцы господара Молдавскаго *Балика* и *Стромиша* и пригнали

¹ Правильное названіе этой деревни *Biezdzedzy*. Броневскіе герба Тарнава писались *de Biezdzedzy*. См. *Herbarz Polski. Ułożył i wydał Adam Boniecki. Tom II, 1900, str. 139.*

² См. *Źródła dziejowe* (Павлицкаго), т. IX, А, str. 183—183, b) ітер S. *Міѣ B. ex Warschawa Leopoldm.*

въ подарокъ королю отъ господара пять быковъ. Оба были при-
сланы для переговоровъ по дѣлу Подковы.*¹

Волѣдъ за ними явился ѣздившій посломъ Баторія къ ту-
рецкому падишаху Христофоръ Дзѣржекъ и привезъ письмо отъ
падишаха, составленное въ началѣ марта 1578 г. Въ этомъ пись-
мѣ, изукрашенномъ цвѣтами восточнаго краснорѣчія и преиспол-
ненномъ любезностей, падишахъ рассказываетъ, что уже послѣ
ареста Подковы гетманомъ Николаемъ Сенявскимъ (Nikolá), когда
онъ, падишахъ, только собирался писать письмо къ королю Сте-
фану Баторію (Batury Jsztywan) о выдачѣ или казни Подковы,
боіи силистрійскаго санджака Даудъ вмѣстѣ съ Молдавскимъ го-
сподаремъ донесли Высокой Портѣ, что какой-то негодай,^{**} выда-
ющіиіи себя за брата разбойника Подковы, во главѣ *болѣе двухъ*
тысячъ пѣшихъ и конныхъ козаковъ изъ-подъ Кіева, Канева, Чер-
касъ и Брацлава, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, вор-
вался въ Молдавію, наполнилъ край пожаромъ и войной и, нако-
нецъ, расположившись въ прилегающихъ къ Яссамъ мѣстности
(Jasztrazag), опоясалъ городъ цѣпью отрядовъ и подвергъ его тѣс-
ной блокадѣ; далѣе падишахъ, ссылаясь на то, что турецкому пра-
вительству Стефанъ Баторіи обязанъ своимъ престоломъ и что
онъ обѣщалъ охранить грѣнцы турецкаго государства отъ вся-
кихъ вторженій со стороны подданныхъ Рѣчи-Посполитой,—тре-
буетъ отъ Баторія, чтобы онъ или выдалъ Подкову, или казнилъ
его, а также, чтобы самъ двинулся съ войскомъ противъ
виновниковъ вторичнаго нападенія на Молдавскую землю, захва-

* См. Żr. dz. t. IX, B, str. 192: „Nuntius palatini Moldaviae Balika et Stro-
fusz Leopolim ad S. Mtis R. venientibus in causa Podkocae, quibus per Christo-
pherum Dzierzec de mandato S. Mtis R. in provisionem dat. tal. 100 f. 113—10....
Expediit eorum.... Servitori illorum seniori, qui habebat curam bonum a pala-
tino Moldaviae S. Mtis R. donatorum, panni....

Pastoribus quinque bonis ex Moldavia sive Walachia bores pellentibus us-
que Leopolim dat. tal. 8 fac. fl. 7—15....

По словамъ Тосканскаго агента Филиппа Тальдуччи, подарки Молда-
вскаго господара королю были болѣе богатые: снѣ прислать де 50 воловъ, 4
бочки мускатнаго вина, 2 бочки маленькихъ соленыхъ лимоновъ и красиваго
верхового коня. См. Listy Annibala z Kapul, nuncjusza w Polsce etc. Wyd.
Al. Przewdziecki. Warsz. 1852, str. 253—254.

** Рѣчь идетъ объ Александрѣ, минимомъ братѣ Ивонн и Подковы.

ить ихъ и примѣрно наказалъ; если король почему-либо не въ состояніи этого исполнить, то долженъ подробно донести объ томъ падишаху, который самъ распорядится изгнать этихъ разбойниковъ изъ Молдавской земли; но Подкова долженъ быть казненъ безъ отговорокъ, а также долженъ быть схваченъ и казненъ или выданъ — тотъ другой негодяй, если онъ послѣ пораженія его вайки турецкими войсками пріютится въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой. Всякая снисходительность короля къ Подковѣ и къ этому другому негодяю будетъ служить доказательствомъ, что король не цѣнитъ мира съ падишахомъ и желаетъ вызвать его на враждебныя дѣйствія.^{*1}

Еще до полученія письма отъ падишаха Стефану Баторію удалось оказать свое содѣйствіе туркамъ въ поимкѣ Александра. Въ изложенной выше инструкціи Мартину Броневскому упомянуто, что посланное по распоряженію короля войско брата его Христофора Баторія, воеводы Седмиградскаго, разбило на голову козацкій отрядъ, водившій Александра въ Молдавію, при чемъ участію Александра, какъ мы знаемъ, былъ колъ, а плѣненныхъ козаковъ — турецкое рабство.

Почти по слѣдамъ Дзѣржка прибылъ 23 мая во Львовъ чаушъ турецкаго падишаха Мехметъ для личныхъ переговоровъ.^{*2} Въ письмѣ изъ Львова отъ 27 мая 1578 г. свидѣтель этихъ переговоровъ ксендзъ Янъ Піотровскій^{*3} такъ сообщаетъ о нихъ коронному маршалу Андрею Опалинскому:

„На дняхъ пріѣхалъ турецкій чаушъ и на завтра же имѣлъ аудіенцію, бранится, грозитъ; падишахъ пишетъ, чтобы мы прислали въ Константинополь или Подкову съ Константиномъ“^{*4} жп-

^{*1} См. Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historyi polskiej slużących, z dodatkiem objaśnień potrzebnych i krytycznych uwag, przez J. J. S. Skotowskiego. T. II, w Warsz. 1825, str. 302—308.

^{*2} См. Żr. dz. t. IX, B, str. 191: „Provisio nuntii caesaris Turcarum nomine Methmeth scaus, qui Leopolim ad S. Mtem R. venit die 23 Maii“....

^{*3} Письма ксендза Яна Піотровскаго къ вел. кор. марш. Андрею Опалинскому — одинъ изъ надежнѣйшихъ источниковъ для изученія эпохи Баторія. Отрывку изъ и подробности объ авторѣ Піотровскомъ (род. 1550, ум. 1591) см. въ предисловіи Чучинскаго къ книгѣ: Dziennik wyprawy Stefana Batorogo pod Psków. W Krak. 1894. Str. VIII—XII.

^{*4} Константинъ Лакуста (Сарапча) — молдаванецъ, сообщникъ Подковы.

всѣмъ, или ихъ головы; поэтому тутъ Подкова уже конецъ.⁴¹

10-го іюня тотъ же корреспондентъ пишетъ Андрею Опалинскому:

„Чаушъ на этой недѣлѣ будетъ отпущенъ. Вѣднѣя Подкова долженъ быть казненъ и, навѣрное, или еще въ бытность чауша, или тотчасъ послѣ его отъѣзда, будетъ ему отрублена голова. Константина король выгораживаетъ; настаиваетъ, будто бы онъ не виновенъ.“⁴²

Дѣйствительно, смерть Подковы была уже рѣшена и королевскій коморникъ Андрей Лозевницкій, ѣздившій за нимъ въ г. Раву,⁴³ доставилъ его во Львовъ для исполненія надъ нимъ казни, которая и состоялась 16 іюня на той каменной плахѣ передъ Львовской городской ратушей, на которой послѣдовательно сложили головы три молдавскихъ претендента: Томша (1563), Подкова и Янкула (1582).⁴⁴ Эта казнь была картинно описана очевидцемъ ея Тосканскимъ дипломатическимъ агентомъ Филиппомъ Тальдуччи въ письмѣ во Флоренцію къ кавалеру Кончини графу делла-Пенна, но мы не будемъ пересказывать здѣсь всѣхъ ея подробностей.⁴⁵ Приведемъ только отзывъ извѣстнаго ксєндза Яна Піотровскаго о произведенномъ ею впечатлѣніи изъ письма его къ Андрею Опалинскому отъ 3 іюля:

„Ваша Милость, вѣроятно, уже знаете, что Подкова обезглавлена. Удивительное дѣло, какъ вся здѣшняя чернь сожалеетъ о немъ; печатаютъ о немъ книги, пѣсни.“⁴⁶ Живописцы нарисовали

⁴¹ См. Acta histor. t. XI. Sprawy wojenne etc. str. 107.

⁴² См. ibid. str. 110.

⁴³ См. Żr. dz. t. IX, A, str. 108: „Andreas Łozewiczki *Ravam* propter deducendum *Pulkurum* captivum ad Mtem R. Leopoli expedito, dat. tal. 60, facit П. 58—10.“

⁴⁴ См. Heck. Życie i dzieła Zimorowiczów. W Krak. 1894, str. 26.

⁴⁵ См. Listy Annibala z Kapui, arcybiskupa Neapolitańskiego, nuncjusza w Polsce o bezkrólewiu po Stefanie Batorym etc. Wydał Alexander Przedziecki. Warsz. 1852, str. 253—258.

⁴⁶ Имѣется, вѣроятно, въ виду между прочимъ недодешедшая до насъ стихотворная брошюра Бартоша Папроцкаго: Krótki a prawdziwy opis wjecha-nia do Wołoch Iwana wojewody, którego Podkową zową. W Krakowie 1578, w 8-сс, wierszem. Объ авторахъ и заглавіяхъ другихъ подобныхъ брошюръ мы не нашли никакихъ свѣдѣній. На почвѣ сочувствія къ Подковѣ вокругъ его личности сложилась цѣлая легенда, которая превратила молдавскаго претендента

го обезглавленное тѣло. Не знаю, можетъ ли Александръ показывать болѣе мужества, нежели имѣлъ его Подкова, когда шелъ на смерть и обращался съ рѣчами къ народу. При этомъ присутствовали Молдавскіе послы (т. е. Баллика и Строншъ), а чаушъ Мехметъ за три дня передъ тѣмъ уѣхалъ.⁴¹

Въ другомъ письмѣ отъ 10-го іюля къ тому же корреспонденту всѣгдашъ Піотровскій замѣчаетъ: „Санджакъ Бѣлгородскій новидиному очень обрадованъ смертью Подковы, рады и въ Константинополь.“⁴²

* * *

Лѣто 1578 г. Стефанъ Баторій проводилъ во Львовѣ. Къ этому онъ былъ вынужденъ обстоятельствами, которыя сложились такъ, что Львовъ являлся для него наиболѣе удобнымъ пунктомъ, чтобы дожидаться возвращенія агентовъ, посланныхъ имъ съ разными порученіями на югъ и востокъ. Къ Львову, какъ къ центру, сходились дороги и съ береговъ Днѣпра, и изъ далекаго Крыма, и изъ сосѣдней Молдавіи. Дождаться же приходилось вотъ кого:

во-первыхъ, пословъ, отправленныхъ въ Крымъ для переговоровъ о заключеніи мира съ царемъ Переконскимъ въ виду предстоящей войны съ Москвою,—Андрея Тарановскаго, уѣхавшаго въ январѣ 1577 г., и Мартина Броневскаго, уѣхавшаго въ апрѣлѣ 1578 г.; съ ними должны были вернуться и гонимы, издвиншіе въ Орду съ письмами въ 1576 и 1577 г.г. и арестованные тамъ: переводчики съ татарскаго языка Шельмиза и Ахметъ, секретарь по арабской перепискѣ Илья и Николай Платовскій;

та въ южнорусскаго народнаго героя („ta Podkowa, ta rycerska calcy Rossyjskiej ouciżmu podroga“) и вдохновила еще въ 1693—1694 гг. одного изъ педагоговъ Кіевского коллегиума на составленіе подробной рѣчи, посвященной восхваленію Подковы: *Praxis in funera Herois dicti nomine Podcowa*. См. Ученія въ Историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца, книга XIV, 1900, отдѣлъ III, статья В. Перетца: „Къ исторіи Кіево-Могилинской коллегіи,“ стр. 23—25, № 4.

⁴¹ См. Acta histor. t. XI. Spr. wojen. etc. str. 115.

⁴² См. ibid. str. 118.

во-вторыхъ, Яна Тарла, люблинскаго воеводу, который поѣхалъ въ Брацлавъ, Винницу и Немпровъ съ обширными полномочіями, чтобы произвести разслѣдованіе о нападеніяхъ низовыхъ козаковъ на турецкія и татарскія поселенія, захватить виновныхъ въ разбояхъ и подвергнуть ихъ казни;^{*1}

въ-третьихъ, венгерца изъ королевской свиты Янчи Вегера, который согласно обѣщанію короля царю Перекопскому, выраженному въ инструкціи Броневскому отъ 4 апрѣля 1578 г., поѣхалъ вербовать запорожскихъ и низовыхъ козаковъ на королевскую службу.

Первыми явились послы. 22-го іюля прибыли во-своихъ Андрей Тарановскій и Мартинъ Броневскій вмѣстѣ съ освобожденными гонцами Шельмизой, Ахметомъ, Ильею и Николаемъ Платовскимъ^{*2}. Ихъ сопровождали турецкій чаушъ Солиманъ и ханскій посолъ Ибрагимъ Бѣлецкій, отатаренный полякъ.^{*3} Ходъ переговоровъ съ послѣдними съ обычною безыскусственностью передаетъ ксѣндзь Піотровскій въ письмахъ своихъ къ Андрею Опалинскому.

Изъ письма отъ 3 августа 1578 г. „Тарановскій съ чаушемъ и татарокимъ посломъ пріѣхали. Татаринъ хочетъ что-нибудь выторговать и заключить перемиріе не по старымъ договорамъ, но на основаніи новыхъ условій, а именно, чтобы „упоминки“ (подарки) получать ежегодно, не взирая на то, служить ли онъ намъ, или не служить. Съ Московскимъ государствомъ да будетъ ему позволено заключать дружбу когда и на какихъ угодно условіяхъ, брать отъ него „упоминки“, служить ему когда заблагоразсудится; это будто бы не будетъ мѣшать нашему перемирію. На Низу чтобы не было ни одного козака, а если появится хоть одинъ, то перемирію—конецъ. Оба берега Днѣпра должны быть его и даже на нашей сторонѣ онъ нѣкоторыя урочища включилъ въ число своихъ. Таковыя нелѣпости и подобныя имъ онъ рассказываетъ. Этотъ посолъ—природный полякъ, изъ хлоповъ, Бѣлецкій; кажется, будучи семи лѣтъ,

^{*1} Вл. секретари ему былъ опредѣленъ Леонъ Ростковскій: „Leonі Rostkowski magoi dni castellani Trocen. notario cum magoo dno palatino Lublinen. in terras Podollae ad faciendam executionem contra violatores foederis regni misso, fl. 35.“

^{*2} См. *Žr. dz. t. IX, B, str. 199.*

^{*3} См. *ibid. str. 191.*

нѣ былъ отсюда захваченъ въ плѣнъ; цѣтъ лица у него не татарскіи. Чаушъ съ своей стороны привезъ письмо падишаха турецкаго, въ которомъ то утѣшительно, что предлагается заключеніе перемирія по старымъ договорамъ. Никто другой не можетъ насъ примирить, кромѣ какъ этотъ чаушъ, и на него вся надежда. Въ противномъ случаѣ придется ихъ немного задержать, а къ Портѣ еще кого нибудь послать; пусть оттуда напомнятъ царю Перекопскому, чтобы онъ не вымалгалъ ничего болѣе того, что установлено давнимъ обычаемъ. Тарановскій однако шепчетъ на ухо то тому, то другому, что нѣтъ вѣрности въ этомъ краѣ (т. е. въ чаушѣ) и что если мы не отдѣлаемся отъ него, то напрасно будемъ умолять или откупаться.⁴¹

Изъ письма отъ 11 августа 1578 г. „Татары ничего не дѣлаютъ, только торгуются. Хотятъ многое вытянуть у насъ сверхъ старыхъ договоровъ. Они привезли готовую перемирную грамоту, написанную согласно ихъ тайнымъ желаніямъ. Однако они сдается и придется, кажется, къ тому, что они должны будутъ удовольствоваться старыми договорами. Его Королевской Милости придется послать въ Орду за новою перемирною грамотою, забросивъ ту, которую они привезли. „Упоминки“ уже готовы. Для этихъ камий нашили массу парчевыхъ подбитыхъ соболемъ одѣяній. Если бы не персидская война, на которую царь Перекопскій долженъ былъ послать Галгу съ 80.000 войска, то была бы намъ работа съ этимъ перемиріемъ. Хлопы эти держать себя гордо; такъ бранятся, что страхъ, да и чаушъ не очень то тянетъ въ нашу сторону.“⁴²

Изъ письма отъ 19 августа 1578 г. „Что тутъ новаго? Съ татарами и гурками на этой недѣлѣ хотѣли бы мы уже раздѣлаться. Каканъ раздѣлка? Самъ Господь Богъ вѣдаетъ, какъ, и къ чему приведетъ, Такого перемирнаго договора, какой предлагалъ посолъ царскій (собака полякъ Вѣлецкій, который побасурманился), мы не захотѣли принять, потому что въ немъ прибавлено много новыхъ условій сверхъ старыхъ, многія же старыя — пропущены; не заключивъ перемирія, мы не хотѣли выдать и „упоминковъ.“ Что же было дѣлать? Чаушъ по-

⁴¹ См. Acta histor. t. XI. Sprawy wojenne etc. str. 123—124.

⁴² См. Ibid. str. 120.

мерилъ, „упоминки“ принять подъ свою отвѣтственность. Онъ выдалъ письменное удостовѣреніе, въ которомъ даетъ слово и общаетъ, что убѣдить царя Перекопскаго прислать намъ перемирную грамоту, написанную на старыхъ условіяхъ; онъ тогда только отдастъ ему „упоминки“, когда это осуществится, и обезпечиваетъ насъ, что за эти же „упоминки“ царь будетъ воевать съ Московскимъ государемъ. Нашъ посланникъ вмѣстѣ съ чаушемъ долженъ ѣхать за этою перемирною грамотою къ царю, а другой посланникъ поѣдетъ къ турецкому падишаху и донесетъ, что не по нашей винѣ мы такъ долго не заключили съ царемъ перемирія, потому что въѣдъ въ договоръ съ Турціей ясно написано, что мирная сдѣлка должна быть учинена по давнему обычаю. Слѣдовательно царь виноватъ, а не мы, и пусть падишахъ внушитъ ему это. Сами разсудите, Ваша Милость, будетъ ли этотъ миръ надежнымъ. Воевода кievскій будетъ присутствовать здѣсь при отпускѣ посланниковъ.“⁴¹

Изъ письма отъ 30 августа 1582 г. „Еще ни татаръ, ни чауша не отпавили. Отпускъ состоялся бы, да ожидаютъ воеводы кievскаго, котораго требуютъ татары. Со дня на день долженъ быть. Какъ только онъ прибудетъ, такъ этихъ поганцевъ и вышiroвoдять. Я писалъ уже Вашей Милости, каковъ этотъ отпускъ пословъ и каково положеніе дѣлъ. Нѣсколько дней назадъ (25 августа) пріѣхалъ другой чаушъ Ахметъ, что былъ когда-то для заключенія перемирія въ Мальборгъ,—пріѣхалъ по дѣлу того турецкаго купца, который жилъ недавно въ Варшавѣ,—такой высокій съ сѣдою бородою; такъ вотъ падишахъ повѣсилъ его хозяина, а этотъ, узнавши здѣсь о печальномъ событіи не хотѣлъ ѣхать въ Турцію съ Московскими товарами, которыхъ по видимому онъ имѣетъ на большія суммы; чаушъ добивается, чтобы его принудительно доставили до границы; жалуется также на козакoвъ. Удивительно, какъ дерзко заводитъ онъ объ этомъ рѣчь грозить, бранить насъ, совсѣмъ какъ будто своихъ подданныхъ. Здѣсь такъ это объясняютъ, будто это признакъ, что онъ насъ боится; кажется, тамъ у падишаха чаще всего онъ ѣздитъ къ персамъ. Жаждетъ видѣться съ подольскимъ воеводою и проситъ короля чтобы далъ ему позволеніе съѣздить къ воеводѣ. Объ этомъ дано

⁴¹ См. *ibid.* str. 130.

ну знать и, кажется, ради чауша онъ самъ поспѣшить сюда... Чаушъ добивается, чтобы вмѣстѣ съ купцомъ былъ ему выданъ и издававшій Конотантинъ, сидѣвшій узникомъ въ Мальборгѣ.⁴¹

Изъ письма отъ 10 сентября 1578 г. „Съ турками и татарами мы уже покончили. Сегодня или завтра они должны уже выѣхать. Упоминки“ мы посылаемъ черезъ одного изъ чаушевъ. Съ ними идетъ и нашъ посолъ—Вроневскій. Мы вошли съ этими поганцами въ добрую дружбу и часто съ ними выпиваемъ. Были они у пана севоды подольскаго, другой разъ—у пана канцлера, вчера—у пана севоды кievскаго; вездѣ ихъ принимали пышно. Дай Богъ, чтобы та дружба принесла добрые плоды.... Отъ старосты черкаскаго князя Михаила Вишневецкаго) пришли письма; Вакай съ Сигозою прислали къ нему пословъ, требуя, чтобы онъ позволилъ имъ поѣхать черезъ Днѣпръ, такъ какъ они хотятъ идти на Москву. Онъ поступилъ такъ, что разрѣшилъ имъ переправу; 24 августа ихъ переправилось 3,000 и теперь они уже на пути къ Москвѣ. Его Милость король похвалилъ за это старосту, считая его поступокъ дѣльнымъ, и приказалъ на будущее время, что если и будетъ значительное число ихъ захочетъ еще переправиться, то чтобы староста дозволилъ имъ это и обошелся бы съ ними гуманно. Господа ордынцы хотятъ, кажется, брататься съ нами, но искренно нѣтъ, Богъ знаетъ.“⁴²

Изъ письма отъ 17 сентября 1578 г. „Съ чѣмъ отпращиваются турки и татары,—объ этомъ я достаточно писалъ уже Вашей Милости, мой милостивый государь, черезъ Юзефовича. Вмѣстѣ съ чаушемъ выѣхалъ въ Орду при „упоминкахъ“ слуга Вашей Милости Вроневскій. Инструкцію, данную ему, я отослалъ Вашей Милости. Чаушъ принялъ на свою отвѣтственность, что перемирная грамота съ царемъ будетъ написана по старымъ договорамъ и что на слѣдующее лѣто царь поможетъ намъ воевать съ Московскими государями.“⁴³

„Упоминки“, которые повезъ въ Орду Вроневскій въ сентябрь 1578 г., были очень богаты. До насъ дошелъ ихъ списокъ:

⁴¹ См. *ibid.* стр. 133.

⁴² См. *ibid.* стр. 136, 137.

⁴³ См. *ibid.* стр. 144.

1) наличными деньгами 13.800 старых талеровъ по 35 грошей въ каждомъ, что равнялось 9.200 червонцевъ, иначе 16.10 злотыхъ или флориновъ (на наши деньги—21.550 рублей);

2) серебряная чаша;

3) 304 куса Ліонскаго сукна стоимостью въ 11.889 флориновъ (=15.261 р. 26 к.);

4) по нѣскольку кусковъ суконъ: Швободзинскаго^{*1} и Ландбергскаго,^{*2} фіорета,^{*3} адамашка^{*4} и армезина;^{*5}

5) собольи и бобровые мѣха.

Всѣ „упоминки“ оцѣнивались въ круглую сумму 84.448 флориновъ (=46.161 р. 40 к.)

Самъ Броневскій на путевые расходы получилъ 1.000 флориновъ (=1.340 р.)^{*6} Въ инструкціи Броневскому отъ 12 сентября 1578 г. сказано было, что если татары вспомнятъ о козакахъ, то чтобы онъ отвѣчалъ: „Знаю де, что Его Милость король принимаетъ мѣры къ ихъ обузданію и пошлетъ на Украину пана вооуду люблинскаго, но онъ не поручалъ мнѣ вести о нихъ переговоры.“....^{*7}

* * *

Прежде чѣмъ рассказать о результатахъ миссій Яна Тарна и Янчи Бегера, мы сообщимъ о томъ набѣгѣ на Молдавію, который произвели козаки лѣтомъ 1578 г., въ то самое время, когда Стефанъ Ваторіи велъ переговоры съ турецкимъ чаушемъ и с

^{*1} *Swiebodzin*, въ настоящее время *Schwiebia*, городъ въ Бранденбургѣ знаменитый и теперь своими суконными фабриками.

^{*2} *Landsberg*—городъ также въ Бранденбургѣ на р. Варѣ.

^{*3} Фіоретъ—какая-то шерстяная матерія; вѣроятно, въ рисунокъ ее входили цвѣты и она называлась такъ отъ итальянскаго слова *fioretto*=меленькій цвѣтокъ.

^{*4} Адамашекъ—шелковая матерія, украшенная вытканными по ней узорами; первоначально изготовлялась въ г. Дамаскѣ, откуда и ее называли (франц. *damaas*.)

^{*5} Армезинъ или кармезинъ (итал. *carmesino*)—гладкая шелковая матерія; употреблялась для изготовленія знамени: „*Armesini rubei emptae ulnae 34 s per vexillum per gr. 10. Armesini albi, ex quo vexillum erat paratum cum una cauda oblonga, emptae uln. 24 per gr. 10, serici unctae 2.*“ См. *Žr. dz. t. IX, A, str. 21*

^{*6} См. *Žr. dz. t. IX, B, str. 193—194.*

^{*7} См. *Acta hist. t. XI. Sprawy wojenne etc. str. 148.*

времѣ послѣ, и стремился внушить имъ убѣжденіе, что и козацкихъ грабежей и нападеній на турецкія и татарскія посяи не слѣдуетъ ихъ государямъ становиться во враждебныя отношенія къ Польшѣ.

Первое извѣстіе объ этомъ набѣгѣ подаль подольскій воевода Николай Малецкій въ письмѣ отъ 2 іюля 1578 г. къ коронному маршалу Андрею Опалинскому: „Въ Молдавію подворился у уже повсемѣстный миръ, но вотъ вдругъ сегодня пришла отъ слугъ моихъ съ границы, что будто какая-то сволочь какимъ-то новымъ господаремъ во главѣ опять тамъ воюютъ.“¹

Предводителемъ на этотъ разъ явился новый самозванецъ, который выдавалъ себя за сына посаженнаго на колъ Александра. Въ письмѣ отъ 27 іюля, адресованномъ Низовцамъ,² ко- въ объясняетъ имъ, что молдаванинъ Петръ, поддерживаемый имъ, — вовсе не сынъ Александра, а наглый самозванецъ, что дѣйствительный Петръ не находится въ живыхъ: трупъ его лично былъ при провѣдѣ черезъ Молдавію Христофоръ Дѣбржекъ и которые другіе королевскіе слуги; король уговариваетъ козаковъ ходить въ Молдавію и не нарушать мира съ этою страной и съ союзникомъ — падишахомъ турецкимъ, обѣщаетъ отправить на войну противъ Москвы, грозитъ за ослушаніе его волею своимъ наказаніемъ.³

Въ письмахъ къ Молдавскому господарю Петру Хрому отъ 27 іюля и отъ 2 августа Баторіи объясняютъ, что козаки, явившіеся въ Молдавію съ Петромъ, собрались не въ Каневѣ и не въ Расахъ, а за Днѣпромъ, въ Московскихъ предѣлахъ, что они шли незамѣченными мимо королевскихъ замковъ, тайно перешли черезъ р. Вугъ и направляются къ г. Сорокѣ.⁴

¹ См. *ibid.* стр. 118.

² Это письмо вмѣстѣ съ другими письмами повезъ къ днѣпровскимъ ко- замъ или низовцамъ Андрей Пытовскій: „*Andreae Pythowski ad capitaneos clariorum, Winnicensemque; item ad Boristenes sive Nizorios et ad omnes capitaneos salutem, ut Petrum dictum Walwodam (чтобы Петра, самозваннаго господаря....) a finibus Moldaviae arceant et post retrocedant, misso, fl. 17.*“ *Зр. dz.* IX, А, 198.

³ См. Biblioteka ordynacyi Krasniskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. I. V i VI. Warsz. 1881. Str. 130—131, № 82; Кулишъ, Матеріалы для ист. возсоед. Руси, М. 1877, стр. 4—5.

⁴ См. Мuz. K. Św. t. V i VI, str. 133 i 138, №№ 86 и 88.

Отефанъ Ваторій считъ нужнымъ оказать помощь. Петру Хрому въ дѣлѣ отраженія козацкаго набѣга. Пожевому гетману Николаю Сенявскому съ его войскомъ предписано было двинуться къ г. Бакотѣ, Каспаръ Векошъ съ венгерской пѣхотой посланъ былъ къ г. Каменцу. Брацлавскому старостѣ Юрію Струсю и Виницкому подстаростѣ велѣно было собрать мѣстныя ополченія итти на подкрѣпленіе Сенявскаго къ Бакотѣ.^{*1}

Армянинъ Вартерезъ отправленъ былъ въ Константинополь объясниться по поводу происшедшаго съ Высокой Портой.^{*2}

Самый надежный свидѣтель событій этого времени кобиджа Янъ Піотровскій такъ пишетъ о королевскихъ распоряженіяхъ съ ему корреспонденту коронному маршалу Опалинскому отъ 3 августа:

„Внезапно пришло извѣстіе, что Низовцы съ какимъ-то голландскимъ Петромъ, который называетъ себя сыномъ Александра, идутъ съ трескомъ въ Молдавію. Король приказалъ гетману съ подольскими жолнерами двинуться на спасеніе господаря Молдавокаго. Векошъ также отправился туда съ венграми и гайдуками. Въ послѣдніе три дня вѣсти эти какъ-то охладѣваютъ; предполагаютъ, что наши въ скоромъ времени вернутся съ дороги; я уже не знаю, какъ объясняютъ посылку Векоша въ Молдавію.“^{*3}

Отъ 11 августа Піотровскій извѣщаетъ Опалинскаго:

„Позавчера спѣшно пріѣхалъ посланецъ господаря Молдавокаго съ письмомъ; пишетъ господарь, что онъ поймалъ этого Петра и приказалъ зарубить, что козаки удрали за Днѣстръ, причемъ по пути разорили городокъ Сороку и сожгли прилежащее къ его замку предмѣстье. Короля онъ искренне благодаритъ за помощь, которую послѣдній ему оказалъ. Написали уже къ Векошу и къ гетману, чтобы они возвратились.“^{*4}

* * *

Возвратимся теперь къ миссіямъ Яна Тарла и Янчи Богора. О пріѣздѣ Яна Тарла кобиджа Піотровскій сообщаетъ Опалинскому въ письмѣ отъ 17 сентября 1578 г.:

^{*1} См. *ibid.* str. 130—140, №№ 81, 83, 84, 85, 87, 89, 90, 91, 92, 94.

^{*2} См. *ibid.* str. 135, № 88.

^{*3} См. *Acta histor. t. XI, Spr. wojenne etc.* str. 124.

^{*4} См. *ibid.* str. 129.

На дняхъ панъ воевода люблинскій Янъ Тарло вернулся своей командировки. Онъ представилъ отчетъ обо всемъ. Больше всего онъ обвинялъ воеводу кievскаго, такъ какъ большинство козаковъ выходило на Янъ изъ его двора и изъ его вѣнъ, а также изъ Немирова, имѣнія пана воеводы брацлавскаго. Однако судить тамъ онъ никого не могъ, потому что никто не хотѣлъ явиться на его позвъ; не явился и панъ воевода кievскій вѣю по тому, что будто-бы въ позвъ не былъ выписанъ полкъ его титулъ. Тарло поймалъ тамъ одного какого-то бѣднягу и тотъ несчастливцевъ поплатится, кажется, за другихъ.⁴¹ Часто такъ и въ наше время, если громоздкая судебная машина двигается тамъ, гдѣ нужна только вооруженная сила.

Миссія Янчи Вегера была болѣе удачною. Въ понедѣльникъ 10 сентября прибылъ онъ во Львовъ и привезъ съ собою пять шапцовъ отъ Низовыхъ козаковъ. Имена ихъ были слѣдующи:

*По расходной книгѣ коро-
внѣ казначейства:*⁴²

Андрей Лиханскій, старшина,
Янъ Подолянинъ,
Янъ Дидъ,
Янъ Клюкъ,
Янъ Кольруша.

*По договорному универсалу
короля:*

Андрей Лиханскій,
Иванъ Подолянинъ,
Федоръ Дѣдъ,
Иванъ Клинокъ,
Филиппъ Коза.

Они предлагали королю свои услуги и обѣщали идти туда, куда ихъ пошлютъ. Приняты они были ласково, получили въ подарокъ отъ короля сначала по 15 флориновъ (=20 рублей), а потомъ еще по 8 локтей Лионскаго сукна, на 2 армяка каждому. Съ ними немедленно заключенъ былъ договоръ, по которому приня- было на королевскую службу 600 „товарищей“ съ платою по

⁴¹ См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc., str. 145.

⁴² См. Żr. dz. t. IX, A, str. 216: „Nizovis personis quinque ad S. Mtem R. Leopolum venientibus, nomine videlicet: Andrea Lichanski seniori eorundem, Iwan Podolania, Matfey Dyd, Iwan Kluk, Phillip Kolrusza, istorum cuilibet ex commissis ac de gratia S. Mtis R. per f. 15, omnibus f. 75.

Eisdem cuilibet panni Lundinen. super vestes 2 per uln. 8, facit uln. 40 per 11-18, dati f. 64.

Janczemu Begler, qui cum Nizovis Leopolum venerat, de gratia S. Mtis R. 11-18, Mtas ejusdem dati f. 25.“

6 копъ литовскихъ или, что тоже, по 15 флориновъ (=20 рублѣй) и по одному армяку въ годъ каждому. Староста черкасскій князь Микхаплъ Александровичъ Вишневецкій былъ назначенъ надъ ними гетманомъ, помощникомъ его опредѣленъ Янъ Орышовскій, а писаремъ—Янчи Вогеръ. Въ предстоящій день св. Николая т. о. 6 декабря 1578 г. всѣ „товарищи“ должны были принести присягу на вѣрность знамени и въ тотъ же день получить жалованье за четверть года. Они обязывались постоянно быть въ послушаніи и въ командѣ у короля и не дѣлать набѣговъ ни на Молдавію, ни на Турцію.*1 Договоръ съ Низовцами такъ важенъ для пониманія

*1 Ксѣндъ Янъ Плотровскій такъ передаетъ содержаніе заключеннаго съ Низовцами договора въ письмѣ къ Опалинскому отъ 17 сентября: „Onegdaj w poniedzialek przyjechało do K. J. M. pięciu posłańców od kozaków Nizowych, służby swe ofiarując, i tam ich obiecując gdzieby kazano. Wdzięczne to poselstwo ich było, odprawieni zarazem z tem. Za usługi ich przyjęto, za 600 Towarzystwa tamtego, przypowiadzano służbę po 6 kóp. Litewskich i po sukni na rok. Starosta Czorkaski Hetmanem nad nimi będzie, któremu na przyszły S. Mikołaj przysięgać wszyscy mają i na tenże czas ten zółd wziąć. Być zawsze pod posłuszeństwem i zwierzchnością królewską, do Wołoch ani do Turek, Boże uchowaj, choźdź nie mają.“ См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc. str. 144—145.

Militibus Boristhenis Nizovii dictis. . . tam ad custodiendum fines Regni ab IncurSIONIBUS Tartarorum, quam ad bellum contra duces Moschorum susceptis; quorum dux supremus per S. R. M. datus generosus Michael Wisniowiecki, castellanus Bracławiensis et capitaneus Circasiensis, sub cujus regimine servitia sua prestare S. R. M. et regno juramento astriti esse tenentur.

Servitium eisdem indictum est per S. R. M. a festo sancti Nicolai 1578 in personis 500, in quamlibet pro anno integro per 15 flor. et panni Lundinensis culibet per ars. litv. 4.

Solutis eisdem pro anno dimidio remissa est Czercassiam, ibidemque ad quietationem *Janczi Bagier, notarii eorumdem*, dati sunt 3.750 fl., eisdem pannum Lundinense, juxta littera S. R. M. stamina 57 per 37—5, fac. flor. 2.118—15. [3500 флор.—5025 p., 2118 ф. 15 гр.—2838 p. 80 к.] Pro quatuor staminibus simplicibus panni ad. . . hoc alem pannum stam. 1, fac. 24 flor. Totius facit flor. 2.142—15. [2142 фл. 15 гр.—2870 p. 95 к.]. *Janczi Bagier, notario eorumdem Nizoviorum* ratione stipendii illius super officium notariati, ad litteras S. M. R. data Cracoviae 29 Octobris 1578, flor. 50 [50 флор.—67 p.].

Joanni Oriszowski superintendenti eorumdem Nizoviorum in personis № 30, culibet pro anno dimidio per flor. 7—15 et pannum Lundinense.

См. Historya plechoty polskiej przez Konstantego Górskiego. Kraków 1893, str. 242—243, nota 37.—Зр. dz. t. IX, B, str. 209—210.

Подъ документомъ 1581 года Янъ Орышовскій подписанъ такъ: „Jan Oryszowski z Oryszowa, porucznik kozaków zaporoskich ręką własną.“ Лшде въ словарѣ издашіи 1811 г. опредѣляетъ значеніе слова *porucznik* для XVI вѣка

звѣщенія ихъ въ Рѣчи-Посполитой въ эпоху Баторія, что мы при-
нимаемъ здѣсь его въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ въ
временной ему рукописи.*

Postanowienie z Niżowcy.

(De conditionibus, quibus Nisovii fidem suam Regi et
pblcae obstringunt, litterae universales).

Stefan etc. Wszem wobec i każdemu z osobna komu
o wiedzieć należy oznajmujemy: Jż gdy tu do nas do-
wowa Mołojcy Zaporozcy z pośrodka siebie przysłali pos-
y swe, na imię: Jędrzeja Lichańskiego, Iwana Klinka,
wana Podolanina, Fiedora Dzieda, Filipa Kozę, z ofiaro-
waniem, że nam są gotowi służyć, my będąc wdzięczni
akowego ich ofiarowania, które przez omienione posły swe
nam uczynili, przyjęliśmy je na służbę naszą za temi kon-
lycyami, wedle których nam mają służyć. Naprzód że nam
wierni mają być i służyć pod władzą urodzonego knia-
ia Michała Wiśniowieckiego, starosty naszego Czerkaskio-
go i Kaniowskiego, którego im najwyższego sprawcę da-
emy, na miejsce nieboszczyka wielmożnego Jorzego Jaz-
owieckiego, wojewody Ruskiego, hetmana, i Śniatyńskie-

акъ: „Которымъ со поручено, намѣстникъ сыли заступца старшихъ.“ Лучше всего
мисляется значеніе слова *porucznik* въ эту эпоху изъ слѣдующаго мѣста
Дневника князя Плитровскаго, описывающаго походъ Стефана Баторія подъ
Львовъ (wyd. Czuczynskiego str. 67—68): „Toż iż sam (Янъ Жамойскій) wszyt-
kiemъ sprostacъ nie moze i na każdymъ miejscu zawsze być, kiedy przy oblęgan-
u w szancachъ będzie bywał, tedy umyślił na miejscu swemъ hetmańskimъ miecъ zaw-
ie P. Wojewodę brackawskiego (князя Иуита Николаевича Жбаражскаго) w
slozie dla nagłychъ przygódъ i potrzeb, któreby przypadać mogly na obómъ, także i
dla dodawania posiłkówъ, gdzieby jaki gwałtъ był, iż iuż imъ go odtądъ *głównymъ po-
rucznikiemъ swoimъ wszytkiego kojaka mianowałъ.*“ Князь Жбаражскій явился такимъ
образомъ помощникомъ Жамойскаго, заступающимъ его мѣсто по управленію
каждающей арміей.

* Напечатанъ впервые въ Bibl. ord. Krasin. Muzeumъ Konstantego
Świdzińskiego. T. V i VI, str. 396—398, № 160. Въ предисловіи сказано о ру-
кописи: „Cechy zewnętrzne, jakъ charakterъ pisma, papier, oprawa skórzana zъ wy-
ciakami, świadczą, niezaprzeczenie o współczesności rękopismu zъ datą aktówъ wъ nimъ
zawartychъ“.

go, Lubaczowskiego i Czerwonogrodzkiego starosty, któremu hetman ich i inni sprawcy, także wszyscy Mołojcy, w tém co im rozkaże przerzeczony starosta nasz Czerkaski, mają być posłuszni, i tam ku potrzebie naszej i koronnej wojować, gdzie gim ukaże.

Przed tymże panem starostą mają uczynić przysięgę na wierność, a iż go będą posłuszni, jako się opisało, a że i inszym niżej opisanym kondycjom dosyć uczynią, to jest, że nie mają wojować ziemie Wołoskiej, ani szkód w niej żadnych, ani rozruchów czynić, i owszem te wszystkie, o którychby wiedzieli, żeby to chcieli czynić, powinni będą hamować, łapać i jako nieprzyjaciół nasze i koronne bić. Także się też mają zachować z strony Białogrodu, Oczakowa, Tehini, wsiej i pól ich, aby tam żadnej szkody nie czynili, ani czynić dopuścili; czarowi Krymskiemu, jego państwowym, ludziom, włusom, polom, w czeladzi, w bydło, ani żadnej rzeczy szkody nie mają czynić, gdyż czar z Tatarów obowiązał się służyć nam na nieprzyjaciół koronne, wszyscy jednak o czarskich ludziach dawać nam mają znać. In summa, wedle rozkazania naszego, które im będzie oznajmiono, pod przysięgą swą zachować się będą powinni, a my za te ich służby będziemy im płacić z skarbu naszego na rok, pięćset ludziom, po sześci kóp litowskich i suknie na giermak na każdą osobę; a to ma trwać dokąd wojnę będziemy wieść z Moskiewskim, a potem to mają mieć, co mieli za świętej pamięci Zygmunta Augusta, króla i przodka naszego, tym kształtem i z tą wolnością jako w ten czas było. Mimo to, którzyby się mężnie na służbie naszej i koronnej zachowali, i znaczną nam i rzplitej naszej posługę uczynili, będą takowi u nas na takim baczeniu z strony opatrzenia, na jakim ludzie zasłużone mieć mamy. Pieniądze te będą im dane na pierwszą ćwierć lata z sukniem w Czerkasiach, na dzień ś. Mikołaja

лизко przyszły; także potem na każdą ówierć lata tamże m oddawane będą przez pisarza naszego, którego im oznaczmy. Inne artykuły, jako około więźniów, i drugie, które były przez nieboszczyka wielmożnego Gierzego Jazowieckiego, wojewodę Ruskiego i hetmana, wymówione, mają być przez nie pełnione. A na wiarę tego wyzytkiego en list podpisałichmy i pieczęcią koronną zapieczętować zaszlichmy.

Datum we Lwowie dnia 16 miesiąca Września, r. Pańskiego 1578, a panowania naszego roku trzeciego.

.

Принятиемъ Низовцевъ на королевскую службу закончилось кѣтъ тѣмъ четырехмѣсячное (съ 13 мая по 17 сентября) пребываніе Стефана Баторія во Львовѣ и на другой же день послѣ подписанія приведеннаго универсала онъ отбылъ въ Краковъ. Въ заключеніе упомянемъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ послано было королемъ изъ Кракова вновь организованному козацкому отряду большое знамя (vexillum). Изготовлялъ его нѣкій Зибальдъ,¹ а отвезъ коморникъ Христофоръ Палуцкій.²

Устраивая козацкій отрядъ, не забылъ Баторій и военно-санитарной части: для раненыхъ и больныхъ козаковъ предположено было устроить госпиталь (reclinatorium) въ королевскомъ имѣніи Трахтемировѣ надъ Днѣпромъ.³ Вообще нужно замѣтить, что Баторій первый изъ польскихъ королей сталъ заботиться о судьбѣ раненыхъ. При немъ впервые появились при войскахъ хирурги:

¹ „Zibaldo aucupictori a labore vexilli magni Nizoriis missio et pro serico facti f. 18.“ См. *Žr. dz. t. IX, A, str. 217*. Aucupictor (рисовальщикъ птицъ) потребовался при изготовленіи знамени, вѣроятно, для того, чтобы изобразить на немъ польскаго бѣлаго орла.

² См. *Žr. dz. t. IX, A, str. 208*. Современникъ Стефана Баторія позднѣйшій епискупъ кievскій Іосифъ Верещинскій въ одномъ изъ незаданныхъ писемъ его къ Яну Замойскому (см. ниже) упоминаетъ, что король Стефанъ пожаловалъ козакамъ „Królewską chorągiew“.

³ См. Путевыя записки Эриха Лассоты. Переводъ Бруна. Од. 1878. Стр. 24.

Бартошъ Мейеръ, Генрикъ Геллеръ, Михаилъ Венгеръ и, знаменитѣйшій изъ нихъ, Вильгельмъ Луценбергеръ.^{*1} Содержались при войскахъ и фольдшера (barwierz).^{*2}

* * *

Стефанъ Баторій, полагая своимъ универсаломъ начало козацкому войску, съ одной стороны исполнялъ свое обѣщаніе, данное царю Перекопскому, относительно привлеченія разбойничавшихъ козацкихъ купъ и товариществъ на королевскую службу, съ другой стороны увеличивалъ свою постоянную армію новымъ отрядомъ, составленнымъ изъ людей, очень опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, о которыхъ, какъ о воинахъ, онъ получилъ самое высокое мнѣніе еще со времени прочтенія книжки Красинскаго „Polonia“, гдѣ, какъ мы видѣли, козаки восхвалялись за ихъ выносливость и храбрость.

Увеличеніе постоянной арміи составляло насущную заботу Стефана Баторія. Война съ Москвою, которую задумывалъ воеводенный король въ 1578 г. и которая затянулась потомъ на три года, требовала значительныхъ военныхъ силъ и для веденія ея нельзя было ограничиться стариннымъ способомъ „посполитаго рушенія“ т. е. созванія ополченій изъ жителей отдѣльных воеводствъ—тѣмъ болѣе, что эти старосвѣтскія ополченія ни по своему вооруженію, ни по приѣмамъ боевыхъ дѣйствій не соответствовали требованіямъ военного искусства времени Баторія. Мы имѣемъ одно краснорѣчивое свидѣтельство современника о томъ, въ какомъ состояніи засталъ Баторій военныя силы Польши. „Цвѣ-

^{*1} См. Górski. Hist. piech. pol. 1893, str. 23. Луценбергеръ получилъ по 2 флорина (=2 р. 68 к.) въ недѣлю. См. Żr. dz. t. IX, A, str. 60.

^{*2} Положеніе раненыхъ въ ту эпоху было плачевное. Ксѣндзъ Плотровскій, напримѣръ, отмѣчаетъ: „Barwierzow tak wiele nie masz, coby opatrowaniu wydolali“ (wyd. Czucz. str. 81); въ другомъ мѣстѣ: „Rannych bardzo wiele umiera. Przy namieciech barwierskich, jak na cmyntarzach, pełno grobów stoi“ (ibid. str. 92).

лучше люди и добрые кони", говоритъ Андрей Лубенецкій*, составляли польское войско, но на этихъ молодцахъ и на ихъ вышнихъ коняхъ Ваторій засталъ такое военное снаряженіе, какое гдѣ-тогда пригодно было полякамъ и литвинамъ противъ самострѣловъ и луковъ, но безусловно не годилось противъ огнестрѣльнаго оружія. Во-первыхъ, они сѣдлали коней такими высокими сѣдлами, что сѣдло закрывало половину всадника; при этомъ оно бывало оковано желѣзомъ или къ нему привязывалось особое спѣнье, такъ что оно вѣсило столько, сколько вѣсятъ три теперешнихъ сѣдла вмѣстѣ. На всадника надѣвался панцырь т. е. такое грузное вооруженіе, въ которомъ несчастнаго рыцаря можно было свалить съ коня не только палкой, но даже нагайкой. Кромѣ того принадлежностями вооруженія были: *наижъ* или тяжелая тарча (два рода щитовъ); обыкновенно къ нимъ придѣлывались какія нибудь крылья или китицы изъ павлиньихъ перьевъ; *щимахъ* (шлемъ), высокій и широкій, какъ какой-нибудь ящикъ, увѣчаный скуфіей, китицей изъ перьевъ или форкетомъ (вилками); все это было очень грузно и при малѣйшемъ вѣтрѣ рыцаря измучивало, а коня ослабляло; дальнѣйшая принадлежность — деревянныя *копья* были такими огромными и тяжелыми, что каждое вѣсило за два нынѣшнихъ копья; къ копью подъ самое яблоко, заканчивающееся пикой, подвизывался прапоръ (маленькій флагъ или значекъ). Иныхъ шутовскихъ вещей, составлявшихъ принадлежность вооруженія, я не хочу перечислять", продолжаетъ Лубенецкій. „Тѣмъ не менѣе польскіе рыцари сохраняли ихъ изъ любви ко всему *старосветскому*, — какъ при выступленіи въ поле, такъ и во время мира. Польское вооруженіе очень не нравилось французамъ, нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ. Польскіе пѣхотинцы болѣе похожи были на шутовъ, нежели на рыцарей. Ихъ одѣвали въ клѣтчатыя платья, сшитыя изъ кусковъ сукна разныхъ цвѣтовъ. Каждая куртка и каждые шаравары соединяли въ себѣ нѣсколько разныхъ цвѣтовъ сукна. Оружіемъ пѣхотинца были: мочъ и алебарда, очень рѣдко — ружье. Пѣхотинцы не знали, какъ дѣлались шанцы или туры;

* См. Poloneutichia Andrzeja Lubienieckiego. Z rękopismów zakładu naukowego imienia Ossolińskich. Wiadomość o tem rękopismie i życiu Lubienieckiego zebrał Alex. Batowski. Wydanie zakładu naukowego imienia Ossolińskich. We Lwowie 1848, str. 110—111.

фортификаціонныя работы они увидѣли въ первый разъ, когда мы осаждали Ланцкорону,⁸¹ а потомъ — подъ Гданскомъ.⁸² Прибавимъ къ этому, что старообрѣтскія польскія ополченія изъ шляхты собирались медленно, отличались неповоротливостью и полнымъ отсутствіемъ дисциплины и по своему громадному вооруженію и снаряженію не годились для далекихъ и быстрыхъ походовъ. Вотъ какое войско всталъ Ваторій въ Польшѣ.

Между тѣмъ ему нужны были постоянныя, приученныя къ военной дисциплинѣ войска, которыя были бы послушнымъ орудіемъ въ рукахъ короля и могли бы свыкнуться съ новымъ болѣе легкимъ вооруженіемъ и съ требованіями тогдашней военной тактики. Ваторій повсюду искалъ матеріала для такихъ войскъ: онъ заохачивалъ богатыхъ пановъ на свой счетъ вооружать и предоставлялъ въ распоряженіе короля блестящія, пышно разодѣтыя роты гусаръ и конныхъ стрѣлковъ;⁸³ онъ обращался за границу и нанималъ тамъ венгерскихъ гайдуковъ,⁸⁴ нѣмецкихъ райтаровъ и

⁸¹ Ланцкорона — городокъ въ Галиціи къ югу отъ Кракова. Событіе, поданіе поводъ къ осадѣ Ланцкороны въ первые дни государствованія Стефана Ваторія, заключалось, по словамъ Райнгольда Гейденштейна, въ слѣдующемъ: „Тѣмъ временемъ много подозрѣній и боязни будила Ланцкорона, расположенная недалеко отъ Кракова; ею владѣлъ Войцехъ Ласкій, воевода сѣрадзскій, нѣмѣшій посолъ у императора. Пожизненное право на нее имѣла вдова Сигизмунда Вольскаго, каштеляна черскаго и старости ланцкоронскаго, но Ласкій силою завладѣлъ ею во время бѣгства Генриха. Призванный къ суду въ эпоху безкоролья, онъ нѣсколько разъ былъ признанъ виновнымъ и приговоръ объ его удаленіи изъ Ланцкороны былъ постановленъ, но никогда не былъ приведенъ въ исполненіе. Король, чтобы избавить Краковъ отъ этой угрозы и дать силу праву, послалъ Гурку и Ционскаго, назначенныхъ въ Андреевѣ воеводами вооруженной силы, съ приказомъ взять Ланцкорону силой. Онъ далъ имъ венгерское войско подъ начальствомъ Вампи. Тамъ находился гарнизонъ, составленный изъ итальянцевъ и нѣмцевъ, а начальствовалъ имъ, по уполномочію Ласкаго, Захарій Горенцій. Изнеможенный пушечной стрѣльбой и штурмомъ гарнизонъ сдался, тѣмъ болѣе, что стѣны кое-гдѣ были уже проломлены. Горенцій потомъ былъ пойманъ Ласкимъ въ Ополе (въ Силезіи) и казненъ. Думали срыть замокъ, но послы отъ шляхты выпросили ему пощаду; староство было отдано вдовѣ Вольскаго подъ условіемъ, чтобы она поручила его охрану какому нибудь своему родственнику, занимающемуся военнымъ ремесломъ. См. Reinholdi Heidensteini secretarii regii Rerum Polonicarum ab excessu Stigismundi Augusti Libri XII Francofurti ad Moenum MDCLXXII. Pag. 98.

⁸² См. *Źródła dziejowe*, t. IV, 1877, стр. 165; № 90; t. VIII, стр. 232.

⁸³ См. напр. *Źr. dz. t. IX*, В, стр. 156, статья расхода 1576 г.: *in conductionem militum Hungarorum in finibus Hungariae; in solutionem equitibus et peditibus Ungaris; emptio panni peditibus Ungaris*.

ландекнехтовъ,^{*1} шотландскихъ пѣхотинцевъ;^{*2} онъ набиралъ пѣхотные отряды изъ польскихъ хлоповъ, которые назывались выбранками или лановой пѣхотой.^{*3} Когда Крымскій ханъ напомнилъ черезъ своего посла Стефану Ваторію, что для отвлеченія козаковъ отъ пограничныхъ разбоевъ полезно было бы завербовать ихъ на службу въ королевскихъ войскахъ, то король съ жадностью ухватился за эту мысль, тѣмъ болѣе, что для польскаго королевскаго двора она не была новою.

Еще при Сигизмундѣ Старомъ въ 1524 г. державца рѣчницкій Сенько Полозовичъ и державца чернибыльскій Криштофъ Кмитъ собрали небольшой отрядъ („малый почотъ“) козаковъ, отправившись съ ними внизъ по Днѣпру къ Киеву и далѣе къ Тава-ни, перехватили на переправѣ черезъ Днѣпръ татаръ, возвращавшихся съ набѣга на литовско-русскія области, сражались съ ними цѣлую недѣлю и многихъ изъ нихъ убили и потопили. Это предпріятіе очень понравилось королю и великому князю Сигизмунду. Онъ обращается къ своимъ панамъ-радамъ: „Кгдыжъ они съ тымъ малымъ почтомъ людей таковыи послуги намъ, господарю, чыняли, мы на то бачымы, кгды бы тамъ тысяча або двѣ людей нашихъ козаковъ на Днѣпрѣ мѣшкали, спать бы и овшемъ была отъ нихъ большая и знаменитая послуга и оборона панствомъ нашимъ. А такъ и о то жедамы вашею милости, радъ нашихъ, рачте о томъ радети и мыслити. И видѣлося бы вашею милости тамъ по Днѣпру козаковъ мѣти на пришлое лѣто для осторожности и обороны панствомъ нашимъ, и ваша милость рачте обрати зъ дворянъ нашихъ которого годного и доброго челоувка и казали бы ему скоро по Велицѣдни до Киева ѣхати и козаковъ збирати, и казали бы ваша милость къ тому часу суконъ и пѣназей на нихъ колю сотъ копъ послати, а тыи козаки по Днѣпру на перевозѣхъ разложить, абы намъ и Рѣчи-посполитое земскоѣ служили и тыхъ перевозовъ стерегли и боронили, колко имъ Богъ милый помо-

^{*1} См. тамъ же, стр. 155, статьи расхода: *peditibus Germanis Lanczknechtis; peditibus diotis Knechty*, стр. 156—in *equites Germanos 50 raitтары dictos*.

^{*2} См. тамъ же, стр. 294: „*Szkocka piechota z mniejszym kosztem zbierana*“.

^{*3} См. Górski, *Historja piechoty polskiej*, Kraków 1898, стр. 23, § 8.

жеть.²¹ Кажется, проект Сигизмунда I не получилъ практическаго осуществленія.

При Сигизмундѣ-Августѣ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ и универсалъ Баторіа, гетманъ Юрій Язловецкій, воевода русскій, староста снятинскій, любачевскій и червоногородскій, по порученію короля, наwerbовалъ среди козаковъ отрядъ, служившій королю и Рѣчи-Посполитой подъ его командою — *„несный почестъ тыхъ козаковъ ку службѣ нашої, которымъ юриетъ зъ скарбу нашою ини маєть, обраля,“* по словамъ королевской грамоты отъ 5 іюня 1572 г. Юрій Язловецкій — герой той знаменитой рекогносцировки вдоль всей границы отъ Бара до Кіева и далѣе отъ Кіева внизъ по Днѣпру до Хортицы, которая была предпринята лѣтомъ 1571 г. (отъ 16 мая до 22 іюля) для очищенія степей отъ татарскихъ загоновъ и дневникъ которой занесенъ Бартошемъ Папроцкимъ въ его сочиненіе о Гербахъ (Herby etc. wyd. Turowskiego, 1858, str. 221—222).²² Такъ какъ козаки жаловались, будто бы они терпѣли „великое утисненіе и кривды“ — „отъ воеводъ, старостъ украинныхъ и владовъ,“ но въ тоже время, очевидно, и сами позволяли себѣ „своленства,“ то Юрій Язловецкій освободилъ ихъ отъ „владзы и присуду всякихъ владовъ“ и „шляхетнаго Яна Бадовскаго... старшимъ и судьею надъ всеми козаки низовыми поставилъ тымъ обычаемъ, ижъ онъ каждому, хто бы якое дѣло до козаковъ, *иды до замковъ и маєтъ нашихъ знизу придуть, мѣль, справедливости зъ нихъ чинити маєть.*“ Янъ Бадовскій²³ былъ жителемъ Бѣлої Церкви, гдѣ имѣлъ „два дома... зъ огороды, кгрунты и зо всеми ихъ належитостями.“ Король и великій князь утвердилъ распоряженіе Язловецкаго: „Маєть Янъ Бадовскій не отступуючи ни въ чомъ постановенія пана воеводы Руского *зо всіхъ козаковъ низовыхъ кождому справедливостъ неодоличную водлузъ права посполитого чинити* и въ томъ слушне и пристойне справовати, не буду-

²¹ См. Чтенія въ Истор. общ. Нестора-хѣтописца. Кн. VIII, 1894, ст. И. М. Каманина „Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго,“ стр. 81, примѣчаніе.

²² См. Кулишъ, Исторія возсоед. Руси, т. I, Спб. 1874, стр. 40—41, примѣчаніе.

²³ По мнѣнію Бонещкаго, этотъ Янъ Бадовскій принадлежалъ къ гербу Оаса. См. Herbarz Polski. T. I, W. 1899, str. 78.

ни повиняютъ съ того владу судейского и въ домовъ Вѣлоцерков-
ныхъ передъ воеводами, старостами и врами нашими и ни
передъ кимъ инымъ (окромъ квалту и речей кравыхъ) успра-
влявати, толко передъ нами господаремъ, або передъ паномъ
воеводою Рускимъ и по немъ будущими гетманы иншими до сво-
го живста.⁴¹ За несеніе возлагаемой на него должности Янъ Ба-
довскій освобождался отъ всякихъ „капщанъ, платовъ и повин-
ностей“ и получалъ право имѣть „шинкъ вольный“ для продажи
меда, пива и горѣлки.⁴²

Такимъ образомъ мысль о наймѣ низовыхъ козаковъ на ко-
ролевскую службу на Баторію впервые пришла въ голову. Крымскій
канъ совѣтовалъ также то самое, что было уже испробовано поль-
ско-литовскимъ правительствомъ. Но есть и разница между распо-
ряженіями Баторія съ одной стороны и его предшественниковъ
съ другой. Послѣдніе платили козакамъ по 10 флориновъ въ годъ
и по армяку,⁴³ довольствовались такимъ численнымъ составомъ
взимаемыхъ козацкихъ купъ, какой случайно подбирался, и не
стремились придать этимъ отрядамъ спеціальной организаціи вой-
сковыхъ тактическихъ единицъ. Баторій повысилъ жалованье съ
10 до 15 флориновъ въ годъ (хотя было оговорено, что это дѣ-
лается только на время войны съ Москвою), опредѣлилъ числен-
ность рядовыхъ козацкаго полка,⁴⁴ какъ тактической единицы, по
венгерскому образцу, въ 500 человекъ, стропившихся въ 50 рядовъ
по 10 человекъ въ ряду, во главѣ полка поставилъ начальника (*superintendens*),
являвшагося представителемъ (*procuratorem*) выс-
шей войсковой команды,⁴⁵ организовалъ полковой штабъ съ пи-

⁴¹ Подробнѣе значеніе этой должности будетъ разъяснено ниже въ
одномъ изъ примѣчаній къ издаваемымъ письмамъ баскуна Верещинскаго.

⁴² См. Акты южной и западной Россіи, т. II, Сиб. 1885, стр. 175—176, №
149. Капщина=питейная пошлина

⁴³ „in arce Raveni 1575. Percepta pecuniarum quartae partis ex proven-
tibus Regni anno 1574 et distributa earundem pecuniarum. ... Item super *Kozacy*
Nidzcy № 300, excepto panno per 2½ fl. facit 750 fl.“ См. *Hist. piech. polskiej*
przez K. Górskiego, Krak 1883, стр. 242, nota 36.

⁴⁴ Слово *namt*, *polet* (*pulk*) употребляетъ Іоакимъ Вѣльскій для обо-
значенія известной тактической единицы. См. т. XIX, стр. 90.

⁴⁵ Іоакимъ Вѣльскій называетъ командира этого полка прямо *командомъ*.
„*Kozaków trochę powściągnąwszy, nad któremi Oryszowskiego Prawdzica naszego*

саремъ (notarius) во главѣ и корпусъ офицеровъ полка, наконецъ, далъ полку знамя (vexillum, choragięw). Личный составъ полка достигалъ при этомъ цифры 530 человекъ.

* * *

Узнавая изъ Львова 17 сентября 1578 г., Стефанъ Баторіи полагалъ, что принятіе Низовцевъ на королевскую службу отвлечетъ ихъ отъ вторженій въ Молдавію и отъ нападеній на татарскія и турецкія юрты и улусы. Но при этомъ онъ упускалъ изъ виду, что по финансовымъ соображеніямъ ихъ было принято на службу только 500 товарищей, а между тѣмъ собиралось ихъ въ степяхъ каждое лѣто не менѣе 3000 человекъ, какъ объ этомъ неоднократно сообщалъ и Крымскій ханъ. Такимъ образомъ оставалось довольно еще свободнаго народа, чтобы для желающихъ являлась возможность устранивать съ помощью козаковъ тѣ разбойническія набѣги на сосѣднія области, которые такъ раздражали Стефана Баторіи.

Надежды короля оказались обманутыми на первыхъ же порахъ. Уже въ ноябрѣ какой-то козакъ *Лукьянъ* со своей шайкой ходилъ грабить въ Молдавію, а затѣмъ прошелъ подъ Очаковъ и тамъ захватилъ 180 татарскихъ лошадей.*¹ Вскорѣ явился возбуждать козаковъ новый молдавскій претендентъ Константинъ Лакуста (Саранча).

Hetmanst uczynił." Такимъ образомъ званіе Оришоевскаго опредѣлялось тремя терминами: *superintendens*, *porucznik*, *hetman*. Очевидно, значеніе слова *hetman* къ этому времени еще не установилось; имъ обозначали какъ главнокомандующаго (*dux supremus*), такъ и начальника отдѣльнаго, хотя бы и немногочисленнаго, военнаго отряда; напр. въ Дневникъ гуцзенскаго каштеляна Яна Зборонскаго о взятіи крѣпостей Велыжа, Усвяти и Великихъ Лукъ подъ 21 августа есть такое мѣсто: „W Inflanciech, iż tam jest wojsko Króla Jmci za pólnydzie około 3000 wszystkich. Nad tom wojskiem pan Dębliński, którego szora z paluk, *Hetmanst* na ten czas albo namiestnikiem Pana Wojewody Wileńskiego." Такимъ образомъ званіе *hetman* считается ранносильнымъ званіемъ *namiestnik*. Szora z paluk (сирѣи изъ палокъ) — насѣшливое прозвище Дембичскаго. См. *Zbiór etc.* t. XIX, str. 76, и *Acta histor.* t. XI, Spr. wojen. etc. str. 195.

*¹ См. *Acta hist.* t. XI, Sprawy wojenne etc., str. 150.

Онъ былъ necessarily сыномъ Стефана Лакусты, занимавшаго протное время господарскій столъ въ 1539—1540 гг. и прозваннаго Лакустою (Саранчей) вслѣдствіе того, что въ его правленіе массы влетѣвшей саранчи потребили въ Молдавіи всѣ хлѣбныя посяны.⁹¹ Въ актахъ онъ называется „*palatinides Moldaviae*“ (т. е. сынъ молдавскаго господаря), но нигдѣ нѣтъ указанія, какъ именно звали его отца. Онъ сталъ сообщникомъ Подковы, вмѣстѣ съ которымъ прибылъ въ январѣ 1578 г. въ Варшаву. Стефанъ Баторіи писалъ къ нему почему-то мнѣшнѣ, чѣмъ къ Подковѣ. Когда Константину понадобились деньги, то, по распоряженію короля, ему выдано было 5 февраля 1578 г. 40 флоринтовъ (=53 р. 60 к.).⁹² Когда турки требовали, чтобы Константинъ былъ казненъ одновременно съ Подковою, король настаивалъ, что онъ не виновенъ, и, дѣйствительно, не предалъ его казни, взявши только съ него слово, что онъ будетъ оставаться при особѣ короля во Львовѣ и не станетъ предпринимать набѣговъ на Молдавію. Тѣмъ не менѣе вскорѣ Константинъ Лакуста тайкомъ отъ короля бѣжалъ изъ Львова въ степи, собралъ тамъ около себя много всякихъ праздныхъ грабителей (*hultajstwa i lotrowstwa*) и въ декабрѣ 1578 г. произвелъ набѣгъ на Молдавію, но былъ отраженъ силами одного молдавскаго господаря Петра. Послѣ этого онъ ушелъ въ предѣлы Московскаго государства и Стефанъ Баторій полагалъ, что онъ не воротится уже болѣе къ козакамъ. Но случилось иначе. Весною 1579 г. пришли вѣсти, что Константинъ Лакуста опять появился въ степяхъ, собралъ въ окрестностяхъ Капова и Черкасъ значительный отрядъ козакъ и готовится къ походу въ Молдавію. Король находился въ это время въ Вильнѣ, занятый приготовленіями къ войнѣ съ Москвою. Воевъ какъ-бы Константинъ Лакуста въ самую критическую минуту, когда всѣ войска стянуты были для военныхъ дѣйствій противъ московскихъ крѣпостей и южная граница государства оставалась почти открытою, но возбудилъ недоразумѣніи съ татарами и турками, король написалъ 6 и 11

⁹¹ См. Xénopol, Histoire des Roumains etc., I vol., 1896, p. 300—308.

⁹² „Constantino palatinidi Moldaviae juxta cedulam ejusdem, de gratia suas Mts die 5 Februarii dati f. 30. Eidem ad cedulam dni vicecancellarii de gratia Mts R. dati fl. 10.“ См. Źr. dz. t. IX, A, str. 208.

апрѣля 1579 г. цѣлый рядъ универсаловъ къ пограничнымъ (украиннымъ) старостамъ, державцамъ, подстаростамъ, и ихъ замѣстителямъ, къ ротмистрамъ и рядовымъ пограничныхъ гарнизоновъ и вообще ко всѣмъ военнымъ людямъ, а также къ Низовцамъ, въ которыхъ онъ объясняетъ, что для помощи Константина Лакусты посланъ имъ коморникъ Андрей Лозевицкій и просить, чтобы всѣ, къ кому обращены универсалы, оказали всяческое содѣйствіе Лозевицкому въ возложенномъ на него порученіи. Козакамъ за поддержку Константина онъ грозитъ жестокимъ наказаніемъ. Какой результатъ имѣла миссія Андрея Лозевицкаго, намъ неизвѣстно, какъ неизвѣстна и дальнѣйшая судьба Константина Лакусты.*1....

Съ теченіемъ времени еще болѣе выяснилось, что служба в королевскомъ войскѣ можетъ занять только небольшую часть козаковъ, собиравшихся лѣтомъ въ степяхъ для промысловъ и разбоевъ.

* * *

Война Польши съ Москвою при Баторіи распадается собственно на три лѣтнихъ похода: 1579 г.—къ Полоцку, 1580 г.—къ Волыкимъ Лукамъ и 1581 г.—къ Пскову. Только послѣдній походъ затянулся въ глубокую зиму и закончился Запольскимъ миромъ. Параллельно этимъ походамъ корсря староста черкасскій и кановскій князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій ожогомъ предпринималъ набѣги на юго-западные области Московскаго государства: въ 1579 г. онъ осаждалъ Черниговъ, хотя безуспѣшно, а затѣмъ опустошилъ всю страну до самого Стародуба; въ томъ же году онъ сжегъ города: Черниговъ, Радогощъ (Погарь), Почепъ, Брянскъ, Карачевъ, Орелъ, Рыльскъ и Путивль; въ 1580 г. опять были разорены имъ города Рыльскъ, Брянскъ, Карачевъ и Орелъ и окрестности ихъ опустошены; въ 1581 г. походъ былъ направленъ противъ г. Трубчевска и кончился взятіемъ этого укрѣпленнаго замка и разгромомъ трехтысячнаго московскаго отряда и

*1 См. Bibl. ord. Krashii. Muzeum Konstantego Świdzińskiego, tt. V i VI str. 391—401, №№ 187—195.—Acta hist. t. XI, Sprawy wojenne etc. str. 151.

взростахъ р. Судости.^{*1} Организованный въ 1578 г. козацкій полкъ, не участвовалъ въ походахъ 1579 г. къ Полоцку и Стародубу, а оставался въ Черкасахъ и наблюдалъ, чтобы татары не имѣли своимъ общаніямъ и не вторглись въ предѣлы Рѣчи-Посполитой въ то время, когда всѣ военныя силы ея были заняты московскою войной. Но козаки, остававшіеся свободными, пользовались случаемъ, чтобы принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, которыя, по обычаю тѣхъ временъ, всегда сопровождались грабежами и могли сулить имъ значительную добычу. Есть извѣстіе, что въ лагерь короля подъ Полоцкомъ прибыли на службу пѣшіе Днѣпровскіе козаки подъ начальствомъ *Матвея Шамоновича* и какого-то *Николая*.^{*2} Въ войскахъ князя Вишневецкаго также служили въ 1579 г. Днѣпровскіе козаки (тежні Podnieprzanie).

Въ 1580 г., послѣ того, какъ въ декабрѣ 1579 г. Михайлъ Гарабурда отвезъ въ Орду богатѣйшіе „упоминки“,^{*3} безопасность со стороны татаръ казалась гарантированою^{*4} и козацкій полкъ подъ начальствомъ Яна Орышовскаго двинуть былъ на войну съ Москвою. Рейнгольдъ Гейденштейнъ такъ описываетъ его дѣйствіи: „Между тѣмъ низовые козаки подъ предводительствомъ Яна Орышовскаго вторглись съ другой стороны“^{*5} въ московскія владѣнія, пробрались до Стародуба, опустошая все вдоль и впоперекъ, сожгли его предмѣстья и нѣкоторыя крайнія укрѣпленія замка. Повернули они потомъ къ Почепу, но отбитые отъ этого замка, съ большою добычею^{*6} вернулись домой.^{*7} Много козаковъ участво-

*1 См. Epicedion to jest żałobny wiersz o zasługach i wioźney pamięci godnym Książęciu Michale Wisniewieckim, kasztelanu Kijewskim etc. 1585, z Drukarze Mściwoja Wirzbięty, str. 35—42.

*2 См. Żr. dz. t. IX, B, str. 204.

*3 См. Żr. dz. t. IX, B, str. 206.

*4 „Mikolay Stenlawski Hetman Polny, który iż pokoju był z Tatury żołnierzami z polu, u tam (къ Усвиту) przyjechał.“ См. Хрон. І. Бѣльскаго, т. XIX, стр. 113.

*5 Т. е. въ то время, когда главныя силы двинулись къ Великимъ Лукамъ.

*6 Добыча (praeda)—всегда на первомъ планѣ во всѣхъ козацкихъ предпріятіяхъ.

*7 См. Rainoldi Heidenstami secr. regli de bello Moscovitico quod Stephanus rex Poloniae gessit Commentariorum Libri VI. Basileae 1588, pag. 100—101; прописка Іоакима Бѣльскаго, изд. Галензовскаго т. XIX, стр. 128.

вало въ Московскоѣ войнѣ 1580 г. въ отрядахъ князя Константина Константиновича Острожскаго и его сына Януша, князя Михаила Александровича Вишневецкаго, князя Януша Николаевича Эбаражскаго, Филона Семеновича Кмыты и остерскаго старосты Лаврентія Ратомскаго, жившихъ на пограничьи въ близкомъ сосѣдствѣ съ промышленными въ степяхъ козаками, которые къ нимъ въ имѣнія укрывались преимущественно на зимовку. Было, наконецъ, нѣсколько самостоятельныхъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ подъ начальствомъ мелкихъ ватажковъ: Иванъ Попельскій имѣлъ 100 пѣшихъ козаковъ, Корнилій Перевальскій — 100, Гаврило Вируля — 500, Хведоръ Кляшницъ — 100, Григорій Чѣлуны — 100, Константинъ Величко — 100, Борисъ Жаба — 300.* Всего было занято на войнѣ съ Москвою около 4000 низовыхъ козаковъ т. е. сполна все то количество ихъ, которое промышленляло въ степяхъ въ лѣтнее время въ эпоху Баторія. Неудивительно поэтому, что въ лѣто 1580 г. ничего не было слышно о козацкихъ набѣгахъ на татаръ или въ Молдавію. Универсалы Баторія, разосланные въ январѣ 1580 г. „*Wszystkim w obec i kazdemu z osobna, starostom, podstarościem, dzierzawcom, książętom, panom i rycerstwu na ukrainie ruskiej, kijowskięj, wołyńskięj, podolskięj i bractawskięj mieszkajęcem*“** о поимкѣ козаковъ, нарушающихъ пограничный миръ, оказались на этотъ разъ излишними.... 31 марта 1581 года Совастіанъ Нѣдзвѣдскій, слуга каштеляна перемышльскаго и казначей русскихъ земель Станислава Дроговскаго рондалъ въ Чоркасахъ ходившимъ на Москву подъ начальствомъ Яна Орышовскаго козакамъ деньги и сукна за послѣднюю выслуженную ими четверть года и составленный имъ списокъ козаковъ служить теперь лучшимъ источникомъ для опредѣленія состава низоваго козачества въ эпоху Баторія.

* * *

Изъ сформированный въ 1578 г. козацкіи полкъ, изъ командиры его князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій и Янъ Орышовскій не участвовали въ богатырскомъ походѣ Стефана Бато

* См. Зг. дх. т. IX, В, str. 216.

** См. Зг. дх. т. XI, 1882, str. 120—122.

и подъ Псковъ. Лѣтомъ 1581 г. козацкій полкъ служилъ въ Подолѣ, на границѣ со стороны татаръ, какъ прямо указываетъ это казначейская книга 1581 г., гдѣ записано: „*Nitowcom. In mo 1581 piechoty 580 od porisu za półroku każdemu po zł. 7—15. a starzego zł. 200. Sukien na ten czas nie brali, ale i do Moskwy nie chodzili, jedno z drugim wojskiem na Podolu na służbie byli.*“⁴¹ въ Орышловскій стоялъ во главѣ полка, а князь М. А. Вишневецкій проживалъ въ это время въ Черкасахъ, готовя новыя выѣзды на юго-западные области московскаго государства, кончившійся потомъ взятіемъ Трубчевска и разгромомъ трехтысячнаго московскаго отряда на берегахъ р. Судости.⁴²

Между тѣмъ въ осажденномъ Псковѣ храбро сражались и Московскаго государя донскіе казаки подъ начальствомъ Червокаго казака, королевскаго подданнаго, Миська или Николая,⁴³ который и палъ геройскою смертію на стѣнахъ Пскова.⁴⁴ Гейнштейнъ рассказываетъ: „Козаки въ нѣкоторомъ количествѣ (по вѣстию Пѣтровскаго—500) прибыли туда (въ Псковъ) подъ начальствомъ Николая, родившагося въ королевской области, въ г. Черкасахъ, но давно уже служившаго Московскому государю. Намереніе ихъ было то, чтобы по своему воинскому обычаю устраивать засады для захвата въ плѣнъ бродившихъ по полямъ и на грабежа добычи. Привыкнувъ на практикѣ къ такому роду военной службы, не имѣя на себѣ почти никакого оружія, едва только прикрывшись одеждою для защиты противъ непогоды, они

⁴¹ См. *Źródła dziejowe*, tom IX (Hawickaro), B, str. 294—295.

⁴² См. *Epicedion etc.* 1585, str. 41.

⁴³ „*Dońskich kozaków 100, nad którymi starszy Misko jakis, Czerkaszanin, mianu królewski.*“ См. X. Jan Piotrowski. *Dziennik etc.* Wyd. A. Szuchynski. Krak. 1894, str. 58. Объ отношеніяхъ Душновскихъ козаковъ къ Донскимъ казакамъ Бѣльскій говоритъ такъ: „*Są też kozacy Moskiewscy co to zwiemy biskiem, na Donie abo Tanais rzece mieszkają. . . . Schodzą się też niokiedy na ry. Nizowi z nimi, ale ziemią muszą do siebie, bo wodą nie mogą. U na ten czas były ich Stephan Krol chciał koniecznie wygubić brali się do Moskwy do tych biskich kozaków.*“ . . . См. т. XVIII, стр. 194—195.

⁴⁴ „*Magnum hostes quoque detrimentum acceperunt: caesi complures: in quibus primarii peditem ductores, Nicolausque Cirkusianus praefectus kozakorum: pluri vulnerati.*“ См. Rein. *Heidenstein secr. regii de bello Moscovitico etc.* Basilae 1581, pag. 128.

сражаются вооруженные саблею и однимъ копьемъ, очень часто владѣя, впрочемъ, и ружьемъ; какъ по легкости оружія, по способности переносить жажду, голодъ и труды, такъ по привычкѣ и сноровкѣ своей, они въ особенности годятся для того, чтобы окружать и захватывать одиночныхъ, для разслѣдованія дорогъ, мѣстностей, силъ непріятельскихъ; они могутъ на челнокахъ и бревнахъ переплывать рѣки, проходить по самымъ дремучимъ лѣсамъ и непроходимымъ мѣстамъ,—въ этомъ они превосходятъ почти всѣхъ прочихъ военныхъ людей.*1

Служба козаковъ Орышовскаго въ лѣто 1581 года ознаменовалась эпизодомъ поимки ими двухъ бѣглыхъ крымскихъ царевичей. Дѣло было такъ: Бывшій у Стефана Баторія въ Вильнѣ около 20 іюня татарскій посолъ жаловался на козаковъ Орышовскаго, будто они причинили татарамъ какія-то обиды. Король отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ это произошло не по его распоряженію. Татарскому послу приказано было ѣхать въ Черкасы, гдѣ находился въ то время королевскій коморникъ Флоріанъ Косъ, съ тѣмъ, что если козаки, дѣйствительно, въ чемъ либо виновны, то Косъ привлечетъ ихъ къ отвѣтственности.*2 Но Косъ, живя въ Черкасахъ, прекрасно зналъ, что козаки Орышовскаго никакихъ обидъ татарамъ въ послѣднее время не чинили, а что ханское правительство недовольно на нихъ за то, что они захватили въ плѣнъ двухъ бѣжавшихъ изъ Крыма татарскихъ царевичей. Дѣло царевичей возникло на почвѣ обычаевъ татарскаго престолонаслѣдія. Оно было началомъ тѣхъ междоусобій среди рода Гераевъ, которые кончились сверженіемъ и задушеніемъ хана Мухаммедъ-Герая II. Раздоры въ ханской семьѣ произошли изъ-за того, что Мухаммедъ-Герай хотѣлъ одѣлать наслѣдникомъ престола (калгой) сына своего Сѣядетъ-Герая, между тѣмъ какъ по татарскому порядку престолонаслѣдія тронъ долженъ былъ перейти къ старшему изъ братьевъ царствующаго хана Алиъ-Герая.*3 Законный калга Алиъ-Герай и слѣдующіи за нимъ братъ Селиметъ-Герай, боясь, какъ

*1 См. Rein. Heldensteni etc. Bas. 1888, pag. 122—123. Рус. перевода. изъ изд. Археограф. Комм. стр. 201.

*2 См. X. Jan Piotrowski. Dzlennik etc. Wyd. A. Chackuński, 1894, str. 3.

*3 См. Смирновъ, Крым. хаство подъ верховенствомъ Оттом. Порты, СПб. 1887, стр. 136—144.

и ханъ не подвергъ ихъ казни, бѣжали изъ Крыма на берега
Кіибра. Пойманные козаками Орышовскаго, которымъ они случайно
опали въ руки, царевичи доставлены были въ Черкасы къ ста-
ростѣ князю Михаилу Александровичу Вишневецкому, который
акиотилъ ихъ подѣ стражу. Не зная точно, въ чьихъ рукахъ
находятся царевичи, Мухаммедъ-Герай II стремился какъ-ни-
будь добиться выдачи ихъ польскимъ правительствомъ или ко-
заками для преданія ихъ, по обычаю предковъ, смертной каз-
ни. Въ виду этого съ одной стороны онъ отправилъ посла
къ Стефану Баторію съ жалобами на козаковъ, которые будто-бы
разбойнически захватили царевичей въ плѣнъ, и съ предательской
просьбой освободить царевичей, съ другой стороны онъ послалъ
нѣсколькихъ мурзъ къ Низовцамъ предложить имъ за выдачу
царевичей 70,000 червонцевъ и 400 атласныхъ кафтановъ. Въ
случаѣ успѣха мурзамъ приказано было отрубить царевичамъ
головы немедленно послѣ принятія ихъ отъ козаковъ. Упомянутый
выше королевскій коморникъ Флоріанъ Косъ собирався въ это
время въ обратный путь. Командиръ козацкаго полка Янъ Орышов-
скій, также бывшій королевскій коморникъ, въ особомъ письмѣ
описалъ королю ходъ событій, а царевичи съ своей стороны на-
писали королю письмо, въ которомъ усердно его просили отпра-
вить ихъ къ турецкому падишаху, у котораго находился третій
изъ братьевъ Исламъ-Герай. Черезъ Коса они передали еще устную
просьбу королю, чтобы онъ или съ помощію оружія водворилъ
ихъ въ ханствѣ, или отпустилъ ихъ къ туркамъ, обѣщая, что за
это они до смерти будутъ вѣрны королю, будутъ его слушаться
и охранять миръ татаръ съ Польшею и соглашаясь поддерживать
свои обѣщанія самыми крѣпкими присягами. 19 іюля 1581 года
Флоріанъ Косъ пріѣхалъ въ Полоцкъ, гдѣ въ то время проживалъ
Стефанъ Баторій, передалъ ему письма и сдѣлалъ изустный до-
кладъ. Король послалъ приказаніе черкасскому и кановскому ста-
ростѣ князю Михаилу Александровичу Вишневецкому, чтобы
тотъ тщательно стерегъ царевичей и не дозволилъ имъ бѣжать, пока
не волучитъ окончательнаго о нихъ распоряженія, но чтобы обращалъ-
ся съ ними человѣчно и не причинилъ имъ никакихъ обидъ.
Ксѣндъ Ціотровскій, рассказавъ всѣ эти подробности, добавляетъ:

„Пользуясь этими обстоятельствами, король могъ бы заключить съ татарами трактаты, направленные къ нашей пользѣ“.^{*1}

Между тѣмъ 31-го августа явился турецкій чаушъ для переговоровъ по дѣлу царевичей. Баторій выходилъ уже подъ Псковъ. Повидимому чаушъ настаивалъ на отсылкѣ царевичей въ Константинополь. Было подозрѣніе, что онъ явился не столько для переговоровъ, сколько въ качествѣ шпиона, для ознакомленія съ ходомъ военныхъ дѣйствій противъ осажденнаго Пскова. Вѣрный свидѣтель событій того времени Піотровскій такъ характеризуетъ чауша: „Мужикъ старый, сѣдой и, кажется, хитрый; все это устроено для подсматриванія того, что у насъ дѣлается.“ Принятые были мѣры, чтобы польская армія показалась чаушу внушительною, и постарались скорѣе его выпроводить. Въ отвѣтномъ письмѣ падишаху король написалъ, что въ принципѣ онъ согласенъ на отсылку царевичей въ Константинополь, но что въ настоящую минуту еще не можетъ этого исполнить, такъ какъ находится вдали отъ границы государства, на тѣсной войнѣ, и не знаетъ въ подробностяхъ относительно царевичей, что съ ними дѣлается, какою образомъ и по какому причинамъ они бѣжали изъ Крыма. Король обѣщалъ по возвращеніи домой и разсмотрѣніи ихъ дѣла поступить по желанію падишаха, но съ своей стороны просилъ падишаха посадить старшаго царевича на ханскій тронъ, а младшаго оставить заложникомъ въ рукахъ короля для обезпеченія мира съ татарами.^{*2} Еще въ 1582 г. командированъ былъ въ Черкасскіе отолыпикъ (darıfer) Станиславъ Вѣгановскій для производства слѣдствій о захваченныхъ въ плѣнъ братьяхъ царя Перекопскаго,^{*3} и подробностей о томъ, какъ развязалось съ этимъ дѣломъ польское правительство, мы не знаемъ.

Что касается главной массы Днѣпровскаго козачества, то въ 1581 г. она проводила въ занятіяхъ обычными промыслами; не предпринимала никакихъ разбойничьихъ нападеній на сосѣднія страны. Есть основаніе думать, что къ этому именно лѣту относится пребываніе среди козаковъ Самуила Зборонскаго. Описаніе

^{*1} X. Jan Piotrowski, Dziennik etc. str. 31—32.

^{*2} См. ibid. str. 69, 70, 71, 72, 74, 75.—Рейн. Гейденштейна Зап. о Москвитинѣ. Изд. Археогр. Комм. стр. 179—180.

^{*3} См. Żr. dz. t. IX, B, str. 84.

экспедиціи Зборовскаго, составленное несомнѣнно съ его словъ жителемъ дома Зборовскихъ Вартошемъ Папроцкимъ, было явнымъ внесено послѣднимъ въ его книгу *Herby Rycerstwa Polskie*,⁴¹ заданную въ Краковѣ въ 1584 году, и является первымъ по имени обстоятельнымъ и картиннымъ изображеніемъ жизни и та Днѣпровскаго козачества, на 18 лѣтъ предшествующимъ явнику Эриха Лассоты.

Ключомъ къ разрѣшенію вопроса о времени экспедиціи Самуила Зборовскаго является, по нашему мнѣнію, та фраза Папроцкого, которою онъ объясняетъ цѣль предпринятой экспедиціи: *szuilił (Самуилъ Зборовскій) inną stronę do Moskwy z nimi (съ казаками) wtargnął.* Изъ этой фразы ясно, что тогда, когда состоялась экспедиція, война Польши съ Москвою еще длилась и то Зборовскій задумалъ вторгнуться въ Московскіе предѣлы не съ той западной стороны, съ которой велись военные дѣйствія Стефаномъ Ваторіемъ, а съ иной—южной или юго-западной. Такъ мы знаемъ, что миръ Польши съ Москвою былъ заключенъ въ дер. Киверовой Горѣ 6 января 1582 г., то, слѣдовательно, экспедиція Зборовскаго могла относиться только къ годамъ предшествующимъ—1579, 1580 или 1581, когда Стефаномъ Ваторіемъ предпринимались походы къ Полодску, Великимъ Лукамъ и Пскову. Изъ біографіи Самуила Зборовскаго мы знаемъ, что въ 1579 г. онъ вторгнулся съ отрядомъ слугъ своихъ въ Молдавію, думая опередить въ притязаніяхъ на молдавскій столъ съ Янкулою, но неудачно; затѣмъ онъ занялся борьбою съ своею тещею Анною Іорданъ, вдовой краковского каштеляна Спытка Іордана, у которой онъ силою отнялъ перешедшія къ ней отъ мужа имѣнія: въ Милицкомъ повѣтѣ—имѣстечко Заволовъ и села Наславцы, Заторинъ и Срединне; въ Теребовльскомъ повѣтѣ—села Микулинцы, Владышъ, Луку, Скомрошъ и Козовку. Анна Іорданъ жаловалась на самоуправство зятя королю Стефану Ваторію и 18 декабря 1579 г. искали универсалы короля старостѣ Галицкому и Коломийскому Іерониму Сенявскому и старостѣ Теребовльскому Іакову Претвичу, а также шляхтѣ обоихъ повѣтовъ о выдвореніи Самуила Зборовскаго изъ захваченныхъ имъ имѣній и о возвращеніи

⁴¹ Изд. 1853 г. стр. 156—167.

таковых изъ законной владѣлицѣ Аннѣ Іорданъ.¹ Такимъ образомъ въ 1579 г. Самуилъ Зборовскій не имѣлъ времени находиться среди Днѣпровскихъ козаковъ.

Въ 1580 г. Самуилъ Зборовскій участвовалъ въ походѣ Стефана Баторія къ Великимъ Лукамъ. Въ Дневникѣ Луки Дзялынскаго подъ 4-мъ сентября записано слѣдующее: „Въ этотъ день Самуилъ Зборовскій просилъ Его Милость короля, чтобы король освободилъ его отъ банниціи,² дабы онъ могъ проживать въ Польшѣ. На это король повелѣлъ отвѣтить ему, что такъ просто онъ ничего не можетъ для него сдѣлать, но что если Зборовскій хочетъ заслужить то, о чемъ просить, то пусть теперь при осадѣ замка (Великихъ Лукъ) совершитъ какой-нибудь подвигъ.“ Дзялынскій отмѣчаетъ далѣе, что въ виду словъ короля Зборовскій рѣшился идти впередъ всѣхъ на штурмъ и, сидя въ шанцахъ, ожидалъ, пока поданъ будетъ сигналъ; вмѣстѣ съ нимъ изготавились къ штурму нѣсколько „панятъ“ и около ста „товарищей“ изъ шляхты. Но штурмъ не состоялся: въ ночь съ 4 на 5 сентября деревянные крѣпостныя стѣны замка загорѣлись отъ выстрѣловъ и замокъ сдался; „городъ вашъ, ради Бога не стрѣляйте,“ кричали москвитяне передъ сдачей.³ Не добившись отличій здѣсь, Самуилъ Зборовскій съ своимъ отрядомъ (arkabuzury)⁴ отправился подъ начальствомъ князя Януша Николаевича Збаржскаго въ экспедицію къ г. Торопцу. Въ этомъ походѣ, подробно описанномъ Дзялынскимъ и Папроцкимъ,⁵ Самуилъ Зборовскій проявилъ за-

¹ См. *Źr. dz. t. XI* (1882), str. 82—85, *№№ XLVII, XLVIII и XLIX*.

² *Bannicja*—наказаніе, въ силу котораго обыватель изгонялся изъ общества и лишался въ немъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Банниція была разнаго рода: 1) временная и вѣчная; 2) главная и меньшая. См. Горбачевскій, *Словарь древняго актованаго языка*, Вильна 1874, и *Zygmunt Gloger Encyklopedja staropolska*, T. I, W. 1900, подъ словомъ: *bannitio, bannicja*. Самуилъ Зборовскій былъ присужденъ къ банниціи за убійство въ пылу ссоры во время коронаціи Рейнриха Валуа наместника перемышльскаго Андрея Ваповскаго.

³ См. *Acta histor. T. XI, Spr. wojenne etc.* str. 233—234.

⁴ *Arkabuz* съ италіян. *arcobugio, archibuso*—самый древній видъ ручного огнестрѣльнаго оружія. См. *Gloger. Encyklopedja staropolska. T. I* (1900), str. 70—71.

⁵ См. *Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc.* str. 257—259, *Herby etc.* str. 832—835.

мѣтательную храбрость; въ одной стычкѣ подъ нимъ раненъ былъ
воинъ, а при окончательномъ пораженіи московской арміи во втор-
никъ 20 сентября 1580 г. онъ и четыре товарища убили впяте-
ромъ изъ отбѣжавшихъ на мосту москвитянъ около сѣмидесяти;
доблесть Зборовскаго понижаетъ только замѣтка очевидца: „убивали
ихъ какъ скоть, потому что они не оборонались.“ Тѣмъ же монѣ
всѣ подвиги Самуила Зборовскаго оказались напрасными и онъ
не получилъ отъ короля желаннаго прощенія. Вотъ почему въ
1581 г. онъ уже не присоединился къ королевской арміи, двинув-
шейся подъ Псковъ, а отправился съ отрядомъ товарищей и слугъ
къ берегамъ Днѣпра въ Каневъ, а оттуда за Пороги, чтобы вмѣ-
стѣ съ Днѣпровскими козаками вторгнуться въ Московскія владѣ-
нія со стороны Путивля, т. е. задумалъ экспедицію, какъ-бы
параллельную походу Стефана Баторія подъ Псковъ. Онъ пред-
полагалъ сформировать войско изъ Днѣпровскихъ козаковъ, при-
соединить къ нимъ наемныхъ татаръ, получить еще помощь въ
500 всадниковъ отъ бывшаго молдавскаго господаря Петра Хро-
мого за отказъ отъ соперничества съ нимъ на полученіе молдав-
скаго стола и такимъ образомъ въ большихъ страхахъ двинуться
къ устью р. Псла къ Путивлю, чтобы обратить на свои предпрі-
ятія вниманіе короля и такимъ образомъ вынудить у него амни-
стію. Онъ надѣялся еще на присоединеніе къ себѣ „одного украин-
наго старосты,“ какъ таинственно выражается Бартошъ Палпроц-
кій, т. е. князя Михаила Александровича Вишневецкаго, который
также готовился къ походу на юго-западные окраины Московска-
го государства, но дѣльный князь уклонился отъ сообщенія са-
моувадѣннаго, дерзкаго и легкомысленнаго баништа, а предпочелъ
соединиться для предстоящаго похода съ сосѣдними старостами
княземъ Ярошемъ*¹ Жижемскимъ и Авраомъ Мышкой да съ храб-
рымъ Киріаломъ Лятошинскимъ, сыномъ знаменитаго рыцаря Гро-
ба Господня (*miles dominici sepulchri*) также Киріана Лятошинска-
го, — какъ объ этомъ повѣствуется въ Надгробной Поэмѣ, сочинен-
ной въ честь князя Михаила Александровича тотчасъ послѣ его
смерти (15 октября новаго стила 1584 г.):

Przybył mu w towarzystwo mąż wielkiej dzielności,
Domu starożytnego y wielkiej zasności,

* Ярошъ — Іеронимъ.

Książę János Zyzemski, starosta Roczyni,
K nim zacny Abrám Myszká, starosta Owrucki,
Sławny domem przodków swych, Rycerskiey działalności,
Wzbudzając męską dzielność, lat młodych czystości.
Kiryan Látoszyński, mąż serca wielkiego,
S pocztom swoim też przybył do wojska onego.
By Rzeczypospolitey znacznie posłużyli,
Przeto k książęcym pocztom swoje przyłączyli.
Y táńże społecznymi zgodnie namowami
Ruszyli się w Boży czas s swoimi pocztami
Jako przeciw Tyrannu książu Moskiewskiemu,
Umyslili ku zamku prosto Trubeckiemu.*¹

Думалъ еще Зборовскій отправиться съ крымскимъ ханомъ на помощь туркамъ въ Персію; тянуло его и въ Молдавію поправить счастья въ добываніи при помощи козаковъ молдавскаго стола; но все эти затѣи кончились ничѣмъ. Пошатавшись долго среди козаковъ, натерѣвшись голода и всякой нужды, Самуилъ Зборовскій пробрался, наконецъ, къ Саврану и оттуда ушелъ въ предѣлы Польши. Разсказомъ Панпроцкаго, какъ памятникомъ выдвинувшимся быть Днѣпровскаго козачества въ эпоху Баторіи мы займемся ниже въ особомъ экскурсѣ.

* * *

Нападенія козаковъ на татарскихъ скотоводовъ съ цѣлью захвата ихъ стадъ, набѣги за Днѣстръ на молдавскія и турецкія области, мелкіе пограничныя грабежи и разбои—все эти обычныя проявленія дѣятельности козаковъ въ лѣтнее время, стихшія были періодъ войны Стофана Баторіи съ Москвою, возобновились съ усиленною силою съ весны 1582 года. Это и попятно. Пока тяну

*¹ См. Epicedion etc. str. 39—40. Самуилъ Зборовскій, по словамъ Панпроцкаго, торопилъ Петра Хромого прислать ему обѣщанную помощь, „i też już drużny starostowie ukraiński wyjeżdżać mieli.“ Эта фраза еще болѣе подтверждаетъ наше мнѣніе, что экспедиція Зборовскаго за Пороги должна быть отнесена къ лѣту 1581 года, такъ какъ именно трое пограничныхъ (украинскихъ) старостъ: кн. Жиженскій, Мышка и кн. Вишневецкій—собрались въ походъ въ эту пору.

всь война съ Москвою, найбільше безпокойные оломенты Днѣпров-
каго козацтва находили себѣ примѣненіе въ рѣдахъ войскъ,
ражавшихся противъ Москвы, а въ 1580 г. даже чуть не пого-
вовно всѣ козаки были заняты на театрѣ военныхъ дѣйствій.
При опустошеніи московскихъ городовъ и селъ козаки получали
только добычи, что ихъ „козацкій хлѣбъ“ былъ имъ щедро обез-
веченъ. Если при описаніи походовъ князя Михаила Алоксандро-
вича Вишневецкаго пѣвецъ ихъ постоянно повторяетъ о князѣ и
его соратникахъ:

Lupow więźniów korzyści bez miary nábráli,

или:

Więźniów inych korzyści bez miary nábráli,

то, конечно, козаки также не пропускали случая разбогатѣть, захватыва-
вая въ плѣнъ жителей опустошаемыхъ войною московскихъ областей
для перепродажи ихъ татарамъ^{*)} и отнимая у нихъ все наиболѣе
цѣнное имущество. Съ окончаніемъ московскихъ войнъ не только
короннымъ козакамъ, но и массѣ военного люда, напятаго Стефа-
номъ Ваторіемъ противъ Москвы, нечего было дѣлать. Богатыи
ваны со своими ополченіями разѣхались по замкамъ, охѣдлые
шляхтичи также вернулись къ семьямъ подъ свои сельскія стрѣхи,
во оставалась бездомная голытьба, которая только и пыталась жа-
лованьемъ за кровавую службу да возможностью во время войны
воровать. Въ королевской казнѣ не хватало денегъ, чтобы щедро
расплатиться съ бѣдняками и обезпечить имъ способы мирнаго
существованія. Откладывали расчеты до предстоящаго сейма, со-
званнаго на 2 октября стар. стила 1582 г. Но не всѣ имѣли терпѣ-
ніе дожидаться сейма, чтобы получить часть жалованья и заручить-
ся обѣщаніями короля насчетъ уплаты остального. И вотъ съ
ранней весны многіе изъ этихъ оборванцовъ вмѣстѣ съ корон-
ными козаками потянулись въ прѣдднѣпровскія и прибужскія сто-
ны, чтобы, по тогдашнему выраженію, молотить хлѣбъ на татар-

^{*)} Торговля плѣнными была тогда въ общемъ обычаѣ у козаконъ.
Котлякъ Пшотровский въ своемъ Дневникѣ подъ 27 сентября 1581 г. (Wyd.
Czest. str. 100) сообщаетъ, напримѣръ, такой фактъ: „Dwa] Włosiska (итальян-
чина) jakieś dwie moskiewskie dziewczęta *pokupili u kozoaków, dali im za nie po
piątkę i dziś w nocy w namiocie swym, tuż niedaleko P. Hetmana, że ależ sam
krzyk słyszał leżąc, uczciwszy uszy WMci, mego Miłościwego Panna, zgwałcił usi-
kwall. Kanno naleziono u nich te Moskiewki i wzięto; zwięzie się podobno Wło-
schom (итальянцамъ), jako cudzoziemcom.*“

скихъ опинахъ. Уже въ маѣ мѣсяцѣ 1592 г. постыпались жалобы татаръ на притѣсненія и обиды со стороны козаковъ. Ихъ заѣхалъ королю татарскіи посолъ, прѣхавшій въ началѣ мая въ Вильну, куда вскорѣ прибылъ Стефанъ Баторіи на обратномъ пути изъ Риги „Тамъ (т. е. въ Вильнѣ)“, пишетъ Гейденштейнъ, „далъ королю аудіенцію татарскому посольству, прибывшему туда нѣсколько раньше отъ Мухаммедъ-Герая, хана крымскихъ татаръ. Послѣдній. просилъ общипныхъ даровъ, жаловался на притѣсненія и обиды со стороны козаковъ; хотя послѣднія и въ самомъ дѣлѣ бывали порѣдки, однако татарскіи ханъ еще нарочно преувеличивалъ ихъ, чтобы, притворно указывая на домашніе страхи и близкія опасности, избѣгнуть персидскаго похода, на который въ то же время вызывалъ его турецкіи падишахъ. Отвѣтъ отъ короля сказанъ былъ татарамъ такой: что дары даны будутъ по обыкновенію предковъ и что съ ихъ ханомъ будетъ миръ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ былъ раньше. Относительно же козаковъ было сказано тоже, что нѣсколько разъ и раньше выставлялась на видъ: эта толпа людей, составившаяся изъ разноплеменнаго оброда, кочующая и не имѣющая прочной осѣлости, не признаетъ ничьей власти, но тѣмъ не менѣе, насколько возможно ему будетъ, король постарается о томъ, чтобы удерживать ихъ отъ непріязненныхъ дѣйствій и враждебныхъ набѣговъ. Этотъ отвѣтъ короли былъ принятъ варярами съ нѣкоторою надменностью, и главный посолъ, выслушавъ его, при самомъ какъ бы отвѣдѣ публично засвидѣтельствовалъ, что какъ бы тамъ ни было, но если козаки не будутъ обузданы, то они тоже не будутъ хранить мира.“¹ Хотя дѣло не доходило еще до открытаго разрыва между царемъ Перекопскимъ и Польшею, тѣмъ не менѣе козацкія нападенія не замедлили вызвать и отвѣтныя дѣйствія татаръ. Во время пребыванія въ Вильнѣ татарскаго посла пришла уже вѣсть, что татары прорвались черезъ границы королевской земли, опустошили одно село и захватили около тысячи душъ въ плѣнъ. Ксѣндзъ Піотровскій такъ передалъ настроенію короли по полученіи этого извѣстія: „Его Милости королю очень жаль бѣднаго крестьянства (pospólstwa), но совѣмъ не жаль шляхты, которая сама собі доводитъ до этого, потому что отпи-

¹ См. Рейн. Гейденштейна Записки о Москов. войнѣ. Рус. пер. въ изд. Археограф. Комм. Сиб. 1889, стр. 279.

заетъ у короля право карать козаковъ, предоставляя судить ихъ только сейму.⁴¹ Въ объясненіе этихъ словъ ксепдза Піотровскаго нужно замѣтить, что между 1578 и 1582 г. послѣдовала перемѣна въ воззрѣніяхъ сеймующей шляхты на право короля преслѣдовать козаковъ, виновныхъ въ нарушеніяхъ мира съ татарами и турками. Въ 1578 г. въ виду предстоявшей войны съ Московскимъ государствомъ сеймующая шляхта боялась, что козацкіе набѣги могутъ вызвать вторженіе татаръ или турокъ какъ разъ въ ту минуту, когда всѣ войска будутъ стянуты на сѣверо-западъ государства и южная граница его будетъ совершенно открыта. Поэтому на сеймѣ 1578 г. она охотно предоставила королю дискреціонную власть разыскивать и казнить виновныхъ въ набѣгахъ козаковъ. Король сейчасъ же воспользовался своимъ полномочіями, чтобы казнить Подкову и снарядить экспедицію Яна Тарка. При снабженіи короля дискреціонною властью шляхта закрывала глаза на то обстоятельство, что въ числѣ виновныхъ козаковъ могутъ оказаться и шляхтичи, которыхъ не мало было въ козацкихъ рѣдахъ. Иначе стояло дѣло въ 1582 г. Война съ Москвою была уже закончена. Шляхта знала, что многіе изъ ея представителей, не имѣя болѣе занятій на войнѣ, пристанутъ къ козакамъ для нападеній на татаръ и турокъ и такимъ образомъ подвергнутся тѣмъ карамъ, на которыя уполномоченъ король. Понятно, что началась агитація объ отнятіи у короля исключительныхъ правъ, которыя могли бы оказаться тягостными для самихъ законодателей. Кончилось тѣмъ, что на сеймѣ 1582 г. полномочія короля были опять ограничены и право наказанія приставшихъ къ козакамъ шляхтичей оставлено только за сеймомъ. Сложная процедура сеймового суда обезпечивала безнаказанность разнымъ сорвиголовамъ. Такой постановкѣ дѣла сочувствовали и пограничные староосты, которые вмѣсто того, чтобы охранять спокойствіе на границахъ, сами организовали козацкіе набѣги, снабжали козаковъ боевыми снарядами и продовольствіемъ, подкрѣпляли ихъ своими подданными и слугами, дабы потомъ, при дѣлѣжѣ награбленной добычи, воспользоваться лучшею ея долею. Вѣронность безнаказанности очень имъ улыбалась.

⁴¹ См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc. str. 358.

Подъ осень 1582 года повторилась такая же самая исторія, какую мы описывали уже (см. выше, стр. 42), налагаю событія 1577 года. Изъ Москвы ѣхали татарскіе послы съ богатыми „упоминками“, подаренными имъ московскимъ правительствомъ. Слѣдовали они Муравскимъ шляхомъ. На Самарскомъ перевозѣ напали на нихъ низовые козаки и дочиста ихъ ограбили. Мухаммедъ-Герай, царь перекопскій, немедленно отправилъ посла къ Стефану Баторію съ требованіемъ, чтобы король отобралъ отъ козаковъ заграбленные ими „упоминки“ и вернулъ ихъ по принадлежности ему, царю перекопскому, а въ тоже время снарядилъ противъ короля большое войско и расположился съ нимъ у берега р. Днѣпра въ урочищѣ Майманаѣ *¹ въ полной готовности вторгнуться въ предѣлы Рѣчи Посполитой, если только его требованія не будутъ исполнены королемъ. **

Пока все это происходило въ стѣняхъ, въ Варшавѣ готовились къ сейму. Вальный сеймъ 1582 года собрался къ 4 октября стараго стиля. 4-го октября высшее католическое духовенство столицы служило обѣдню въ присутствіи сейма о ниспосланіи на сеймующихъ Св. Духа. Съ 5-го октября начались совѣщанія. Этотъ день былъ, какъ извѣстно, днемъ перемѣны въ Европѣ стараго стиля на новый. Папою Григоріемъ XIII опредѣлено было 5-е октября считать 15-мъ. Составитель дневника сейма вмѣсто 5-го написалъ 15 октября и потомъ оговорился: „это слѣдующій день за четвертымъ; такъ слѣдуетъ писать по вновь заданному календарю.“ *³ До насъ дошли только фрагменты дневника сейма 1582

*¹ „Na co pogotowiu z wojskiem na Majmanaj szekał“—изъ инстр. короля Стефана повѣстовымъ сеймикамъ 1584 г. Dyag. sejm. г. 1585. Wydal Al. Szuszyński, Кг. 1901 г., str. 349.

Урочище Майманаѣ, вѣроятно, то древнее городище или валовая насыпь (Wahlstadt) на татарской сторонѣ Днѣпра, которая Эрхъ Ляссотъ называетъ *Mamaisyrka* (Mamaisor). См. Черноморье Ф. Бруна, часть II, Одесса 1880 г. стр. 373.

*² См. Dyaryusze sejmowe г. 1585, str. 349. Гейденштейна рус. пер. стр. 308

*³ См. Dyaryusze sejmowe г. 1585 etc. str. 333.

года, а потому происходившія на немъ пренія въ подробностяхъ намъ неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе изъ разсказа Гейденштейна, изъ письма короля къ маститому Кромеру отъ 12 сентября нов. ст. 1583 г. и изъ инструкцій Стефана Баторія повѣтовымъ сеймикамъ 1584 г. мы знаемъ, что на сеймѣ 1582 года король добивался, чтобы за нимъ оставлена была дискреціонная власть преслѣдовать и карать козаковъ, виновныхъ въ нарушеніи мира съ татарами и турками, и въ пограничныхъ разбояхъ и грабежахъ, но что сеймующая шляхта на это не согласилась. „Много разъ на предшествующихъ сеймахъ“, горько жалуется король Кромеру, „мы напоминали, выясняли и указывали, что если это своеволие не будетъ обуздано, то, что оно подготовитъ и создастъ для Рѣчи-Посполитой великія затрудненія, но не захотѣли къ этому прислушаться и отнестись внимательно, не захотѣли оставить въ силѣ и сеймовой конституціи (1578 г.), которая состоялась по этому поводу, хотя въ силу ея никто не былъ осужденъ, да даже, кажется, никто не былъ и преданъ суду (намекъ на неудачную экспедицію Яна Тарла—см. выше, стр. 70). Опять таки на прошломъ сеймѣ (т. е. 1582 г.) мы напоминали и указывали опасности, которыя могутъ отсюда вырасти и случиться, но и это наше обращеніе не нашло себѣ сочувствія.“ *! Вообще сеймъ 1582 г. прошелъ безпорядочно и не разрѣшилъ ни одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые были предложены на его обсужденіе королемъ (напр. вопросъ о порядкѣ избранія короля, объ уплатѣ жалованья войскамъ за Псковскій походъ и др.) Протянувшись почти два мѣсяца, онъ разѣхался въ началѣ декабря нов. ст., а 7-го декабря того-же стилиа и король выѣхалъ изъ Варшавы въ Краковъ. *2 Здѣсь его встрѣтило татарское посольство. Какъ сказано выше, оно жаловалось на низовыхъ козаковъ, ограбившихъ татарскихъ посланъ, требовало возвращенія „увомишковъ“ и угрожало войною, если это требованіе не будетъ немедленно исполнено. Великій визирь турецкій Синанъ-баша также прислалъ чауша съ письмомъ, въ которомъ грозилъ, что если требованія татаръ относительно наказанія козаковъ и возвращенія

* См. Acta hist. T. XI. Sprawy wojenne etc. Krak. 1887, str. 404—406. Гейденштейна рус. пер. стр. 290.

* См. Źródła dziejowe, t. IX, B, str. 77.

„упоминковъ“ не будутъ исполнены, то что 40,000 турокъ соединится къ татарскому войску для совмѣстнаго вторженія въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Хотя король былъ совсѣмъ не готовъ къ войнѣ („*impraevisissimus*“, по выраженію Гейденштейна), тѣмъ не менѣе, не желая жертвовать честью Рѣчи-Посполитой, онъ отъ чалъ татарскому послу, что его требованія не могутъ быть выполнены, такъ какъ козаки находятся внѣ сферы королевской власти, составлены изъ отбросовъ всевозможныхъ народовъ („*ex divae gentium colluvie*“—Гейденштейнъ), не исключая и самихъ татаръ, коихъ не мало промышляетъ въ козацкихъ рядахъ; и эти люди собираются на границахъ для занятій разбоями („*latrocinia exercenda*“—*ibid*). Между тѣмъ Замойскій былъ посланъ въ Львовъ готовить войска для отпора татарамъ въ случаѣ ихъ вторженія. Онъ частью вновь нанялъ войска, частью уговорилъ продолжать службу тѣ отряды, которые отказывались отъ нея, и получая до сихъ поръ жалованья за московскіе походы. Удалось ему вызвать на службу и болѣе усердныхъ изъ шляхты. Остальныхъ онъ увѣщевалъ быть готовыми къ общему ополченію противъ врага. Князь Константинъ Острожскій также явился на помощь съ значительнымъ войскомъ, собраннымъ изъ его домочадцевъ арендаторовъ. Замойскій выслалъ развѣдчиковъ во всѣ стороны чтобы они слѣдили за движеніями татаръ, а самъ ожидалъ въ Львовѣ, готовый двинуться противъ непріятеля при первомъ извѣстіи о его вторженіи. Между тѣмъ татары стояли на берегу Днѣпра, поджидая, чтобы рѣка замерзла. Они имѣли обыкновеніе переправляться черезъ Днѣпръ или позднимъ лѣтомъ, при нѣкото- рой болѣе низкомъ уровнѣ воды, или зимою по льду. Въ эту зиму (съ 1582 на 1583 г.) Днѣпръ у мѣста стоянки татарскаго войска не замерзъ, приближалась весна, дошли до татаръ слухи о при- готовленномъ имъ Замойскимъ отпоръ, и татары сочли за лучшее оставить мысль о войнѣ, и разошлись по своимъ улусамъ. Въ началѣ весны 1583 г. Замойскій возвратился уже въ Краковъ, гдѣ ему вскорѣ предстояло получить изъ королевскихъ рукъ вышнюю награду за его государственныя заслуги—молодую жену въ лицѣ королевской племянницы Гризельды Баторій. *1

*1 См. Reinholdi Heidensteini secretarii regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti Lib. XII, pag. 207-8 по франкфуртскому изданію 1672 г.

Лѣто 1583 года проходило въ степяхъ очень тревожно. Съ ранней весны среди собравшихся на промыслы козаковъ появился новый претендентъ на молдавскій столъ, по имени Эммануилъ, выдававшій себя за сына покойнаго Ивони, несмотря на то, что другой подобный же сомнительный сынъ Ивони находился уже въ рукахъ польскаго правительства, постоянно стремившагося прекратить въ самомъ зародышѣ попытки самозванцевъ къ завладѣнію Молдавскимъ столомъ. Эммануилъ нашелъ, конечно, среди козаковъ много охотниковъ оказать ему поддержку въ его затѣяхъ. Знатокъ условій пограничной жизни и козацкаго быта, брацлавскій воевода князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій очень мѣтко объяснялъ королю Стефану Баторію, что такъ ужъ полагается среди пограничныхъ козаковъ, чтобы между ними проживалъ хоть одинъ молдавскій претендентъ, если нѣтъ спроса на нѣсколькихъ.^{*1} Кромѣ козаковъ, примкнули къ Эммануилу нѣкоторые представители знатной шляхты, стали во главѣ козацкихъ отрядовъ и двинулись степями въ Молдавію.^{*2} Повидимому, шайкамъ претендента не удалось прорваться въ Молдавію, такъ какъ на дорогѣ еще встрѣтилъ ихъ и разгромилъ брацлавскій староста.^{*3} О томъ, какая судьба постигла самого Эммануила, источники умалчиваютъ.^{*4}

Но попыткой провести Эммануила въ Молдавію не ограничилась дѣятельность козаковъ въ лѣто 1583 г. Какъ разъ въ то время, когда въ Краковѣ праздновалась свадьба канцлера Замойскаго съ Гризельдой Баторіей (12 іюня нов. ст.), козаки подъ предводительствомъ нѣсколькихъ пограничныхъ шляхтичей („duces ex finitima nobilitate aliquot nacti,“ по выраженію Геліденштейна)^{*5} предпри-

^{*1} „Bez Włoszyna i bez kilku, jako na pograniezu, nigdy międlzy niemi być nie może“—въ отъѣтнаго письма князя Збаражскаго на письмо Стефана Баторія отъ 26 августа 1583 года. См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc. str. 404.

^{*2} Ibid. str. 405.

^{*3} Мы не могли доискаться въ современныхъ актахъ, какъ была фамилія тогдашняго брацлавскаго старосты. Не опредѣлилъ этого и надатель сеймовыхъ дневниковъ 1585 года г. Александръ Чучмыскій въ своемъ указателѣ именъ (стр. 465).

^{*4} См. Acta histor., T. XI. Sprawy wojenne etc. str. 405; Dyaryusz sejmowy z roku 1585 etc. str. 350.

^{*5} Кто-то изъ сотрудиновъ Замойскаго, составившій замѣчанія на нѣсню о заключенномъ въ тюрьму С. Зборовскомъ (Pisem o uwiezionym Samuelu

няли большой набѣгъ на турецкія владѣнія, разрушили вновь въстроенную турецкую деревянную крѣпость Ягорлыкъ (при впадѣніи р. Мокраго Ягорлыка въ Днѣстръ) и разграбили старинный турецкій городъ Тегинь (Вендеры), гдѣ имѣлъ пребываніе турецкій правитель или губернаторъ (санджакъ). Такъ какъ этотъ городъ долгое время не подвергался нападенію непріятелей, то добыча, назначенная въ немъ козаками, была очень богата; по представленнымъ королю Стефану Баторію свидѣніямъ, она была продана ими на какой-то ярмаркѣ за 12,000 злотыхъ.⁴¹ Повидимому главными зачинщиками этого набѣга были братья Христофоръ Самуилъ Зборовскіе, изъ которыхъ послѣдній, какъ мы знаемъ (см. выше, стр. 89—98), проживалъ среди козаковъ въ 1681 г. съ тѣхъ поръ поддерживалъ съ ними пріязненныя отношенія.⁴² Лѣто 1683 г. онъ также проводилъ „на Низу“ и, кажется, лично участвовалъ въ набѣгѣ на Ягорлыкъ и Тегинь. Объ этомъ можно догадываться изъ словъ письма Христофора Зборовскаго къ козакамъ: „z wami pospołu przeciwko nieprzyjacielowi krzyża świętego ochotnie waży“ (т. е. „нашъ братъ совместно съ вами охотно пробуетъ счастья противъ непріятеля святого креста“; непріятель сего креста—обычное въ то время обозначеніе турокъ и татаръ) а также изъ сообщенія Гейденштейна: „cujus insursionis (набѣга) *partim autor, partim adjutor* Samuel Zborovius in certa fama ferretur (Франкф. изд. 1672 года стр. 219). Въ послѣдней фразѣ слово *autor* по нашему мнѣнію, значитъ: зачинщикъ, а слово *adjutor*—участникъ. Противники Замойскаго, державшіе сторону дома Зборов-

Zborowski), называлъ такого типа шляхтичей *Polacy niżowi*: „Niechaj każdy haskny uszna, qua intentione tam się drudzy biorą, albo chodzą: jeśli dla miłości ojczyzny, jeśli dla łapiewstwa; nie tajno, na czem zaadzieli żywot swój *Polacy niżowi* i na czem wiek swój trawią.“ См. Pami. do życia i sprawy Sam. i Krzysz. Zborowskich zebrał Żegota Pauli. Lwów 1846, стр. 98.

⁴¹ См. Reinholdi Heidensteini secretarii Regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti Libri XII. Francofurti ad Moenum. 1672. Pag. 213—214.—Дягильске сеймове г. 1683 etc. Krak. 1901, стр. 850. 12,000 злотыхъ на наши деньги=16,000 рублей.

⁴² Одинъ изъ братьевъ Зборовскихъ, Янъ Зборовскій, каштелянъ Гизенекскій, гонимый на сеймѣ 1685 г. въ засѣданіи 31 января н. ст. о Самуилѣ Зборовскомъ: „Brat mój dla potrzeb swoich własnych... onych (Nizowców) *zawoził*, z niemi w pola chadzał i do potrzeb swoich je za pieniądze swoje zwoził.“ Dyar. sejm. 1685 г. etc. стр. 329.

никъ въ возникшей между канцлеромъ и Зборовскими борьбѣ, какъ напр. Вартошъ Папроцкіи, распространяли слухъ, будто самъ Замойскій тайно устроилъ этотъ набѣгъ при посредствѣ нѣкагого козака Янчи, желая, чтобы побольше козаковъ погибло, *¹ а будто вѣдомъ, когда турки стали угрожать польскому правительству возмездіемъ, онъ свалилъ всю вину на Зборовскихъ. Но слухъ этотъ представляется совершенно неправдоподобнымъ *² при томъ свѣтъ, какой бросаютъ на сношенія Зборовскихъ съ козаками лѣтомъ 1583 г. — письмо Христофора Зборовскаго къ Самуилу Зборовскому изъ Кракова отъ 17 іюля н. ст. 1583 г. и копія письма того же Христофора Зборовскаго къ козакамъ безъ даты, приложенная къ предыдущему письму. Оба документа были выкрадены у Самуила Зборовскаго его лютнистомъ (въ первоисточникѣ у Лаврентія Мюллера „Septentrionalische Historien,“ Amberg 1595, — *der Lauteniste*) Войташомъ по подговору венгерскаго офицера на польской службѣ Цобера, который отобралъ ихъ у Войташка и доставилъ вмѣстѣ съ самимъ виновникомъ кражи въ Краковъ королю. *³ Королевскій инстигаторъ Андрей Ржѣницкій напечаталъ ихъ въ приложеніи къ обвинительному акту противъ Христофора Зборовскаго, приготовленному къ сейму 1585 года, подъ заглавіемъ: „Andreae Recicii Instigatoris Regii V. Nob. Accusationis in Christophorum Sboro-

*¹ См. Bartosza Paprockiego Dwie broszury polityczne z lat 1587 i 1588 wydal Jan Czubek. Krak. 1900, str. 48. Янчи, вѣроятно, тоже самое лицо, что и Janści Bugier, notarius Nizoriorum (см. выше, стр. 71). Фамилія Bugier находитсѣ иногда въ документахъ въ Begiel и Beger, Beger или Beggier. Между 1578 и 1583 гг. мы знаемъ его, какъ королевскаго коморника (cubicularius). См. Żr. dz. t. IX, A, 196, 198, 203; B, 9, 48, 68, 120.

*² Князь Я. Н. Збаражскій въ письмѣ къ Стефану Баторію прямо гоноратъ: „Otoż jam tego pewien, że bez rozkazanія chodzil.“ См. Acta hist., t. XI etc. str. 404.

*³ Любопытныя подробности этой исторіи изложены современникомъ Лаврентіемъ Мюллеромъ въ книгѣ: Septentrionalische Historien oder wahrhafte Beschreibung der fürnembsten polnischen, litlandischen, moseowiterischen, schwedischen und andern Geschichten, so sich bey Regierung beeder Königen in Polen Stephani und Sigismundi des III dieses Namens von Anno 1576 bis auf das 1593 Jahr zugetragen. Amberg 1595, стр. 86. Первая часть этой книги сочинена Лаврентіемъ Мюллеромъ, вторая — не назвавшимъ себя по имени „любителемъ исторій“ (durch einen Liebhaber der Historien). Предисловіе къ 1-й части написано Лаврентіемъ Мюллеромъ и помѣчено 31 марта 1585 г. Мы пользовались экземплярами Варшавской и Кіевской университетскихъ библиотекъ.

vium Actiones tres. De fide publica. De praescriptionibus ante iudicium oppositis. De criminibus. Cracoviae. Typis Lazarianis. Anno Domini 1583.“ Оба письма переизданы были въ новейшее время дважды: въ 1844 г.—Люцианомъ Семенъскимъ съ книжкѣ „Pamiętniki o Samuelu Zborowskim. Zebrane z współczesnych dzieł i rękopismów biblioteki Kórnickiej. Poznań 1844“ (str. 28), въ 1846 г.—Жеготою Паули въ книжкѣ „Pamiętniki do życia i sprawy Samuela i Krzysztofa Zborowskich zebrał Żegota Pauli. Lwów 1846“ (str. 43). Въ виду важности этихъ документовъ для выясненія козацкихъ отношеній въ эпоху Баторія приводимъ здѣсь въ оригинальномъ текстѣ—изъ письма къ Самуилу Зборовскому пунктъ, относящійся къ его экспедиціи „на Низъ“, письмо же къ козакамъ цѣликомъ.

.

Выдержка изъ письма къ Самуилу Зборовскому.

„Reliquum est z strony tej tam zabawki niżowskiej *¹ WM. wolałbym był, abyś tam WM. był nie jeździł. Przyczyn dosyć, ale to u mnie przedniejsza, że się o WM. boję, aby to królewska naprawa ** nie była. Ale iżeś już WM. tam jest, staraj się WM. o dwie rzeczy. Pierwsza, abyś w dobrem zachowaniu, w dobrem porozumieniu to tam rycerstwo z domem Zborowskim zadzierzał. Jakoż ja wiem, co na tem należy nam. I dla tego piszę ja imieniem moim i pana marszałkowem ** do nich list, którego kopią WM. propter informationem, aby wiedzieć, do czego i jako je wieść, posyłam; z owymi też sam posły i mówiło i obeszło się tak, jako się godziło. Druga, abyś się WM. z tantąd

*¹ *Zabawka niżowska*—прогулка на Низъ. Христофоръ Зборовскій, очевидно, смотрѣлъ на походъ Самуила на Низъ, какъ на пріятное для брата препровожденіе времени, но по семейнымъ интересамъ, былъ бы болѣе доволенъ, если бы братъ сидѣлъ дома.

** Отголосокъ слуха, будто походъ на Игоряны и Тегинъ предпринятъ козаками по наущенію короля и канцлера, рассчитывавшихъ, что въ сраженіяхъ съ турками будутъ убиты самые безпокойные люди.

** Pan marszałek—братъ Зборовскихъ Андрей Зборовскій.

jako najprędzej pokwapił. O co i dla Boga prosimy; bo nam niewymownie trzeba WM. Co nam racz dać, o Boże nasz, abyśmy rychło WM. zdrowego mieli.“

Письмо Христофора Зборовскаго къ Низовымъ козакамъ.

„Zacne rycerstwo, *1 panowie i przyjaciele nam łaskawi! Za tem zachowaniem dobrem, które wieciecie z Jego Mością panem Samuelem bratem naszym, uie mogliśmy zaniechać tem pisaniem was nawiedzić, i chęci przyjacielskie nasze wam zalecić, prosząc was, abyście tak w miłowaniu i w szanowaniu osoby pana brata naszego, takowemi się nam popisywali, jako była przyjaźń nasza się przymnażała i za czasem do lepszego porozumienia z domem naszym przyjść mogła. Co jako wam nie tylko nie szkodzić, ale i za czasem pomocnem być może, wy jako baczni będziecie to umieć u siebie uważać, i nie wątpiemy w tem nie, że to dobre porozumienie wasze z nami, nie jedno i tu w Polsce, będzie uważało; ale my na to jako oglądać się nie jesteśmy powinni, tak i o to mało dbać będziemy. Wy też większego i pewniejszego zakładu chęci i przyjaźni naszych mieć ani żądać od nas nie możecie, jedno i kogo teraz macie, krew naszą, JM. pana brata naszego, któremu nie tylko abyśmy ganić mieli, że się towarzystwem was tak zacnego, sławnego rycerstwa bawi, a zdrowie swe i wam powierza, i z wami pospołu przeciwko nieprzyjacielowi krzyża świętego ochotnie waży, ale i owszem chwalimy mu to,

*1 Слово *rycerstwo* употреблялось въ ту эпоху въ значеніи сборища вооруженныхъ людей. Напр. у Стрийковскаго: „Stanisław Pac... zebrawszy ze dwa tysiąca *rycerstwa* tak żołnierzów, jako szlachty i kozaków Witebskich, posłał ich na odsiecz pod Ozieriszczu zamek“. См. *Kronika Macieja Strzykowskiego*. Warsz. 1846. T. II, str. 415.

Историю употребленія въ польскомъ языкѣ слова *rycerstwo* находимъ у Лебницкаго: *Materyaly do słownika historycznego języka i starożytności polskich*. I. *Militaria*. Zebrał dr. W. Lebnicki. Poznań 1889, str. 458—461.

i do tego go radą i prośbami naszymi wiedziemy. *1 Rozumiemy to o was, że w osobie jego nas i przyjaźń naszą uszanować nie zaniechacie. A my w każdej potrzebie takimi się przyjaciółmi wam popisać chcemy, jakoście tego sąście godni. Jakoż za tą dobrą sławą waszą, którą nie tylko tu w Polsce, ale i po cudzych krajach, u cesarzów i wielkich królów słyniecie, nie długo nam da Bóg tego czasu czekać przyjdzie, że się sobie w jakiej ważnej sprawie przygodzić będziemy mogli. O czym iż się pisać nie godzi wolimy tu zawsze JM. Panu naszemu, a niż listowi powierzać

Na ten czas nic innego, tylko chęci przyjacielskie nasze WM. zalecając, wam bożej łaski i fortunnego przeciw wszystkim nieprzyjaciółom powodzenia winszujemy.”

.

По возвращеніи изъ набѣга на Ягорлыкъ и Тегинь козаци расположились на квартиры въ пограничныхъ селахъ и мѣстечкахъ брацлавскаго поеводства, обременяя жителей всевозможными поборами. Свое право на эти требованія они основывали на той службѣ, какую они будто-бы сослужили Рѣчи-Посполитой разгромомъ турецкихъ крѣпостей. Въ особенности безчинствовалъ козацкій предводитель Янчи, который, по словамъ Папроцкаго, какъ мы знаемъ, былъ яко-бы главнымъ зачинщикомъ набѣга. *2 Турецкое правительство не оставило безъ вниманія дерзкаго раззоренія цѣлой области, принадлежавшей къ владѣніямъ Турціи, съ двумя важными крѣпостями, и потребовало отъ польскаго короля удовлетворенія и наказанія виновныхъ въ нарушеніи международнаго мира Въ это время какъ разъ случилось убійство въ одномъ селеніи

*1 Христофоръ Зборовскій самъ признался, что по его совѣту и просьбѣ Самуилъ Зборовскій принялъ участіе въ дѣйствіяхъ козаковъ противъ турокъ

*2 См. выше, стр. 102. Князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій въ упомянутомъ письмѣ къ Стефану Баторію говоритъ: „Ja przedtem skarzę na Janusza iż gwałtem sobie przywłaszczył był pozabierał i szkody niemałe poczynił“. См. Acta hist. T. XI etc. str. 408—409.

вдалекѣ отъ Константинополя королевскаго конюшаго Якова Поддодовскаго, слѣдовавшаго въ Польшу съ закупленными для Сте-
на Ваторія арабскими лошадьми. *¹ Это обстоятельство поста-
но было польскимъ правительствомъ на счетъ турецкому и умѣ-
но нѣсколько требованія турокъ. Тѣмъ же менѣе, по приказу
роля, правительственные отряды посланы были на поимку уча-
ствовавшихъ въ набѣгѣ на Ягорлыкъ и Тегинъ козаковъ. Почувявъ
опасность, козаки пустились бѣжать кievскимъ трактомъ по на-
равленію къ Корсуні и по дорогѣ побросали захваченныя въ ту-
ецкихъ крѣпостяхъ пушки, которыя и достались королевскимъ
ойскамъ. Нѣкоторыя шайки спаслись въ московскіе предѣлы, дру-
и же были разсѣяны или попались въ плѣнъ. *² Особый комор-
икъ, по фамиліи Подольскій, былъ командированъ въ Черкассы,
тобы наловить тамъ участвовавшихъ въ набѣгѣ козаковъ. *³ Въ
роднѣ былъ также арестованъ какой то козацкій начальникъ или
етманъ, казненный потомъ по настоянію турокъ. Можно думать,
то это былъ никто иной, какъ Янчи Багеръ, Вегеръ или Веголь,
машій писаремъ козацкаго полка въ 1578 г. Хотя главную роль въ
организациі набѣга на Ягорлыкъ и Тегинъ игралъ Самуилъ Збо-
овскій, но несомнѣнно, что и Янчи былъ однимъ изъ видныхъ
предводителей: не безъ основанія выставляеть его на первый планъ
Напроцкій, да и въ жалобѣ князи Эбаражскаго королю, онъ не былъ
и названъ, если бы не занималъ команднаго мѣста въ козац-
комъ скопищѣ. Объ этомъ лицѣ Лаврентій Мюллеръ рассказы-

*¹ „Dno Jacobo Podlodowszki in Arabiam Cracovia a S. Mte R. misso pro
expensis itineris ac in emptum equorum dat. fl. 3000.“ *Данск.* 1583 года. См.
ѣ. dz. T. IX, B. 121.—Лаврентій Мюллеръ говоритъ: „Im November (1583) kam
dem Könige zu Polen Zeitunge, die sich dann auch also in der That erfolgete, dass
die Türcken des Königes Abgesandten unnd Stallmeister den Polydovsky umbracht
und alle seine Gefohrten auf Stücken zurhauen biss auf einen kleinen Jungen, der
wunderlich sich verborgen und darnach darvon kommen“. См. *Septentrionalische Hi-
storien*, Amberg 1595, S. 77. *Dyar. sejm. r.* 1583 etc. str. 9.

*² См. *Reluh. Heldensteinii secr. R. Rerum Polon. etc. Fr. ad. Moenun*
1672, pag. 213—214.

*³ „Podolszki cubiculario per magnum dnm thesaurarium curiae Czerkassii
cum literis S. Mtis R. capiendorum Kozakorum causa profectiscont, qui incursionem
in terras caesaris Turcarum fecerunt arcemque Tehina devastarunt, fl 60.“ *Данск.*
1583 года послѣ 20 октября. См. ѣ. dz. T. IX, B., 116.

васть слѣдующее: „Около того же времени ^{*1} прїѣхалъ въ Гродно турецкій посолъ чаушъ Мустафа, а король также тотчасъ собрался и прїѣхалъ туда изъ Вильна. Посольство это должно было принести окончательное извиненіе за убійство польскаго посланника и конюшаго Подлодовскаго. Этотъ послѣдній вышелъ за границы своихъ полномочій, ибо остановился и присматривался къ полчищамъ, которыя турецкій падишахъ вооружилъ противъ персовъ. ^{*2} За это онъ былъ убитъ турками безъ всякаго приказанія падишаха. Послѣдній, напротивъ, прислалъ убійцъ королю, чтобы король могъ ихъ казнить. Въ виду того, что козаки причинили туркамъ большой вредъ, посолъ требовалъ, чтобы ему дали за это вознагражденіе и чтобы выдали ему козацкаго гетмана (dem Kusackischen Obersten), который содержался подъ стражей въ Гроднѣ, будучи заманенъ туда тѣми же дружески-ласковыми общаніями, какими некогда поддался Подкова. ^{*3} Этотъ козацкій гетманъ (Kusacken Oberster) былъ очень храбрый воинъ и причинилъ туркамъ много вреда и его то выдачи требовалъ турецкій посолъ, въ обмѣнъ на двухъ разнузданныхъ и нагихъ негодяевъ, которые и безъ того вѣдь ли были бы преданы казни; такъ какъ за козацкаго гетмана просили самые знатные люди и король чувствовалъ, что онъ не въ состояніи имъ отказать, то онъ приказалъ отвезти его на границу Руси ^{*4} подъ тѣмъ предлогомъ, якобы онъ желаетъ уда-

^{*1} Въ ноябрѣ 1583 года. Конецъ 1583 г., начиная съ 14 октября н. ст. Стеф. Баторіи проводилъ въ Литвѣ, преимущественно въ Гроднѣ.

^{*2} Тоже самое говоритъ и Рейденштейнъ.

^{*3} Князь Инчъ Збаражскій уговорилъ Подкову ѣхать къ королю въ Варшаву; можетъ быть, онъ же уговорилъ теперь Инча поѣхать къ королю въ Гродно, чтобы избавиться отъ побороновъ, которые чинилъ Инчъ въ селеніяхъ, принадлежавшихъ князю.

^{*4} Въ подлинникѣ сказано: „Noss er ihn nach der Reussischen Briesse führen.“ Ни въ одномъ изъ историческихъ нѣмецкихъ словарей не удалось намъ найти объясненія слова „Briesse.“ Одно изъ двухъ: или это искаженное названіе какой-нибудь мѣстности напр. Русскій Бризъ т. е. Ruski Brzeg, Русскій Берегъ (на бѣлорусскомъ нарѣчьи *брызъ*—берегъ, край); или Лаврентій Мюллеръ такъ пишетъ нѣмецкое слово *Brieg*, значащее: воротъ (у рубашки), обшлага (у рукава), употребивъ его въ переносномъ смыслѣ для обозначенія границы Руси. Подъ Русью Мюллеръ разумѣлъ, конечно, ту часть Рѣчи-Посполитой, которая въ обыкновенномъ разговорѣ постоянно объединялась подъ названіемъ „Русь.“ т. е. воеводство Русское (г. гор. Львовъ) и Бѣльское (г. гор. Бѣльскъ) и землю Холмскую. Ближайшимъ къ Гродну пунктомъ границы

бить его съ глазъ турокъ и затѣмъ показать видъ, будто онъ убитъ. Но скоро пришли вѣрныя извѣстія, что онъ былъ обезглавленъ въ угоду туркамъ.“ *1

Наша догадка о тождественности личностей обезглавленного козацкаго гетмана и Янчи Вегера подтверждается еще и тѣмъ, что съ 1583 г. имя Янчи Вегера исчезаетъ навсегда изъ современныхъ актовъ.

Казнью Янчи турецкое правительство не удовлетвовалось и продолжало настаивать на дальнѣйшемъ наказаніи участниковъ набѣга. Но къ этому пришло не скоро. Янъ Замоискій, озабоченный борьбою съ Зборовскими, не имѣлъ времени заняться расправою надъ козаками. Только когда Самуилъ Зборовскій попался къ его руки и по тайному соизволенію короля былъ казненъ 26 мѣс. ст. 1584 г. въ Краковѣ на лобномъ мѣстѣ за стѣной замка, обращенной къ пригороду „Казимиру,“ *2 тогда лишь Замоискій вслѣдъ за вновь прѣхавшимъ турецкимъ чаушемъ отправился во Львовъ, гдѣ содержались подъ стражей плѣнные козаки, и предалъ казни на глазахъ чауша болѣе тридцати козаковъ. Все это были люди низкаго происхожденія, не принадлежавшіе къ шляхетству, и, слѣдовательно, не имѣвшіе права обращаться къ сеймовому суду. Казнью ихъ „варваръ насытился,“ по выраженію Гейденштейна, т. е. турецкій чаушъ, какъ представитель турецкаго правительства, считъ себя удовлетвореннымъ. „Можно думать,“ продолжаетъ Гейденштейнъ, „что не мало также послужило къ смягченію турокъ преданіе казни Самуила Зборовскаго, человека, пользовавшагося среди нихъ громкою славою. Хотя онъ былъ казненъ по другой причинѣ, но такъ какъ однако шла молва, что онъ наиболѣе возбуждалъ пограничныхъ козаковъ къ подобнаго рода набѣгамъ, то

Русь была южная часть нынѣшняго Влодавскаго уѣзда, Сѣдлецкой губернии, такъ какъ тамъ по р. Влодавиѣ проходила граница между военодѣствомъ Грестъ-Литовскимъ и землею Холмскою. См. Jan Karłowicz. Słownik wyrazów obcego, a mniej jasnego pochodzenia, używ. w jęz. polskim. Zesz. I. 1894, str. 69 подъ словомъ *Brył*.

*1 См. Septentrionalische Historien, Amberg 1595, str. 83—95.

*2 Документальную исторію Краковскаго пригорода Казимира написали въ недавнее время Клеменсъ Бонковскій: *Historja miasta Kazimierza pod Krakowem do XVI wieku. Przez D-ra Klemensa Bąkowskiego. W Krak. 1903.*

турки полагали, что его казнь была вызвана именно нарушением международного мира, со стороны же наших это мнѣніе если подтверждалось, то и не отрицалось.*¹

* * *

Обезпокоенный набѣгомъ козаковъ на Ягорлыкъ и Тегинъ (Вондери), который чуть было не навлекъ на Польшу турецкаго нашествія, Стефанъ Баторій не ограничился устрашеніемъ козаковъ казнями надъ ихъ предводителемъ Яичи и надъ тридцатью съ лишнимъ козаками, преданными смерти Замойскимъ во Львовъ, но возвратился еще къ тому способу обезвреженія ихъ, который въ 1578 г. рекомендовалъ ему царь перекопскій черезъ Хоромалъ (см. выше, стр. 56—57), а именно къ вербовкѣ ихъ на королевскую службу. Какъ разъ въ это время поступила къ королю отъ мѣщанъ города Черкасѣ жалоба на невыносимыя притѣсненія, чинимыя имъ низовыми козаками. Нужно было послать кого нибудь изъ коморниковъ для успокоенія на мѣстѣ распри, возникшей между черкасскими мѣщанами и козаками. Исполнителемъ этого порученія избранъ былъ ротмистръ Янъ Оржельскій, которому король приказалъ, чтобы онъ, разсудивъ мѣщанъ и козаковъ, наперобовалъ въ войско Рѣчи-Посполитої 600 отборныхъ козаковъ, которые сражались бы только подъ знаменами Рѣчи-Посполитої. Этимъ путемъ король надѣялся предупредить нападенія козаковъ на мирныхъ татаръ и разбойничьи набѣги на Крымъ. „Оба эти порученія,“ рассказываетъ Янъ Оржельскій въ своихъ мемуарахъ „мнѣ удалось выполнить только послѣ огромныхъ затрудненій и хлопотъ, ибо черкасскіе мѣщане, люди на половину дикіе и лишешные всякаго просвѣщенія, съ трудностію поддались убѣжденіямъ о необходимости вознаградить Низовцевъ за причиненныя имъ обиды. Низовцы же съ своей стороны, привыкшіе къ разбоямъ, живущіе безъ правительства и безъ начальника, упорно ставили сомнительную надежду на добычу отъ грабежа выше вѣрнаго жалованья.“² Тѣмъ не менѣе 600 человекъ козацкой пѣхоты

*¹ См. Reinh. Heidensteinii secr. R. Rerum Polonicarum etc. Francofurti ad Moenum 1672, pag. 224—225.—Dyar. sejm. 1585 г. etc. str. 350.

*² См. Roczniki domu Orzelskich, przez Jana Orzelskiego spisane r. p. 1611. въ книгѣ Zbiór pamiątników do dziejów polskich. Wydał Wł. St. hr. de Broel-Plater.

поступило въ 1583 г. на королевскую службу. Имъ назначено было жалованья по 5 злотыхъ за четверть года и по 5 локтей (=4 латовскихъ аршина) лондонскаго сукна въ годъ на рядового; жалованье командиру или гетману опредѣлено было въ 100 злотыхъ за годъ. Принятые на службу Низовцы находились въ 1583 г. въ составѣ войскъ, охранявшихъ границу Подолья. *1

Есть указаніе, что этотъ отрядъ продолжалъ службу и въ 1584 г., такъ какъ отъ 18 іюня 1584 г. дошло до насъ сознаніе лудскаго вознаго Франца Вромирскаго, что дѣйствительно въ его присутствіи королевскій коморникъ Старенскій оставилъ на храненіе въ церкви св. Іоанна Богослова въ Лудкомъ замкѣ четыре тюка („чотыры белы“) сукна, вѣроятно, предназначеннаго королемъ для роздачи козакамъ въ день св. Николая (6 декабря) 1584 г. по окончаніи ими служебнаго года; каждый тюкъ („бела“) былъ опечатанъ печатами Старенскаго. *2

* * *

Около описываемаго времени каждая днѣпровскаго козачества къ выгодинымъ въ отношеніи добычи военнымъ предпріятіямъ достигла уже такой стихійной силы, что ея не могла утушить казнь нѣсколькихъ десятковъ второстепенныхъ участниковъ набѣга на Ягорлыкъ и Тегинь. Улыбку недоумѣнія вызываетъ также попытка Стефана Ваторія направить дѣятельность козачества въ иную ото-

Том 4. Warsz. 1850, str. 114 Въ этомъ изданіи „Нѣтписи дома Оржеховскихъ“ переведены съ латинской рукописи нѣкимъ S. B. и снабжены предисловіемъ гр. Дзялинскаго.

*1 „Nizowcom. In anno 1583 plechoty 600, k którym p. Orzelaki rotmistrz posłany będąc, postanowił na każdego po zł. 5 na kwartał, starszemu zł. 100. Tymże sukna ludyńskiego *Suryski* dawał każdemu po arszyny 4, które szyniły polskich łokci 5. Ale do Moskwy także nie chodzili, przy wojsku Podolskiem byli“—См. Żr. dz. 1881, T. IX, B, str. 294—295.

*2 См. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. 1, 1863, стр. 14. *Бела, белина, балина, белка*, значить вообще тюкъ, кипа какого нибудь товара. Слово это есть польская передѣлка нѣмецкаго слова *Balle* = узелъ, кипа, тюкъ, — заимствованнаго при торговыхъ сношеніяхъ у нѣмцевъ. *Бела сукна* заключала въ себѣ 20 постановъ, а поставъ имѣлъ обыкновенно 32 локти. Всего такимъ образомъ Старенскій оставилъ въ Лудкѣ 2500 локтей сукна. Такъ какъ каждому козаку выдавалось по 5 локтей, то оказывается, что сложенный въ Лудкѣ запасъ

рону принятіємъ на королевскую службу 500—600 козаковъ и 4,000—5,000 ихъ, собиравшихся въ эту пору „на Низу“ весною. Для прекращенія козацкаго своеволія нужны были нныя мѣры: устройство въ степяхъ нѣсколькихъ линій крѣпостей съ сильнымъ въ нихъ гарнизонами изъ регулярныхъ войскъ, развитіе подъ прикрытіемъ крѣпостей правильной колонизаціи всего степного пространства осѣдлыми жителями, наконецъ, покореніе крымскихъ татаръ, отъ которыхъ казаки заимствовали не только имя, но и всѣ свои грабительскіе навыки. Конечно, для такихъ мѣропріятій не пріспѣло еще время, хотя о нихъ и мечталъ канцлеръ Ян Замойскій, поддерживаемый сочувствіемъ дальновиднѣйшихъ людей своего общества, да они были и не по силамъ польскому государству, лишенному могучей самодержавной власти въ стилъ Петра I или Екатерины II, власти, способной подчинить всѣхъ подданныхъ желѣзной дисциплинѣ и направить ихъ силы туда, куда этого требуютъ выгоды всего государства, а не интересы отдельныхъ вліятельныхъ лицъ, партій и сословій. Задачу искорененія козацкаго своеволія судьба передала въ руки восточнаго сѣда Польши, царства Московскаго, превратившагося затѣмъ въ Россійскую Имперію, которая и покончила съ нею въ царствованіе Екатерины II уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи въ 1775 г. и присоединеніемъ Крыма къ Россіи въ 1783 г.

Лѣтомъ 1584 г. козачество промышляло обычнымъ порядкомъ, какъ будто ни Львовскихъ казней, ни вербовки козацкаго поля въ 600 человекъ вовсе не было. Во вторую половину лѣта состоялся набѣгъ, цѣлью котораго избранъ былъ Очаковъ, по словамъ Ина Сѣвинскаго, „первостепенный у татаръ городъ“ (*primarium oppidum Scytharum*), хотя Мартинъ Броневскій, также посѣщавшій Очаковъ, рассказываетъ, что „въ немъ крѣпость каменная, но не хорошио укрѣпленная, городъ—незначителенъ.“^{*1} Очаковъ былъ раз-

сукна мочь удовлетворить 512 человекъ. Цифра эта какъ разъ соответствуетъ опредѣленной Баторіемъ численности козацкаго отряда (см. выше, стр. 80).—См. Z. Gloger. Encyklopedia staropolska ilustrowana. T. I, W. 1900, str. 140.—Горбачевскій, Словарь древняго актовaго языка, Вильно 1874, стр. 38, 270.—I. Karłowicz. Słownik wyrazów obcego, a mniżej jasnego pochodzenia używ. w języku polskim. Zesz. I, Krak. 1894, str. 26.

^{*1} См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словомъ *Oczakow*. — Рус. пер. М. Броневскаго, стр. 337.

абленъ и сожженъ, но кромѣ того въ степяхъ козаки захватили угнали въ пограничныя мѣстности Подолья и Волыни многосленные стада татарскаго скота. На козацкій набѣгъ татары вѣтили вторженіемъ въ предѣлы Подолья. Много мѣстностей было разорено, многіе жители попались въ татарскій плѣнъ, конецъ, барскій староста Николай Творовскій-Вучацкій ⁸¹ разоимилъ татаръ и прекратилъ ихъ дальнѣйшія насилія. На коронномъ вальномъ сеймѣ, засѣдавшемъ въ Варшавѣ съ 17 января по 1 февраля нов. ст. 1585 г., очень волновались изъ-за козацкаго бѣга на Очаковъ, опасаясь, какъ бы онъ съ наступленіемъ весны послужилъ Турціи поводомъ для объявленія войны Польшѣ. ⁸² „*o dalej, to bardziej irritatur animus tego smoka*“ т. е. „чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе раздражается духъ этого дракона (змѣя)“, говорилъ 1 января коронный канцлеръ Янъ Замойскій о Турціи, „а всему причиною эти своевольные, неукротимые люди, которые, не уважая верховной власти Его Королевскаго Величества и не оглядымсь на грозящія коронѣ опасности, опять сожгли злополучный Очаковъ.“ ⁸³ Для успокоенія возникшей между татарами и козаками распри посланъ былъ весною 1585 года королевскій гонецъ (praecursor) Георгій Глембоцкій. Онъ долженъ былъ разыскать на Волыни и Подольи похищенные козаками татарскія стада и отогнать ихъ обратно въ Орду на распоряженіе царя перекопскаго. ⁸⁴ Миссія Глембоцкаго кончилась для него очень несчастливо: онъ былъ до смерти замученъ непокорными козаками и тѣло его было

⁸¹ Издатель дневниковъ сейма 1585 года Александръ Чучинскій на стр. 465 и 472 книги почему-то называетъ барскимъ старостой Бернарда Претича, но специалисты по исторіи Барскаго староства Грушевскій и Михаилъ Роззе считаютъ, что въ 1585 г. старостой барскимъ былъ еще Николай Творовскій и оставался имъ до 1588 г. См. Барское староство, историческіе очерки, Киевъ 1894, стр. 107—108; *Z przeszłości. Okręg Rowski, starostwo Barskie do r. 1774*, Lwów 1896, стр. 183—141.

⁸² См. Dyar. sejm. 1585 г. etc. стр. 8, 9, 29, 282, 321.

⁸³ См. *ibid.* стр. 9.

⁸⁴ „*Expediit Georgii Glembocki, praecursoris in Ordnam a S. R. Mte missi in Podoliam et Wolhiniam causa investigandorum gregium per milites Kozakos ex campis caesaris Praecopscensis abactorum indeque cum eisdom gregibus recuperatis ad caesarem Praecopscensem eunti pro expensis itineris dati fl. 300.*“ *Źr. dz. t. IX, B*, стр. 243.

выброшено въ воду, вѣроятно, гдѣ-то на Днѣпрѣ. Непосредственныхъ участниковъ убійства было одиннадцать человѣкъ. Какъ видно, большинство промышлявшихъ въ это время на Низу козаковъ не одобрило поступка своихъ одиннадцати товарищей. По крайней мѣрѣ мы видимъ фактъ, что тогдашній предводитель или гетманъ князь Михаилъ Ивановичъ Ружинскій „и съ иными козаками, товарищами своими запорожскими“, — арестовали виновныхъ въ убійствѣ Глембоцкаго, заковали ихъ въ цѣпи и подъ конвоемъ, которымъ начальствовали козаки Алексѣй Орель *1 и Войтъхъ Мясопустъ, ** доставили въ Кіевъ на распоряженіе тамошняго представителя правительственной власти кіевского намістника князя Матвія Войничя Воронежскаго. Это случилось 12 ноября нов. ст. 1585 года. Доставленные въ Кіевъ, козаки помѣщены были не въ замковой темницѣ на гор. Кисилевкѣ, занятой нынѣ кладбищемъ Флоровскаго монастыря, а въ городской—на Подолѣ при ратушѣ. „Войтъ, бурмистръ и радцы съ присяжники, и все посполство“ города Кіева записали въ Житомирскія городскія книги жалобу на князя Воронежскаго, будто онъ, не желая держать арестантовъ у себя въ замкѣ, *насилъно заставилъ* магистратъ помѣстить ихъ въ городской темницѣ, чѣмъ нарушилъ привиллегіи, обезпоченныя за кіевскими мѣщанами пожалованнымъ имъ королями магдебургскимъ правомъ. Въ такомъ смыслѣ подали кіевскіе мѣщане жалобу на князя Воронежскаго и самому королю Стефану Баторію. Коморникъ Лозовинскій или Лозовицкій посланъ былъ произвести разслѣдованіе. И устно присланному коморнику, и письменно въ особомъ донесеніи королю отъ 14 февраля н. ст. 1586 г. князь Воронежскій объяснялъ, что арестованные козаки помѣщены были имъ въ городскую тюрьму не самоуправно, а по соглашенію съ мѣщанскими властями, собственно ради того, что

*1 Козакъ Алексѣй Орель былъ родомъ изъ Кричова на р. Сомѣ, нынѣ Черниковского у. Могилевской губ. Онъ служилъ въ козацкомъ полку, ходившемъ въ Московскій походъ 1580 г., и записанъ въ составленный 30 марта 1581 г. реестръ козаковъ этого полка, какъ атаманъ 18-го десятка или ряда: Orel Olexa z Kriczowa. См. Żr. dz. t. XX, 1894, str. 158.

** Въ одномъ десяткѣ съ Алексѣемъ Орломъ записанъ козакъ: Wojciech Biels. powietu. Не онъ-ли назывался и Мясопустомъ? Судя по имени, это былъ католикъ.

городская тюрьма крѣпче устроена и что оттуда бѣгство для заключенныхъ козаковъ затруднительнѣе. Слѣдуетъ предполагать, что кievскіе мѣщане нарочно выдумали, будто они приняли козаковъ въ свою темницу по принужденію князя Воронежскаго, такъ какъ боялись мести со стороны низовыхъ козаковъ; они сами сознаются: „а мы дей отъ таковыхъ овольныхъ людей козаковъ и сами въ домохъ нашихъ, яко на Украинѣ, во всемъ месте Киевскомъ о здоровю своемъ не безпечны.“ Когда и какая кара постигла убійцъ Глембоцкаго, извѣстные намъ источники не сообщаютъ. *¹

* * *

Мы видѣли, что въ 1585 г. однимъ скопищемъ козаковъ предводительствовалъ гетманъ князь Михайлъ Ивановичъ Ружинскій, владѣлецъ имѣній Ружинъ, Твориничи, Яловичи и Воршинъ въ Луцкомъ повѣтѣ. *² Но въ то же время былъ среди козаковъ и другой вождь или гетманъ—знакомый намъ Янъ Орышовскій. Объ этомъ свидѣлствуетъ слѣдующій эпизодъ, передаваемый С. М. Соловьевымъ въ VII томѣ „Исторіи Россіи“ на основаніи „Крымскихъ дѣлъ“ въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. „Большую услугу также оказывали Москвѣ,“ говоритъ Соловьевъ, „Запорожскіе козаки, которые не давали покоя туркамъ и татарамъ, раздражали султана и хана противъ Литвы, отвлекали вниманіе ихъ отъ Москвы. Козаки то приходили войной на Крымскіе улусы, то присылали къ хану съ предложеніемъ, своей службы, и потомъ опять нападали на Крымъ. Такъ, въ 1585 году, козаки съ атаманомъ своимъ Яномъ Орышевскимъ (читай: Орышовскимъ), два раза приходили на Крымскіе улусы, отогнали лошадей и всякаго скота больше 10.000, и людей многихъ съ плѣнь взяли. А потомъ отъ этого же Орышевскаго (Орышовскаго) и отъ всѣхъ атамановъ пріѣхали къ хану четыре козака и говорили ему: „Прислали насъ атаманы Днѣпропскіе, чтобы ты, государь, ихъ пожаловалъ, съ ними помирился, и

¹ См. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. 1, 1863, стр. 15—18, док. № VII; Źródła do dziejów polskich, wydawane przez Michała Grabowskiego i Alexandra Przędzieckiego. T. I, Wilno 1843, str. 66—67.

² См. Józef Wolff. Książki litewsko-ruscy. Warsz. 1895, s. 415.

давалъ имъ свое жалованье; атаманы же и всѣ Черкасы тебѣ хотятъ служить: куда ихъ пошлешь на своего недруга, кромѣ литовскаго короля, и они готовы.“ Ханъ отвѣчалъ: „Я атамановъ и всѣхъ Черкасъ радъ жаловать, и какъ они будутъ мнѣ надобны, то я имъ тогда свое жалованье пришлю, и они бѣ были готовы.“ Но вмѣсто службы хану, козаки взяли Очаковъ.... *1

Въ 1586 году запороженскими вождами или гетманами выступаютъ Богданъ Млякошинскій *2 и тотъ же Янъ Орышовскій. Отъ перваго изъ нихъ до насъ письмо его къ двумъ товарищамъ Каспару Подвысоцкому *3 и Юрію Владыкѣ отъ 22 мая стараго стила 1586 г. съ острова Таволжанскаго. Въ латинской транскрипціи съ плохо сохранившагося рукописнаго западно-русскаго оригинала оно напечатано извѣстнымъ княземъ Ѳаддеемъ Любомирскимъ въ изданіи „Listy Stanisława Żółkiewskiego“ (w Krakowie, 1868) на стр. 34. Приводимъ его здѣсь въ переложеніи на современныи языкъ.

„Господинъ Касперъ и господинъ Юріі! Сообщаю вамъ, что случилось у насъ новаго послѣ отъѣзда вашего отсюда. Прискакала стража съ Низу отъ Таванъ и городковъ, *4 посланная Криштофомъ, *5 и дала знать, что царь перекопскій пришелъ туда со всею своею силою и хотѣлъ переправляться (черезъ Днѣпръ) того же дни, во вторникъ, но видя, что вода очень высока и что переправа будетъ чрезвычайно затруднительною, раздумалъ перепра-

*1 См. Исторіи Россіи, т. VII, по 1-му изданію М. 1857, стр. 343.

*2 Этотъ самый Богданъ Млякошинскій былъ гетманомъ у козаковъ лѣтомъ 1594 г., когда Эрихъ Ляссотъ посѣтилъ Базавлуцкую Сѣчь. См. Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси, Вып. I, К. 1890, переводъ дневника Эриха Ляссоты, стр. 166, 167, 182.

*3 Каспаръ Подвысоцкій принималъ дѣятельное участіе черезъ десять лѣтъ въ событіяхъ 1596 г.

*4 Таванъ—островъ на Днѣпрѣ, у котораго татары любилъ переправляться, предпринимая набѣги въ предѣлы Рѣчи-Посполитої. Противъ этого острова расположенъ теперь г. Бериславъ. См. Эваринскій, Запорожье въ остаткахъ старины, ч. II, Спб. 1888, стр. 131—132. „Городки“—татарскія крѣпостцы на лѣвомъ берегу Днѣпра въ окрестностяхъ Таванъ.

*5 Криштофъ—, вѣроятно, Криштофъ Косинскій, козацкій гетманъ въ 1593 году.

взяться и пошелъ къ намъ, къ Таволжанскому острову. *¹ И вотъ когда сегодншняго дня, въ субботу, *² прибылъ царь къ Таволжанскому острову и началъ переправляться, то тутъ съ помощью Божіею мы татаръ громели на водѣ и по милости Божіей не мало мы ихъ побили. Только тѣхъ, которые выплывали къ намъ на берегъ, мы побили и поранили, я думаю, не менѣе трехъ тысячъ... Мы захватили у берега много челновъ, сѣделъ и сѣстныхъ припасовъ.... Мы послали бы къ вамъ „свѣжаго языка“ (т. е. плѣнника, который могъ бы сообщить новыя свѣдѣнія о происходящемъ), да не случилось захватить въ плѣнъ живого татарина, хотя многіе изъ нихъ были поколоты рогатинами.... Мы спрашивали раненыхъ, почему царь такъ поспѣшно вышелъ изъ Перекопа, переночевать тамъ только одну ночь. Они отвѣчали намъ, что падишахъ турецкій грозилъ прислать другого царя на царство, если бы царь перекопскій не захотѣлъ немедленно, сію же минуту, пойти войною, — и не въ иное мѣсто, а именно въ нашу землю, въ молдавскую и валашскую. Послѣ погрома царь двинулся далѣе вверхъ (по Днѣпру), а мы за нимъ. Тутъ мы укрѣпились.... Дай Богъ, чтобы и впредь такъ отбивать татаръ отъ каждой переправы..., Мы сами работали днемъ и ночью, чтобы язычники какъ нибудь не настигли васъ въ полѣ. На Украинѣ говорите ихъ милостямъ господамъ старостамъ, чтобы они не считали себя безопасными. Затѣмъ пошли вамъ Богъ счастливую дорогу. На Таволжанскомъ островѣ мая 22 дня 1586 года. Вамъ благожелательный Богданъ Мякошинскій, гетманъ войска запорожскаго. Письмо это должно быть вручено нашимъ товарищамъ г. Касперу Подвысоцкому и г. Юрію Владыкѣ.“

Въ 1586 году Орышовскій появляется въ источникахъ по совершенно частному поводу. Князь Матвѣй Волинчъ Воропецкіи, наместникъ воеводы кievскаго, по письменному приказанію своего

*¹ О мѣстоположеніи Таволжанскаго острова см. Эваринскаго Запорожье и пр. ч. I, стр. 188—189. Эрихъ Лиссота писалъ: „Здѣсь въ настоящее время находится самая обычная и извѣстная изъ татарскихъ переправъ, простирающаяся за островъ *Таволжанскій*, такъ какъ Днѣпръ течетъ здѣсь однимъ только русломъ и не слишкомъ широкъ.“ Мемуары и пр. переводъ дневника Эриха Лиссоты, стр. 165.

*² Письмо писано, какъ видно, въ два дня, потому-что суббота въ 1586 году приходилась 21 мая стараго стиля.

воеводы, князя Константина Острожского, основалъ на старомъ городѣ около Софійскаго собора, между валами, слободу съ дарованіемъ слобожанамъ всякихъ вольностей на 24 года. Вновь поселившіеся слобожане начали торговать безошлинно крѣпкими напитками и составляли этимъ такую конкуренцію Кіево-подольскимъ мѣщанамъ, что послѣдніе сочли невыгоднымъ для себя содержать шинки, за которые они платили аренду кіевскому воеводѣ, и съ 8 (18) сентября 1586 года закрыли въ нихъ торговлю. Князь Воронежскій, не желая лишаться аренды отъ Кіево-подольскихъ мѣщанъ, составившей около 2.000 злотыхъ, отправился въ слободу и запретилъ жителямъ ея содержать шинки, да кромѣ того обложилъ ихъ ежегоднымъ налогомъ по 4 копы съ cadaго хозяина. Слобожане отказывались платить, говоря: „таковая слобода нигдѣ на свѣтѣ не слыхана, абы на початку мяно аренду давати.“ Продажу напитковъ они прекратили. Между тѣмъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1586 года князь Воронежскій выѣхалъ на время изъ Кіева. Тогда его жена Анастасія, урожденная Гулевичъ, послала своихъ слугъ произвести нападеніе на Кіево-софійскую слободу, и они ограбили слобожанъ и многихъ изъ нихъ захватили и посадили въ тюрьму. Слобожане не могли найти защиты у мѣстныхъ властей (напр. у воеводы). Вотъ тутъ-то они обратились къ слугѣ Его Королевской милости пану Орышовскому, гетману запорожскому. Орышовскій выслушалъ ихъ и, какъ говорили потомъ слобожане, „яко-жъ деи его милость панъ гетманъ обѣщался устно передъ его королевскою милостью признати тое наше оповѣдане.“ *1 Вѣроятно, онъ не успѣлъ довести до свѣдѣнія своего государя жалобы Кіево-софійскихъ слобожанъ, потому-что въ половинѣ ноября нанесена была имъ обида, а 2/12 декабря скончался въ Гроднѣ Стефанъ Баторій.

Стефанъ Баторій умеръ. Кончина его прервала цѣль тѣхъ фактовъ, которые составляютъ содержаніе исторіи Днѣпровскаго козачества за его время.

Что же мы видѣли?

*1 См. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 1, Кіевъ 1886, стр. 253—256, док. № 85.

Козаки при Стефанѣ Ваторіи продолжали быть тѣмъ же, тѣмъ они были при его предшественникахъ на польско-литовскомъ тропѣ. Это были степные промышленники и разбойники, слетавшіеся на лѣто со всѣхъ концовъ Рѣчи-Посполитой и даже изъ сосѣднихъ странъ въ дѣйствительныя степи, отдѣлявшія татарскія кочевья отъ пограничныхъ крѣпостей польско-литовскаго государства. Ни религія, ни народность, ни принадлежность къ тому или другому сословію—не имѣли среди козаковъ никакого значенія. Всѣхъ объединяла одна цѣль—добыча. Христіане, конечно, преобладали въ козацкихъ рядахъ, но и татаръ было тамъ не мало, а татарскіе нравы и обычаи оказывали на козацкія скопища такое вліяніе, что иногда казалось, будто всѣ козаки—„татарской вѣры.“ Съ каждымъ годомъ численность козацкихъ купъ увеличивалась и дѣятельность ихъ принимала все болѣе военный характеръ. Охота, рыбная ловля, пчеловодство—отходили на второй планъ, а главнымъ занятіемъ становилась война въ видѣ походовъ въ Молдавію съ претендентами на тамошній столъ, нападеній на татарскія и турецкія поселенія и пастбища, и участія въ ополченіяхъ пограничныхъ старость во время войнъ съ Москвою или отпора татарскимъ набѣгамъ. При этихъ условіяхъ вырабатывались среди козаковъ вожди, которые и руководили козацкими предпріятіями подъ именемъ гетмановъ или старшихъ. Они или смѣнялись другъ друга, или дѣйствовали одновременно, если козацкія скопища распределялись на нѣсколько предпріятій. Явилась и своего рода козацкая столица въ видѣ деревяннаго укрѣпленія (сѣчи) на одномъ изъ днѣпровскихъ острововъ, гдѣ часть козаковъ оставалась на зиму для охраны общекозацкаго имущества, какъ-то: лодокъ, пушекъ и пр. Отсюда, какъ изъ центра, давалось направленіе козацкимъ предпріятіямъ. Желая поддерживать миръ съ падишахомъ турецкимъ и съ царемъ перекопскимъ, Стефанъ Ваторіи негодовалъ на козаковъ за то, что они постоянно создавали поводы къ недоразумѣніямъ между Рѣчью-Посполитой и этими ея опасными юго-восточными сосѣдями. Онъ надѣялся сдержать козаковъ страхомъ передъ казнями, которымъ хотѣлъ подвергать козаковъ, виновныхъ въ нарушеніи международнаго мира, и въ виду этого выхлопоталъ для себя въ 1578 г. отъ сейма дискреціонное право карать и казнить тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ изобличены въ набѣгахъ и грабежахъ; но такое

полномочіе было неприятно пограничнымъ старостамъ, получавшимъ отъ козаковъ значительные доходы, равно и шляхтичамъ, охотно становившимся въ козацкіе ряды; началась агитація объ отнятіи у короля дискреціонной власти и сеймъ 1582 г. окончательно отмѣнилъ постановленіе сейма 1578 г. Козацкому своеволю открылся послѣ этого полный просторъ. По совѣту царя перекопскаго, Стефанъ Баторій пробовалъ въ 1578 и 1583 гг. нанимать козаковъ на королевскую службу. Чтобы нанять всѣхъ, для этого не могло хватить средствъ ни въ скудной казнѣ Рѣчи-Посполитой, ни въ собственной шкатулкѣ короля, а вербовка 500—600 человѣкъ изъ 5.000—6.000 промышлявшихъ на Пизу козаковъ — ни къ чему не вела, потому-что не попавшіе на жалованье козаки продолжали промышлять по прежнему, грабили татаръ и турокъ, и знать не хотѣли королевскаго гнѣва. Стефанъ Баторій и Янъ Замоискій отлично понимали, что нужно сдѣлать для укрощенія козацкаго своеволия, но они видѣли, что по условіямъ ихъ времени и при механизмѣ польско-литовскаго государственнаго управления они безсильны предпринять что либо серьезное. Въ послѣдніе годы своего королевствованія Стефанъ Баторій смотрѣлъ уже безнадежно на козацкій вопросъ и предугадывалъ, что военная сила, организовавшаяся на самой границѣ Рѣчи-Посполитой, но ей не подчиненная, скоро превратится въ сословіе, совершенно аналогичное шляхтѣ,—сословіе, которое пожелаетъ раздѣлить со шляхтою ея роль въ управленіи Рѣчью-Посполитою, а получивъ съ ея стороны грубый отпоръ, устроить свою новую Рѣчь-Посполитую, старую же приведетъ къ гибели. Съ возникновеніемъ при Богданѣ Хмельницкомъ подъ протекторатомъ Москвы козацкой гетманщины сначала „обѣихъ сторонъ Днѣпра,“ а затѣмъ только лѣвобережной, гдѣ вышшую шляхту смѣнила козацкая старшина, а мелкую, окolicную—рядовое козачество, гдѣ козацкая рада стала собираться вмѣсто вальнаго сейма, гдѣ ясновельможный гетманъ занялъ мѣсто польскаго электа (выборнаго короля), а генеральный писарь—короннаго канцлера, гдѣ полковники, полковыя писаря, судьи, обозные, есаулы, хорунжіе, сотники, городовые атаманъ и прочіе старшины замѣнили собою воеводъ, каптеляповъ, земскихъ судей, хорунжихъ, старостъ и иныхъ старыхъ земскихъ чиновъ, но гдѣ всѣ основныя черты общественнаго строя, въ томъ числѣ и положеніе

неисполнитыхъ людей (крестьянъ), остались прежними, — предчувствія Стефана Баторія обились въ полной мѣрѣ. . . .⁴¹

Такимъ образомъ исторія козачества въ эпоху Стефана Баторія — теперь, при свѣтѣ современныхъ ей актовъ, писемъ и мемуаровъ, представляется въ совершенно ясныхъ и опредѣленныхъ очертаніяхъ. Въ виду этого очень любопытно прослѣдить, какъ она въ теченіе вѣковъ искажалась въ сочиненіяхъ польскихъ историковъ и поэтовъ, и въ хроникахъ малороссійскихъ бытописателей. Искаженія эти очень просто объясняются тѣмъ, что старіе историческіе писатели совсѣмъ не знали еще, что такое историческая критика, и обыкновенно не обращались къ первоисточникамъ, а довольствовались или повтореніемъ вычитаннаго изъ книгъ, или устной передачей извѣстныхъ фактовъ, преданіе же о промѣнахъ Баторія въ козацкой средѣ очень скоро исказилось въ виду того, что козачество свое стремленіе создать новую Рѣчь-Посполитую и занять въ ней мѣсто шляхты — хотѣло подкрѣпить ссылкой на

⁴¹ Сознаніе того, что зарожденіе при Богданѣ Хмельницкомъ полу-независимой малороссійской гетманщины является исполненіемъ предчувствій Стефана Баторія, не было чуждо умамъ современниковъ и очевидцевъ этого событія. Самуилъ Твардовскій, описавши условія такъ называемаго Гидицкаго договора (9/10 сентября 1658 г.), продолжаетъ:

Dożył że się o to

Nie kłaniali nikomu, ani też przez złoto
I fawory dworowe żadne dokupili,
Ale męstwem i szablą tego się dobili,
Czym teraz zostawają. Mnieysza to, że chłopci,
Bo tacy Macedoni, i grubi Dolopi
Kiedyś byli; tak z pastuch Rzymianie powstałi;
Tak Turcy z rozbojników głowę pokazali
Na świat wazytek. I naszym przed nami przodkowie
Nie wprzód szlachta, aż przez krew i ważne zdrowie
Także to zarobili. W czym nie próżna oka
Żartem praktykowana wrołka Stefanowa,
Że kiedyś z tych łutrzyków Rzecz bydsz Pospolita
Miała wolna. Jużte ient: i tak znamienita
I dobrze sporządzona. Żeby lednak trwała,
Patrząc zwłaszcza po czerni, iako ient zuchwała,
Temu tuszyć nie mogą.

См. Война Домова з Козаки і Татари, Москва, потымъ Сzwedami і з Węgry. Calissil A. D. 1681. Стр. 264—265. Курскъ нашъ.

авторитетъ Стефана Баторія, который яко-бы заложилъ ее первыя основанія. Изъ козацкой среды искаженное преданіе перешло и въ польское общество, и въ сочиненія польскихъ авторовъ. *1

* * *

Ложное изображеніе исторіи Днѣпровскаго козачества въ эпоху Стефана Баторія впервые встрѣчается въ сочиненіи Павла Пясецкаго „Chronica gestorum in Europa singularium a Paulo Piasccio episcopo Praemisliensi accurate ac fideliter conscripta ad utilitatem publicam divulgata et typis expressa. Cracoviae in Officina typographica Francisci Caesarij A. D. 1645,“ съ котораго мы и начнемъ обзоръ этихъ искаженій.

Павелъ Пясецкій родился какъ разъ въ ту пору, когда Стефанъ Баторій торжествовалъ по случаю взятія Полоцка, а именно 17 октября нов. ст. 1579 г. Родиной его была нынѣшняя Кѣлецкая губернія. Онъ увидѣлъ свѣтъ въ с. Вадулѣ Кѣлецкаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ пожизненнымъ солтысомъ. Образованіе свое Павелъ Пясецкій получилъ въ Прагѣ (1596—98) и Римѣ (1598—1601). Въ 1601 г. онъ возвратился на родину и въ 1603 г. получилъ должность каноника въ г. Познань. Съ этихъ поръ онъ началъ принимать участіе въ политической жизни своего отечества. Позднѣе онъ былъ послѣдовательно бискупомъ каменецкимъ (1627—1640), холмскимъ (1640—1644) и перемышльскимъ (1644—1649). Скончался Павелъ Пясецкій 1 августа нов. ст. 1649 г. въ Могильскомъ кляшторѣ близъ Кракова. Хроника Пясецкаго начинается описаніемъ королевствованія Стефана Баторія и оканчивается 1645 годомъ, въ которомъ вышло въ свѣтъ первое ея изданіе. *2 Вотъ что читаемъ въ ней объ отношеніи Баторія къ Днѣпровскому козачеству:

*1 См. Козацщина а Legitymizm. Dwie legendy polityczno-historyczne Ukrainy: batoryńska i baturyńska. Статья Александра Яблоновскаго въ журналѣ Ateneum, 1888, Storpień, str. 246—270.

*2 См. Заметку о Пясецкомъ Шелюнговскаго въ журналѣ „Przewodnik naukowy i literacki“ за 1888 г. № 7—12 и нашу замѣтку въ журн. Киевская Старина, 1899, т. 65, отд. II, стр. 39—40.

„Nec minus providit confinium illorum securitati Rex Stephanus, militia Cosacorum melioribus legibus sociata: Ista enim eousque in incerto consiliorum fluctuans, et nullis legibus, nulla disciplina militari cohaerens, magis latrocinii, vel alicuius tumultuariae manus speciem praeferebat. Et praemonemus, ne quis erret in nomine Cosacorum, ut plurimi rerum ignari putant esse gentem propriis Terrarum terminis, et proprio Reipub. vel Tetrarchiae statu consistentem; sed non sunt, nisi species una ex genere militiarum Polonicarum, nempè militia celerum seu velitum, vel levis armaturae. Quod satis exprimit Ethymon nominis *Kozacy* dictum à *Kozá* in Polonico idiomate, in Latino sonante *Capra*, quasi qui aequent vel assimilent capram agilitate et curiositate penetrandi inaccessa. Ac quicumque per Poloniam vel apud Regem, vel apud Principes ac nobiles privatos, aut etiam in exercitu stipendia levioris armaturae merentur, nonnisi *Kozacy* nominantur, iisque arma, arcus, et pharetra, acinax, et nunc etiam bombardis et loricis ferreis utuntur.

Omnes autem sunt Poloni, seu ex Provinciis Poloniae oriundi, et illi qui iam societatem Cosacam Zaporovianam repraesentant, maximè ex Provinciis Poloniae Russicis vicinioribus Chersonesso Tauricae prodeunt, potissimumque primo vere familiis, uxoribusque domi quisque suae, donec pro hybernis ad eas redierint relictis, ad Insulas Boristhenis conveniunt.

Hanc itaque militiam Stephanus Rex ordinationem habere desiderans, attribuit illi Castrum Techtimirow cum suo Territorio, situm ad ripas Boristhenis infra Kijoviam viginti miliaribus Germanicis, ubi consiliorum et Magistratus militaris sedem, ac armamentarium, receptaculumque bellicorum apparatus habeat; cum ante nullo certo Magistratu, nulla firma sede constaret, sed eius milites tumultuarie collecti singulatim, iterumque pro hybernis per Poloniam dilapsi ad propria, nullam stabilitatem societati suae providebant. Nunc unum ducem, quem Rex Poloniae illis praeficit habent, Praefectos verò alios militares ipsi sibi deligunt, et tam Dux quàm Praefecti sive Ductores Ordinum Techtimirii resident, praediumque militare circum se sufficiens retinent. Imò et ad custodiam Insularum Zaporohi, non minùs quam bis mille viros selectiores relinquunt, reliquo vulgo per Provincias Poloniae ad domos proprias hybernatum remeante. Iterum tamen facilè conveniunt

vocati, legitimum Magistratum et perfectioris iam societatis leges studiosius observantes.“^{*1}

Въ разсказѣ Пясецкаго очень интересно наблюдать смѣшеніе дѣйствительности съ вымысломъ. Пясецкій вождь за современниками Стефана Баторія Рейнгольдомъ Гейденштейномъ и Іоакимомъ Вѣльскимъ правильно изображаетъ козаковъ, какъ людей, которые съ наступленіемъ весны (primo vere) оставляютъ на роднѣхъ женъ и дѣтей, и отправляются промыслять на днѣпровскіе острова (ad insulas Boristhenis) съ тѣмъ, чтобы провести тамъ цѣлое лѣто и только на зиму возвратиться по домамъ (ad domos proprias hybernatum).

Правильно Пясецкій отмѣчаетъ, что нѣкоторые козаки оставались на зиму въ Сѣчи за порогами для охраны общекозацкаго имущества.

Точно также правильно напоминаетъ Пясецкій (праемоуеиш), что козаки не составляли особаго народа, живущаго въ определенныхъ границахъ, а являлись только выходцами изъ различныхъ провинцій польско-литовскаго государства, въ особенности изъ ближайшихъ къ степямъ русскихъ (т. е. населенныхъ русскими) провинцій (ex provinciis Poloniae Russicis).

Не ошибается Пясецкій и въ томъ, что какъ въ его время, такъ и ранѣе, король, князья и магнаты содержали военные отряды, вооруженные и снаряженные по козацки, которые и назывались козацкими хоругвями.

Но далѣе начинается вымыселъ.

Пясецкій не знаетъ уже того, что зналъ Длугошъ, когда писалъ: „frequens Tartarorum exercitus ex fugitivis, praedonibus et exilibus, quos sua lingua *Kozakos* appellant, collectus,“ а придумываетъ нелѣпую этимологию: „Ethymon nominis *Kosacy* dictum a *Kosà* in Polonico idiomate, in Latino sonante *Capra*, quasi qui aequant vel assimilent capram agilitate et curiositate penetrandi inaccessa“.

Ранѣе мы выяснили, что по совѣту царя порекопскаго Стефанъ Баторій въ 1578 и 1583 гг. дважды нанималъ по 500 съ лишнимъ человекъ днѣпровскихъ козаковъ на королевскую службу

^{*1} См. изданія 1645 г. стр. 52—56.

къ цѣлю остаться козачествомъ отъ походовъ въ Молдавію и отъ набѣговъ на татарскія и турецкія владѣнія, но что эта цѣль осталась недосягнутою, такъ какъ остальное козачество, представлявшее массу въ десять разъ большую, чѣмъ нанимаемые отряды, продолжало промыслять по прежнему. Въ этихъ отрядахъ или полкахъ существовала правильная военная іерархія и былъ введенъ венгерскій воинскій строй. Въ 1578 г. въ нанятый полкъ атаманомъ или старшимъ опредѣленъ былъ черкасскій староста князь Михайлъ Александровичъ Вишневецкій, помощникомъ его — Енъ Орышовскій, писаремъ — Янчи Бегеръ; личный составъ начальства полка, нанятаго въ 1583 г., по именамъ намъ неизвѣстенъ. Атамановъ, командовавшихъ десятками или рядами, выбирали, вѣроятно, сами казаки. Что касается главной массы козачества, то она имѣла, когда этого требовали обстоятельства, свободно избираемыхъ вождей или гетмановъ, которые, какъ мы говорили уже выше, или омѣняли другъ друга, или дѣйствовали одновременно, если козацкія скопища распредѣлялись на нѣсколько предпріятій. Подъ вліяніемъ сложившейся уже къ его времени козацкой легенды о временахъ Ваторія Павель Пясецкій допускаетъ ту ошибку, что воображаетъ, будто Стефанъ Ваторій всему днѣпровскому козачеству далъ то чиноначаліе и тотъ воинскій уставъ (*perfectioris societatis leges*), которые на самомъ дѣлѣ введены были только въ козацкихъ полкахъ, состоявшихъ на королевской службѣ въ 1578—1581 и въ 1583—1584 гг.

Относительно Трахтемирова мы знаемъ, что это былъ городокъ или замочекъ, построенный при Стефанѣ Ваторіи на стародавнемъ селищѣ ⁴¹ и предназначенный королемъ для устройства въ немъ госпиталя, гдѣ могли бы находить пріютъ раненые и больные казаки изъ числа находившихся на королевской службѣ; забота о раненыхъ была свойственна, какъ мы указывали выше (стр. 74—75), — Стефану Ваторію.

Исходя изъ этого факта, передаваемая Пясецкимъ легенда рисуетъ цѣлую фантастическую картину, въ которой Трахтемировъ является пышной козацкой столицей, гдѣ пребываетъ козацкое правительство (*tam Dux quam Praefecti sive Ductores Ordinum*

⁴¹ См. Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 1, К. 1888, стр. 98—99.

Teschtimirii resident), гдѣ собираются козацкія рады, гдѣ помѣщаются — арсеналъ и складочный магазинъ всякихъ военныхъ вещей.

Такимъ образомъ зрѣли въ умахъ сѣмена понятій, изъ которыхъ при Богданѣ Хмельницкомъ выросла козацкая Рѣчь-Посполитая.

* * *

Самуилъ Грондскій — писатель XVII вѣка, хотя онъ сдѣлался извѣстенъ только въ 1789 году, когда пештскій профессоръ Карлъ Коппи напечаталъ сочиненіе его „Historia belli cosacco-polonici,“ законченное еще въ 1676 году, но остававшееся до того въ рукописи. Грондскій, по изслѣдованію Коппи, происходилъ изъ зажиточнаго шляхетскаго дома, исповѣдывавшаго реформатскую религію. Годъ рожденія его даже приблизительно не можетъ быть опредѣленъ. По окончаніи образованія онъ служилъ нѣкоторое время при королевскомъ дворѣ, а затѣмъ въ военной службѣ. Получивъ по смерти отца богатое наслѣдство, онъ женился и поселился дома. Гдѣ находилось имѣніе Грондскаго, съ точностію нельзя указать; можно догадываться только, что — въ окрестностяхъ : *Преворска*, гдѣ его встрѣтилъ въ октябрѣ 1655 г. Любовицкій и уговорилъ ѣхать вмѣстѣ на переговоры къ Хмельницкому; *¹ нѣсколько подтверждается эта догадка и той подробностію, что во время нашествія на Галицію Ракочія въ началѣ 1657 года семейство Грондскаго укрылось отъ превратностей войны въ недалекомъ отъ Преворска Львовѣ. По возвращеніи отъ Хмельницкаго Грондскій подобно бывшему подканцлеру Радзѣвскому и многимъ другимъ полякамъ, особенно изъ диссидентовъ, — измѣнилъ Яну-Казимиру и перешелъ на сторону шведскаго короля Карла-Густава ** Отъ послѣдняго онъ вторично ѣздилъ посломъ къ Хмельницкому весною 1656 года. Боясь наказанія за свою измѣну, Грондскій не возвратился отъ Хмельницкаго прямо на родину, а отправился въ Седмиградье или Трансильванію къ тамошнему князю Юрію II Ракочію. Онъ прибылъ въ трансильванскій Бѣлградъ 10 мая н. ст.

*¹ См. изданія Коппи стр. 239.

** Причины этихъ измѣнъ объясняетъ Антоній Валевскій въ своей превосходной работѣ: *Historja wyzwolenia Polski za panowania Jana Kazimierza*. Kraków 1866 Т. I, стр. 50, Т. II, стр. 87.

1656 года. *¹ Съ этихъ поръ Грондскій сталъ горячимъ приверженцемъ седмиградскаго князя и желалъ видѣть его на польскомъ гронѣ, хотя и не одобрялъ вторженія его въ предѣлы Польши въ началѣ 1657 г. Когда Рѣчи-Посполитой удалось освободиться отъ нашествія шведовъ и трансильванцевъ и Янъ-Казимиръ укрѣпился на своемъ престолѣ, то Грондскій и нѣкоторые другіе измѣнники были лишены имуществъ и изгнаны изъ отечества. Грондскій навсегда поселился въ излюбленной имъ Трансильваніи, гдѣ волъ жизнь, посвященную главнымъ образомъ научнымъ занятіямъ. Здѣсь написалъ онъ и свое сочиненіе о войнѣ Рѣчи-Посполитой съ Хмельницкимъ. Въ этой книгѣ о козачествѣ временъ Стефана Баторія Грондскій пишетъ такъ:

„Qui autem ex hac Ruthenorum gente ad arma tractanda magis idonei reperiebantur neque Dominorum Terrestrium iugum jobbago-nale *² subire voluerunt, illi ad remotiora loca, tunc temporis adhuc inhabitata, sese recepiebant, et libertatem Juris sui assorendo, novas subinde ducebant colonias, atque ad discrimen coeterorum Russorum dominis terrestribus subjectorum nuncupati sunt *Cosacci*, Pol. *Cozacy*, quod Latine denotat milites levioris armaturae. *³

Tempore Stephani Bathoroi Regis Poloniae, ex consilio ejusdem (qui postquam cognovisset, quam multa adhuc in partibus Ukrajnae reperiantur inhabitata loca et quam populousa sit gens illa Runсорum, in territoriis Magnatum degentium, suasit, ut ad formam militiae Hungaricae versus confinia Turcica habitantis, qui *Haydones* dicuntur, Domini terrestres subditorum suorum filiis, qui complures apud eundem patrem reperiebantur, darent facultatem uni illorum exeundi ex possessione sua ad servitia Regni subeunda; quod si etiam in bonis Domini sui manserit, dummodo arma tractat, et quoties jussum fuerit a supremo Generali Exercituum Regni, immunitas ei ab omnibus servitiis Domini sui, praesertim ab agrestibus laboribus, concedatur) novum Cosaccorum genus est ad inventum, nimirum *Rejestrowi Kozacy*, hoc est, in computum seu regestrum recepti, et Regimini Generalis Exercituum Regni subjecti. Computus autem illorum non debebat excedere numerum sex

*¹ См. наданія Копии стр. 283.

*² Jugum jobbago-nale—крѣпостная зависимость.

*³ См. над. Копии стр. 16.

millium; ad quos conscribendos de novo et post collustrandos designabatur Notarius, Campestris dictus, a dicto Generali. Quod equidem consilium dicti Regis initio videbatur saluberrimum Reipublicae; at brevi post compertum est summe nocivum.* *1

Разсказъ Грондскаго совсѣмъ иного характера, чѣмъ разсказъ Пясецкаго. У Пясецкаго замѣтно смѣшеніе вычитаннаго изъ книгъ съ преданіемъ, дошедшимъ до него изъ козацкой среды. У Грондскаго совершенно не видно никакой начитанности, нѣтъ и слѣда знакомства съ сочиненіями Яна Длугоша, Іоакима Вѣльскаго, Рейнгольда Гейденштейна. Онъ черпаетъ свои свѣдѣнія объ отдаленной эпохѣ Баторія изъ устъ собесѣдниковъ въ лагерѣ Хмельницкаго и примѣняетъ ихъ къ понятіямъ трансильванцевъ, для которыхъ предназначался его трудъ.

Вотъ почему Грондскій не знаетъ, что козакъ — слово татарское, обозначающее вольнаго, независимаго человѣка, искателя приключеній, бродягу и разбойника, что козачество при Баторіи было — „colluvies ex variis nationibus collecta“ (сбородъ, составившійся изъ различныхъ народовъ); онъ подчеркиваетъ, будто при Баторіи тѣ изъ *русскаго народа* (ex Ruthenorum gente), которые были болѣе способны носить оружіе и не желали подчиняться крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, шли въ отдаленныя необитаемыя пустыни, основывали тамъ для возстановленія своей свободы новыя поселенія и съ отличіемъ отъ остальныхъ *русскихъ*, закрѣпощенныхъ помѣщикамъ, стали называться *козаками* т. е. въ переводѣ на латинскій языкъ: milites levioris armaturae. Такимъ образомъ у Грондскаго впередъ выдвигается еще и то обстоятельство, что козачество составилось изъ крестьянъ, бѣжавшихъ отъ крѣпостной зависимости, и что по національному составу оно было русскимъ. Для эпохи Баторія такое воззрѣніе на козачество не вѣрно: какъ мы видѣли, въ составѣ козачества при Баторіи первенствующее мѣсто занималъ элементъ шляхетскій, а русское національное самосознаніе проявилось въ козачествѣ только при Хмельницкомъ.

Этимъ же объясняется, почему Грондскій, примѣняясь къ понятіямъ трансильванцевъ, приравниваетъ козаковъ къ знакомымъ

* См. тамъ же стр. 20—21.

намъ гайдукамъ и приписываетъ Стефану Ваторію, будто онъ внушилъ посемельнымъ владѣльцамъ Украины (т. е. пограничья—см. выше, стр. 8, прим. 2) устроить для защиты отъ татаръ линію пограничныхъ поселеній на подобіе тѣхъ гайдуцкихъ поселеній, которыя прикрывали венгерскую границу со стороны Турціи. Для этого будто бы предназначалось по одному сыну изъ тѣхъ семействъ крѣпостныхъ крестьянъ, гдѣ было по нѣскольکو сыновей. Эти набранники освобождались будто бы отъ полевыхъ работъ, считались поступившими на королевскую службу, записывались въ особый списокъ или реестръ, подчинялись власти великаго короннаго гетмана и получали названіе роостровыхъ козаковъ. Число ихъ не должно было превышать шести тысячъ. Для постоянной повѣрки наличности козаковъ устанавливался будто бы особый правительственный органъ въ лицѣ полевого писаря (*notarius campestria*), который долженъ былъ слѣдить, чтобы дѣйствительное число козаковъ не превышало числа вписанныхъ въ реестръ, и оказавшихся излишними долженъ былъ возвращать обратно въ подчиненіе владѣльцамъ. Послѣ предыдущаго изложенія намъ не нужно доказывать, что все это—сплошной вымыселъ предполагаемыхъ собесѣдниковъ Гродскаго въ лагерѣ Хмельницкаго и что Стефанъ Ваторій не могъ совѣтовать ничего подобнаго пограничнымъ владѣльцамъ, тѣмъ болѣе, что и поселеніе гайдуковъ по границѣ въ Венгрію (въ нынѣшнемъ Шаболчскомъ комитатѣ) состоялось въ 1606 г., когда Стефана Ваторія не было уже въ живыхъ.

* * *

Третьимъ писателемъ XVII вѣка, изображавшимъ отношенія Стефана Ваторія къ Днѣпровскому козачеству, былъ Самуилъ Твардовскій, авторъ первой огромной эпической поэмы на польскомъ языкѣ, озаглавленной: „*Woyna domowa z Kozaki i Tatary, Moskwą, potym Szwedami i z Węgry przez lat dwanaście za panowania Najjaśnieyszego Jana Kazimierza Króla Polskiego*“ точаща się, на cztery podzielona księgi. Oyczystą Muzą od Samuela ze Skrzypny Twardowskiego“ и изданной впервые къ Калишѣ въ 1681 году уже послѣ смерти автора (*opus posthumum*).

Самуилъ Твардовскій, герба Огоньчыкъ, родился, кажется, около 1600 г. въ нынѣшнихъ прусскихъ владѣніяхъ въ с. Твардовѣ

на р. Лютынѣ, притокѣ Варты. Отецъ его Матѣй Твардовскій былъ писаремъ городского суда въ г. Каляшѣ. Здѣсь Самуиль получилъ образованіе въ знаменитой іезуитской коллегіи, основанной архіепископомъ Карниковскимъ. Въ 1621 году онъ ѣздилъ въ Константинополь въ свѣтѣ польскаго посланника къ Портѣ князя Христофора Збаражскаго. Съ этихъ поръ онъ оставался на службѣ у князя Збаражскаго до самой смерти послѣдняго (†1627) и получилъ отъ него въ пользованіе имѣніе Зарубинцы неподалеку отъ Збаражя. Зарубинцы оставлены были за Твардовскимъ и наслѣдниками князя Христофора — сначала братомъ его Юріемъ, а затѣмъ княземъ Янушемъ Вишневецкимъ; въ нихъ онъ прожилъ до первой войны съ Хмельницкимъ, въ которой онъ принималъ непосредственное участіе. Послѣ Зборовскаго договора Самуиль Твардовскій переселился въ Великую Польшу, гдѣ онъ держалъ въ арендѣ отъ Петра Сенюты имѣнія Старыгродъ и Дзѣржановъ вблизи м. Кобылина (нынѣ Кротошынскаго уѣзда Познанской провинціи). Въ 1655 году онъ вмѣстѣ съ другими великополянами подобно Гродскому измѣнилъ Яну Казимиру и перешелъ на сторону шведскаго короля Карла Густава, но скоро раскаялся въ своемъ поступкѣ и отступился отъ шведовъ. Умеръ Самуиль Твардовскій послѣ 1660 г. и похороненъ былъ въ бернардинскомъ монастырѣ въ м. Кобылинѣ. *¹ Изъ-подъ пера Твардовскаго вышелъ цѣлый рядъ мелкихъ и крупныхъ стихотворныхъ произведеній (*Przeważna legacya* t. j. *historyczny opis poselstwa polskiego do Porty Ottomańskiej Krz. ka. na Zbarażu w r. 1621; Władysław IV król; Książę Wiśniowiecki Janusz, koniuszy koronny, ojczystą Muzę przypomniany; Nadobna Pas-kwalina; Daphnis; Satyr, na twarz Rzeczypospolitej* etc.), но важнѣйшимъ является та огромная эпическая поэма, заглавіе которой мы привели выше. ** Интересующіи насъ предметъ изложенъ въ ней такъ:

Acz jeszcze, zkład narody mieczem te podbite
Kiedyś od Bolesławow, zaraz znakomite
I iako przyrodzone były ich rankory
Ku nam zawsze; a iednak Monarchow dozory

*¹ См. Lud. Przedstawil Oskar Kolberg. Serya X. W. Ks. Poznańskie. Cz. 2. Krak. 1876, str. 181.

** См. Samuel'a von Skrzypna Twardowski „Wojna Domowa“. Inaugural Dissertation von Alexander Czechowski. Posen 1894. S. 5—11.

I moc w rękę wybiłaś gory im nie dała
I oras porywanych szablą uskramniała.
Wszakże ci z nich daleko byli swowolnieyaszy,
Ktorzy morau i pladze tamtey przylegleyaszy,
Ustawicznym rozboiem w polach się bawili,
Lubo to wirosuby *1 po Dnieprze łowili,
Lubo ładem liscie strzelali i kozy
(Zkąd zowią się Kozaki). To tajemne lozy
I trawy przypadając, kogo gdzie napadli,
Turki li Tatary li koczujące, kradli,
Do takiego w lekkości swego przyrodzenia
Przykładając zwyczaju oras i cwiczenia.
Żyli iednak bez rządu i żadnej zwierzchności,
Procz, gdy zima wstawiała, schodzili na włości.
Na wiosne zaś i nowe rozparzy słoneczne
Jako muchy ożyli, gdzie mając tamteczne,
I lasy, i sposobność wszystkę do żeglugi,
Wodą się opuszczali w ostrowy i ługi,
Ktorych tam iest nie mało, przez Dnieprowe progi.
Aż Stefan Krol waleczny, będąc Moskwie srogi,
Żeby także z tej strony Turczynowi stawil
Abazach w oczy, w ryze ich i lepszy rząd wprawil,
Podawszy im Hetmana. I gdzieby swe rady
I armatę miewali i wojenne składy
Naznaczył Trechtymirow z iego społ powiatem
I polkom swe zimowle. Jakoż długo na tem
Kontenci przestawali. I z tego początku
Wiele dokazowali w takim swym porządku
Na morzu i na ziemi. A dzieł ich dawniejszych
Tu nie licząc, co mogło naszych lat pozniejszych
Turkam bydz straszniejszego? Jako kiedy dali
Nad tysiąc mil w Azyą samę zaiezdźdali,

*1 Wirosuby. *Вырезубы* или *срезубы*—рыба, принадлежащая къ семейству карповыхъ (*Leuciscus Friesii*), водящаяся въ моряхъ и рѣкахъ южной Россіи. Объ изобиліи вырезубовъ говорится въ люстраціи Брацлавскаго замка 1552 года такъ: „зубровъ, оленей, лисицъ и иного зверу множество, и бобровъ по речкахъ, рыбъ, а зелаща *срезубовъ*; а рыбицъ усходить тамъ ркою Богомъ з моря множество великое“. См. Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 2-й, Киевъ 1890, стр. 21.

Wyśoinali Trapezunt, Synop я gruntu znieśli
I pod Konstantynopol nieraz sam podeśli,
Prętkością niesłychaną mury okursywazy.
Ale nie mniej i ziemią bywali szczęśliwazy,
Nadewszystko z Osmanem, gdy nam wszystko osło
I przedmur wytrzymali. Wieleby około
Tego mówić. *1

Если мы сравнимъ стихи Твардовскаго съ разсказомъ Пясецкаго, *2 то легко убѣдимся, что Твардовскій въ этомъ отдѣлѣ своей поэмы перекладывалъ въ стихи прозу Пясецкаго, замѣня иногда сухой слогъ послѣдняго выраженіями болѣе образными и лучше подходящими къ складу поэтической рѣчи. Приведемъ одинъ наглядный примѣръ.

У Пясецкаго сказано было о козакахъ, что они „*primo vere.... ad insulas Boristhenis conveniunt*“⁴. У Твардовскаго эти простыя слова превращены въ цѣлую картину, при чемъ козакъ сравнивается съ ожившими послѣ зимняго оцѣпенѣнія мухами: „*Na wiosne zaś i nowe rozparę słoneczne iako muchy ożyli, gdzie mają tamteczne i lasy, i sposobność wazytkę do żeglugi, wodą się opuszczali w ostrowy i ługi, których tam jest nie mało, przez Dnieprowe progi*“.

Такихъ параллелей можно было бы привести нѣсколько, но для насъ важно только установить, что Твардовскій содержаніе своихъ стиховъ цѣликомъ почерпнулъ изъ хроникъ Пясецкаго, не прибавивъ отъ себя ни одной черты.

* * *

Въ лѣтописи, приписываемой гадацкому полковнику Григорію Грабянкѣ, *3 относимой къ 1710 г. и паданной Кіевскою коммисією

* По изд. 1681 г. стр. 3—4 части I-II.

** Кроме мѣстъ, приведенныхъ нами выше въ подлинникѣ, нужно имѣть въ виду и остальную часть разсказа Пясецкаго о дѣятельности козаковъ. См. Kronika Pawła Piaseckiego. Polski przekład. Krak. 1870. str. 43—46, § XIX го второй половины.

** Въ 1894 году, издавая въ „Кіевской Старинѣ“ (1894, т. 47, стр. 297—300) опущенную въ печати страницу изъ лѣтописи Грабянки, А. М. Лазаревскій выражалъ сомнѣніе, правильно-ли лѣтопись приписывается Грабянкѣ, такъ какъ онъ видѣлъ болѣе десяти ея списковъ, озаглавленныхъ „Дѣйствія преслѣдной брани Богдана Хмельницкаго“, но на въ одномъ не встрѣтилъ и

въ 1854 году, на стр. 21—22 читаемъ слѣдующее: „Въ лѣто 1576 за Стефана Ваторія короля польского козаки въ лучшій еще строй учиненики. Той-же король, видя у козаковъ мужество великое изъ татаръ на бранехъ, посталъ имъ гетмана, присла имъ короговъ, бунчукъ и булаву, и на печати гербъ, рыцаръ въ самопаломъ и на головѣ колпакъ перекривленнѣй, армать и воякиихъ военниихъ припасовъ и сами козаки замки турецкіе воююще много набрали, и учинивъ имъ строй, и начаша по гетманѣ быти обозніе, судьи, асаули, полковники, сотники, атамани, и повелѣ стрешни отъ татаръ около пороговъ. Но всегда король Стефанъ, отъ храброости козаковъ поразумѣвая, пророчески глаголаше: *„будеть (рече) кодасть отъ жмѣ юнаковъ Речь Посполитая воляма“*. Еже обисытѣя послѣди. Той же король Ваторіи опрочъ давнего старинного града складового Чигирина далъ еще пняовимъ козакамъ въ пристанище градъ Терехтемпровъ зъ монастыромъ, да во время зимы тамо всегда пребываютъ, и въ годъ платялъ имъ по червоному и по кожуху; и сымъ козаки бяху надолзѣ доволни и многія брани имѣиху съ татаръ на земля, а съ турки на мору, обаче всегда побѣждаху ихъ. Въ то время Азію козаки нападше, на тысячу миль повоеваша и Трапезонтъ взяша и изоткоша, Синопъ до основанія опровергоша, и подъ Константинополемъ многія взяша користи. А оттолѣ болѣе въ силу козаки растяху, еже видѣлъ король Стефанъ смущашеся зѣло, купѣ и бояся, да не како укрѣпившесе козаки тлжци будутъ ляхомъ, и хотя пнязу около Дѣлѣпра побити ихъ; но козаки, разумѣя королевскій замыслъ, пойдоша отъ кочевискъ своихъ къ Донскимъ козакомъ и отсюду еще въ болшіи страхъ ляхи впадоша, обаче до времени король остави козаковъ тамо пребывать; они-же пакы, зъ Дону возвращшеся въ луги Дѣлѣпровіе, мечемъ и бранію на татаръ упражняхуся“.

замека на авторство Грабянки. Онъ полагаетъ, что надпись о принадлежности лѣтописи Грабянкѣ на спискѣ, съ котораго издавала ее Кіевск. комиссія сдѣлана была по догадкѣ или по преданію бывшимъ владѣльцемъ списка Григоріемъ Андреевичемъ Полетникомъ. Въ 1897 г. сомнѣніе А. М. Лазаревскаго было, повидимому, опровергнуто, такъ какъ въ числѣ рукописей, поступившихъ въ Кіевскую публичную бібліотечу по завѣщанію В. М. Юзефовича нашлось спискомъ „Дѣйствія прозѣльной брани“, написанный въ Сорочинцахъ въ 1766 г., съ точнымъ указаніемъ, что лѣтопись составлена въ г. Гадячѣ въ 1710 г. „трудолюбивъ Григоріа Грабянки“. См. Кіев. Стар. 1897, т. 51, отд. II, стр. 41—42.

Большая часть этого рассказа является распространеннымъ переложениемъ приведенныхъ выше (на стр. 120 и 130) стиховъ Твардовскаго и такимъ образомъ является въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отраженіемъ при посредствѣ Твардовскаго рассказа Пясецкаго. Но между тѣмъ какъ Твардовскій ограничивается сообщеніемъ, что Стефанъ Баторій привелъ козаковъ въ лучшій порядокъ, назначивши имъ гетмана (w lepszy rząd wprowiód, podawszy im hetmana), авторъ рассказа желаетъ вести отъ Баторія и тѣ эмблемы гетманской власти и тѣ козацкіе чины, которые существовали въ лѣвобережной гетманщинѣ во времена Мазепы; точно также Твардовскій довольствуется краткимъ упоминаніемъ о Трахтемировѣ, какъ о городкѣ, предоставленномъ Стефаномъ Баторіемъ козакамъ для ихъ столицы, тогда какъ авторъ рассказа желаетъ выставить учрежденіе столицы въ Трахтемировѣ какъ-бы замѣною старой козацкой столицы въ Чигиринѣ, не зная того, что во времена Баторія Чигиринъ былъ еще не поселеніемъ, а степнымъ урочищемъ, на которомъ князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій однажды мужественно сразился съ татарами:

A gdy ich na *Cytrynie* nasz y dogonili,
Tam bitwę z Pogańcami mężnie uczynili. *1

Любопытно, что поприютное для козакаго самолюбія слово *łotrzyk* (разбойничекъ) въ стихѣ: „Ze kiedyś z tych łotrzykow Rzecz bydz Powpolita“ etc.—авторъ рассказа замѣняетъ словомъ юнакъ.

Окончаніе рассказа отъ словъ: „А оттолѣ болѣе въ силу козаки растяху“... отражаетъ рассказъ Іоакима Вѣльскаго (см. выше стр. 86, прим. 3), но не прямо, а черезъ посредство такъ-называемой „Хроники Европейской Сарматіи“ Гваггинна, передѣланной Мартиномъ Пашковскимъ и изданной въ 1611 году подъ заглавіемъ: „Kronika Sarmacyoy Europeyskiéy, w któręy się zamyka królestwo Polskie, ze wszystkiemi państw y księstw y prowincyami swemi, tudzież też Wielkie Księstwo Litewskie, Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie y część Tartarów przez Alexandra Gwagnina z Werony hrabio pałacu Laterańskiego rycerza pasowanego, y rotmistrza J. K. Mei pierwęy roku 1578 po łacinie wydana, a teraz zaś z przyczynieniem tych krolów, których w łacińskiéy niemasz, tudzież królestw, państw, insuł, ziem y provincyi ku téy Sarmacyoy przyleg-

*1 См. *Epicedion* etc. 1585, стр. 29.

lych, iako Grecyey, ziem Słowiańskich, Wołoszey, Panoniley, Bohemii. Germaniley, Daniley, Szweceyey, Gotyey, etc. Przez tegoż autora z wielką pilnością rozdzielami na X ksiąg krocichno zebrana, a przez Marcina Paszkowskiego za staraniem autorowym z łacinskigo na polskie przelożona Roku Pańskiego 1611⁴, in fol. (См. по изданію Тыровскаго „Z kroniki Sarmacyi Europejskiej“, w Krakowie 1860, str. 223)⁴¹

Причина вражды Стефана Ваторія къ козакамъ объяснена по понятіямъ XVIII вѣка: „король... бояся, да не како укрѣпившися козаки мажши будуть ляхомъ“, между тѣмъ какъ мы знаемъ, что Ваторіи хотѣли истребить низовыхъ козаковъ, чтобы они не нарушали мира Рѣчи-Посполитой съ татарами и турками; этнографическіе вопросы въ XVI в. еще не возбуждались.

* * *

Въ 1718 году Лубенскій полковой писарь Стефанъ Савицкій предпринялъ вольный переводъ на тогдашній славяно-малорусскій языкъ поэмы Твардовскаго „Woyna domowa“. Этотъ переводъ „зъ вѣршовой книги Твардовскаго на гисторіялній сенсъ“ случилось увидѣть Самуилу Величку и онъ заказалъ для себя копію съ труда Савицкаго. Переводъ Савицкаго носитъ слѣдующее длинное и неуклюжее заглавіе:

„Повѣсть о козацкой зъ поляками войнѣ, чрезъ Зѣновія Богдана Хмельницкого, гетмана войскъ запорожскихъ, точившойся, которою онъ же при Вожой помощи зъ козаками и татарами, отъ подданства лядского вибился и поддался подъ высокодержавную пресвѣтлѣйшого монарха всероссійскаго протекцію, отъ книги названой Война Домовая, парѣченіемъ Самоиля Твардовскаго ритма-ми полскимъ составленной и въ Калѣшу, року 1681, напечатанней вкратцѣ малороссійскимъ парѣчіемъ выписанная, въ року 1718, априля. S. S. P. L.“

Онъ былъ изданъ Кіевскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ въ 1864 г. въ видѣ приложенія къ Лѣтописи Величка (т. IV, стр. 1—84). Приводимъ здѣсь переложеніе тѣхъ стиховъ Твардовскаго, которые были выписаны нами выше (стр. 130):

⁴¹ См. *Historya literatury polskiej* przez Felixa Bentkowskiego. T. II, Warsz. 1814, str. 717—718.

„Ижъ когда они отъ Болеславоуъ королейъ полскихъ зостали въ подданство полское завоеваніи, многократно, ибо вкорѣ тое имъ стало прикро, вибиватися одважилися, але не могучи тою отвагою своею доказати предсязати, за осторожностію тогдашнихъ полскихъ монарховъ, не малое отъ нихъ пріймовали наказаніе; однакъ и въ такихъ своего поскромленія разакъ древней отваги и обикновеній не отпадали. Особливе тіе, якіе на нizu Днѣпра за порогами (отъ чого и Запорожцями суть прозваніи) ближе къ морю мешкали, нѣчимъ иншимъ тилко по поляхъ разбоємъ, стрелянемъ звѣру и по рѣкахъ ловленемъ рыбъ бавачися, а зъ травъ и терновъ нападаючи знагла, кого напали — Турковъ чили Татаровъ — хватали и крали. До чого зъ натури своей были легкими и способними, и до такой опособной натури заразомъ прикладали, вишей вираженнимъ наглого на кого колвекъ нападенія способомъ, уставичное цвѣчене. Але жили безъ порядку и жадной власти, кромѣ того, же якъ зима наступовала, сходили до волостей, а на весну и лѣто, где были лѣси и при нихъ иншіе до жекглюванія воднаго способности, туда запускалися, и водою на низъ, въ луги и острови, за пороги Днѣпровіе на розніе до добычей поманутихъ способніе спускалися мѣста; поколь Стефанъ Ваторій, король полскій, для лучшаго своего отъ стороны Турецкой защищенія, и мижъ козаками яко къ тому край ближшимъ быти мѣвшой, въ лѣпшіи онихъ устроилъ порядокъ, учинивши имъ гетмана и где би свои ради, такожъ армати и иншіе войсковіе зложени, а барзій сами собѣ на зимовій часъ притулиско мѣли, назначивши городъ Терехтемировъ зо всѣмъ повѣтомъ; чого они черезъ долгій часъ были барзо контенти; а въ такомъ новаго порядку устроєніи много въ прислугахъ монархамъ и Рѣчи-Посполитой Полской полемъ и моремъ доказовали, не вклѣчуачи ихъ давнихъ дѣлъ, що тилко познѣйшихъ лѣтъ на сторону Лядскую полезного, а на Турецкую шкодливого и страшного отъ нихъ учинилося.

Вократцѣ припоминается, ижъ болшъ тысячи миль въ самую Азію заезджали, вистинали Трапезунтъ, Синопъ зъ кгрунту знесли, и подъ Константинополь не разъ зъ неслыханною своею скоростію, мурн оного стрелбою окуруючи, подходили; що все водою оправовали. А и на землѣ въ такихъ военныхъ справахъ не меншую имѣли фортуна и славу, когда надъ все подъ часъ ба-

галіи, межі королемъ Полонимъ и Османомъ Турецкимъ бывшій, самимъ першій неприятедьскій нападъ, чоло и власное предмуріе мужественно предъ ляхами выдержали⁴.

* * *

Самуилъ Величко, бывшій канцеляристъ войска Запорожскаго, въ своемъ „Сказаніи о войнѣ козацкой въ Полянахъ чрезъ Зѣновія Богдана Хмельницкаго, гетмана войска Запорожскихъ, въ осми лѣтахъ точившейся и т. д.“, оконченомъ въ селѣ Жукахъ Полтавскаго уѣзда въ 1720 году, о времени Стефана Ваторія говорить кратко, придерживаясь наложенія Стефана Савицкаго и ссылаясь на соотвѣтственное мѣсто поэмы Твардовскаго:

„Егда сѣде на маестатѣ королевства полскаго Стефанъ Ваторій, князь трансилванскій, воевода седмигородскій, мужъ въ кровѣхъ великое въ рицерства залѣцене мѣвучій, и въ рицерскихъ людехъ кохачійся; тогда, устроивши въ Полицѣ войска платніе (якихъ предъ тѣмъ не бывало) называлъ ихъ кварцѣяльными. Егда же варазъ потомъ, и въ козакахъ Днѣпронизовнихъ, яко овцахъ пастира немущихъ, устроилъ чинъ къ воинскому управленію потребній, позволивши имъ подлугъ старожитнихъ и древнѣйшихъ обичаевъ, между собою имѣти не тилко меншихъ начальниковъ, но и наиболшаго воевѣвжда Гетмана, и надалъ имъ во владѣніе для Гетманской резиденціи и для войсковыхъ всякихъ запасовъ и прибѣжища, надъ Днѣпромъ городъ Терехтемпровъ, со всѣмъ его уѣздомъ (що и Твардовскій въ части первой книги своей, — Война Домова — названной, свѣдѣтельствуесть), ствердивши тое войску Запорожскому и грамотою своею королевскою.“⁴

Въ „Краткомъ описаніи Малороссіи“, оконченомъ въ 1734 году и изданномъ Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ въ видѣ приложенія къ лѣтописи Самовидца (Кіевъ, 1878 стр. 209—319), повторенъ рассказъ лѣтописи Грбянки:

⁴ Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ. Останки Самуила Величка, бывшій канцеляристъ канцеляріи войска Запорожскаго, 1720. Изд. времен. комис. для разбора древн. актовъ. К. 1848, т. I-й стр. 20—21.

„При Стефанѣ-же Ваторіи королѣ полскомъ в томъ-же 1576 году, козаки въ лучший порядокъ устроены, который ради ихъ мужества поставилъ самъ имъ гетмана, давъ имъ коруговъ, бунчукъ и булаву и печать съ гербомъ, то-есть рыцарь о самопомомъ, на головѣ колпакъ перекривленный, и рогъ при боку; а армать и военныхъ припасовъ, воюя турковъ, сами добули себя. Да тотъ-же король Ваторій и старшину войсковую у нихъ учредилъ: обозныхъ, судей, писарей, асауловъ, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ, и еще козакамъ, опрочъ ихъ-же старинного города складового, Чигирина, далъ Трехтемировъ съ монастыремъ для зимовихъ кварталей; а платилъ в годъ всякому козаку по червонному золотому и по кожуху.

В то время Козаки, напавши в Азію, на 1000 миль повоювали, Трапезонтъ взяли и изсѣкли, Синопъ до фундаменту опровергли и подъ Константинополемъ користи побрали. Видя-же король Ваторій сіе, началъ и самъ опасиватся ихъ и хотѣлъ всѣхъ *сшибити*; но козаки, познавши королевскій замысль, первѣе от кочевискъ своихъ пошли къ донскимъ козакамъ и тѣмъ самымъ болшій еще страхъ полякамъ задала, а потомъ знову въ луга Днѣпровые пришли и войною противъ татаръ забавлялися по-прежнему“. (См. стр. 214).

Тотъ-же разсказъ Лѣтописи Грабянки повторенъ съ нѣкоторымъ сокращеніемъ въ концѣ и въ такъ-называемой Лизогубовской Лѣтописи, составленной въ 1742 году и изданной Кіевскою Коммиссією въ Сборникѣ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси (Кіевъ, 1888, на стр. 1—69): „1576 г. Въ сее время козаки въ лучший порядокъ устроены при королѣ Стефану Ваторію, который самъ козакамъ опредѣлилъ Гетмана и старшину учредилъ меже ними, и далъ Гетману булаву, корогву, бунчукъ и печать съ гербомъ войска запорожскаго, то-есть: рыцарь съ самопаломъ, на головѣ колпакъ перекривлений и рогъ при боку. Тотъ же король Стефанъ, опрочъ стариннаго города казацкаго Чигирина, далъ козакамъ Терехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ кварталей и платилъ всякому козаку въ годъ по червонцу и кожухъ.

Тогдажъ козаки, напавши въ Азію, на сто миль повоювали: Трапезонтъ взяли и высѣкли; Синопъ до фундаменту разорили и подъ Цареградомъ користи побрали многіе.“ (См. стр. 3—4).

Мы не будемъ слѣдить далѣе, какъ переходилъ изъ сочиненія въ сочиненіе рассказъ Лѣтописи Грабянки объ отношеніи Стефана Ваторія въ Днѣпровскимъ козакамъ, основанный на сказаніи Твардовскаго и пополненный перенесеніемъ въ эпоху Ваторія нѣкоторыхъ чертъ времени Мазепы. Мы находимъ его въ сочиненіяхъ: Петра Симоновскаго — „Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ“ (1765 г.), Стефана Лукомскаго — „Собраніе историческое изъ книгъ древняго писателя Александра Гаагинна и изъ старыхъ русскихъ лѣтописей“ (1770 г.) и Александра Ригельмана — „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи и ея народѣ“ (1785—86 гг.). У послѣдняго (изд. 1847, стр. 24), а равно въ „Краткомъ лѣтоизобразительномъ описаніи“ (1783 г.), изданномъ Н. Вяземскимъ (Южно-русскія лѣтописи, т. I-й, Кіевъ 1856, стр. 51—106), рассказъ Лѣтописи Грабянки осложненъ новою легендою, возникшею изъ ошибочнаго осмысленія (Volksetymologie) названія „Батуричь“. Въ „Краткомъ лѣтоизобразительномъ описаніи“ читаемъ слѣдующее: „И отъ того времени козаки въ лутшій порядокъ приведены, при королѣ полокомъ Стефанѣ Ваторей, который самъ имъ опредѣлилъ гетмана и старшину между ими учредилъ, и далъ гетману булаву, короговъ и бунчукъ и печать зъ гербомъ войсковымъ, то-есть рыцерь съ мушкетомъ, на головѣ колпакъ перекривленный и рогъ при боку. Тотъ-же король Стефанъ Ваторій, опрочъ стариннаго города козацкаго Чигирина, далъ козакамъ Терехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ квартиръ, а для резиденціи истманской устроилъ надъ рѣкою Сеймомъ городъ новый и назвалъ его, отъ своего прованія, Баторинъ, кой нынѣ называется Батуричь; а платилъ всякому козаку въ годъ по червонцу и по кожуку. Сей городъ не для резиденціи истманской построенъ, но король для себя его построилъ, яко свою маестность, ибо въ сіе время въ Малой-Россіи на сей сторонѣ Днѣпра еще не было козаковъ, ни гетмана, а онъ сталъ резиденціею гетманскою уже при гетманѣ Игнатовичѣ, въ 1670 году“. (Стр. 54—55). Въ этомъ отрывкѣ замѣтно участіе двухъ авторовъ: первый сообщилъ, что Батуричь на р. Сеймѣ основанъ Ваторіемъ, и указалъ, для чего предназначался новый городъ, — „для резиденціи гетманской“; читатель первоначальной рукописи, болѣе освѣдомленный въ исторіи и знавшій, что Батуричь сдѣлался гетманскою резиденціею только послѣ из-

бранія въ гетманы Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго (6 марта 1689 г.), сдѣлалъ примѣчаніе въ опроверженіе сообщенія перваго автора: „сей городъ“, приписалъ онъ, вѣроятно, на полѣ, „не для резиденціи гетманской построень, но король для себя его построилъ, яко свою маетность“ и т. д. Любитель старины, переписывавшій потомъ рукопись, внесъ въ свою копію и первоначальный текстъ, и добавленное впоследствии примѣчаніе не обративъ вниманія на то, что примѣчаніе опровергаетъ первоначальное извѣстіе. Съ такого рода рукописной копіи сдѣлано наданіе „Краткаго лѣтоизобразительнаго описанія“ Н. Бѣлозерскимъ.

Что касается городка Батурина, то онъ основанъ былъ послѣ того, какъ Сѣверщина по Деулинскому перемирію перешла къ Польшѣ, а именно въ 1625 году, осадчимъ новгородъ-сѣверскаго старосты Александра Пясочинскаго Матвѣемъ Стахурскимъ и получилъ названіе, вѣроятно, по тому урочищу, на которомъ былъ помѣщенъ, и которое въ свою очередь такъ называлось по имени бывшаго своего владѣльца какого-нибудь „севрюка“ Батуры.^{*1} Ошибочное осмысленіе (Volksetymologie) его названія впервые появилось, по всей вѣроятности, среди той польской арміи, которая сопровождала короля Яна Казимира въ походѣ его къ Глухову зимою 1663.—1664 гг. Когда житель селенія „Голениовы“ нынѣшняго Влоцковскаго уѣзда, Кѣлецкой губ., Веспасіанъ Коховскій^{*2} собиралъ отъ участниковъ этого похода устные и письменные матеріалы для составленія описанія его въ III т. „Лѣтописныхъ ступеней“, то, рассказывая о Батуринѣ, какъ объ укрѣпленномъ и занятомъ сильнымъ гарнизономъ городкѣ, котораго не рѣшился штурмовать Янъ Казимиръ, они сообщили Коховскому я свой домыселъ относительно происхожденія названія, которое носилъ городокъ. Вслѣдствіе этого Веспасіанъ Коховскій такъ наложилъ относящіеся къ Батурину пункты своего сочиненія:

^{*1} См. упомян. ст. А. П. Яблоновскаго въ журн. *Ateneum* 1896, sierpień str. 268.

^{*2} Въ 1900 г. появилась въ свѣтъ превосходная, основанная на тщательныхъ архивныхъ разысканіяхъ, біографія Веспасіана Коховскаго, написанная проф. Яномъ Чубекомъ: *Wspazyan z Kochowa Kochowski. Studium biograficzne. Napisał Jan Szubek. W Krakowie, 1900.* О жизни Коховскаго послѣ труда проф. Чубека врядъ ли можно рассказывать что-нибудь новое. Зато остались совершенно неизслѣдованными—источники „Лѣтописныхъ ступеней“ Коховскаго, способы ихъ обработки, ошибки, допущенныя Коховскимъ, его настроенія

„Bathorini interea (à cognomine Stephani Regis denominata olim colonia) Gregorius Brzuchowiecki, flagrantissimus Moschi partium dux et assertor, sedem fixerat, permunito admodum loco et fere XVI milium exercitu in retundendum vim subnixus. Erant qui suaderent adoriendum protinus; transmitters tamen visum, dum commodior alia, imo compendiosior rei bené gerendae se offeret occasio.

Sic Bathorino quòd expugnatu arduum eesset in tempus transmissio, limitem Moschoviticum praetergressus Rex, apud Korab ^{*1} municipium sané populosum signa Polona explicavit. Primum in hostilem terram ingressum gratulante cum laetitia exercitu eodemque simul optatum bello finem non sine lachrimis applicante. Bono omni accedere visa Januarii dies XVII qua eodem Coronatus in metropoli Regni Cracoviae Casimirus jam nuno post sexdecim faustae inaugurationis annos in Moschorum terras armato ingressu laboriosum exhiberet anniversarium“. ^{*2}

Вычитанное у Коховскаго ошибочное осмысленіе названія „Батуринъ“ широко распространилось среди образованныхъ малоросіянъ XVIII вѣка и, наконецъ, попало въ „Краткое лѣтоизобразительное описаніе“ и въ „Лѣтописное повѣствованіе“ Александра Ригельмана, слившись въ одно цѣлое съ идущей отъ Пясецкаго легендою о надѣленіи козачества со стороны Стефана Баторія политическими правами.

и предубѣжденія. Пока не появится такого рода изслѣдованіе, вопросъ о цѣнности „Лѣтописныхъ ступеней“, какъ историческаго источника, остается открытымъ. Замѣчанія объ этихъ предметахъ старыхъ писателей, напр., Луки Голембiovскаго (O Dziejopisach Polskich, Warsz. 1826, str. 148—150), Амвросія Грабовскаго (Starożytności historyczne polskie, Tom I, W Krakowie 1840, str. 395—406), или Адама Ржонжевскаго (Wesp. Kochowski, Warsz. 1871, Str. 139—146), — черезъ-чуръ кратки и поверхностны.

^{*1} Кораб—Коропъ, нынѣ заштат. городъ Черниговской губерніи Кролевецкаго уѣзда.

^{*2} См. Annalium Poloniae Climacter tertius. Ad punctum abdicationis Ioannis Casimiri Regis per regnum Poloniae res gestas inclusive continens Scriptore Vespasiano a Kochow Kochowski, tribuno terrae Cracoviensis generali, Cubicul. S. R. M. et historiographo privilegiato. Cracoviae ex officina Francisci Cezary S. R. M. Illustrissimi ac reverendissimi Domini episcopi Cracoviensis, ducis Severiae; nonn scholarum Novoduoracianorum typographi. Anno Domini MDCXCVIII. Pag. 102—103.

* * *

Передъ самымъ уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи, въ семидесятихъ годахъ XVIII-го вѣка, среди запорожскихъ козаковъ бродило глухое преданіе, будто когда-то давно польскій король Стефанъ Ваторій далъ козакамъ какую-то весьма важную грамоту, но никто уже не помнилъ, въ чемъ заключалось ея содержаніе. Мы знаемъ, что въ этомъ преданіи было и зерно исторической истины: ибо дѣйствительно Стефанъ Ваторій, принимая 16 сентября 1578 г. пятьсотъ низовыхъ козаковъ на королевскую службу, въ особомъ универсалѣ (см. выше, стр. 72—74) объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, какія обязательства приняты были на себя козаками передъ королемъ и Рѣчью-Посполитою и какое вознагражденіе они должны были получать за ихъ исполненіе. Предчувствуя, что Сѣчь доживаетъ послѣдніе дни, запорожцы семидесятихъ годовъ XVIII-го вѣка стремились опереться на какой-нибудь документъ, чтобы не голословно отстаивать передъ петербургскимъ правительствомъ свои права на независимость. Между тѣмъ никакого документа подходящаго содержанія въ распоряженіи запорожцевъ не было. Тогда преданіе объ универсалѣ Стефана Ваторія послужило толчкомъ къ составленію отъ его имени подложной грамоты, приспособленной къ требованіямъ данной минуты. Для придаванія грамотѣ еще большаго авторитета она была вклеена въ подложный же универсалъ Богдана Хмельницкаго отъ 15 января 1655 г. Авторъ „Исторіи запорожскихъ козаковъ“ г. Эварницкій говоритъ, что „копія“ этого любопытнаго документа „хранится въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива главнаго штаба, дѣла князи Потемкина, опись 194, связка 181, № 1“. (См. т. II, Спб. 1895, стр. 60, примѣчаніе 1). Доступнымъ ученому изслѣдованію сдѣлался документъ съ той поры, какъ его напечатали въ приложеніи къ части III „Исторіи Новой Сѣчи“ А. А. Скальковскій (изд. 3, Одесса, 1886 г. стр. 275—277, № 1).

Сочиненная на Запорожьи грамота Стефана Ваторія отъ 20 августа 1576 г., вставленная въ подложный же универсалъ Богдана Хмельницкаго, была принята съ недоумѣніемъ тѣми лицами, для которыхъ она предназначалась. Запорожцы въ своихъ письмахъ изъ Петербурга, какъ говоритъ А. А. Скальковскій, жаловались что въ „Малороссійскомъ архивѣ отпусковъ т. е. черновыхъ или

проектъ этого акта не имѣется, и что *русскіе министры этому не сарказъ* (Ист. Нов. Сѣчя, изд. 3, ч. I, Од. 1885, стр. 14, прим.). Исторіографъ Миллеръ тогда же считалъ и универсалъ, и грамоту подложными—по научнымъ соображеніямъ.

Если мы вѣтаемся соботвенно въ грамоту Стефана Ваторія, то легко убѣдимся, что по внѣшней формѣ она нисколько не похожа на подлинный универсалъ Ваторія, приведенный нами выше (стр. 72—74); точно также безъ труда мы убѣдимся и въ томъ, что основной пунктъ ея: „надаеть Его Королевская Мосць козакамъ Низовымъ Запорожскимъ вѣкувсте городъ Терехтемировъ зъ монастыремъ и перевозомъ, опрочъ складоваго стариннаго ихъ Запорожскаго города Чигрина и Запорожскихъ степовъ ку землямъ Чигринскимъ подойшлихъ“—есть почти буквальное повтореніе текста Лѣтописи Грабянки и дальнѣйшихъ его передѣлокъ.

Что касается заселенныхъ земель и пустынныхъ степей, описанныхъ въ дальнѣйшихъ пунктахъ, то это—область, которою владѣли запорожцы въ XVIII в. и права на которую они хотѣли отстоять. Границы ея такъ подробно обозначены въ грамотѣ для того, чтобы Петербургское правительство ясно видѣло, на что имѣеть притязанія запорожское „братство“.

Въ виду этого въ подложности какъ грамоты, такъ и универсала, въ который она вклеена, не можетъ быть никакого сомнѣнія.

* * *

Такимъ образомъ мы подошли къ XIX вѣку. Въ половинѣ двадцатыхъ годовъ его закончено было составленіе знаменитой „Исторіи Русовъ“ лже-Конисскаго. Перечитывая соображенія В. П. Горленка, *1 мы не сомнѣваемся, что авторомъ ея былъ благородный по характеру и высоко-талантливый Василій Григорьевичъ Полетика. Быстро распространявшаяся въ спискахъ, „Исторія Русовъ“ только въ 1846 году напечатана была проф. І. М. Бодяпскимъ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей при Московскомъ Университетѣ“. На первыхъ порахъ ученые видѣли въ ней

* См. В. П. Горленко, Южно-русскіе очерки и портреты, Киевъ 1898, статья „Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка“, стр. 47—74.

драгоценный исторический источник первой руки и усердно черпали изъ нея свѣдѣнія въ свои труды. Особенно постарался Н. А. Марковичъ, который въ своей „Исторіи Малороссіи“, вышедшей въ 1842 году, ограничился пересказомъ „Исторіи Руссовъ“, почти не считая нужнымъ провѣрять ея сообщенія другими свѣдѣтельствами. Любопытно, что и нѣкоторые польскіе ученые, которымъ доступны были дѣйствительно первостепенные источники для правдивой исторіи дѣлпровскаго козачества, поддались обаянію произведенія В. Г. Полетики. Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ дѣдъ пишущаго эти строки Андрей Яковлевичъ Стороженко передалъ списокъ „Исторіи Русовъ“ извѣстному автору „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ Вацлаву Александру Мацѣвскому. Мацѣвскій пришелъ въ такой восторгъ по прочтеніи полученной рукописи, что сдѣлалъ изъ нея извлеченія, относящіяся ко времени до появленія Богдана Хмѣльницкаго, и въ переводѣ на польскій языкъ напечаталъ ихъ въ 1839 году въ первомъ томѣ своего труда: „Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian, jako dodatek do historyi prawodawstw słowiańskich przez siebie napisanej. W Petersburgu i w Lipsku 1839“, (str. 289—309). Въ предисловіи къ этимъ отрывкамъ онъ говоритъ о произведеніи лже-Конисскаго: „Оно заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, о которыхъ и не случилось нашимъ историкамъ; и тѣмъ болѣе оно важно, что его авторъ, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи, извлекъ его содержаніе изъ дневниковъ генеральныхъ писарей козацкаго войска, изъ универсаловъ королей и постановленій польскихъ сеймовъ, а также изъ старинныхъ лѣтописей“. (Стр. 286). Дѣйствительно, лицамъ, знакомымъ хотя отчасти съ тѣмъ богатымъ наслѣдствомъ хроникъ, географическихъ описаній, мемуаровъ, дневниковъ и разнаго рода архивныхъ документовъ, какое оставили послѣ себя польская образованность и государственная жизнь Польши XVI и XVII вѣковъ, не могли и не должны были „спитись“ небывлицы „Исторіи Русовъ“; но удивительно, какъ самъ Мацѣвскій при своей обширной эрудиціи не замѣтилъ ея апокрифическаго характера. Въ пятидесятыхъ годахъ басни „Исторіи Русовъ“ повторяли еще Глициньскій и Чарновскій.

Съ теченіемъ времени болѣе критическіе историки въ цѣломъ рядѣ работъ съ одной стороны стремились доказать, что „Исторія

Русовъ не могла быть написана Георгіемъ Конисскимъ, подъ именемъ котораго она ходила по рукамъ, и предлагали догадки о личности ея автора, съ другой стороны указывали на ея промахи и несообразности, поправляли ея фактическія невѣрности. Тѣмъ не менѣе все то, что не было опровергнуто, считалось заслуживающимъ довѣрія и продолжало переходить изъ книги въ книгу въ качествѣ исторической истины. Однако въ послѣднюю четверть XIX-го вѣка ослабѣло впечатлѣніе, произведенное на умы „Исторіей Русовъ“, мнѣніе Геннадія Карпова, *¹ хотя въ нѣсколько смягченной формѣ, начало преобладать, и на нее стали смотрѣть не какъ на историческій источникъ, а какъ на политическій памфлетъ, гдѣ фантазіи данъ свободный полетъ, но гдѣ вѣрно отражаются историческіе и политическіе взгляды малороссійскаго дворянскаго общества временъ императора Александра Благословеннаго.

Эпохъ Стефана Баторія въ „Исторіи Русовъ“ посвящено почти девять печатныхъ страницъ въ два столбца (стр. 24—32 изданія 1846 г.). Мы знаемъ приблизительно составъ книгъ и рукописей, которыми могъ располагать Василій Григорьевичъ Полетика при сочиненіи „Исторіи Русовъ“. *² Для королевствованія Баторія у него не было иныхъ источниковъ, кромѣ общезвѣстныхъ Аппаль Станислава Сарницкаго въ Лейпцигскомъ изданіи 1712 года *³, Хроники Павла Пясецкаго (см. выше, стр. 121), да тѣхъ малороссійскихъ компиляцій, которыя мы пересмотрѣли выше. Но поразительно, до чего свободно работала его фантазія. Подъ его перомъ эти сухія и довольно скудныя извѣстія неожиданно развернулись въ

*¹ См. Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до исторіи Малороссіи относящихся. Соч. Геннадія Карпова. Москва 1870 стр. 44—45.

*² См. Киевская Старина, 1891, т. 83, статья А. М. Лазаревскаго „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ“, стр. 104, 108—109.

*³ Это изданіе, сдѣланное книгопродавцами Гедичемъ и Вейдманомъ, состоитъ изъ двухъ томовъ. Въ 1-мъ томѣ помѣщены 12 книгъ „Исторіи Польши“ Яна Длугоша; помѣченъ онъ: „Francfurti Anno 1711“. Во 2-мъ томѣ, помѣченномъ: „Lipsiae Anno 1712“, напечатаны: 18-я книга Исторіи Длугоша, Исторія Польши Кадлубка, Аппаль Сарницкаго, Аппаль Оржеховскаго, Писма знаменитыхъ людей, собранныя Кариковскимъ, четыре рѣчи Гозія, Описаніе старой и новой Польши Сѣвинскаго (Сарницкаго). Оба тома присланы были отцу В. Г. Полетикѣ архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ въ 1782 г. См. *Historia literatury polskiej przez Felixa Bentkowskiego*. Tom. II 1814 str. 694—697.

пышную, величественную картину яко-бы богатой событіями эпохи из жизни Малороссіи.

Во главѣ козачества стоятъ сказочные богатыри; по ихъ мнovenію несмѣтныя полчища козаковъ предпринимають удалые походы въ далекія восточныя страны и наносятъ гибельныя пораженія невѣрнымъ басурманамъ во спасеніе душъ своихъ и во славу короля и отчизны; благодарный король стремится всѣми мѣрами улучшить и усовершенствовать гражданскій бытъ козаковъ, надѣляя ихъ автономными учрежденіями и всяческими привилегіями. Растроганный своими собственными измышленіями авторъ даетъ королю такую оцѣнку: „Король Баторій во всѣхъ отношеніяхъ къ Рускому воинству и народу былъ такой патріотъ, каковымъ почитался у Римлянъ императоръ Титъ, сынъ Веспасіановъ, т. е. другъ и отецъ человѣчества. Онъ правотою своею и кротоостію вселилъ во всѣ народы королевства своего духъ единства и братскаго согласія. Не слышно было между ними никакихъ споровъ ни о породахъ, ни о преимуществахъ, и ниже о религіяхъ, умы народныя часто возмущающихъ. Самое даже духовенство, склонное обыкновенно къ преніямъ и присвоенію себѣ правосудія, подобилось тогда агнцамъ непорочнымъ златого вѣка или пастырства Адамова, и что всего восхитительнѣй, то было согласіе чистое и обѣихъ главныхъ религій, Римской и Руской. Когда отлучался надолго епископъ Римскій, то поручалъ паству или правленіе своей епархіи епископу Рускому; когда же, напротивъ, отлучался епископъ Рускій, то также поручалъ епархію свою въ правленіе Римскому епископу, и все было у нихъ въ послушаніи и любви, прямо христіанской“.

Авторъ „Исторіи Русовъ“ не могъ обойтись и безъ подложной грамоты отъ имени Стефана Баторія. „Признательность и милость короля Баторія“, говоритъ онъ, „къ воинству и народу Рускому объясняются въ привилегіи его, состоявшейся 1579 года, апреля 19 дня, въ которой такъ написано: „Взглядомъ и увагою великихъ праць и рыцарства войскъ Рускихъ, якіе вои показали и занше оказываютъ въ оборонѣ и разширенію общей отчизны отъ супостатовъ и изыклыхъ претендаторовъ зарубажныхъ, набѣдѣзей отъ тыхъ треклятыхъ иноплеменихъ магометанцевъ и басурмановъ, плундрующихъ отчизну и завертающихъ въ неволю

люди христіанскій, яко ся и недавно за королевство наше утѣни-
лось, але милостію Вошеюскою и звѣтажествомъ вѣрнаго гетма-
на нашего Руского Богдана и войсками его козацкими знатно
отвернуто и отплачено, уставуемъ и подтверждаемъ вси права,
вольности и привилегіи войска того и всего народа Руского, анте-
цессорами нашими постановленныя и утвержденныя, и якъ изъ
вѣковъ у нихъ бывало, тако да пребудеть на вѣчныя времена и да
неважить никто одминати и нарушати правъ и свободъ въ доб-
рахъ вѣчныхъ и набытыхъ и во всякихъ маєткахъ, а властны во-
ны шафовать ны по своей воли и судитись объ ихъ въ своихъ судахъ
земскихъ и городскихъ, въ якихъ засѣдати выбраннымъ отъ рыцар-
ства особамъ и судити по своимъ правамъ и статутамъ Рускимъ;
а належито до рыцарства войскового, тымъ судитись въ обозахъ
и табурахъ своихъ отъ судей войсковыхъ, якихъ мы въ каждомъ пол-
ку учредить повелѣли, еднакъ справа до нихъ належитъ о бремени во-
йна и маєтку его движимомъ, донелѣ же кто козакуеть и вписалъ въ
реестры войсковыи, а за повроченьемъ въ повѣты и околицы, суды-
тись вони учнутъ въ судахъ повѣтовыхъ и городскихъ, яко станъ
шляхетный и шляхетство Руское въ чинахъ, урядахъ и рее-
стровомъ козацтва знайдучесь, єдностъ и равностъ имуть зъ шля-
хетствомъ Польскимъ и Лытевскимъ, яко-же при первомъ зѣд-
ноченю Руси зъ Польшею и Литвою уложено есть и утверждено,
и мы тоє подтверждаемъ и заховуемъ. Трибуналу Рускому отпра-
вовать дѣла свои по приличности въ новосозданномъ гради на-
шомъ Ватуринѣ, а якъ потреба укажетъ, то и въ Черкасахъ; тежъ
и гетману Рускому резидовать въ томъ городѣ, а въ Черкасахъ
мѣти намѣстника своего изъ генералитета войскового, який мы
знатно розширили и заоздобили, умноживъ и классы товариства
бунчукового, войскового и значкового, якимъ помѣщатиcя подъ бун-
чукомъ и при полковыхъ хоругвахъ, а бунчукъ жалуемъ мы гет-
ману на знакъ звѣтажестна его зъ войскомъ своимъ надъ народомъ
Азіятичнымъ, одъ якого и клейнодъ сей добутъ працею гет-
манскою и кровію козацкою“.

Дикой и несообразной представится намъ эта подложная при-
вилегія, если мы непосредственно волѣдъ за нею прочтемъ под-
линный универсалъ Стефана Ваторія изъ Вильны отъ 6-ю апрѣля
1579 года, обращенный къ низовымъ козакамъ по случаю появлепія въ

пограничныхъ степяхъ молдавскаго претендента Константина Лакусты съ тайкой разнаго оброда (см. выше, стр. 82—83):

„Stefan etc. Wazem wobec i kazdemu z osobna, Mołojcom Zaporoznym i ich starszym łaskę naszą królewską.

Kiedyśmy przeszłego lata mieszkali we Lwowie, Konstantyn Łakusta, Wołoszyn, z dworu naszego tamże ze Lwowa, nieopowiednie, bez wolej i wiadomości naszej poicchu uciekł, przysięgłszy nam przedtem, że tego uczynić nie miał, i zebrawszy łotrostwa i ludzi swowolnych niemało z sobą, wezbrał się był zarazem do Wołoch szkodę i rozruch uczynić; ale pogromiony przez ludzkie wołoskie musiał tam stąd ustąpić, i jakośmy sprawę mieli, z państw naszych miał się ku Moskwie obrócić. Teraz nam wiadomość przyszła, że się przecię w ziemi naszej na Ukrainie bawi, mając przy sobie łotrostwa nie mało, z którymi zaś znowu wtargnąć pomyśla do Wołoch, a przymierze i pokój, które z ziemią Wołoską i państwa Cesarza J. M. Tureckiego utwierdzone mamy, wzrusza. Czemu dla pokoju rplćj zabiegając, posyłały tam z dworu naszego szlachetnego Andrzeja Łozowickiego, komornika naszego, który wam ten list nasz odda, do starost naszych ukraginnych, aby z nimi pospołu o Konstantym, żeby go poimać, staranie uczynił. Przeto i wam wszystkim rozkazujemy, żebyście Konstantemu towarzystwa takich rozruchów czynić w Wołoszech nie pomagali, ale tak jakoście się na służbę naszą udali, z powinności waszych nie innego nie biorąc przed się, pilnowali tego, żebyście nam i rplćj służyli wiernie, a starości naszemu Czerkaskiemu, pod któregoście zwierzchnością, we wszem posłuszni byli. A gdzie też starosta nasz Czerkaski, tak jakośmy mu pisali, pospołu z komornikiem naszym Łozowickim potrzebować będzie pomocy waszej na przeciwko Konstantemu, chcemy abyście mu ją dali i to czynili, o wain jedno tenże starosta nasz i komornik Łozowicki imieniem naszym rozkażą. Jeśliżby też między wami byli tacy, co by nam służył z drugimi pospołu nie chcieli, a swowolnie Konstantemu pomocnikami być chcieli albo byli, rozkazujemy gim, aby zaniechali umysłu swego, bo niech tacy wszyscy pewnie wiedzą, że za to na gardle karani będą, jako gwałtownicy przymierza i pospolitego pokoju. Inaczćj z powinności waszych i pod takim karaniem abyście nie czynili inaczej.

Datum w Wilnie dnia 6 miesiąca Kwietnia, r. Pańskiego MDLXXIX, a panowania naszego roku trzeciego". *¹

Вотъ въ какомъ тонѣ *дѣйствительный* король Стефанъ обращался къ *дѣйствительнымъ* Днѣпровскимъ козакамъ въ апрѣлѣ 579 года. Какъ мало сходна простая и дѣловая рѣчь историческаго Ваторія съ витіеватымъ слогомъ автора „Исторіи Русовъ“!

* * *

Къ концу XIX вѣка сознаніе ученыхъ, занимающихся исторіей Малороссіи, освободилось въ главныхъ и важнѣйшихъ пунктахъ отъ чаръ, навѣянныхъ „Исторіей Русовъ“, но отъ долгаго очарованія въ немъ остались осадки, которые то и дѣло бывають намѣтны на днѣ ихъ изслѣдованій. Къ числу такихъ „осадковъ“ мы относимъ взглядъ на Днѣпровскихъ козаковъ эпохи Ваторія, какъ на осѣдлое земледѣльческое *сословіе* южнорусской народности, испомѣщенное яко-бы на литовско-господарскихъ земляхъ въ пограничныхъ повѣтахъ, при чемъ право владѣнія землею было предоставлено не отдѣльнымъ лицамъ, а яко-бы цѣлымъ „общинамъ“ съ надѣленіемъ ихъ полнымъ самоуправленіемъ въ администраціи и судѣ, но съ возложеніемъ обязательства снаряжать вооруженныхъ людей для охраны границъ и отбыванія военной службы подъ начальствомъ намѣстниковъ или старостъ мѣстныхъ господарскихъ замковъ. Взглядъ этотъ тенденціозно принятъ всѣми послѣдователями Кіевской исторической школы, какъ соответствующій ея исторіософическимъ теоріямъ, но не имѣетъ за себя никакихъ прочныхъ доказательствъ, почерпнутыхъ изъ первоисточниковъ. Между нимъ и воззрѣніями „Исторіи Русовъ“ нѣтъ никакой качественной разницы. Авторъ „Исторіи Русовъ“ былъ убѣжденный дворянинъ и въ козачествѣ хотѣлъ видѣть дворянское *сословіе*— „станъ шляхетный и шляхетство Руское въ чинахъ, урядахъ и реестровомъ козацтвѣ знайдучесь“; напротивъ, ученые Кіевской школы—непреклонные „пародники“, считающіе, будто „принципъ вѣчевой, принципъ широкаго демократизма и при-

*¹ Этотъ универсалъ былъ напечатанъ дважды: 1) П. А. Кулишомъ въ Матеріалахъ для исторіи воссоединенія Руси. Т. 1, Москва 1877, стр. 11—12, съ удержаніемъ правописанія оригинала; 2) въ изданіи: Biblioteka ordynacyi Krasnóskich, Muzeum Konstantego Świdzińskiego, Tom. V i VI. Warsz. 1881 str. 896—897, № 189—въ обновленномъ правописаніи; у насъ универсалъ приводимъ по этому послѣднему изданію.

знанія равныхъ политическихъ правъ для каждой общественной единицы“ — является руководящею идеею всей малороссійской исторіи, и вотъ они желаютъ разглядѣть въ туманѣ вѣковъ реальное осуществленіе своихъ демократическихъ вѣрованій и чаяній въ козацкихъ „общинахъ“. Мы полагаемъ, что оба взгляда навязываются исторіи козачества, но изъ нея не вытекаютъ. Мы знаемъ, чѣмъ были Днѣпровскіе казаки до Баторія и въ его эпоху. Отнюдь не земледѣльцами. Это былъ людъ неосѣдлый, бродячій, лѣто проводившій въ степяхъ на промыслахъ, на зкму собиравшійся въ пограничныя городки, большею частью безсемейный, разнузданный и своевольный;—то рыболовы и охотники, то удалые воины, искавшіе добычи въ набѣгахъ на сосѣднія страны, то разбойники и грабители, передъ которыми дрожали мирныя пограничныя жители; не даромъ кіевскіе мѣщане говорили въ 1585 году: „а мы дей отъ таковыхъ свовольныхъ людей козаковъ и сами въ домохъ нашихъ, яко на украинѣ, во всемъ месте Кіевскомъ о здоровіи своемъ не безпечны“. О надѣленіи козацкихъ „общинъ“ землею со стороны литовскаго правительства совсѣмъ нельзя найти въ источникахъ ясныхъ и прямыхъ свѣдѣній. Человѣкъ не Кіевской исторической школы, слѣдовательно — болѣе безпристрастный, авторъ дѣльнаго труда „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута, Москва 1892 г.“, М. К. Любавскій также хочетъ видѣть въ Черкасскихъ козакахъ людей „испомѣщенныхъ“ т. е. такихъ, которымъ правительство давало землю за военную службу. Чѣмъ же онъ доказываетъ свое мнѣніе? „На это (т. е. на землевладѣніе козаковъ)“, говоритъ онъ, „намекаетъ и одинъ изъ древнѣйшихъ документовъ о черкасскихъ козакахъ, именно — „спасанье речей (т. е. вещей), у козаковъ Черкасскихъ отобранныхъ черезъ Сенька Полозовича“. Козаки дѣлятся, по этому документу, на роты, при чемъ начальникомъ одной изъ ротъ является какой-то князь Дмитрій; *они имѣютъ своихъ бурсниковъ, стало быть, владѣютъ землею, съ которой и несутъ военную повинность*“ (Стр. 532). Здѣсь мы имѣемъ примѣръ совершенно произвольнаго вывода изъ плохо понятаго текста. Документъ, о которомъ идетъ рѣчь, изданъ весьма небрежно въ томѣ 1 части III Архива юго-западной Россіи (Кіевъ, 1863) и нѣкоторыя мѣста его, очевидно,

распорчены, но общій смыслъ его ясенъ и заключается въ слѣдующемъ: Его милость господарь литовскій (въ данномъ случаѣ— Александръ Казимировичъ, зять Іоанна III Московскаго) приказалъ переписать для памяти вещи, доставленныя ему черкасскимъ наместникомъ Сенькомъ Федоровичемъ Полозовичемъ въ концѣ 1502 года. Вещи тутъ были такія: 1) шесть шубъ изъ брюшныхъ бѣличьихъ шкурокъ, 2) одинъ торлопъ (женская верхняя нарядная мѣховая одежда) тоже изъ брюшныхъ бѣличьихъ шкурокъ, 3) пять лентъ, сшитыхъ изъ мѣха, снятаго съ лисьихъ ножекъ, для обкладки одеждъ снаружи, 4) шесть локтей „цвиколевскаго“ сукна, 5) семнадцать драгоценныхъ камней, 6) одно жемчужное ожерелье, 7) двѣ золотыхъ пуговицы, 8) четыре маленькихъ жемчужины. Составлявшій опись писарь не ограничился простымъ перечисленіемъ вещей, а счелъ нужнымъ объяснить, какого происхожденія эти вещи и какимъ образомъ онѣ попали въ руки Сеньки Полозовича. Мѣховыя вещи и сукно, оказывается, были отобраны, какъ *поличное*, у трехъ козаковъ изъ войска князя Дмитрія Ивановича Путятинча, воеводы Кіевскаго, изъ роты Щура¹⁾, обокравшихъ какого-то восточнаго купца Ахмата; камни, ожерелье, пуговицы и жемчужины достались Сеньку Полозовичу, какъ *симорочное имущество*, оставшееся послѣ смерти козака изъ той же Щуровой роты Митенка, не имѣвшаго близкихъ наслѣдниковъ, ибо былъ обычай, что послѣ умирающихъ козаковъ „тыи отумерлыя речы, хто ближнего не маєть, приходятъ на наместника черкаскаго“. Далѣе въ актѣ объясняется, что вещи Митенка до передачи ихъ наместнику хранились у его „бурсника“ по имени Каленика и что въ числѣ ихъ было еще 24 локтя краснаго „тричкаго“ сукна, но что это сукно наместникъ роздалъ на однорядки своимъ слугамъ. Вотъ и все содержаніе акта. Остается объяснить значеніе слова „бурсникъ“. Каленикъ былъ „бурсникомъ“ Митенка; теперь-бы мы сказали: „однополчаниномъ“, „однокашникомъ“, такъ какъ именно этотъ смыслъ имѣетъ слово „бурсникъ“. „Бур-

¹⁾ Судя по фамиліи, начальникъ роты (rotmagister, rotmistrz) Щуръ—польскаго происхожденія. Щуръ, *szur*—слово чисто польское и значитъ: прыска. Въ одномъ памятникѣ 1510 г. сказано: „Rotmagister super ducentos pedites“, изъ этихъ словъ видно, что численность роты въ началѣ XVI в. достигала 200 человекъ. См. *Materyały do słownika histor. języka i starożytności polskich*. I. Militaria. Zebrał W. Łebniński. Poznań 1889, Str. 452 подъ словомъ *rotmistrz*.

оникъ", какъ и общезвѣстное „бурсакъ", значить: членъ или участникъ „бурсы" т. е. такого общежитія, гдѣ люди удовлетворяютъ свои потребности изъ одной „бурсы", изъ одного кошелька, иначе сказать: имѣютъ общую кассу. Средневѣковое латинское слово *bursa* произошло отъ греческаго *βύρα* — кожа, при такомъ переходѣ значеній: кожа — кожаный кошелекъ — кошелекъ для храненія денегъ — общественная касса — общежитіе. Очевидно, такіа роты, какъ рота Щура, около 1500 г. назывались иногда „бурсами", а люди, въ нихъ служившіе, — „бурсниками". Въ такомъ смыслѣ составитель акта 1502 г. и назвалъ Каленика „бурсникомъ" Митенку т. е. товарищемъ, сослуживцемъ его по ротѣ. Очень естественно, что бездомный и безсемейный Митенко, чувствуя приближеніе смерти, ввѣрилъ свои драгоценности и кусокъ сукна своему ближайшему сослуживцу Каленику. По составу переданной на храненіе Каленику движимости видно, что она досталась Митенку при разграбленіи какого-нибудь купеческаго каравана. Иначе почему могли попасть въ козацкія руки камни и ожерелье, золотыя пуговицы и жемчужины? Разобранный актъ вполне подтверждаетъ то воззрѣніе на Днѣпровское козачество XVI вѣка, какого мы держимся въ настоящемъ изслѣдованіи, но какъ М. К. Любавскій могъ усмотрѣть въ немъ *намекъ* на козацкое землевладѣніе, какъ онъ могъ изъ того обстоятельства, что Митенко передалъ свои вещи на храненіе своему „бурснику", т. е. сослуживцу, Каленику, сдѣлать выводъ, что козаки „*владѣютъ землею, съ которой и несутъ военную повинность*", — все это для насъ совершенно необъяснимо.

Остальные доводы М. К. Любавскаго въ пользу существованія у Днѣпровскихъ козаковъ общиннаго землевладѣнія на господарскихъ земляхъ — сводятся къ аналогіямъ съ землевладѣніемъ козаковъ Новгородскихъ (Новогрудскихъ) и Полоцкихъ, хотя, по нашему мнѣнію, невозможны никакія аналогіи между порядками во внутреннихъ заселенныхъ областяхъ Литовскаго государства и бытомъ въ дикихъ пограничныхъ степныхъ пустыняхъ.

Также слабы доказательства „испомѣщенія" козацкихъ „общинъ" въ предднѣпровскихъ повѣтахъ, приводимыя послѣдователями Кіевской исторической школы. На основаніи наличныхъ источниковъ правильнѣе всего будетъ признать, что такого факта никогда не существовало.

Подчеркивая существование „испомѣщенныхъ“ козацкихъ общинъ, послѣдователи Кіевской исторической школы допускали возможность „испомѣщенія“ и отдельныхъ личностей изъ козацкой среды. Но такъ какъ личное землевладѣніе было явленіемъ общераспространеннымъ, то весь вопросъ сводится къ тому, были ли тѣ козакъ, о которыхъ имѣются въ источникахъ свѣдѣнія, какъ о личныхъ землевладѣльцахъ, дѣйствительно лицами козацкаго сословія, или они были обыкновенными землянами-шляхтичами, но только козаковали, ходили на козацкій промыселъ, и вслѣдствіе этого, по характеру своего быта, назывались козаками. Разсмотримъ этого рода факты, предшествовавшіе королевствованію Стефана Баторія; ихъ всего два.

Въ 1546 году король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ нѣкому Дмитрію Базановичу два селѣща въ нынѣшнемъ Уманскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи: Соколовъ на р. Конелѣ, теперешнее село Соколовку, и Митковцы на р. Горномъ Тикичѣ, теперешнее село Вороное⁴¹. Въ грамотѣ пожалованія къ имени и отчеству жалуемаго въ дательномъ падежѣ добавлено: „козаку Звенигородцу“. Послѣдователи Кіевской школы полагали, что этими словами опредѣляются сословіе и мѣсто жительства жалуемаго, и отсюда дѣлали выводъ, что козакъ „испомѣщался“ литовскимъ правительствомъ. Но благодаря документамъ, изданнымъ А. П. Яблоновскимъ, выясняется, что Дмитрій Базановичъ вовсе не былъ козакомъ въ основномъ смыслѣ этого слова, а былъ землинникомъ Брацлавскаго повѣта, хотя и принадлежалъ къ „подлѣйшимъ“ (менѣе знатымъ) землянамъ, которыхъ настоящіе знатные земинне не считали своими собратіями, такъ какъ не знали ихъ родословія (Zr. dz. t. VI, str. 126—127). Уже въ 1529 г. онъ въ числѣ другихъ землянъ обязанъ былъ содержать четырехъ конныхъ воиновъ для охраны государственной границы въ окрестностяхъ Санрани, Чечельника, Звенигорода и Кошиловцевъ (Zr. dz. t. XX, str. 144). Въ документахъ онъ называется: *Dmitr Swychnogroczski* (1529) и *Dmitr Zwinohorodec* (1545). Это фамильное прозвище объясняется, вѣроятно, прежнимъ жительствомъ его въ Звенигородскомъ замкѣ,

⁴¹ См. Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. I, 1896, стр. 185—206.

разрушенномъ татарами около 1520 года. Только въ жалованной грамотѣ 1548 года Дмитрій Звенигородецъ названъ „козакомъ“. Отсюда мы имѣемъ право заключить, что Дмитрій Вазановичъ былъ „козакомъ“ только въ томъ смыслѣ, что онъ велъ козацкую жизнь, участвовалъ въ козацкихъ предпріятіяхъ; такъ въ недавнее время, по замѣчанію П. А. Кулиша, употреблялось слово *чума* для обозначенія человека той или другой среды, вдавшагося въ пзвѣстный промыселъ *1. Сынъ Дмитрія Вазановича Богданъ Дмитріевичъ и внукъ его Ѳеодоръ Богдановичъ обратили обозначеніе промысла ихъ родоначальника въ первую часть своей фамиліи (*przydomek*) и продолжали именоваться Козаками-Звенигородскими безъ отношенія уже къ тому, занимались ли они козакваніемъ или нѣтъ. Ѳеодоръ Богдановичъ въ 1592 году продалъ свою предковщину, села Соколки (Соколовку) и Митковцы (Вороное),—галицкому каштеляну Юрію Струсу.

Второй фактъ относится къ 1571 году и даетъ еще менѣ поводовъ для сомнѣній въ томъ, къ какому „сословію“ принадлежало жалуемое земельнымъ имѣніемъ лицо. Вотъ текстъ жалованной грамоты: „Жикгимонт-Август, ето.—Ознаймуем сим нашимъ лиотомъ всемъ посполите и кождому зъ особна, нинѣшнимъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати: билъ намъ чоломъ шляхетный *Омельянъ Ивановичъ, землянинъ нашъ*, и просилъ насъ, абыхмо ласку нашу господарскую над нимъ показали, а за службы его, которые онъ намъ зъ себе отъ немалого часу на той украинѣ показуеъ, гдежъ и на сес часъ вязневъ непріятельскихъ татарина самъ отъ себе и *отъ всихъ товаришохъ своихъ, козакохъ нмѣлыхъ*, намъ отдалъ,—землю входную Северу за Черкасы у двадцати мильхъ, то естъ, почавши отъ Санчаровскаго перевозу на рецѣ Ворсклѣ ** шляху татарскаго, на низъ тою рекою Ворсклою, къ устью рѣчки Полузоры ***, которая съ поля, зъ Московское стороны, съ правой руки приходитъ и въ Ворскло въпадаетъ, а оттоль Ворсклою до рѣчки Кустови **, которая тежъ съ поля отъ Орды

*1 См. Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси, т. I, Слб. 1874, стр. 96.

** Санчаровскій перевозъ черезъ Ворскло—у нынѣшняго села Старыхъ Сенижаръ Полтавскаго уѣзда.

** Нынѣ рѣчка *Полузере* въ у. Полтавскомъ и Кобелянскомъ.

** Нынѣ рѣчка *Кусталоя* въ у. Константиноградскомъ и Кобелянскомъ.

възвеза тамъ же впадаетъ, и зась Ворскломъ аж до рубежа Степана Жарковича Артемьковых Песков, по обудву сторонахъ тое речки Ворскля, зо всеми кгрунты, пожитки ихъ и належностями, яко ся тая земля Север въ давна в себе маеть, ему самому, жоне и дочкамъ его Гасце и Черни; а если бы он сыновъ еще мелъ, тогда, отдаливъши от тыхъ девокъ, тымъ сыномъ и потомкомъ их на вечность дали и тымъ пожаловали; за которым, же и *сельможный Юрий Язловецкий з Бучача, воевода руский, гетман коруны нашое, староста любичевский, хмельницкий и чирвонокиродский, до нас е причине писал, залскаючи намъ верные и юдныя службы сю.* А такъ мы, з ласки нашое господарское, на приципу пана воеводы руского и бачачи тежъ на службы и чоломъ битье того слуги нашего Омеляна, то есмо учинили, а оную землю входную на имя Северу ему самому, жоне и девкамъ его Гасце и Черни, а если бы онъ сыны мелъ, тогда, заховуючи преднейшее право по мечу, сыномъ его, также детемъ и потомкомъ их, леннымъ правомъ мужского рожаю дали есмо и симъ листомъ нашимъ даомъ на вечность, а девки его преречоные Гаска и Черня вжо до тое земли некоторого права мети не мають и от нее отпадаютъ. Маеть Омелянъ Ивановичъ самъ, его жона, такъ же дети и потомъки его властны, тымъ правомъ и порядкомъ оную землю Северу по обудвухъ сторонахъ реки Ворскля, яко ся вышей поменило, почавши от шляху Санчаровского на низ рекою Ворсклею аж до рубежа Жарковича Артемьковых Песков, зо всеми землями, кгрунты, з боры, з лесы, з деревомъ бортнымъ, з реками, а меновите, з речками Полузорою и Кустовью, з озеры, з ловы зверпыными, пташыми, рыбными, з бобровыми гоны и зо всеми доходы, пожитки и ихъ належностями, такъ долго и широко, якося тая земля Сивера сама в себе в границахъ, пожиткахъ и обыходахъ своихъ здавна и на сесь часъ маеть, держати и уживати, прибавляти, розширяти и всякие пожитки себе тамъ розмножати. А вжо от сего часу враники наши, старостове черкаские, и ниhto иный в томъ ему и потомкомъ его некоторое переказы чинити и вступовати ся в то ничимъ не мають, одно, же повиненъ будетъ Омелянъ о тыми потомками своими нам, господарю, и потомкомъ нашимъ, королемъ полскимъ, съ того службу нашу господарскую служити, на то дали есмо Омеляну Ивановичу сесь нашъ листъ, до которого на твердость и печать нашу привесити есмо велели.

Писан у Варшаве, дня четвертаго мѣсяца октября, лета
Бож. нарож. 1571, панована нашего року 42.

Подписе руки его кр. милости“ *1.

Не можетъ быть спора, что Емельянъ Ивановичъ — землемѣръ-шляхтичъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ полно было въ козацкихъ рядахъ во вторую половину XVI в. (см. выше, стр. 22). Онъ участвовалъ въ козацкихъ предпріятіяхъ и въ этомъ смыслѣ являлся козаки называются его товарищами. Дата грамоты (4 октября 1571 г.) даетъ возможность предполагать, что Емельянъ Ивановичъ былъ соратникомъ короннаго гетмана и русскаго воеводы Юрія Язловецкаго въ той неудачной экспедиціи, которую предпринялъ Язловецкій въ степи между 16 мая и 22 іюля 1571 г. для очищенія ихъ отъ татарскихъ шаекъ и которая описана у Папроцкаго (Herby etc. wyd. Turowskiego, 1858, str. 221—222), что онъ отличился въ ней и при этомъ сдѣлался извѣстнымъ Язловецкому и что послѣдній, желая наградить Емельяна Ивановича за отличіе, похотѣлъ представить передъ королемъ о пожалованіи его „входною землею“ т. е. охотничьими и рыболовными угодьями по берегамъ р. Ворскла ниже Старыхъ Сенжаръ и по рѣчкамъ Полужерю и Кустолову.

Изъ предыдущихъ объясненій, намъ кажется, ясно, что оба факта, приводимые Кіевскою историческою школою въ подтвержденіе „испомѣщенія“ отдѣльныхъ лицъ козацкаго сословія, не имѣютъ въ этомъ отношеніи никакой доказательной силы. Мы полагаемъ, что наиболѣе правильный взглядъ по вопросу объ образованіи землевладѣнія козаковъ, не принадлежавшихъ къ земанамъ или шляхтѣ, а вышедшихъ изъ низшихъ, несвободныхъ сословій польско-литовскаго государства, высказанъ М. К. Любавскимъ. „Исторія малорусскаго козачества“, говоритъ послѣдній, „не представляетъ процесса, отличнаго отъ того, какой представляетъ исторія и великорусскаго козачества. Какъ въ Великороссіи, такъ и въ Малороссіи козакъ являлся сначала отхожимъ промышленникомъ, ищущимъ заработковъ на сторонѣ, чаще всего на степномъ привольѣ. Это степное приволье притягиваетъ къ себѣ выходцевъ

*1 См. Чтенія въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. 8. К. 1894, отд. III, стр. 11—18, № II — изъ матеріаловъ по исторіи козацкаго землевладѣнія, сообщенныхъ П. М. Камаинымъ. Курсы нашъ.

изъ разныхъ мѣстностей Руси, чаще всего изъ окраинныхъ. Выходцы въ силу необходимости, такъ какъ въ степяхъ, въ пустыняхъ, люди предоставлены самимъ себѣ, собственнымъ силамъ, такъ какъ тамъ идетъ борьба на жизнь и на смерть, группируются въ вооруженныя товарищества вокругъ отдѣльныхъ вожаковъ-атамановъ. Съ теченіемъ времени степи начинаютъ колонизоваться этими выходцами, которые устраниваются въ нихъ на постоянное житіе, сохраняя свою военную и общинную организацію. Въ степяхъ появляются козацкіе хутора, козацкія слободы, являются доможитые козаки, начинается земледѣліе. Такъ было и въ бассейнѣ Днѣпра, и въ бассейнѣ Дона. Козаки—не остатки какихъ-то древне-славянскихъ вольныхъ общинъ на пограничьи русской осѣдлости, а вооруженныя артели промышленниковъ, вытиснутыхъ изъ предѣловъ этой осѣдлости пустотою степей. Конечно, съ пограничья шло въ степь больше всего народа, но и внутреннія области государства давали въ козачествѣ извѣстный процентъ *1.

* * *

Вторымъ „осадкомъ“ отъ чаръ „Исторіи Русовъ“ мы считаемъ общераспространенное среди ученыхъ вѣрованіе, будто Стефанъ Баторій какою-то „реформою“ измѣнилъ правовое положеніе козацкаго „сословія“ въ „украинныхъ“ воеводствахъ. Нашимъ предыдущимъ изложеніемъ вполне доказано, что никакой „реформы“ козацкое „сословіе“ не подвергалось, да и не могло подвергаться, такъ какъ самого козацкаго „сословія“ въ то время не существовало. Мы видѣли, какъ создавалась легенда объ этой „реформѣ“ въ средѣ позднѣйшаго козачества, желавшаго опереться на авторитетъ Баторія при добываніи для себя политическихъ правъ. Тѣмъ не менѣе всѣ историки недавняго времени подробно распространялись о значеніи произведенной Баторіемъ „реформы“, ссылаясь иногда на Пясецкаго или Грондскаго, но болѣе всего на разсмотрѣнныя нами малороссійскія компіляціи *2. Кіевская исто-

*1 См. Любавскій, Начальная исторія малорусскаго козачества. Журн. Мин. Народ. Просв. 1896, июль. Отд. крит. и библиогр. стр. 238.

*2 См. напр. Костомарова, Богданъ Хмельницкій, 4 изд. 1884, т. I, стр. 19—21; Падальки, Происхожденіе запорожскаго козачества, Кіевская Старина 1884 г., т. 10, стр. 42—62; Вринцева, Исторія литовскаго государства, Вильна 1889, стр. 390—395; Эварницкаго, Исторія запорожскихъ козаковъ, т. II, 1896, стр. 56—65; и т. д.

рическая школа, стремясь объяснить внутренний смысл мнимой „реформы“, приписывает Стефану Баторію такіа политическіа комбинаціа, которыа, конечно, никогда не приходили ему и въ голову. Исходя изъ того взгляда, что козацкіа „общины“ были испомѣщены литовскимъ правительствомъ и пользовались широкою административною и судебною автономіею, послѣдователи Кіевской исторической школы предполагають, будто Люблинская Унія внесла большую шаткость въ ихъ юридическое положеніе, такъ какъ польское право не знало де иныхъ сословій, кромѣ шляхетскаго, мѣщанскаго и закрѣпощеннаго крестьянскаго, а козацкое сословіе не подходило де ни къ одному изъ трехъ; и вотъ будто-бы Стефанъ Баторій, желая вывести козачество изъ этого шаткаго, неустойчиваго состоянія и дать ему точно опредѣленное правомъ мѣсто въ польскомъ государствѣ, прибѣгъ къ юридической фикціи: онъ будто-бы воспользовался принадлежавшей польскимъ королямъ прерогативой нанимать безъ вѣдома сейма чужеземныа войска и рѣшилъ, не докладывая объ этомъ сейму, начать разсматривать Днѣпровское козачество, какъ чужеземное наемное войско, несмотря на то, что оно было туземнымъ осѣдлымъ землевладѣльческимъ „сословіемъ“; но, боясь создать изъ козачества не безопасную для Рѣчи - Посполитой силу, Стефанъ Баторій будто-бы распространилъ свою милость только на шесть тысячъ козацкихъ семействъ, которымъ и составлена была перепись (реестръ), остальную же часть козачества закрѣпостилъ мѣстнымъ шляхтичамъ; этою мѣрою онъ хотѣлъ де внести рознь въ козачество и тѣмъ ослабить его силу. Не отрицая того, что польскія понятія объ объемѣ и сущности крѣпостнаго права были одною изъ важнѣйшихъ причинъ ожесточенія западно-русскаго крестьянства противъ польскаго государственнаго режима въ эпоху Хмельницкаго, мы не можемъ согласиться съ истолкованіемъ эпохи Баторія Кіевскою историческою школою и считаемъ рисуемую ею картину столь-же фантастическою, сколь далеки были отъ подлинной дѣйствительности измышленія „Исторіи Русовъ“. Правильно разсуждалъ П. А. Кулишъ, когда онъ, издавая универсалъ Стефана Баторія, обращенный къ низовымъ козакамъ по дѣлу Константина Лакусты (см. выше, стр. 147), писалъ: „Настоящій универсалъ важенъ въ томъ отношеніи, что уничтожаетъ принятую многими выдумку,

будто бы король Стефанъ регулировать запорожское войско и дать ему то устройство, въ какомъ оно является намъ во времена позднѣйшія. Какъ и когда устроило свои войсковые и полковые порядки запорожское войско, намъ неизвѣстно, потому что казаки не любили письменности. Предположивъ, что этому войску данъ извѣстное намъ устройство Стефанъ Баторій, надобно было бы внутренній строй самой Польши его времени поднять повыше; надобно было бы колонизацію украинскихъ пустынь считать совершившеюся, дикія поля, въ которыхъ Зборовскій умиралъ съ голоду, воображать удобно проходимыми, а сообщенія между центромъ государства и такою окраиною, какъ запорожскій Нязъ, считать легкими. Ничего этого не было во времена Стефана Баторія; а земледѣліе въ сосѣдствѣ съ дикими полями еще и при Сигизмундѣ III было въ такомъ состояніи, что среди нивъ стояли деревянные зрубы, въ которые пахарь и жнецы сбѣгались отсиживаться съ пиццалими и луками отъ татаръ, которые охотились на людей, какъ на звѣри. При такомъ положеніи края, регулировать казаковъ было Стефану Баторію столько же трудно, какъ Ярославу Мудрому—торковъ и берендѣевъ^{*1}.

На этомъ мы закончимъ наше изслѣдованіе о дѣяніяхъ Днѣпровскихъ казаковъ въ эпоху Стефана Баторія и объ искаженіи ихъ въ литературѣ, начиная съ XVII вѣка, и въ заключеніе пожелаемъ, чтобы басня о „реформѣ“ козацкаго „сословія“, производимой якобы по мысли Стефана Баторія, поскорѣе исчезла изъ учебниковъ русской исторіи и изъ энциклопедическихъ словарей^{*2}, гдѣ она постоянно вновь и вновь повторяется.

^{*1} См. Кулишъ, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, т. I, Москва 1877, стр. 11.

^{*2} См. напр. въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона полут. 5, стр. 181, 187; полут. 23, стр. 275; полут. 30, стр. 590.

Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій и стихотворный „Плачь“ о немъ неизвѣстнаго по имени автора 1585 г.

(Къ стр. 71).

Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій былъ отцомъ князя Михаила Михайловича, дѣдомъ князя Іереміи Михайловича и прадѣдомъ князя Михаила-Θомы, провозглашеннаго 19 іюня нов. ст. 1667 г. королемъ польскимъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ собирали Юліанъ Бартошевичъ (см. Tomasz Świąckiego *Historyczne pamiętki znamienitych rodzin i osób dawnej Polski* przejrzał w rękopiśmie, objaśnił i uzupełnił przypisami Julian Bartoszewicz, Tom II, Warsz. 1859, str. 295 i 535), Адамъ Боневскій (см. *Poczet rodów w wielkiem księstwie litewskiem w XV i XVI wieku*. Ułożył i wydał Adam Boniecki, Warsz. 1887, str. 375) и Іосифъ Вольфъ (см. *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku przez Józefa Wolffa*, Warsz. 1895, str. 558—559), но ни одинъ изъ нихъ не воспользовался богатымъ біографическимъ матеріаломъ, который даетъ стихотворный „Плачь“, сочиненный неизвѣстнымъ авторомъ тотчасъ вслѣдъ за кончиною князя Михаила Александровича, послѣдовавшею 5/15 октября 1584 г. Это литературное произведеніе, весьма замѣчательное во многихъ отношеніяхъ, было отпечатано, вѣроятно, въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, въ Краковѣ въ типографіи Матея Виржибенты въ 1585 году. Единственный въ цѣломъ свѣтѣ экземпляръ его сохраненъ въ библіотекѣ ординаціи графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ. Эту книжечку просматривалъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка В. А. Мацевскій, занесшій въ свою „Польскую письменность“ (*Piśmiennictwo polskie, od czasów najdawniejszych aż do roku 1830*. Przedstawił W. A. Maciejowski. Tom III. Warsz. 1852. Str. 33—34) ея заглавіе и слѣдующій о ней отзывъ: „Изъ обращенія къ зонлу, помѣщеннаго въ концѣ, видно, что авторъ былъ слугою покой-

ника, а изъ описанія герба оказывается ²¹, что онъ жилъ въ Нижней Вилкѣ. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ жизнь достойнаго князя, описанную просто, безъ всякихъ прикрасъ. Профессоръ О. Ф. Вержбовскій описалъ „Плать“ съ внѣшней стороны въ III томѣ своей „Польской Библиографіи“ (см. Bibliographia Polonica XV ac XVI sa. Volumen III. Varsoviae 1894, p. 170—171, № 2768). Въ настоящее время мы издаемъ цѣликомъ этотъ памятникъ по экземпляру библиотеки ординаціи графовъ Красинскихъ, снабдивъ его необходимыми комментаріями, объясненіемъ рѣдкихъ словъ и послѣсловіемъ, въ которомъ выяснено значеніе памятника для южнорусской исторіи XVI вѣка и намѣчены вопросы, возникающіе при его изученіи.

²¹ Не точно; слѣдовало сказать: „изъ даты подъ посвященіемъ „Плать“ князю Вилковскому“.

Epicedion.

noibeio (K)

Epicedion.

To iest.

Żałobny wiersz o zacnym a wieczney pamięci godnym
Książęciu Michale Wisniewieckim, Kaszthelanie Kijewskim,
Cerkaskim, Kaniewskim, Lubeckim, Staroscie. Tudziesz o
nobożności żywotha iego Krześciańskiego, y około dziel-
ności w pewnych pothrzebach z nieprzyiacielem w pań-
stwie J. K. M. y w Moskiewskiey ziemi z niebezpieczeń-
stwem zdrowia swego, który w oyczyźnie swoiey na
zamku Wisniewieckim mając lath wieku swego 55 ¹⁾, dług
powinny Panu Bogu swemu, pietnastego dnia Oktobra, s
Poniedziałku na Wtorek ²⁾, w Roku od narodzenia Kry-
stusa Pana 1584, zapłacił.

DO CZYTELNIKA.

Różni byli co ludziom, to widzieć podali,
Jeden pisał, a drudzy druku pilnowali
Ukrocić sie nie zdało, przydać pogotowiu,
W rozumie swym niech pływa, każdy iest w przysłowiu.

5 Jednak to istna prawda, co sie tu pisało,
A iesliby co komu, inaczey sie zdało.
Wspomni że łatwiey ganić, niżli nasładować,
Y niepodobna wazytkim wobec sie podobać,

Piękne ciało piękne iest, By dobrze nie była

10 Piękna suknia, co ciało by przyozdobiła.

1) Wzrostъ уооппаго князя показывается, что онъ родился въ 1529 г.

2) Изъ указанія, что 15-ое октября приходилось въ понедѣльникъ, — вид-
но, что авторъ считалъ по новому стилю; 15-е октября стараго стиля прихо-
дилось въ 1584 г. въ четвергъ. Значитъ, кн. Михаилъ Александровичъ сконча-
лся 5/15 октября 1584 г. Погребенъ онъ былъ, какъ извѣстно, въ Кіево-Пе-
черской Лаврѣ. См. Максимовичъ, Собраніе сочин., т. II, Кіевъ, 1877, стр. 231.

Komu wina nie sstawa, ryby z wodą warzy,
Nie każdemu Maronem, byó sie zawždy zdarzy.
Owa dosyć kto wprzod chciał, że w pul kresu stanie,
Y tuó nie waszytko waszytkim, podoba się Panie.

(str. 2).

Wždy lepiej

- 15 Wždy lepiej że ói przedsię, w Polszcze sie nayduią,
Ktorzy onych ludzi sprawy, swiatu pokazuią.
Niżli żeby przygany, chroniąc sie w pisaniu,
Cnoty ich niewdzięczności, zostały w mniemaniu.
Pewnaó to iest że iako, lekarstwo choremu,
20 Tak prawdę udaó trzeba, wieku ninieyszemu.
Gdyż iako sepsowany, w potrawach żołądek,
Tak braku w rzeczach nie ma skażony rozsądek.
Jednak sie tym nie gorszyó, a pomnieć to przyjdzie,
Ze iako trawa z Wiosną, prawda s czasem wnidzie.
25 Ktorą trudno potłumió, bo ma ostro rogi,
Y żywot długowieczny, y bieg wichronogi.

M.

W.

K.

K.

S.

L.

(Мѣсто изображенія герба князей Вишневецкихъ. Вокругъ герба
буквы: М. W. K. K. S. L., что значить: Михаилъ Вишневецкій,
каштелянъ Кіевскій, староста Любецкій).

Na Herby
Sławney a Wieczney
pamięci godnego, Wielmożnego Książ-
ęcia Michała Wisniewieckiego, Kasztelana zie-
mie Kijowskiej, Czerkaskiego, Kaniowskiego,
y Lubeckiego Starosty.

Zacna rzecz iest, z zacnych być przodków narodzonym,
A zacnością narodu, zdawna oslachcionym.

Szczęśliwym tu na świecie, takiego mianuią,
Rozmaite tytuły, iemu przypisuią.

5 Do czego gdy majątność, Krezusa przystąpi,
Nie lada kto s nim zrowna, każdy mu ustąpi.

Lecz zacnieysza to iscie, męstwem dobrej sławy,
Dzielnością, tu nabywać, cnotliwemi sprawy.

A do przodków zacności s swoiey też ochoty,
10 S pilnością usiłować, o wieczne kleynoty.

Nie tak własney iak więcey, Pospoliteyrzeczy
Służąc, którą Rycerski, człowiek ma na pieczy.

Nie żalując tu dla niey rozlicznych trudności
Podiąć, gardło utraćć nad to majątności.

15 Za takiemić postępki, Herby rozdawano.

Ktore w tym być czułymi, rzeczam doznawano.

Na znak męstwa, dzielności, y uczciwey sprawy,

Wyrażając to wszystko, iako obraz prawy.

Ktory acz sam nie mowi, lecz to znamionuie,

20 Co w Koronnym synaczk, rzeczą tu znayduie.

W tymći się przed tym naszy, przodkowie kochali,

Za bogactwa oyczyzną, synom zostawiali,

Dając tym znać, że sława, jest lepsza niż złoto,
Względem ktorey wszystko jest, proch a szczerze błoto
(str. 4). Ukazując
25 Ukazując im drogę, przykład dobrej sławy,
Ktorey każdy dostąpi, przez uczołowe sprawy.

Tymci torem Książęta, poszły Winiowieckie,
Tym gościńcem Książęta poszły też Zbaraskie.
Ktorem za Herb trzy krzyże, Miesiąc z Gwiazdą dano,
30 Zaczne sprawy, postęпки, ich tym wyrażono.
Zwłaszcza dzielność Rycerską, męstwo, stałą wiarę,
Za łaskawą fortuną, chowając w niej miarę.
Ktore iako noc ciemną, Miesiąc zwykły oświecać,
Tak po dziśdzień są jasne, musi każdy zeznać.
35 Zeznać musi Tatarzyn, plugawy Moskwićin,
Kto tego jest niewiadom, zeznać to i Turczyn.
Których rada, moc, siła, za Rożą pomocą,
W niwecz się obracała, tak we dnie jak nocą.
A choć się też kuśili, zawsze szwank odniesli,
40 Nie jednego do hordy, bez dusze poniesli.
Częstokroć nieprzyjaciół, kusząc szczęścia swego,
By pociechę z korzyścią, odniósł, szukał tego.
Lecz z sromotą odchodził, będąc odpędzony.
Mężnością będąc wsparty, odwracał zagony.
45 A równie iako zwierzę, od gniazda swojego,
Jadowicie odgania, sobie przeciwnego.
Ktoremu się z pilnością, ze wszech stron sprędiwi,
Chocia czasem z innymi, nie równo być widzi.
Tak y oni od granic, oyczyzny swej sławney,
50 Odganiłi pohańców, z zwykłości swej dawney.
Którą zawsze statecznie, szcyrze pokazali:
A nieprzyjacielowi, pociechy nie dali.
Potężnie go z oyczystych, krajów wypędzając,
Ze się ich strzegł na potym, iako bębna Zając.

55 Wręby zasie wrodzoną, dzielność, cnotę męstwo
Szczыrość, znaczą, układność, ku waszem dobrodziejstwo.
Ktore w tym zacnym domu, nigdy nie ustanie,
Tylko ich w dobrym zdrowiu, zachoway nasz Panie.

(str. 5).

Jabłko

Jabłko s trąbą nie tu nam, nie znaczą inazego;
60 Jedno iż oni poszli, s domu tak zacnego.
S Korybuta sławnego, ktory opanował,
Sławne Czechy, y onym, statecznie krolował.
Dobyl państwa Morawy, inszyoh ziem niemało,
Za łaskawą fortuna, snadnie to bywało.
65 Ktora mu tak służyła, miłość waszech zyednała,
Krolow, Panow, y inych, tak sie w nim kochała.
Czego znaki są iawne, bo Pogonia nośił,
Znać że ten nieprzyiaciół, częstokroć przepłoszył.
Ta Pogonia Krolowi, Witultu służyła,
70 A za swoją dzielnością, Czechow dostąpiła.
Gdzie dośó zacnych postępkow, meźnie dokazował,
Czemu sie Zygmunt Cesarz, ze strachem dziwował.
Zayżrząc mu szczęścia tego, że Pogonia iego,
Wrychle przyszła ku sławie, za czasu onego.
75 Ktora iako na ten czas, wszędzie sławna była,
Tak po dziś dzień iey dzielność po swiecie słynęła.
Przez potomkow postępki, ktorzy ią wkrzeszali,
Pola, czasu pogody, nigdy nie zaspali.
Staraiąc sie s pilnością, iakby ią w całości,
80 Oddali też swym dziatkom, znak sławy dzielności.

S tego oni zacnego, przodka narodzeni,
A zacnością narodu, będąc oslachceni.
Do zacności domowey, niemało przydali
Za ucziwe postępki, sławy oney dostali.
85 Ktora po wszech narodziech iuż dawno zabrzmiała,
Y póki tey maszyny, ta rzecz będzie trwała.
Sławne sprawy, postępki, męstwo, wysławiaiąc,
Głosem trąby, na przykład, wszystkim ogłaszaiąc.
O szczęśliwe potomstwo, ktore takie dziady,

- 90 Rodzice masz, y sacne, bierzess s nich przykłady
Nie ohłubiąc sie cudzymi, lecz własnymi sprawy,
Ktore s nich pokazuiesz, iak potomek prawy.

(str. 6).

Fortunni

- Fortunni też rodzicy, którym Pan Bog takie
Dziatki dawa, skąd płyną, pociechy wszelakie.
95 Ze sie pilnie staraia, o sławę ucziwia,
Ktorey więcey niż skarbom, tu na swiecie służą.
Jakie dziatki tym daie, ktorzy wolą iego
Pełnią, a w swoich sprawach, garną się do niego,
Przeto zacne potomstwo, sławnego Hetmana,
100 Nasladuy stop dzielności, Oycy swego Pana.
A po bożey boyazni, miey na dobrej pieczy,
Zebyś zawždy służyło Pospoliteyrzeczy.
Przykład bierz z przodkow zacnych, y oycy zesłego,
Ktory tu sławy dostał, imienia wiecznego.
105 W całosci to zachowuy, prosząc Boga swego,
Zebyó w tym błogosławił, a dał przyśó do tego.

Wielmożney Paniey Jey Miłości Księżnie Michalowej Winiwieckiey, Kaszthelanowey Kijewskiey, Czerkaskiey, Kaniewskiey, Lubieckiey Starościniey: Księżnie Halazce Zienowictownie ¹⁾, Paniey Paniey moiey Miłościwey, łaski y pokoju ze wszelakimi pocieszani od Boga Oycy, przez Pana naszego Jezusa Krystusa uprzejm tyczyć etc.

¹⁾ Въ юні мѣсяці 1903 года въ газетѣ „Новое Время“ помѣщено бы слѣдующее письмо въ редакцію: „Въ № 9787 „Новаго Времени“ сообщаетъ что сербскіе князья и аристократія погибли въ теченіе 400-лѣтняго турецкаго вѣка въ борьбѣ съ турками или разсѣлялись по другимъ странамъ, потерявъ сознаніе о своей первоначальной народности. Не лишено интереса тотъ фактъ, что древнѣйшій сербскій родъ Деспотовъ-Зеновичей существуетъ по настоящее время въ Россіи. Происхожденіе этой фамиліи слѣдующи Сербскій царь Стефанъ Душанъ, принявъ въ 1346 году титулъ императора греческаго, сталъ заводить у себя византійскіе порядки, раздѣлялъ государство на нѣсколько деспотій и назначалъ въ нихъ правителями своихъ родственниковъ. Во Влахию и Эопію съ городомъ Зеново былъ правителемъ братъ Стефана, Симеонъ. Послѣ смерти Стефана деспотіи стали самостоятельными удѣльными княжествами, а наследники Стефана остались лишь при номинальной власти и правили Сербіей съ 1406 года, нося титулъ деспота, который и удерживается до самаго паденія Сербіи.

Раздѣлившись на удѣльные княжества-деспотіи, сербы естественно могли выдержать побѣдимаго шествія турокъ. Тѣснымъ послѣднимъ, деспотъ Зеновъ съ сыномъ Юріемъ и съ шестьюстами всадниковъ въ концѣ XI столѣтія переходятъ въ Молдавію, оттуда къ польскому королю, а затѣмъ переселяется въ Литву. Витовтъ, во вниманіе къ заслугамъ деспота Юрія Зеновича или желая удержать его у себя, даритъ ему громадный помѣст на протяженіи болѣе 50-ти миль (дарственная грамота 1409 г. подлинникомъ до насъ не дошла, она упоминается въ духовномъ завѣщаніи Христофора Зеновича 1611 года, а затѣмъ въ ошмянскихъ земскихъ актахъ сохранила запись, что эта грамота была предъявлена въ подлинникъ въ 1626 г.)

Послѣ подареннаго Витовтомъ Юрію Зеновичу богатаго надѣла, къ началу XVII столѣтія еще болѣе возросшему, деспоты Зеновичи становятся Литвѣ одними изъ самыхъ влиятельныхъ вельможъ. Отряды Радзивилловъ Зеновичей составляютъ главный контингентъ войскъ Литвы. Представители этого рода въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ служатъ въ почетныхъ должностяхъ каштеляновъ, пословъ, воеводъ и пр., родятся со многими влиятельными родами, съ Радзивиллами, князьями Огнiewскими, Вишневецкими, и (дочь Юрія Деспота-Зеновича, прямого потомка перваго Юрія, вышла замуж за князя Михаила Вишневецкаго, дядю извѣстнаго въ исторіи Адама Вишневецкаго. Польскій король Михаилъ Корибутъ Вишневецкій былъ ее приномомъ по прямой линіи).

Gdy Pan Bog z wolej a przedziwnego przeyrzenia swego, Wielmożna a Miłościwa Księżno, Pani, Pani moja Miłościwa, nas rozmaitymi a nieznosnymi frasunkami y dziwnymi przypadkami karać a nawiedzać raczy. Tedy iscie nie okrom przyoczyny takowę frasunki y takie doległości na nas dopuszczać raczy, iedno aby doswiadszył a sprobował, tak iako złotarz w ogniu złota probuie y doswiadsza, ielibysmy ono karanie a ono nawiedzenie iego statecznym a dobrym umysłem, okrom wszelakiego szemrania, znosili a wyćirpieli. Jako o tym Apostoł święty przypomina do Hebreow, tymi słowy: Synu moy, nie wzgardzay kaźni Pańskiej, ani ustaway gdy od niego strofowan będziesz. Bo kogo Pan Bog miłuie, tego też karze, Bo iesli, prawi, statecznie kaźni Pańskie przyjmiecie, thedy sie theż wam Bog właśnie, iako synom, ofiaruie: Bo cożby to był za syn, ktoregoby Ociec nie karał, bo iesli bez karania iestescie, tedyście nie własni synowie iego. Przykład mamy piękny takiego karania a doswiadszenia Pańskiego, w onym cnotliwym a świętego żywota w Jobie, ktorego Bog dziwnie a rozmaicie szukając, a doswiadszając w nim uprzejmę ciřpliwości a stateczności, karać, nie tylko na miłych dziateczkach, na maietności od nieprzyziaciela rozszarpaney

(str. 8).

a pobraney,

a pobraney, ale nakoniec y namego takimi ciężskimi niemocami pokarać raczył, iż od wirzchu głowy aż do pięty nożney mieysca

Въ XVIII вѣкѣ земельныя богатства рода Деспотовъ-Зеновичей, а имѣніа съ тѣмъ и его значеніе постепенно падаютъ. Послѣ раздѣла Польши одинъ изъ Деспотовъ-Зеновичей Михаилъ, минскій губернскій маршалъ, переходитъ на службу къ русскому правительству минскимъ губ. предводителемъ дворянства. Въ прошломъ столѣтіи представители этого рода, который занесенъ въ 6-ю часть дворянскихъ родословныхъ книгъ Виленской и Минской губерній, служатъ на разныхъ военныхъ и гражданскихъ должностяхъ. Изъ числа послѣднихъ выдвинулся, какъ администраторъ, бывшій няхтинскій градоначальникъ, а затѣмъ тобольскій губернаторъ А. II. Деспоть-Зеновичъ. За послѣднее столѣтіе Деспоты-Зеновичи растеряли почти всѣ свои имѣнія и изъ когда-то многочисленнаго рода осталось къ концу столѣтія лишь нѣсколько потомковъ мужского пола.

За время пятинаковаго исхода изъ Сербіи, представители этого рода некогда не забывали о своемъ происхожденіи, доказательствомъ чему служатъ многочисленные родовые документы, находящіеся въ настоящее время на рукахъ у одного изъ послѣднихъ представителей фамиліи Деспотовъ-Зеновичей.

nie było zdrowego. Coż: Y azasz co przykrego, azasz co bluźnierkiego szemrząc przediw Bogu on pobożny Job mówił, y owasem tho wszystko od Pana swego przyjmując rzekł: Pan był dał, Pan też zaś wziął, niechayże będzie błogosławione imię iego. Y mowi dalej: Yżę w tym wszystkim nie zgrzeszył Job, ani też nie nieprzystoynego przeciw Bogu mówił. Czemużbyśmy też y my, Miłościwa Księżno, wzorem a przykładem onego pobożnego a świętego człowieka Joba, wszelkie a rozmaite karania od Pana Boga przyjmować statecznym sercem nie mieli, gdyż on iako Ociec łaskawy obchodzi sie z nami iako z dziećkami swemi, a one karania, a ony frasunki, czasu swego miłościwie a łaskawie y szczodrobliwie nagrodzić będzie raczył, tak iako nagrodzić raczył onę stateczną cierpliwość Jobowi pobożnemu. Mamy jeszcze drugi przykład wielkiej a przedziwnej stałości, w onym Abraamie przyjacielu a miłośniku Bożym, kthoremu Bog, doświadczając a szukając w nim stałości a uprzejmego posłuszeństwa, rozkazał iżeby syna, którego też tylko w starości swej iednego miał, iemu ku ofierze zarządził. Coż, y azasz sie Abraam z thego Panu iedynakiem wymówić chciał? Ale patrz iż z wielką chęcią pokazując w tym posłuszeństwo Panu swemu, syna swego związanego y już na drwa włożonego, zarazem zarzewawszy spalić ku ofierze Bogu samemu chciał. Y uczyniłby to był, gdyby go Pan Bog przez Anyoła swego od tego nie odwiódł, z wielką wdzięcznością onę chęć a ono posłuszeństwo Abraamowe przyjąwszy, powiedział: Przez samego siebie przysiągłem, żeś uczynił rzecz tę nie folgując synowi swemu, błogosławiąc ubłogosławie cie, a rozmnażając rozmnożę nasienie twoie.

Przeto ile Bog co wybranych, tu mowie nas, czymkolwiek nie-trefnym nawiedza a karać raczy, tedy nie dla czego innego, iakom wyszszey powiedział, to czyni, iedno iżeby statecznej cierpliwości w nas doznał y doświadczyl. Thuć

(str. 9).

Bog wy-

Bóg wybrane a miłośniki swoje rozmaicie doświadczając karze y dziwnie nawiedza a niewierników y niebożników a bluźnierców y niemilosiernych y tu y na onym swiecie karać będzie raczył. Azasz tego sami na oko nie widzimy, Miłościwa Księżno, iako Pan Bog własnie z swoimi wybranymi a onymi miłośnikami swemi obchodzić się raczył, niech sie też także obchodzi y z waszą, Wielmożnością moją Miłościwą Panią, nawiedzawszy takim złem y takim frasunkiem w dzisiejszym W. W. Raczy też W. W. doświadczać a próbować. Jesli-

był też W. W. wzorem a przykładem onych przyjaciół a miłośników Bożych, ony frasunki a ony nawiedzenia, także stale y tak statecznie znosił a wycirpieć raczyła. Nawiedził raczył taką wielką żalością iako Pan W. W. wzięwszy z tego świata sławney a świętoy panięci Księżę, Małżonka W. W. wiecącego a namilszego przyjaciół. On iako Bog sam był raczył przejrzeć wprzód w święty stan małżeński tak zacnego, pobożnego, dobrego, a wszystkich onot krześcijańskich pełnego: A zasię onż sam iako Pan onż Małżeństwo które był złączył spoił a syednoczył raczył, rozdwoił zasię y rozłączył raczył, skąd żalosość prawie serdeczną znosił a ćirpieć raczysz. Ale obeyrzawszy się zasię Miłościwa Księżno na Pana Boga, przypatrzywszy się też pilnie wszechmocności a woli iego, który wszechmocnością swoją czyni co iedno chce y raczy. Yż theżtho nie czyia insza wola, ale wola samego onego iedynego Boga, który wziął raczył z tego świata Księżę, Małżonka W. W. A ponieważ na to wola samego Pana Boga iest, raczże się W. W. Miłościwa Pani wedle wolei a chcenia iego w tej tak wielkiej a ciężkiej żalości przypuszczywać na wolą iego świętą y tak się zachować, o którą y w oney Modlitwie Pańskiej na każdy dzień prosimy aby się zawsze działa nad nami. Także też y z onym Jobem świętym: Pan dał Pan wziął, niechayże imię iego błogosławione będzie. Widzimy sami dobrze, Miłościwa Księżno, iż Książęciu Panu swemu zesłemu takim ciężkim lamentem y płaczem nie pomoc nie możemy, iuż go takim żalonym płaczem wzbudzić

(str. 10).

nie możemy

nie możemy. Jako ono piękny przykład mamy w onym Dawidzie Krolu, Yż gdy mu czasu iednego srodze syn zachorzał był, usiadł na ziemi w prochu, y w grubym odzieniu pościł nie iadł Bogu się modlił, a to czynił przez siedm dni, słudzy iego przednieyszy odwodząc go od tak ciężkiej żalości podnieść go od ziemi chcieli, lecz on nie chciał. Ale gdy się iuż był o pewney śmierci syna swego dowiedział, wstał a umył się, szaty Krolewskie wdziawszy, szedł modlił się do domu Pańskiego, a potym iadł. Czemu się pilnie słudzy iego dziwowali, którym Dawid rzekł: Póki dziecko żywo było pościłem, y płakałem, bom tak myślił, aza się Bog zmiłuje nademną że będzie żywo. A teraz gdy iuż umarło, na co mi ten post? Przypatrz się tu, Miłościwa Księżno, Dawidowi, który ieszcze za żywota swe-

go dziecięcia, w wielkiej pokorze siedząc w prochu, Bogu się modlił o zdrowie syna swego, nie jadł ani pił. A skoro dziecię umarło odmienił y szaty y posty, gdyż już umarłego ku żywotowi pierwszemu trudno przywieść miał. Racząc się też W. W. Miłościwa Księżno w tym takim żalu obyczajem krześciańskim krześciańskie zachować. Aczół boz tego być nie może, iżby się człowiek od żalności y od płaczu zadzierżyć miał, zwłaszcza widząc już na marach leżącego milego Małzonka swego, wszakoż miarę y kres pismo święte nam w tym pokazało, iżbyśmy Pogańskim obyczajem umarłych swoich nie oplakiwali. Jako nam pisze Syrach: Synu, wylewaj łzy nad umarłym, a żaluy iakobyś miał co naprzykrzszego ścierpieć, a podług zwyczajui umarłych przykry ciało jego, ani odwłaczay pogrzebu jego, żaluy s ciężkoscia, a wzbudzay płacz łzami gorącymi, a żaluy go wedle godności jego, a to dzień albo dwa, potym się ciesz abyś siebie złożył frasunek. Y mowi dalej: Pomni na to, iż się wrocić nie może, a ktemu iż mu nic nie pomożesz, iedno się sam ufrasujesz. Otoż to, Miłościwa Księżno, dosyć dostatecznie pokazuje Syrach, iako się mamy z umarłymi swymi obchodzić. Przeto, Miłościwa Księżno, zachowuiąc obyczaj taki w takowej żalności y w smutku, obyczaj nam pismo świę-

(str. 11).

te pokazuje,

te pokazuje, wszystko na wolę milego Boga wkładając, ścierpliwie to cżym nawiedzić raczył zność, ponieważ że też on Bog wszechmocny takimi dary świętymi y baczeniem takim W. W. ozdobił y obdarzył raczył, że dawszy rozumowi miejsce, a przypatruwszy się też słowu Pańskiemu, którego W. W. ustawnie słuchać raczysz, wedle niego w tedy żalności swcy zachować y rządzić, a Pan Bog który iest samym Bogiem pocieszenia iako Ociec miłosierny, takie frasunki, takie żalności z niewymownego miłosierdzia swego nagrodzić y pocieszyć będzie raczył. Masz się czym z łaski Bożej już w takiej żalności cieszyć, Miłościwa Pani, a zwłaszcza iż otho Pan Bog z miłosierdzia swego wielkiego dać W. W. raczył najmilsze dzieciętki, który własny a żywy obraz zesłego Książęcia Małzonka W. W. tudziesz przed oczyma W. W. chodzą. Azasz to mała pociecha W. W. byś też W. W. y na własnego Książęcia zesłego patrzyć miała. A nawięcey Miłościwa Księżno jego Miłości Książęcia Alexandra, którego Pan Bog w tych

młodych lecich iego takimi dary y takim baczeniem z łaski swey ozdobić raczył, że on iako iasna świeca domu waszytkiego zacnego, y w ziemiach cudzych sławnego domu Wiszniowieckiego, wedle zacnych przodków swych świecił y słynał będzie. Y da Pan Bog, że tego ieszcze doczekamy, że będzie mieć z niego w czasie zacnego senatora, ieszcze on Bog Wszechmocny oko swe miłościwe ma na dom Wisniewiecki, że iako y przed thym thak y teraz kwitnał będzie. Aczci nam Pan Bog tego domu umnieyszywszy, y zacne Senatory wierne a prawdziwe Rzeczypospolitey miłośniki pobrać raczył. Acz y tho nie okrom przyczyny. Bo widząc Pan Bog takie niewdzięczności, albo Monarchy albo iego Senathory zasie ich odbierać raczy. Ale nadzieia w nim iako w Panu a Oycu miłosiernym, że iako raczył domu tak zacnego dziś umnieyszyć, iż tak zasię z thychże latorosleczek iako y przed tym rościł a rozmnożył raczy. Niechże, Miłościwa Księżno, Bog sam który iest Bogiem pocieszenia y nadzieie dobrej, Niech W. W. w takiey dzisieyszey żalosci teraz y za-

(str. 12).

wsze pocie-

wsze pocieszycielem y obrońcą będzie za moją acz niegodną modlitwą y prośbą, tego W. W. Miłościwa Księżno, od iego świętey miłości iako y naniszszy służebnik mieć życzę, Miłościwa Księżno, na pamięć onego dobrodzieystwa, ktorego w domu W. W. y po dziś dzień używam. A za tho za łaską W. W. mych miłościwych Panow złożyłem kilkadziesiąt wirszow, przypominając nimi zacnego a świętey pamięci Pana a dobrodzieia swego Miłościwego zeszłego, acz nie Homerusowym ani Wirgiliuszowym wirszem, lecz z prosthego dowcipu moiego, kthore podawam W. W. swey Miłościwey Paniey, prosząc aby W. W. tę pracę moję iakokolwiek od naniszczego sługi swego za wdzięczne przyjąć raczyła. Pisan w Nizniey Bilce ¹⁾, dnia pirwszego Januaria, Roku 1585.

1) Нижняя Билка, нынѣ—Малая Бѣлка, селеніе Кременецкаго уѣзда. По ревизіи 1583 года, въ числѣ имѣній князя Михаила Вишневецкаго показано селеніе Билка съ 5 домохозяевами и съ 4 огородинками (по принятому г. Яблоновскимъ счету—46 душъ об. пола), но нельзя опредѣлить, нынѣ ли тутъ въ виду Верхняя (Большая) или Нижняя (Малая) Бѣлка. См. Жг. дз. т. XIX, отд. 2, стр. 182.

(Str. 18).

Epicedion.

ALBO WIRSZ ŻAŁOBNY.

- Nyech uóichnie Lutnia twa, wdzięczny Apolinie,
Y słodko brzmiące struny, twoie Amphionie.
Nyech uóichnie Cytara, wesole spiewanie,
Wirsz moy teraz wspomina, żaloso narzekania.
- 5 Odmiennosć przypomina, swiata omylnego,
A iak fata ruszaią, z osobna kazdego.
Jak radosne pociechy, w żal się obracaią,
Tak żalosne przypadki, na nas przypadaią.
Rozmaite wesela, iedni używaią,
- 10 Drudzy zaś w prochu siedząc, smutnie narzekaią.
Dziś iedni zdrowo chodzą, aż ich iutro niosą,
Takóci śmierć nieużyta, siecze zdradnie kosa.
Owa ten swiat zdradliwie, obchodzi się s nami,
A pewnego mieszkania, tu na nim nie mamy.
- 15 Własnie tak iako goście, albo komornicy,
Gdy się nam ruszyć każą, musim iść nędznicy.
Więc na zacne osoby, respektu nie maiąc,
Waszytkich rowno krom braku, sobie poważaiąc.
Jak przemożne Monarchy, tak zacne Książęta,
- 20 Ubogie y bogate, y sławne Panięta.
Ach nieopłakana śmierć, Książęcia zacnego,
Rycerza przesławnego, a Męża wielkiego,
Ktoremu tu śmierć sroga, sfolgować nie chciała,
Yżby by był dłużey s nami, nam tego zayrzała.
- 25 Ach nieszczęsnyś to czas był, żalosna godzina,
Gdy w uszoch naszych taka, zabrzmiała nowina
O zesciu s swiata tego, Książęcia zacnego,

Nierząco Pana lecz Ojca, waszem dobrotliwego.
Zasnął iuż w sen wieczny, Rycerzu przemożny,
30 Któryś nieprzyjacielom, bywał zawsze groźny.

(str. 14).

Twoja mę-

Twoja mętna osoba, wszystkim strach dawała
Wielkości nieprzyjaciół, nic sie nie lękała.
Nie straszny był Moskwićin, ni Turczyn zawoiem,
Ni waleczny Tatarzyn, srogim krwawym boiem.
35 A teraz iako cię śmierć, arodze scholdowała,
Nam żalosość, sobie triumph, wieczny udzialała.
Ach iakosz sie od płaczu, oko zdzierzeć może,
Acz to pewna iż tym iuż, namniey nie pomoże.
Lecz dobrodzieia swego, gdy wspomni zeszlego,
40 Trudno zapłakać nie ma, s serca uprzejmego.
Odmieńcie szaty iasne, złotem haftowane,
Przykrycie sukmem czarnym, sciany malowane.
Oto Bog nam wziąć raczył, Rycerza dzielnego,
A Rzeczypospolitey, Senatora cnego.
45 Patrziesz sławni Rycerze, tey zacney Korony,
Jako nam Pan Bog bierze, zacne Senatory.
Poddnieprska ukraina, dziś osiročiała,
Yż dzielnego Hetmana, swego postradała.
Ycie nie bez przyczyny, Pan Bog nas tak karze,
50 Ze oto bierze od nas, zacne Dygnitarze.
Szczyttem prawie był wszytkiey, iscie ukrainie,
Możesz iuż dobrze pomnić, y ty Tatarzynie.
Zawsze czynnym Rycerstwem, temu dogadzając,
Jako psy iadowite, z granic odganiając.
55 Już dziś ony ozdobne, pola kurhanami.
Własnie iak slične niebo, iasnemi gwiazdami.
Po ktorych sie częstokroć, za Tatary gonil,
A swoią ostrą szablą, z Rycerstwem swym gromił,
Gdy z Rusi plony gnali, więźnie odeymował,
60 A niebezpieczność zdrowia, za nie ofiarował,
Y tych patrz iak smutnymi, dziś sie wszytkim zdali,
Rzecz pewna gdyby głos był, iżeby płakały.

Książęcia tego przodek, rodzinu zacnego,
Ydzie od dawnych czasow, s Księstwa Litowskiego.
65 Zaone plemię onego, Korybuta onego ¹⁾,
Ktory za swą dzielnością, przyszedł był do tego.

(str. 15).

Będąc obra-

Będąc obranym Krolem, Czechom rozkaszował ²⁾,
Rzeczpospolitą z wielką, czunością sprawował.
Bo Zygmunta Cesarza, wypędził z Morawy,
70 Szeroko w Księstwie Śląskim, wojował dzierżawy.
Wrocław, Bitum, wypalił, tak harde Niemczyki, Oderwane
Ukrocił, że y Cezarz, musiał zmylić szyki. Niemce od
Burzył Księstwo Łusackie, ze wszemi włościami, Czechow
Powtore zasię skarł, harde Wrocławiany. Korybut
75 Yż posłuszni Monarchy, swego być nie chcieli, Karał.
Czechow swych odstąpiwszy, k Cesarzu przystali.
Od tegoto Monarchy, Książąt Wisniewieckich,
Idzie iedną linią, także dom Zbaraskich.
Jako z iednego szczepu, wdzięczne latorosli,
80 S tego zacnego domu, Książęta ty poszli.
Ktorych nam, Panie Boże, zachoway w całości,
Skrzydły swemi możnymi, broń ich z wysokości.

¹⁾ Князь Корибутъ-Дмитрій Ольгердовичъ княжилъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ до 1393 года; былъ живъ еще въ 1404 г. Въ „Хроникѣ“ Стрыйковскаго (1582 г.) и въ „Гербѣхъ“ Папроцкаго (1584 г.) впервые записано преданіе, будто отъ этого Корибута черезъ сына его Ѳеодора Корибутовича происходятъ князья Вишневецкіе, Збаражскіе и другіе родственники имъ князья фачинзіи. Новѣйшіе ученые (Стадницкій, Стецкій, Бонецкій, Вольтъ, Яблоновскій) доказали, что преданіе это—ошибочно, и что Вишневецкихъ и прочихъ ихъ родичей гораздо правильнѣе считать потомками русскихъ волинскихъ князей изъ дома Владимира Святого.

²⁾ Участникомъ гуситскихъ войнъ и правителемъ Чехіи—въ 1422 г. по уполномочію Витовта, а съ 1424 по 1427 г. по приглашенію чеховъ, былъ Сигизмундъ Корибутовичъ, старшій братъ мнимаго родоначальника князей Вишневецкихъ Ѳеодора Корибутовича; въ 1435 г. онъ погибъ въ сраженіи подъ Вилькомпромъ, защищая дѣло Свидригайла. Подробности о его дѣятельности въ Чехіи см. въ сочиненіи г. Барбашева: Витовтъ, послѣдніе двадцать лѣтъ княженія. Спб. 1891. Стр. 125—178.

- A iakoż Panie z woley a przeyrzenia swego,
Racyleś dziś umnieyszyć, domu tak zaonego,
85 Aby nam szli ku gorze, iak drzewa buynego,
Idą wdzięczne odrosli, szcżepu oliwnego,
Tak zasię racz rozmnożyć, z miłosierdzia swego,
Jakoś Abrama rozmnożył, miłośnika twego.
To zacne zeszło Książę, s przyrzeczenia Bożego,
90 Małżonkę miał zacnością, y domem sławnego,
Irzego Zienowicza, Rycerza wielkiego,
Na dworze Krolow zacnych, dzielnością znaczego.
Ktorego y podziśdzień, Węgrzy wspominają,
Jego Rycerskie dzieie, w swych Kronikach mają.
95 Przy onym zacnym Krolu, Ianuszu Węgierskim ¹⁾,
Iscie meżnym statecznym, y sercem Rycerskim,
Krwawił Turkom zawoie, odnosił zwycięstwo,
To sie mu z łaski Bożey, przytrafiało często.
Ta zacna święta Pani, s serca uprzejmego,
100 Zachowuiąc przystoynść, Małżeństwa świętego,
Nadewszytko Małżonka, swego miłowała,
Cześć powinna Małżeńską, iemu wyrządzała,

(str. 16).

Wsze cnoty

- Wsze cnoty Krześciańskie, przed oczyma mając,
Inszym paniam onotliwym, przykład s siebie dając.
105 Prawie sam Bog sprawcą był, Małżeństwa onego,
Bo ten nadroszszy kleynot, w rękach u Samego.
Yż bogactw, majątności, spadkiem dochodzimy,

¹⁾ „Янушъ Венгерскій“, обыкновенно называемый Янъ Гуниади,—былъ собственно не королемъ, а правителемъ Венгрии по случаю малолѣтства короля Владислава II. Онъ родился около 1387 г. въ Гуниади въ семьѣ румынскаго происхожденія, а скончался въ Землинѣ 11 сентября 1456 г. Подняги во время войнъ съ турками сдѣлали его венгерскимъ народнымъ героемъ. Сынъ его Матвій Корвинъ былъ съ 1458 по 1490 г. королемъ венгерскимъ. Подробности объ административной и военной дѣятельности Яна Гуниади можно найти въ сочиненіи Гайслера: *Dzieje Węgiei w zarysie*, Tom II, Warsz. 1900, str. 122—149.

- Ktore po rodzicach swych, bliskością bierzemy,
Lecz onotliwa małżonka, od Pana samego,
110 Ten ią daie każdemu, wedle zdania swego.
Dziateczki ku cści Bogu, spłodziła nadobne,
Zeszłemu małżonkowi, we wszystkim podobne.
Wesołymi oczyma, na nie poglądając,
Osobliwą pociechę, sobie zawsze mając.
115 Nuż też ona pobożność, żywota świętego,
Wiara w Boga, miłością, szcziwą do bliźniego.
Statecznie to chowając, co raz na krzcie slubił,
Krześcijańskie tu żywac, Bogu sie polubił.
O niewymownym Bostwie, ni pytał sie dwornie,
120 Przystoynność wiary świętey, zachowując wiernie.
Pobożnymi uczynki, wiary potwierdzając,
Na ono święte pismo, pilnie pamiętając.
Yż wiara bez uczynkow, iak przez dusze cialo,
Prożna nieużyteczna, pomocy s niey mało.
125 Bo iako szcżep wspaniały, owoc wdzięczny rodzi,
Tak też z wiary onotliwey, uczynek pochodzi.
A iak wiarą do Boga, żywotem onotliwym,
Tak przeciw niedostatnim, bywał szcżodrobliwym.
Na ubogie zgłodzone, pilne oko mając,
130 Potrzebami, żywnością, wszystki opatrząc.
On wszystkim szcżodrobliwą, ręką swego chleba,
Dawał y opatrował, co było potrzeba.
Więc też wszyscy do niego, zewsząd sie garnęli,
Nawet y cudzoziemcy, widzieć go pragnęli.
135 Y Rycerstwo do niego, ze wszech stron płynęło,
Bo o nim w cudzych Państwach, szYROKO słynęło.
Pełno go w Turcech, w Hordzie, pełna go y Moskwa,
Tak twoja, cny Rycerzu, sława sie rozniosła.

(str. 17).

W sąsiedztwie.

- W sąsiedztwie się też s każdym, zachował przystoynie,
140 Nie roskwilił nikogo, był na swym spokojnie.
Nie pragnął onotliwy Pan, zagonu cudzego,
A ożasem dla nieznosek, ustępował swego.

Sacząliwymi się zawsze, tacy powiadali,

Co za onym Książęciem, o między siadali.

145 Żaden nie był od niego, ni w czym ukrywdzony,

Siedział każdy bezpiecznie, sobie s każdej strony.

Chwalebne dzieie tego, Książęcia zacnego,

A k Rzeczypospolitey, zachowanie iego.

Strudnaby znad^z pioro me, w to potrafić miało,

150 Yteby dostatecznie, wszystko wypisało.

Bo co sie tknie z osobna, Pospolitey Rzeczy,

Ktorą prawie z młodych lat, miał na dobrej pieczy,

Służąc wiarą y prawdą, y z wielką czuynościa,

Garłem, statkiem, krwią swoją, także maietnościa.

155 Chuć przeważna młodych lat, dzielność w nim zniczała,

A Marsowa też szabla, próżnować nie dała.

Ledwie w dwudziestym piątym, Roku wieku swego, ¹⁾

Gdy się udał myślą swą, do pola dzikiego.

Aby z nieprzyjacielem, skusił szczęścia swego,

160 Jakoż była napirwsza, to wyprawa iego.

Sławie swey niesmiertelney, więcej dogadzaiąc,

Chęć Rzeczypospolitey, sobie poważaiać.

Gdy tak z Rycerstwem swoim, w pustych polach leżał,

Szukaiać nieprzyjaciela, iedził nie próżnował.

165 Jakoż go w tym Fortuna, nie nie omyliła,

Bo straż ufiec niemały, Tatar obaczyła.

Wielki dwor Dowletkirey ²⁾, Cara Prekopskiego,

Nad którymi Satkurey, mąż serca wielkiego.

Gdy na ohutkich Hromakoch, bucznie wyjeżdżnia,

170 Naszych iuz obaczywszy, k bitwie wyzywaia.

Książę widzi Tatarzyn, potkać się gotowy,

Piękną rzecz k swym uczynił, aoz krotkimi słowy.

¹⁾ На основании этого указания можно определить, что битва с Татарами на берегу р. Хорол у Княдешовой могилы, описанная в стихах 151—214, происходила в 1554 году.

²⁾ Девлет-Герай I правил в Крыму 27 лет - с 1551 до 1577 года. См. Смирновъ, Крымское Ханство, Спб. 1887, стр. 428.

„Ysiehy sie wielkości, Tatarskiey nie bali,
Owszem by szczęścia swego, z nimi skorostowali,

(str. 18).

Gdyż cza-

- 175 Gdyż czasem mało ważą, woyska niezliczone,
Bo w niesprawie od małych, łatwie porażone.
Po dziesięćkroć sto tysięcy, Xerxes woyska swego,
Miał, gdy mocą wtargnąć chciał, do państwa greckiego.
Jako w on czas Monarcha, on mężny szfankował,
180 Straciwszy marnie woysko, sam ledwie ubiegał.
Trzydzieści tysięcy woyska, ledwie Greków było,
Patrzcież iak wielkie woyska, Perskie poraziło.
Upadną iak Xerxowe, dziś Tatarskie mocy,
Jedno z nas każdy nie wąpi, iuż w Bożey pomocy.
185 Widzę tu z was każdego, chętnego do potkania,
Przeto iuż w imie Pańskie, okrom rozmyślenia.
Uderzmy w harcuiące, mężnie Besurmany,
Ktorzy widzim iż lekce, ważą Krześciany.
A sławy niesmiertelność, z nas każdy odniesie ¹⁾,
190 Która choć s tych dzikich pol, wszędzie sie rozniesie".
Tatarzy zwyczajem swym, iuż rozszykowani,
Gotowe w rękach łuki, z ostrymi strzałami.
Dawszy potym szurmą znak, pewny do potkania,
„Hala, Hala“, wołaią, wszyscy bez przestania.
195 Książę s swoim Rycerstwem, żarko k nim skoczyli,
Mężnie s Tatarskim woyskiem, tam bitwę stoczyli.
Sieką się dosyć mężnie, z obu stron szablami,
Drudzy s koni spychaią, Tatar oszczepami.
Trwa bitwa czas niemaly, a Bog Krześcianom,
200 Pomógł, że sie szyk zmienił, srogim Besurmanom.
Biegaią iuż bez sprawy, w pole rozgromieni,
Naszy zaś smiele znowu, wnet sie zetrą s nimi.

1) Ср. въ думѣ объ Иванѣ Коновчѣнкѣ слова Корсунскаго полководца Флаона: „Идите со мною... за віру христіанскую одностайно стати, будемоъ рыцарской славы доставити"... См. Кіев. Стар. 1898, т. 40, стр. 114.

- Nie ieden tam Hyrawiec, z Bachmata szałony,
Leży srodze na głowę, z woyskiem porażony.
205 Bog znak iasny pokazał, zacnemu Książęciu,
Yż sie nie nie omylił, na swym przedsięwzięciu.
Krwawili tam szable swe, w srogiey krwi Tatarskiej,
Tatarzyn w ten czas dzielności, doznał Wisniewieckiej.
Tamże Książę z Rycerstwem tryumf otrzymali,
210 Zacznych więźniow na ten czas, niemało dostali.

(str. 19).

Taka zacna

- Taka zacna potrzeba, która y dziś słynie,
Działo sie tam gdzie Chorol, w szYROKI Dniepr płynie ¹⁾,
Nad wyniosłym kurhanem, nazwan Kildeszowa,
Gdzie sie Tatarska y dziś, ieszcze wala głowa.
215 Rzymianie pospolicie, obyczaj miewali,
Nigdy Rycerstwu swemu, proźniować nie dali.
Chocia spokojni byli, z nikim nie walczyli,
Przed sie w rzeczach Rycerskich, młodość swą ćwiczyli.
To szyki rozmaite, w polu sprawowali,
220 Bystre konie chybkością, prętko osiadali.
Jak do szanćow, iak szturm, do boiu wstępno,
Jak też nieprzyiaciela, podeysć potężnego.
A też własne Hetmany, dzielne swe miewali,
Hetmanow cudzoziemcow, nie potrzebowali.
225 Tymże kształtem przy Dworze, Książęcia zacnego,
Bywały też zabawy, ludu Rycerskiego.
Yż sie nigdy proźnością, sprośną nie bawili,
Lecz w Rzemiesle Rycerskim młodość swą ćwiczyli.
Na swych rączych Hromakoch, strzelając połońcem,
230 Jak sie czasu potrzeby, wręcz potkać z Pohańcem.
Jak przy kennych szykować, piesze z rusznicami,
Jak na nieprzyiaciela, zmierzyć oszczepami.
A też za łaską Bożą, Rycerza dzielnego,

¹⁾ Авторъ ошибочно считаетъ р. Хоролъ притокомъ Днѣпра; на самомъ дѣлѣ р. Хоролъ впадаетъ въ р. Псіолъ.

Nalazł na ukrainie, s ćwiczenia takiego.

- 235 Więć też chęci osobne, do pola miewali,
 Polem więcey niż domem, wiek swoy zabawiali.
 Szukający Pohańcow, po polach szыроких,
 Pilne straży trzymając, s kurhanow wysokich,
 Wszyscy sie niesmiertelney, slawy dobijając,
 240 Siły nieprzyiacielskie, lekoe poważając.
 Leżąc w Polu, s trefunku, Turki obaczыli,
 Gdy Białogrodskim Polem ¹⁾, swoy oboz toczyli.
 Tam Dwor Kniазia Romana, Sanguska ²⁾ onego,
 Leżał tuż nie daleko, od mieysca tamtego.
 245 Wnet sie z Dworem złączyli, Książęcia zesznego,
 Tamże zgodnie obrali, wnet sprawcę iednego

(str. 20).

Ostafieia

Ostafieia dzielnego, Kniазia Rużynskiego ³⁾,

¹⁾ Бѣлгородское Поле—степь, прилегающая къ Днѣпровскому лиману, на берегу котораго расположенъ былъ г. Бѣлгородъ, нынѣшній г. Аккерманъ. Станиславъ Жолкѣвскій писалъ отъ 20 октября 1599 г. канцлеру Яну Замойскому о развѣдкахъ посланнаго имъ въ степи Вѣлецкаго такъ: „Poszt-rzjchował wszjchkie szlaki, we wszjchkie dolinij nazwał, poszawszj od Teligoli, bѣł na Koczubieleu, na Karagasku, na Berijbuyny, przeciw Tehyni, do samego morza wszjchko pole Białogrodzkie skrzył, ludzi nigdziej nienalazł“. См. Listy Stanisława Żółkiewskiego. W Krakowie 1868. Str. 94.

²⁾ Князь Романъ Федоровичъ Сангушко—съ іюня 1557 года староста Житомирскій, съ марта 1566 г. воевода Брацлавскій, съ февраля 1567 г. гетманъ полный Литовскій, съ мая 1569 г. гетманъ надворный Литовскій,—умеръ въ молодыхъ лѣтахъ 12 мая 1571 года; вотъ почему нашъ авторъ вспоминаетъ о немъ, какъ о покойникѣ (x dworem... Książęcia zesznego). См. Józefa Wolffa, Książowie litewsko-ruscy, Warsz. 1895, str. 433—434.

³⁾ Князь Евстафій Ивановичъ Ружинскій былъ живъ еще 1 января 1585 г., ко да авторъ писалъ предисловіе къ своей позмѣ. Онъ скончался въ 1587 г. Евстафій Ружинскій былъ женатъ на Богданѣ Олизаръ-Волчковичъ. Онъ продалъ свои наслѣдственные имѣнія въ Ружинѣ, Твориничахъ и Коломиѣ Владимирскаго повѣта и сыновья его являются владѣльцами только материнскихъ имѣній въ Павлочи и Коростышовѣ нынѣшней Кіевской губ. См. ibid. стр. 416. Стихи 246 и 247 помогаютъ намъ объяснить, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать иногда преданія о томъ, что тотъ, или другой южнорусскій князь былъ гетманомъ низовыхъ козаковъ: они бывали подобно Евстафію Ружинскому предводителями козакующихъ собратій—князей, и ихъ ополченій.

Jak sercem tak urodą, y serca wielkiego.

A temu po posłuszeństwo, wasycy przyrzekali,

260 Za tym bez omieszkania, na straż rozesłali.

Straż przybieży iż Turcy, hromaki siodłaią,

Bo dobrze czuć po rosie, strzemiony brząkaia.

Prawie sie ma k switanu, zapala sie zorza,

Dzien też wychodzić počął, z głębokiego morza.

265 Bogu modły oddawszy, na konie wsiadaia,

Lekuchno sie z mieysa swoich, iuż w sprawie ruszaia.

Gdy prawie przysli pod bok, nieprzyiacielowi,

Na waszytkim iak k potrzebie, iuż będąc gotowi,

Turcy też iuż w sprawie swej, z mieysca sie ruszaia,

260 Kalawurow iak zwykli, przodkiem posylnia.

Naszy k nim poleguczku, przedsię postępuia,

Sprawie oney Tureckiej, pilnie przypatruia,

S kitayki rozmaitey, proporce sie chwieia,

A na surmach żalowie, dumi wygrawia¹⁾.

¹⁾ Стихи 261--264: „Пологомыку наши двигаются впередъ, тщательно наблюдаясь въ турецкій строй; нются надъ ними значки изъ разноцвѣтной нитки, а на сурмахъ наигрываютъ они жалобныя думы“. Здѣсь мы имѣемъ свидѣтельство объ исполненіи южнорусскихъ думъ, на два года болѣе раннее, чѣмъ извѣстное свидѣтельство Станислава Сарницкаго въ его *Анналахъ*, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1587 г., гдѣ говорится: „Per idem tempus (1506) duo Straii fratres, adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis oppressi occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quae *Dumas Russi* vocant, canuntur, voce lugubri, et gesta canentium se in utramque partem motantium—, id, quod canitur, exprimentes; quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit“ (см. Stanislas Sarnicil *Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Litvanorum. Libri octo. Anno Domini MDLXXXVII. Pag. 379*). Этими живыми описаніемъ вступленія южнорусскихъ князей въ бой съ турками рѣшается вопросъ, въ какой средѣ и при какой обстановкѣ творились и распѣвались первоначально южнорусскія думы. Оказывается, что П. А. Куляшъ былъ глубоко правъ, говоря, что воинскія думы—„сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старшии, а не безоружными слѣпцами“; что послѣднимъ „принадлежать, можетъ быть, только думы собственно поучительныя; но воинскія думы уже одною обстоятельностью описаній битвъ, переправъ и всѣхъ операцій войны показываютъ, что онѣ

265 Na wzniosłym sie kurohanie, Turcy pokazali,
 Naszy trąbą ogromną, k potkaniu znak dali.
 Skoczą żartko do siebie, mężnie sie potkaią,
 Turcy długie kopije, na naszych składaią,
 Naszy z rusznię y z łukow, Turkow nagrzewaią,

вышли из души, сильно волновавшейся при зрелищѣ этихъ явленій" (см. Записки о южной Руси, т. I, Спб. 1856, стр. 193). Изувѣченные въ бояхъ юнны, становясь калѣками, негодными къ воинскому дѣлу, конечно, нерѣдко попадали, при неимѣніи средствъ къ жизни, вмѣстѣ съ прибрѣденными сѣнцами въ разрядъ нищей братіи, питающейся милостынею, и воспользовались своимъ умѣніемъ пѣть думы, какъ средствомъ привлечь сочувствіе благотворителей къ своей жалкой участи и вызвать ихъ на болѣе щедрыя подаванія. Обыкновеннымъ „старцамъ“, чтобы не лишиться милостыни, оставалось только перенять у искалѣченныхъ воиновъ ихъ искусство. Такимъ путемъ проникли думы изъ „сословіе калѣкъ и убогихъ“. Но несомнѣнно, что „иниціатива въ созданіи думъ“, вопреки мнѣнію П. И. Житецкаго, принадлежала не „старцамъ“, а именно участникамъ походовъ на басурмановъ и жаркихъ съ ними битвъ, скорѣе всего самымъ южнорусскимъ князьямъ, водившимъ польско-русскія ополченія на борьбу съ неугнѣнными врагами Креста Господня. Теорія П. И. Житецкаго можетъ быть принята только для объясненія нѣкоторыхъ моментовъ въ исторіи дальнѣйшей переработки думъ и примѣненія разъ выработанныхъ эпическихъ образовъ и оборотовъ рѣчи къ изображенію вновь нарождающихся событій. См. Киев. Старина 1892, т. 39, стр. 218—231, ст. П. И. Житецкаго: Теорія и принципы народныхъ малорусскихъ думъ. Любопытно, что въ думахъ, записанныхъ въ XIX вѣкѣ, сохранились слова, употребленные въ стихахъ 263 и 264: *kitauka*, *prorogose*, *virshu*. Напримѣръ, въ думѣ о побѣдѣ трехъ братьевъ изъ Азова средній братъ „изъ своего жупана чернову та жовту китауку (о жупанѣ можно было сказать, что онъ пошитъ *kitauki roztaitcy*) выдырає“ и разбрасываетъ доскутня вдоль дороги, чтобы указать направленіе пути оставленному меньшому брату; „ой у городи у Черкаси сурьмы засурьмыли“—такъ начинается дума о походѣ Сверчовскаго въ Волющину; „у суремки жалибно (въ нашемъ текстѣ: *żalobnie*) выхвалали“, когда хоронили Федора Безроднаго; надъ нимъ насыпали высокую могилу „и прапирокъ у головахъ устроили“. См. Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова. Т. I, Киевъ 1874, стр. 116, 159, 249 и 255. Корсунскій полковникъ Филонъ послалъ „асаулонъ“ скликать козаковъ, „червоныи праперки у руки дававъ; асаули по улицяхъ пробигали, червоныи праперки у рукахъ проношали“. См. Метляйскаго, Народныя южнорусскія пѣсни, Киевъ 1854, стр. 414.

- 270 Z obu stron już pod kołmi, trupy się walaia.
Krzyku dosyć po polu, Echo głos roztacza,
Buczną Turczyn w zwycięstwie, już iakoś rozpacza.
Wsparci będąc od naszych, nazad postępuia,
Naszy za nimi śmieie, prąc ich następuia.
- 275 Szablami się już sieką, a z rusznic strzelaią,
Z łaski Botey już naszy, Turkom odpieraią.
Wsparci będąc od naszych, już tył podawaią,
Turkom z głowy od szabel, zawoie lataia.
Tak pogromieni Turcy, bieżą k Białogrodu,
280 Gdzie kto może wpław ¹⁾ z koniem, ohocia chybi brodu.
Po tak zacney potrzebie, ledwo co wytnęli,
Alić się uff Tatarski, z za kurhana wali,

(str. 21).

Głosem Ta-

- Głosem Tatarskim zwykłym, okrzyk uczynili,
Naszy nie wiedząc o nich, nieco się strwożyli.
- 285 Ale iże gotowe, konie w rękach mieli,
Prętką potrzebę bacząc, na nie powsiadali.
Widząc na się lud świeży, sami spracowani,
Przed się ochotni byli, bić się z Bisurmany,
Potym sercem iednakim, pohańcow potkaią,
- 290 Owi z łukow a naszy, z rusznic zaś pukaią,
Kurzy się proch ku niebu, gęste lecą strzały,
Nie ieden się przez dusze, iuże z konia wali.
Z obu stron tam nie mała, szkoda w ludziech była,
Bo Fortuna iednako, stronom tam służyła.
- 295 Tatarowie wielkością, naszych przechadzaią,
Wsparci naszy od Tatar, nazad uchadzaią.
Rozgromieni od Tatar, tył iuże podaią,
A drudzy się iak mogą, ieszcze opieraią.
Nieszczęśliwa potrzeba, w ten czas naszych była,
- 300 Nieszczęśliwa godzina, w ten czas się trafiła.
Wszakże więcey Tatarow, na placu zostało,
Naszych obronną ręką, wždy uszło nie mało.

¹⁾ Подразумывается: вплавь через р. Днѣстръ.

- Nie dziw czasem iż dzielny, Rycerz też szwankuie,
Tak sie z ludźmi odmienna, Fortuna sprawuie.
806 Szkanenberg ¹⁾ dzielny Rycerz, ono Książę zacne
Jakie zwycięstwa miewał, nad Turkami znaczne.
Często s Turkow pobitych, sławnie tryumfował,
Czasem on też wielki mąż, z Rycerstwem sfankował,
Także on przesławny Krol, Władysław Węgierski,
310 Ktorego sie mooy bał, Amurat Turecki.
Jedennasobie bitew miał, wygranych nad Turki,
Ktore s Tracyey pędził, iak do iamy szcurki.
Iżby sie do Azyey, nazad powracali,
Cudzych Państw mocą zdradą, by nie posiadali.
315 Dwunasty kroć u Warny, stoczył bitwę s nimi,
Patrz iako sie zdracliwie, s czasem szczęście mieni.
Dość nieszczęsna na ten czas, s Turki bitwa była,
Bo krola przesławnego, tam garła zbawiła.

(str. 22).

Kto na ko-

- Kto na koniu ten s konia, czasem upaść musi,
320 Szwanknie y Boater, co iż wygra tuszy.
Snadź na swiecie takiego, mym zdaniem nie było,
Ktoregoby przeciwne, szczęście nie ruszyło.
Gdy Grekowie do Troiey, woyska gotowali,
By ony despekty swe, Troianom oddali,
325 Tam w młodym Achillesie, chęć zbroie wzniecała,
Bo sie takich despektow, oyczyzny mścić chciała.
Takasz własnie w Książęciu, chęć sie pokazała,
By oyczyzna despektow, żadnych nie ćirpiała.
Co kazdemu przystoi, synu cnotliwemu,

¹⁾ Скандербергъ, собственно Георгій Кастриото,—албанскій народный герой въ борьбѣ съ турками, род. въ 1404 г., сконч. въ 1466 г. Въ 1549 году вышла въ Брестъ-Литовскомъ на польскомъ языкѣ книга: *Historia o żywocie y zacnych sprawach Jerzego Kastyota, ktorego pospolicie Szkanderbegiem zową, Książęcia Epreńskiego*, na trzynastie ksiąg rozdzielona, napisana od Maryna Barlecyusza. Przydane są ktemu o oblężeniu y dobywaniu Szkodry księgi troje. Z łacińskiego języka na polski przełożone przez Cypryana Bazylka. См. Wierzbowski, *Bibliographia polonica*, Vol. II, 1891, pag. 124, № 1450.

- 330 Krzywd cierpieć nie dopuścić, gniazdu oyczySTEMu.
Gdy Krol August osobą, był swą u Pospola,
Gdzie woyska niezliczone, pokrywały Pola ¹⁾,
By hardego ukrocił, Mistra Iflanckiego,
Y pomścił sie despektu, nad nim nieznosnego,
- 335 Nie omieszkał czuyny Pan, ku takiej potrzebie,
Zwłaszcza przy samey znaczney, Krolewskiej osobie.
Tam swoy poczet kosztowny, okazał Krolowi,
Osoby, konie, zbroie, przy którym gotowi,
Służąc wiarą y prawdą, krwią swą pieczętując,
- 340 Dla Rzeczypospolitey, wszystko podeymniąc.
Tam się potym z obozu, ruszył Krolewskiego,
Chcąc sie myśli wywiedzieć, Mistrza Iflanckiego.
Wnet po ziemi Iflanckiej, rozpuścił zagony,
Alio więźnie prowadzi, harde Niemce ony.
- 345 Których na znak posług swych, Krolowi oddawał,
Co Krol isćcie za wdzięczne, od nich przyjmował.
Takoi dzielnością swoją, y męstwem wrodzonym,
Będąc prawie Krolowi, dobrze zasłużonym,
Został zacnym starostą, tam na ukrainie, ²⁾
- 350 Gdzie sławny Borystenes, k morskim brzegom plynie.
Bo też takiego zawsze, pragnie ukraina,
• Drapieżnego w sąsiedztwie, mając Tatarzyna.
Aby iey nie dopuścił, tak srodze plundrować,
Wszystki niebezpieczności, sobą zastępować.

(str. 23).

Tam po-

- 355 Tam potrzeba nie mieszkając, wnet sie okazała,
Gdy sie woyska Tatarskiego, wielkość pokazała.

¹⁾ Это событие относится къ 1557 году. *Роспол* или *Розкол* — нѣмѣ селеніе Песнополь Поневѣжскаго уѣзда Ковенской губ. у почтовой дороги изъ г. Поневѣжа въ г. Баускѣ. См. Seweryna Gołębiowskiego, *Czasy Zygmunta Augusta*, Cz. I, Wilno 1861, str. 86.

²⁾ Князь Михаилъ Александровичъ былъ назначенъ старостой Черкасскимъ и Каневскимъ въ декабрѣ 1559 года, нѣтъ отъ роду 30 лѣтъ.

- Na polach Pozadnieprskich, tam na Pale ¹⁾ leżeli,
Wtargnąć w państwo Krolewskie, swoy zły umyśl mieli.
Podobno tak ożynego, starosty nie czuli,
360 Albo też tak nowego, lekce poważali.
Aleś sie nie pomału, omylił Pohanin,
Nie odniósł pociechy swej, srogi Besurmanin.
Bo Książę czując o nich, kazał sie gotować,
Sam sie wprzód pilnie poczył, przez Dniepr przeprować,
365 Potym Rycerstwo wszystko, które chętne było,
Jak do pewney potrzeby, wskok sie przeprowiło.
Tam na bezpiecznym miejscu, kosz swoy położyli,
Książę szpiegi rozesłał, aby sie wywiedzieli,
Gdzieby nieprzyjaciele, koszem swym leżeli,
370 Co za lud, co za sprawa, coby też działeli.
Abo iesliby sie też, z miejsca ruszyć mieli,
Straży aby Tatarskiey, pilnie szpiegowali.
A iż w ten czas języka, trudno dostać było,
Czekając wieści pewney, już sie im stęknęło.
375 Ale po małej chwili, straż k nim przybieżała,
Która pewne Tatary, na oko widziała.
Ktorzy sie już koszem swym, pewnie ruszyć mieli,
Bo szpiegowie Tatarski, język rozumieli.
Straż Książęca Tatarską, straż byli poymali,
380 Którą zaraz Książęciu, do kosza posłali.
S. których pilnie zrozumiał, woyska położenie,
O którym z naszych dziwne, wszech było mniemanie.
Trzysta Tatar było woyska, pewnie powiadali,
Acz z naszymi nie równo, wždy sie nie lękali.
385 Zwłaszcza widząc myśl dobrą. Hetmana swiego,
Jeden drugiemu serca, dodawał dobrego.
Rumiana w ten czas zorza, świecić poczynąła,
Mgły a nocne ciemności, światłem roztaczała.
Straż zaś druga znać daie, iż sie ruszają,
390 A drudzy na Bachmaty, już rączę wsiadają.

¹⁾ Писоль—рѣка въ нынѣшней Полтавской губерніи.

(str. 24).

A Książę

- A Książę z przedniejszymi, też swe rozprawuje,
Jak właśnie do potrzeby, porządnie szykuje.
Radzi tak, by Tatarzy, na koszu zastali,
Y każe by zarazem, z mieysca sie ruszali.
395 Postępując tym spieszniej, przida nad Tatarzy,
Aż sie k nim z lewey strony, ufiec Tatar wali.
Których zaraz iak Bog chce, łatwie pogromili,
A do kosza żadnego, s nich nie wypuścili.
Potym bieząc do kosza, okrzyk uczynili,
400 Tatarzy sie w sprawie swey, barzo potrwożyli.
Jedni na swe Bachmaty, spiesząc sie wsiadaia,
Mężnie wszyscy s Tatarzy, prętko sie potkaią.
Tamże wprzod Książę kredenc, swoim uczyniło,
Mężnie s konia oszczepem, Tatarzyna zbiło.
405 Drugim serca przybywa, widząc Pana swego,
Iż znak pirwszy uczynił, zwycięstwa pewnego.
Tym silniey iuż bezsprawnych, Tatarow wspieraia,
Widząc iż sprawce swego, iuż w woysku nie maią.
Rozgromieni Tatarzy, w komysze sie kryia,
410 Drudzy obronna ręką, uchodząc sie biją.
Naszy Rohatynami, goniać ich spychaia.
A drudzy po szelinach, kryjących łapaią.
O przystoina Książęciu tam pociecha była,
Gdy Tatarska tak wielka, szwankowała siła.
415 Więźniow, Bachmatow rączych, Tatarskich nabrali,
Sławę prawym zwycięstwem, wszyscy otrzymali.
Pułtora sta miał Książę, w ten czas ludu swego,
Którym mocy potłumił, pohanca srogiego.
Sochor ¹⁾ w ten czas Hetman był, mąż serca wielkiego,
420 Lecż Bog wniwecz obrocił, harde mocy iego.
Hanibal dzielny Hetman, sławny Kartagiński,
Częste maiąc od Razmian, w swym państwie ućiski,

¹⁾ Сохоръ—имя татарскаго предводителя.

Męźnie się im odpierał, woyska porażając,
A od Kartagińskiego, Państwa odganiasząc.

425 Bo mocą choć nie swoje, państwa posiadali,
Choć też żadney własności, na nie nie miewali.

(str. 25).

Tak Iwan

Tak Iwan Wazylewicz, a Książę Moskiewskie,
Niesłusznie przywłaszczając, dzierżawy Litewskie,
Ony udzielne Księstwa, co przedtym bywały,

430 Słusznym prawem ku Litwie, z dawna należały.

Mocą, zdradą, chytrością, Księstwu Litewskiemu.

S czego własni synowie serdecznie boleli,

Gdy matkę okrzywdzoną, tak barzo widzieli.

Ano drą y szarpaia, bez prawa żadnego,

435 Acz też ruszało Krola, s ożasem y samego.

Ale iż Krol cnotliwy, rad pokoy miłował,

Ktory y Polhańcow, w calości zachował,

Choćia częstokroć Państwa, jego plundrowali,

Ludzi, statki, maiętność, do Hord zabierali.

440 A coż z Krześcianinem, y owszem krwie jego,

Nie pragnął spokoyny Pan, do skonania swego.

Aleć też iuż nieznosne, krzywdy przynaglały,

Ktore snadź y do Boga, obłok rostaczały.

Wyprawiał iuż do Moskwy, częściej woyska swoje,

445 Ktore częste w Iflanciech, mieli z Moskwą boie.

Książę też Wisniewieckie, starosta Cerkaski,

Widząc co Tyran broi, wielki Książ Moskiewski,

Miluiąc s szczyrey chęci, tak Rzeczpospolitą,

Myślił posługę iaką, czynić znamienitą.

450 Nie folgując iak zdrowiu, tak y maiętności,

Zebrał swym kosztem własnym Agi Białogrodzkie,

Tatarskie przednie wodze, Sychorze, Bakaia,

S którymi Tatar ośm set, piękna woyska zgraia.

Swoich też miał cztery sta, ludu Rycerskiego,

455 Nie biorąc na to namniey, skarbu Krolewskiego.

Ciagnąc z ludem do Państwa, prosto Moskiewskiego,

Włości burząc szYROKO, Księstwa Siwierskiego.

Tamże pod Radochoszczem, ¹⁾ koszem sie położył,
A szkodliwy Moskwioin, barzo sobą trwożył.
460 Puścił potym Tatary y swoje w zagony,
Szablą, ogniem, okrutnie, burzą wszystkie strony.

(str. 26).

Na dwa-

Na dwadzieścia mil ziemie, w ten czas splundrowali,
Radochoszcza samego, mężnie dobywali.
Dobyszy Radochoszcza, do gruntu spalili,
465 Z więźniami y s korzyścią, nazad sie wroćili.
Day. Boże by synowie, tacy sie rodzili,
Ktorzyby tak cnotliwie, matce swey służyli,
Wszey Rzeczypospolitey, na pieczy to mając,
Krzywd y wielkich despektow, cierpieć ie y nie dając.
470 Nie uniosła sprosna chciwość, Pana cnotliwego,
Więcey to poważając, co iest przystoynego,
Nawięcey niesmiertelney, sławie dogadzając,
Insze wszystkie pożytki, lekce poważając.
Też Rzeczypospolitey, we wszystkim dogodził,
475 Dla ktorey oyczyznę swą, wielokroć zawodził.
By potomni Krolowie, na to pamiętali,
Takie zacne posługi, łaską nagradzali.

¹⁾ Радогощ—древнее, известное по летописи съ XII в. (Ипат. 1155 г.) название нижняго Погара при р. Судости. Набѣгъ кн. М. А. Вишневецкаго на сѣверскую землю относится къ веснѣ 1563 года. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный повелѣлъ своему послу Андрею Федоровичу Клобукову доложить королю Сигизмунду Августу о набѣгѣ кн. Вишневецкаго въ слѣдующихъ словахъ: „Приходилъ на наши на Сѣверскіе мѣста къ Новогородку Сѣверскому ротмистръ твой князь Михайло Вишневецкой съ литовскими людьми и съ черкасцы каневскими и съ бѣлгородскими татари, да наши Сѣверскіе мѣста воевали, и села и деревни жгли, и людей въ полонъ имали, и животы ихъ поимали. И наши люди князя Михайла громили, и людей у него многихъ побили и языки многие поимали; и изъ тѣхъ языковъ послали есмь къ тебѣ брату своему князь Михайлова Вишневецкаго коморника Богданка, и ты его самъ выпросишь уздаешь, которымиъ обычаемъ князь Михайло Вишневецкой на наши Сѣверскіе мѣста приходилъ“. См. Сборн. Импер. рус. ист. общ. т. 71, Спб. 1892, стр. 152.

- Zniewalał dobrodzieystwy, Pohańca srogięgo,
 Zachowując w przedni czas, sobie przyjaźń jego.
 480 Leś trudna s nimi zgoda, nietrwale braterstwo,
 Po zgodzie prędko swoje, pokazał loterstwo.
 Nie długo trwa zaścęta, przyjaźń dobra s nimi,
 Prętko sie Pan Tatara, w swym słowie odmieni.
 Bierze znówu a łupi, nie dba pobratyna,
 485 Owa iako mogący, żywi sie chudzina.
 Rudasz ¹⁾ on Białogrodzki, z drugimi Agami,
 Będąc w tutecznych Państwach, dobrymi wodzami.
 Z niemalymi woyskami, ludu przebranego,
 Wtargnęli w Księstwa Ruskie, kraiu Podolskiego.
 490 W którym szkody niezmierne, ludziom podziałali,
 A z niemalą korzyścią, do hord sie wracali.
 Książęca straż postrzegszy, Książęciu znać dali,
 Iże w polu pewnego, Pohańca widzieli,
 Skradaiąc sie po Polu, ięzyka szukali,
 495 Podobno y Cerkasom, coś zbroić dumali.
 Przez kilkanaście człeka, iednak ułapili,
 Ktorych do swego kosza, spiesznie prowadzili.

(str. 27).

Książę nie

- Książę nie nie mieszkając, uda sie za nimi,
 Ktorzy kosz położyli, pod gory Piwakimi ²⁾.
 500 Naprzod szpiegi pod woysko, Tatarskie rozesał,

¹⁾ Рудашъ— имя татарскаго вождя.

²⁾ Пивскія Горы, чаще Пивская Гора или просто Пива—крутая возвышенность на лѣвомъ берегу р. Днѣпра у нынѣшняго г. Градишска Кременчугскаго у. Полтавской губ. Съ конца XV вѣка здѣсь былъ „уходъ“ Киевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря для ловли бобровъ и рыбы. Права монастыря на него подтвердилъ черкасскій намістникъ Евстафій Дашковичъ грамотою приблизительно 1590 года. См. Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 2, стр. 11, № 4. Во второй половинѣ XVI в. на Пивской горѣ появляется монашеская обитель. См. ст. Матченка, Блишній Пивогорскій монастырь и нынѣшня кладбищная Николаевская церковь въ г. Градишскѣ Полтавской губ.—въ Полтав. епарх. вѣд. 1877, № 1, стр. 1—21.

- Owaby snadź ięzyka, iako przez nich dostał.
Wziąwszy sprawę przez więźnia, o Tatarskiej sprawie,
Poszedł chętnie z ludem swym, aż do kosza prawie.
Idąc s swymi rozmawiał, iak sie potkać radził,
505 Zatym porządnie uffce, w swym woysku rozsadził.
Potym swych upominał, by sie nie lękali,
Gdyż przed tym ludem małym, wielki porażali:
„Bo Bog, ktory pomaga, wiernie Krześcianom,
Pokrussy moc, uyrzycie, tym srogim Poganom.
510 Wielkością sie nie trwożcie, ludu Tatarskiego,
Da Bog, iże bić będziem, Pohańca srogiego.
Ulitujemy sie więźniow, srodze utrapionych,
A okrutnym Tatarskim, więzieniem znędzniionych“.¹⁾
A potym sie s mieysc swoich, społecznie ruszyli,
515 Maiąc znaki dobre, wygrana tuszyli.
Lucyper iuż przed zorzą, poczynął zachodzić,
A dzień iasny z nocnych chmur, rumiano wychodzić.
Tatarska straż iak skoro, naszych obaczyła,
„Gaur, Gaur“, wołaiąc, do kosza skoczyła.
520 A Książę tuż za nimi, spiesznie postępuje,
Rudasz swoich acz nie wczas, ku bitwi szykuie.
Jak ludziby Pohańcy, nad sobą nie czuli,
Bespiecznie sie iak w domu, sobie roskoszyli.
Książę swych upomina, obiedzaiąc wkoło,
525 A potym smiele krzycząc, sam skoczył na czoło,
Tam mężnie rohatyną, w Pohańca zawadził,
Zaraz duszę wypłoszył, y s konia wysadził.
Zatym w Tatary naszym, miężnie uderzyli,

¹⁾ „Сжаднися надъ невольниками“, говорить князь, „продаваемыми му-
жикъ и изнемогшими отъ ужаснаго татарскаго плѣна“. Вспоминимъ слѣдующіе
стихи въ малороссійской пѣснѣ „О разореніи села татарами“:

А въ долини бубны гудуть,
Бо на зарядъ людей вѣдуть:
Коло шны арканъ вьєцця,
И по ногахъ ланцухъ бьєцця.

См. Истор. пѣсни малор. народа, т. I, К. 1874, стр. 75.

Tatarzy widząc nieziart, wnet roino skoczyli.
530 Prętko konie łapiają, a drudzy się biją,
Potrwożywszy się srodze, to tam to sam wiją.
Rudasz krzyczy na swoje, co koni dostali,
Iżby męźnie Gaurom, z lukow odpirali.

(str. 28)

Swiszczące

Swiszczące strzały lecą, iak deszcz s każdej strony.
535 A naszym z łaski Bożej, dostaje obrony,
Zboku skoczą do Tatar, odgromią im konie.
Czym daley iuż Tatarom, schodzi na obronie,
Pohańcy od gęstych kul, z Bachmatow padaia.
A drudzy zaś w sprawie swej, sprośnie się mieszaia.
540 Tak z łaski Bożej naszej, Tatar rozgromili,
Rozgromionych po Polu, łapiają gonili.
A Rudasz gdzieś z drugimi, w łożynie się taia,
Ciemney nocy łotrowie, pod kłodą czekaia.
Więźniow dosyć, nie mało, mężow, żon z dziatkami,
545 Odgromił waszytek on plon, pospoł z dobyt看ami,
Tatar czterdzieści więźniow, w ten czas poimali,
Do zamku ¹⁾ powiazanych, iako bydło gnali,
Takoi to zacne Książę, wedle swej zwykłości,
Warący Rzeczpospolitą, z uprzejmey szczerości.
550 Dla ktorey zdrowie, statek, lekoe poważaiąc,
Swey sławie, niesmiertelney, pilnie dogadzaiać.
Jakoż s tego zwycięstwa, ktore sam Bog sprawił,
Dwadzieścia więźniow zaraz, do Grodna odprawil,
Znaki swych wiernych posług, tego potwirdzaiać.
555 Częste więźnie Krolowi, Augustu oddaiać.
Ale Krola Augusta, to nie ruszyło,
Gdy się taką posługę, nagrodzić godziło.
Jak y dziś Monarchowie, postronni dzialaia,
Dzielnym mężom posługi, zacnie nagradzaia.
560 Przykro órpieć sąsiada, a niespokoynego,

¹⁾ Подразумывается, очевидно, ближайшіи къ Пивскимъ горамъ Черкасскій замокъ.

Zwłaszcza wiarę ięzykiem, od innszych różnego,
Jako my tu poblisu, mając Tatarsyną,
Od ktorego skąd wiele, ćirpi ukraina
Bo nie orze nie sieie, nie myśli o żniwie,
565 Lupem a dobrym cudzym, zawsze łotras żywie.
Nie prożnuie, nie leży, spieczszyć się w zagony,
Dla korzyści nawiedza, rozmaite strony.
Polem więcey niż domem, zawsze się bawiący,
Gdzieby co wziąć urywczem, pilnie szpiegujący.

(str. 29).

Bakay, Te-

570 Bakay, Teles, Sywerbas ¹⁾, gdy w polu leżeli,
Na Cerkasy uderzyć, pilnie oko mieli.
Jakoż wżdy myśli swojey, dosyć uczynili,
A w zagony pod miasto, wszędzie rospuścili.
Ubespieczonych ludzi, pod Miastem pobrali,
575 Bydła y statki insze, niemałe zabrali.
A cżuiny Pan iuż pewną, sprawę o nich mając,
Wyprawił się w pogonią, s swymi nie mieszkając,
Upominając swoje, dość pięknymi słowy,
Iżby każdy z Pohańcem, był potkać gotowy.
580 Przekładając pocztliwość, sławy niesmiertelność,
A iż pewnie Bog s nami, przecż nam straszna wielkość.
A gdy ich na Cyhrynie, naszym dogonili,
Tam bitwę z Pohańcami, mężnie uczynili.
Wszyscy się tam dość mężnie, w ten czas potykali,
585 Serca ieden drugiemu, śmieie dodawali.
Tatarzy zwykłym tańcem, naszym naieżdżają,
Ktorem się z łaski Bożej, naszym opierają.
Naszy się s nimi zetrą, strzały iak grad lecą,
Książę wokoło ieżdżąc, ma o swoich pieczę.
590 Krzyczy: „Nuż teraz, dziećci, chęcią iednakową,
Każdy z was mężnym sercem, śmiałością gotową.
Patrzcie iako Pohańcy, iuż się teraz mieszaia,

¹⁾ Бакай, Телесъ, Сывербасъ—имена татарскихъ предводителей.

- Da Bog iż tu przed nami, namniey nie wakurają¹⁾.
A Bakay też z drugiem, swoich przyganiają,
595 Ktorzy znowu na naszych, pilnie nacieraia,
Krzyku dosyć z obu stron, szablami brząkaia,
Tatarzy gęste strzala, z łukow swych puszczają.
Gdy ich naszy ku Rzece ¹⁾, mężnie przypieraia,
Tatarowie przez Rzekę, uciekać dumają.
600 Naszy widząc Tatarow, na co chytrze godzą,
Przeto im też od Rzeki, ostrożnie zachodzą.
Tatary odskoczywszy, nieco z mieysca swego,
Wnet się zaś sprawią prętko, do uffu iednego.
Ytak się znowu mężnie, z naszymi potkaia,
605 Że z onych ostrych szabel, iskierki pierschaia.

(str. 30)

Tak się na

- Tak się na umor sieką, aż się już mieszaia,
Naszy rohatynami, s koni obalają.
Tatarzy rozgromieni, bieżą uciekają,
Naszy ich biją, sieką, a drugich łapaia.
610 Tamże on mężny Hetman, iako Rycerz prawy,
Odzierzał s swym rycerstwem, dank dla dzielney sprawy.
W iakiey zacney potrzebie, więźniow dosyć dostał,
Ktore tobie, Auguscie, ²⁾, zarazem odesłał.
Znak iasny pokazuiąc, swey wierney posługi,
615 Ktoreć prawdziwie czynił, iako Hektor drugi.
Y czynił iak przystało, do skonania swego,
Strzegąc pilnie kleynotu, sobie zwierzonego.
Często s srogim pohańcem, miewaiąc zabawy,
Wszey Rzeczypospolitey, iako ociec prawy.
620 S Tatary nad ktore świat, nie miał walecznieyszych,
Ani w bitwach Marsowych, nigdy potężnieyszych.

¹⁾ Rzeka—Тясьминъ, на берегу котораго происходила битва.

²⁾ Обращение къ королю польскому Сигизмунду-Августу, скончавшемуся 7 июля 1572 г. Изъ него видно, что сражение на урочищѣ „Чигиринъ“ происходило еще при жизни этого короля. Въ 1589 г. на упомянутомъ урочищѣ было построено укрѣпленіе. См. Жг. дз. т. XXII, 1897, стр. 86.

- Którzy możnych Rzymianow, mocy sie nie bali,
Choć na on czas wszystkiemu swiatu panowali.
Ostre strzały Książęciu, straszne nie bywały.
635 Gdy w dzikich polach z nimi, potrzeby bywały.
Y więźniow zawsze znacznych, zwycięstwem dostawał,
Jak na wszem dzielny Rycerz, nigdy nie próżnował.
Łaskawie go trzymało, szczęście na swym łonie,
Leć Bog w potrzebach wielkich, miał go w swej obronie.
630 Iż nigdy ukraina, nie żywie bez trwogi,
Którą często nawiedza, nieprzyjaciel srogi.
Bierze łupi plundruie, co sie mu nawinie,
Śmierć nie śmierć namniey nie dba, choć zarazem zginie.
Raradza ²⁾ w pięćset koni, przyszedł pod Cerkasy,
635 Tajemnymi miejscami, jesiennymi czasy.
Owa skrytymi ślady, Tatar swoich wodził,
W Miasto sie w nocy włomić, na to łotrąs godził.
Iż sie w dzień kuścić nie śmiał, przeto nocy czekał,
By tak śpiących bez żadney. pomocy powiązał.
640 A gdy już jasne słońce, światło twarz zakryło,
A Miesiąca w puł nieba, prawie widać było.

(str. 31)

Ludzie też

- Ludzie też przyrodzonym, snem uspokoiłoni,
Alić zagnała po Cerkwiach, uderzą we dzwony.
Wszyscy sie ze snu porwą, „gwałt, gwałt“ zawołają,
645 Tatarzy w ten czas ostrog, miejsca rozrzucają.
Książę czuiał taki huk, nie czekał zbroie,
Porwając sie prawie ze snu, upomina swoje,
Iżby żadną boiaźnią, sobą nie trwożyli,
Tatar sobak iżeby, z Miasta wypędzili.
650 Luna w ten czas słonecznym, promieniem świeciła,
Kiedy naszym z Pohańcem, taka trwoga była.
Tatarzy gęstą strzelbą, na naszych puszczaia,
S krzywych łukow swiszczące, ich strzały lataia.
Naszy też z długich rusznió, w Tatarzy pukaia,

¹⁾ Рарадза—имѣ татарскаго предводителя.

- 655 Tatarzy pędem wielkim, z Miasta uciekaia,
A Książę z ludźmi przyprze, z przewaiaą dzielnoia,
Przypiraiąc Tatarom, choó z niebespiecznoia.
Wygynani prętko z Miasta, k błoni uciekaia,
Drudzy strzały nawięzem, do Miasta puszczaia.
- 660 Tatarzy z wielkim wstydem, nazad ustąpili,
Nie wskurawszy nie w Miescie, z koszem sie rusyli.
Po kilku dni alió zaó, odwrot uczynili,
Znowu lepszego szczęcia, patrzyó umyslili.
Prawie w ten czas gdy sliczna, już wschodzila zorza,
- 665 Phebus też swoy złoty woz, toczyć poczał z morza,
Krzykną „Hala“ po Polu, k Miastu nacieraia,
A naszy do nich z Miasta, pospiesznie sie maia.
Skoczą do nich a mężnie, z nimi sie potkaia,
A długimi oszczepy, z koni obalaia.
- 670 Tatarzy gęstą strzelbą, naszych doieżdzaia,
Pieszy z rusznic ochotnie, w Tatary pukaia.
Lecą z koni Pohańcy, drudzy uciekaia,
Naszy gonió za nimi, w dłuszcze ich łapaia.
Dwadzieócia w ten czas więźniow, Tatarskich dostali,
- 675 Okrom tych co pobióci, na placu zostali.
Nigdy sie z łaski Bożej, Pohaniec nie cieszył,
Choó sie iak na wygraną, y pod Zamki spieszył.

(str. 32)

Zawsze mu-

- Zawsze musiał szfankować, z sromotą odchodzió,
Umiał snadnie czuyny Pan, we wszystko dogodzió.
- 680 Bo y Bakay tym strychem, patrzył szczęcia swego,
Zebral orszak niemały, ludu Tatarskiego.
W nocy miasto ubieżeó, przez mocne ostrogi,
Snadź sie w dzień kuóció nie smiał, nieprzyiaciel srogi.
Lecó y w nocy nie wskurał, bo fortyle iego,
- 685 Omylili we wszystkim, Pohańca chytrego.
Ledwo caó do Hordy, na rączy m ubiezał,
Y to w dzień gdzieś w zaległym, komyszu ulezał.
Fortyl przeciw fortylom, wynaydować musi,
Gdy kto czego fortylem, dostawaó sie kusi.

- 690 Tak się na przedsięwzięciu, pohanicy mylili,
Bo namniey nie wkurawszy, nasad się wroćili.
Iż drapieżny Tatarzyn, nigdy nie próżnuie,
W Polach leżąc, Podnieprakie, te kraie plondruie.
Czego często iak Moskwa, tak my doznawamy,
695 Ktorzy s nimi poblizu, w sąsiedztwie mieszkamy.
Nie walczą s Krześciany, o żadne wolności,
Pilnieysze oko mają, w cudze majątności.
Tak wolności iako my, iak żywi nie znają,
Więcey się dla korzyści, szablą zabawiają.
700 Prawieby to Pan Bog dał, z łaski Krześcianom,
Lżby też śilni byli, okrutnym Pohanom.
Jakożby k temu przyszli, gdzieby była zgoda,
Nie byłaby tak często, w zacnych państwach szkoda.
Gdyby zaś w Azyskie, kraie ich zagnali,
705 Gdzie pirwsze osiadłości, łotrowie mieswali.
Byłby już bezpiecznieyszy, ojciec z dziećmi swemi,
Nie kryłby po szelinach, y lasy gęstymi.
Widzimy iak się nędzni, oracze błakają,
Wygnań domy swoje, spustozzone mają.
710 Widzimy iako drugich, ómy prowadzą w dłuczczach.
Strudna się ma osiedzieć, y na pustych miejscach.
Rzadko dziś nędznik wythnie, srodze utrapiony,
Od srogiego Pohanca, ze wszego złupiony.

(str. 33).

Często to

- Często to Podolanie, Wołyńcy widają,
715 Często y Poddniepszanie, ucisk od nich mają.
Gdyby ktemu Bog nie dał, obrońców potężnych,
Tam w oney ukrainie, onych ludzi męźnych.
Ktorzy się wżdy Tatarskiej, mocy opierają,
Owych ostrych szypików, nic się nie lękają.
720 Snadźby Krakow y Poznań, często nawiedzali,
Gdyby się u krainy, im nie odpierali.
Ale iż zawsze o nich, pilnie słuchy mają,
Przeto im też bez wieści, tu wtargnąć nie dają.
A wtargnęli gdzie chytro, nie ujdą w całości,

- 765 Ze sie ono woyako ich, barzo potrwożyło.
Książę sarko s swoimi, Tatarow podkaią,
A Tatarzy po częci, iuż s woyaka pirschaią.
Bog naszym sere dodaie, Pohańcy bez sprawy,
Naszy ich sieką wiążą, krom długiey zabawy.
- 760 Nie długo tam s Pohańcem, argumentowali.
Bo szablą silogizmy, ich konkludowali.
Z łaski Bożey Pohaniec, srodze pogromiony,
Pełno trupow nad rzeką, leży s każdej strony.
Więźniowie sie do mieysc swych, w całości wrocili,
- 765 A Pohańcy harde swe, szyki pomylili.
Takim szczęściem obdarzył, Bog Książecia onego,
Że nigdy z łaski iego, szwanku tak wielkiego
Nie odniósł od Pohańcow, w tak gęstych potrzebach,
Ktorich dość często miewał, przy Podnieprskich brzegach.
- 770 Iak czynny Hetman pilnie, temu dogadzaiać,
Na sławy niesmiertelność, zawsze pamiętając.
Pilnuiaćy kleynotu, sobie zwierzonego,
Częstokroć odganiaiać, Pohańca srogiego.
Dawał też znać Krolowi, gdy w Polu leżeli,
- 775 Kiedy s wielką armatą, w Państwo wtargnąć mieli.
A nawięzają pilnością, przyszegaiąc tego,
Przymierza by nie wzruszał, s Czarmi przyiętego.
Y wielekroć do Czara, posły posyłaiać,
Na Kozaki Tatarskie, ty winy wkładając.
- 780 Ktorzy pokoy częstymi, wtarzkami wzruszaiać,
Przyczynę do wzruszenia, przymierza tym daiać.
Wspominaiać Kroyniki, dzieie Witultowe,
Jak duże Hordzie Tatarskie, poraził na głowę.
Nahayskich y Zawolskich, stąd Tatar do Litwy,
- 785 Przywiódł na znak zwycięstwa, oney sławney bitwy.

(str. 35).

A twych

A twych chwalebnych dzieiow, przeczby milczeń miała,
Gdy ręka twa Krolowi, więźnie oddawała.
Yście nie lada więźniow, ale Czarewiczow,
Czara Satmankiereia, synow y dziedzicow.

- 790 Galgę meśa wielkiego, Alapkiercia,
Brata iego młodszego, Solomethkiercia ¹⁾.
Nie lada upominkiem, pocścił Krola swego,
Których iako Pan bacźny, wdzięczny był od niego.
- 795 Godneś o zacne Książę, by na twardey stali,
Historyoy chwalebne, dzieie tve pisali.
Ktoeś czynił prawdziwie, s przeważney dzielności,
Wszezy Rzeczypospolitey z uprzejmey szczyrości.
Służąc y dogadzając, zdrowiem maiętnością,
800 Wiara, prawdą, y onotą, y wielką czuynością,
Czyniąc co należało, Hetmanu dzielnemu,
Nie dopuścić brać szarpać, Pohańcu srogiemu.
Nie kuśił sie tak często, Tatarzyniec srogi,
By swym zwykłym drapiestwem, czynił gdy chce szkody.
- 805 Zwłaszcza na ukrainie, czując potężnego,
Obronę y Hetmana, na wszytkim czuynego.
Starał sie też czuyny Pan, by hrodyszczą ony,
Ludźmi wszędzie godnymi, były osadzony. ²⁾
Gdzie przedtym żwierzom dzikim, legowiski byli,
810 Tatarzy tymisz slady, w to państwo wchodzili,
Osadził Miasto nowe, y między rzekami,
Korsonem od Greckiego, Miasta mianowany. ³⁾

¹⁾ См. выше, стр. 87—89.

²⁾ Князь Михаилъ Александровичъ въ этомъ случаѣ приводитъ въ исполненіе мысль, высказанную королевскими ревизорами, описывавшими Киевское воеводство въ 1571 г.: „Item *horodiszczs* w tem województwie Kijowskiem pustych jest bardzo wiele, które gdzieby były zabudowane, wielka obrona i bezpieczeństwo od nieprzyjaciół stała by się, nie tylko województwu kijowskiemu, ale i wszelkiej koronie Polskiej. Tych liczbę posyłamy przez towarzysza naszego pana Jana Bystrykowskiego, bo się wspólek z nami temu dobrze przypatrył, a on będzie umiał dać sprawę J. K. mości, które z nich są potrzebniejsze ku zabudowaniu.“ См. Жг. dz. t. XX, 1894, отд. 2, стр. 21.

³⁾ См. выше, стр. 8, прим. 4. Городъ Корсунъ на р. Роси упоминается въ древнерусскихъ лѣтописяхъ. Напр. въ княженіе въ Киевъ Гліба Юрьевича Половцы подошли и „сташа у Корсуни“ (Лавр. 1169 г. Ипат. 1173 г.); „далъ Рюрикъ Всеволоду 5 городовъ“—въ томъ числѣ Корсунъ (Ипат. 1195 г.). Вѣроятно, Корсунъ былъ основанъ первоначально Ярославомъ Мудрымъ, ко-

Gdyby Pan Bog przedłużył, ieszcze żywot iego,
Iscieby mało było, brodzącza pustego.

- 815 A wszystko ku pożytku, Pospolitey Rzeczy,
Ktorą nad wszystkie skarby, miał na lepezey pieczy,
Gdy sie z Moskiewskim Kniaziem, wojny zaczynały, ¹⁾
Ktore mu odpoczynać, choćby chciał nie dały.
Bo iaką miarą mierzył, tak sie też godziło,
820 Lżeby sie sowito, temu nagrodziło.
Starał sie wprzod Krol możny ²⁾, aby dostał swego,
Upominał częstokroć Tyranna srogięgo.

(str. 36).

Nie pra-

- Nie pragnąc krwi rozlania, nigdy Krześciańskiej,
A przez słuszeny przyczyny, nawet y Pogańskiej.
825 Ale uporny Tyran, zwierz nieukroczony,
Jako właśnie Pharaon, w złości zatwardzony,
Powinność Krześciańską, lekce poważając,
W onym swym przedsięwzięciu, a w uporze trwając,
Nie chcąc zgody y owszem, zawsze pragnął zbroie,
830 Lecz sie mu uprzykrzyły, potym częste boie.
Dziwnymi sie fortyłmi, do ugody mając,
A co był przedtym wydał, Litwie nie wracając.
Jakożby snadnie przywiódł, Krola do wszystkiego,
By to był wszystko czynił, s serca uprzejmęgo.
835 Leci harde serce ięgo, k temu przyść nie dało,
Co przedtym chytro wydał, wroćić sie nie chciało.
A poniewasz inaczej, iuż też być nie mogło,

торий, по свидѣтельству літописей, „поча ставити городы по Рѣсѣ“ (Лавр. и Ипат. 1062 г.) и названъ въ память таврическаго Корсуна, гдѣ, по преданію, отецъ Ярослава принялъ святое крещеніе („крещену Володимеру въ Корсунѣ“ — Ипат. 988 г.). Грамота Стефана Баторія о возобновленіи Корсуна на старомъ городищѣ помѣчена 8 февраля 1584 г. См. Арх. Юго-зап. Рос. ч. V, т. 1, стр. 540—541.

¹⁾ Подразумѣваются войны съ Московскимъ государствомъ, начатыя въ 1579 г. Стефаномъ Баторіемъ.

²⁾ Стефанъ Баторій.

- Tak uporu hardego, nie przemoc nie mogło.
Roskazał Krol plundrować, w Moskwie waszytki włości,
840 Nie gwałcąc tym nie prawa, ni sprawiedliwości.
Ze wszystkich stron zagony Moskwę przechodzili, ¹⁾
Ogniem szablą wszecz y wdłuż, okrutnie burzyli.
Książęta też Woiewoda, Konstantyn Ostrozkie,
A w iednym towarzystwie, Książę Wisniewieckie,
845 Maiąc trzy sta Tatarow, Hordy Białogrodzkiey,
Nad ktorými wodz starszy, był Aga Koszkieldey.
Potym Slachta Kijewska, także Owruczanie,
Ostrzanie y Homlanie, mężni podnieprzanie,
Do Księstwa Siwierskiego, społem sie ruszyli,
850 Pod samym Czerniowem, koss swoy postavili.
Radzili społęcznymi, s sobą namowami,
Widząc obwarowany, Zamek wkrąg wałami.
Rusili sie dziwnymi k niemu fortelami,
Lecz prożno y czas traćć, dobrze widzą sami.
855 Z Zamku z dział y shakownio, ogromnie pukaia,
Nawet iż sie pokazać, ni wychylić daia.
Rozmiotali do miasta, wysokie ostrogi,
Acz też to być nie mogło, bez społęczney szkody.

(str. 87).

Do Miasta

- 860 Do Miasta z Zamku biją, gęstymi kulami,
Ze sie strudnością zakryć, między chałupami.
Nie tracąc prożno czasu, spolnie uradzili,
By nazad odstąpiwszy, Miasto zapalili.
Tamże nic nie sprawiwszy, nazad sie ruszyli,
865 Lepszego potym szczęścia, patrzeć umyalili,
A Kasztelan Kijewski, Michał Wisniewiecki,
Widząc iż krepki zewaząd, zamek Czyrnieiowski.
Woyska sie też ruszyły, waszytki ku domowi,
Skąd pociecha nie mała, nieprzyiacielowi.
870 Tak prożno nazad wroćć, s swymi sie nie chciało,

¹⁾ Отъ стиха 841 до 919 описывается война 1579 года, отъ 920 до 949 война 1580 года.

- Nieprzyjaciela cieszył, przykro się mu zdało.
Przeto siedm set oślowieka, mając Rycerskiego,
Przy których Tatar trzy sta, ludu gotowego.
Zacne Książę Ostrożkie, Janusz Woiewodź, ¹⁾
876 Wzorem swych zacnych przodków, chcący tym dogodzić
Wszey Rzeczypospolitey, tam swoje Rycerstwo,
Przylączył Książętemu, w iedno towarzystwo.
Mylili wszędzie burzyć, okoliczne strony,
Rozpuściwszy ludzi swych, szYROKO w zagony.
880 Tam srodze szablą ogniem, wszędzie pustoszyli,
SZYROKO ony włości, śmieie przechodzili,
Burząc, paląc, pustosząc, aż k Starodubowi,
Skąd się serce zmieniło, nieprzyjacielowi.
A po takiej posłudze, nazad umyslili,
885 Gdzie z łaski Bożej wszyscy, cało się wroćili.
Lupow wieźniow korzyści, bez miary nabrali,
Takoi uporną Moskwę, często plundrowali.
Jeśli Scypio Scyla, y on Manilius,
Jeśli Kwintus Katulus, y dzielny Maryus,
890 Oni zacni a sławni, Hetmanowie Rzymscy,
Swey Rzeczypospolitey, usłużyli wszyscy,
Cnotą wiarą y prawdą, nawet zdrowia swego,
Nie litowali dla niey, utracić wdzięcznego,
Zasz nie tym kształtem Książę, s przeważną dzielnością,
895 Wszey Rzeczypospolitey, acz z niebespiecznością,
(str. 88). Służył y
Służył y gdziebykolwiek, s Pohancem potrzeba,
Wszędzie tam być musiała, ta zacna osoba.
Gdybył porządkiem weyrzał, a potrzeby iego,
Pilnie wszystkie rozważał, doświadczylbył tego,
900 Iż dzielnością celował, y Hetmany ony,
Maryusze y ony, dzielne Scypiony.
Jako z Niemcy, iak z Moskwą, s Tatary wojował,

¹⁾ Князь Янушъ Константиновичъ Острожскій родился въ 1554 году, умеръ въ 1620 г.

- Jak z srogięgo Pohatca, często triumphował.
Owa iż szablę ięgo, nigdy nie rdzewiała,
905 Męźnie nieprzyacięła, y często ploszała.
Jak wiele popustoszył, Państwa Moskiewskiego,
Jak wiele Miał poburzył, Księstwa Siwierskiego.
Gdzie Książęta udzielne, stolice miewali,
Dziśby im dziwno było, gdyby z martwych wstali.
910 Ano wszędie w około, srodze spustoszone,
Ony piękne osady, ogniem popalone,
Czernieiw, Putywl Rylską, y sławny Poczępow,
Bransk Radohoszcz y Orel, obronny Karaczów.
Wszędie popustoszone, Zamki miasta włości,
915 Gdzie srodze posiećcone, Moskwy leżą kości.
Tam wszędie, zacne Książę, znaczne twe posługi,
Któryś czynił dość wiernie, iak Hanibal drugi.
Gdy w Poluzka wojska, Krolewskie leżeli ¹⁾,
Państwo nieprzyacięł-kie, srodze wołowali.
920 Tam dzielność ona zwykła, chęci w nim wznięła,
A przewaźność wrodzona, próżnować nie dała.
Po Tatory wyprawil, do Hord słuęi swoje,
Chąc zaś znówu ponowić, z Moskwą zwykle boie.
Dwanastie set Tatarow, kosztem swym przybawil,
925 S którymi Rycerstwo swe, do Moskwy wyprawil.
A wprzod ku Karaczowi, ciągnąć umyslili,
Y tam zacne posługi, iakie uczynili.
Więć Starosta Ostrzycki, k nim swoje Rycerstwo,
Przyłaczył ku Książęcem, w iedno towarzystwo,
930 Urodą y dzielnością, wielki mąż Rycerski,
Starożytnością domu, on Lawryn Ratomski. ²⁾

(str. 39).

Ruszyli się

Ruszyli się tak spolem, sławny Dniepr przebyli,
Prawie ku Karaczowi, znienagła ciągnęli.

¹⁾ Значить: „пока королевскія войска стояли подъ Полоцкомъ“.

²⁾ Лаврентій Константиновичъ Ратомскій, староста Остерскій, умеръ въ 1594 году. См. Boniecki. Poczet rodów, Warsz. 1837, str. 281—282.

- Gdy tak już pod Karaczew, z wojskiem przyciągnęli,
935 A nie daleko Miasta, koss. swoy postavili.
Rospuściwszy zagony, burzyli wasze włości,
Plundrując biorąc więząc, bez żadney lutości.
Karacewskie wszęsz y wdluż, włości wypalili,
Samo Miasto odchodząc, do gruntu spalili.
940 Stamtąd sie zasz pod Rylsk, pałac obroćili,
Bez odporu wasze włości, srodze pustoszyli.
Bespiecznie wszędzie ony, kraie przejeżdżali,
Plony żonę, Wsi, Miasta, straszliwie gorali.
Spustoszywszy Karaczów, y też włości Rylskie,
945 Branskie także wszęsz y wdluż, y włości Orelskie.
Na czterdzieści mil w ten czas, ziemie splundrowali,
Więźniow inych korzyści, bez miary nabrali.
Spaliwszy Rylsk, Karaczów, Bransk, Orzel z włościami,
Cało okrom odporu, k domu sie wracali.
950 Jeszcze nie był do końca, on Tyran skrocony,
Choć widział swoy kray ludny, srodze spustoszony.
Widział zamkow pobranych, zburzonych nie mało,
Krwie Rycerskiey przełania, wždy go nie ruszało.
A tak sprosne uporne, przedsięwzięcie iego,
955 Iż zgody ni pokoiu, nie pragnął świętego.
Wszędzie woyska Krolewskie, burząc naieżdżali,
Moskwę z Tatary takiesz, potrzeby nie znali,
Wszędzie sie z łaski Bożey, naszym szanowało,
Choć sie Moskiewskie woysko, naszym opirało.
960 Książęciu sie zacnemu, próżnować nie chciało,
Znowu zebrał do Moskwy, Rycerstwa niemało ¹⁾.

¹⁾ Съ 960 стиха начинается описание военныхъ дѣйствій князя Вышневецкаго противъ Москвы въ 1581 г. Авторъ „Плача“ не разсказываетъ, что весной этого-же года князь Михаилъ Александровичъ успѣлъ еще сдѣлать походъ противъ татаръ. Лаурентій Мюллеръ такъ говоритъ объ этомъ: „Татары владѣютъ прелестной плодородной страной, но она остается необработанною, такъ какъ они умѣютъ заниматься только разбоями. На Троицу 1581 г., когда староста Черкасскій (т. е. князь М. А. Вышневецкій) разбилъ татаръ съ помощью князя Острожскаго, мы прошли значительную часть ихъ страны. Вся

Iż mu sie z łaski Bożej, na waszem szanowało,
Z wielkich potrzeb ze wszystkim, Bog unosił ocalo.
Przybył mu w towarzystwo, mąż wielkiej dzielności,
965 Domu starożytnego, y wielkiej zacności.
Książę Jarosz Zyzemski, ¹⁾ Starosta Reczycki,
K nim zacny Abram Myszka, Starosta Owrucki.

(str. 40).

Sławny

Sławny domem przodków swych, Rycerskiej dzielności,
Wzbudzaiąc męską dzielność, lat młodych ciyrstwości.
970 Kiryan Latoszyński, mąż serca wielkiego,
S pocztęm swoim też przybył, do woyska onego.
By Rzeczypospolitey, znacznie posłużyli,
Przeto k Książęcym pocztom, swoje przyłączyli,
Y tamże społecznymi zgodnie namowami,
975 Ruszyli sie w Boży czas s swoimi pocztami.
Jako przeciw Tyrannu, Kniaziu Moskiewskiemu,
Umyslili ku zamku, prosto Trubeckiemu.
Przyciągnawszy pod Trubesk, z woyskiem sie położyli,
Patrzając iakby s ktorey, strony Zamku położyli.
980 Bo obwarowany Zamek, mocno parkanami,
Jak strzelbą rozmałą, dzielnymi mężami.
Na Zamku Książ Radylow, starszym Woiewodą,
Zacny mąż między Moskwą, stanem y urodą.
Książę sie Zamku Miastu, pilnio przypatruie,

она—пустыня и безлюдна. Травы тамъ столь высоки, густы и моцны, что по нимъ нельзя ѣхать телегою; травы такъ плотно оплетаются вокругъ полей, что телега остановившись не можетъ. Лѣса и отдѣльныя деревья наполнены пчелами. На некоторыхъ холмахъ произрастаетъ тамъ кустъ, очень похожій на виноградную лозу; его и считаютъ дикимъ виноградомъ; видно, что страна могла-бы производить виноградъ, если-бы только кто-либо пожелалъ его обрабатывать". См. Septentrionalische Historien, Amberg 1596, S. 78. День св. Троицы въ 1581 году приходился 14-го мая.

¹⁾ Князь Геронимъ Ивановичъ Жижемскій упоминается въ актахъ съ 1570 г.; умеръ въ 1597. году. См. Wolff, Kniaziowie etc. Warsz. 1836, str. 629.

- 985 Tak z nienagła opatrzenie, k Zamku przystępuie.
Szukając położenia, woysku bezpieciznego,
Gdzieby k Zamku przystęp mieć, bez szkody żadnego.
Moskwa z dział y s hakownic, potężnie strzelaia,
Jakby Zamek zapalić, naszy obmyślaia.
- 990 Gdy sie bliżey pod sciany, iuż przyszańcowali,
Radzą iakby przez szkody, k scienie szturmowali.
A obleżency w Zamku, dobrze sobie tuszą,
Naszy sie w imię Pańskie, ku Zamkowi kuszą.
Jedni sciany misternie, ogniem zapalaia,
- 995 Drudzy zaś siekierami, brony dobywaia.
Kurzą się sciany ogniem, płomieniem goraia,
Moskwa przed sie dość mężnie, naszym odpieraa.
Książę swych upomina, dość piękniemi słowy:
„O Rycerstwo Slachetne, nasz tryumph gotowy.
- 1000 Jedno chceycie do końca, mężnie postępować,
Da Bog iż nieprzyiaciel, iuż będzie szwankować.
Odnowiec zwykłe męstwo, w tey szczęśliwey chwili,
Będziem za łaską Bożą, sproszą Moskwę bicia.

(str. 41).

Tak rzekł

- Tak rzekł Hetman przesławny, a każdy tą mową,
1005 Pośloną wziął na się, sercu śmiałość nową.
Lamia sie gwałtem w Zamek, a Moskwę łapaia,
Rusznice szable łuki, od nich odbieraa.
Tak naszy z łaski Bożej, Zamek odzierzeli,
Strzelby więźniow korzyści, niemało zabrali.
- 1010 Woiewodę samego, skoro poimano,
Znak prawego zwycięstwa, Książęciu oddano.
Takóci Miasto y Zamek, wniwecz obrociwszy,
Jak Scypio Kartago, z gruntu wywrociwszy.
Bezpiecznie sie s Trubieska, ku domu ruszyli,
1015 Wszakże pirwey y Miasto, do gruntu spalili,
Wszakże szczegulna Moskwa, szczęścia patrzeć chciała,
Trzy Tysiące zebrawszy, w pogonią bieżała.
Nad ktorymi Hetmany, ci Woiewodowie,
W rzeczach Rycerskich biegli, y dzielni mężowie

- 1020 Napirwazy Starodubski, Książ Iwan Mezecki,
Ponim zasie Książ Osip, sławny Nowogrodski.
Putywłski Woiewoda, Książ Wasyli Chilkow,
Brański on Oboliński, Książ Fiador Lykow.
Książ Iwan Dohoruki, dzielny Czernichowski,
- 1025 Potym zaś Woiewoda, Wazył Poctepowski.
Z Boiarskich zasie synow, Iakow Prunczysów,
Andrzej Siemienowic, synaczek Selichow.
Więc Stephan Mozyranin, Fedor y Waszylin,
Bohdan Alexandrowic, y Iwan Mordwinin.
- 1030 Naszy sie na Sudości ¹⁾, koszem położyli,
Drudzy na drugą stronę, rzeki sie pławili.
Tak ich ledwo część trzecia, przy Książęciu było,
Bo o trwogach Moskiewskich, prawienie myśliło.
A Moskwa za naszymi, spieszenie postępuia,
- 1035 S szczęścia pewne zwycięstwo, sobie obiecuią.
Bieżąc gwałtownym pędem, okrzyk uczynili,
Y strzelbę z długich rusznio, gęstą wypuścili.
Naszy słysząc huk a stuk, „day konia“ wołaią,
Drudzy hromaki ręcze, dopiro siodłaią.
- (str. 42). A co goto-
- 1040 A co gotowszy byli, Moskwie odpieraią,
Strzelbą, szablą, oszczepem, Moskwę obalaią.
Ci co za Rzeką byli, wskok sie przeprawili,
Wielkim grzmotem w Moskiewskie, woyaka uderzyli.
Książę w okolo woysko, swoje obieżdżaiąc,
- 1045 Piękną rzeczą Rycerstwo, swoje pocieszaiąc.
„Teraz, dzielni Rycerze, chęcią iednakową,
Oto ia przy was gotow, pieczętował głową.
A iakim losem szczęście, na was wszech przypadnie,
To z wami, oni Rycerze, óirpió będę snadnie“.
- 1050 Z obu stron dosyć krzyku, rusznice pukaia,
A strzały lataiące, obłok zasłaniaia.
Tam Książęcia Jarosza, cnego Zyzemskiego,

¹⁾ Судость—одинъ изъ правыхъ притоковъ Десны.

- Znacznie sie pokazała, w ten czas dzielność jego.
Gdy sprośna Moskwa przed nim, sromotnie pirschała,
1065 Oney dzielności jego, wżad następowała.
A Książę w tej potrzebie, będąc postrzelony,
Swym serca dodawając, sprośną Moskwę gromi.
Książę też Alexander, syn Pana zeszłego,
Młodych lat, ale serca, Hektora mężnego.
1060 Przytarszy wielkim pędem, potka sie Rycerskie,
Tam smiele szablą swoją, krwawił lby Moskwieskie.
O jakąś tam pociechę, zacne Książę miało,
Na młodego Rycerza, oko two patrzało.
Ano mu harda Moskwa, placu ustępuje,
1065 Tak żartkiemu potkaniu, pilnie sie dziwuie.
Tak naszy nacierając, Moskwę rozgromili,
A ich harde mnimania, wniwecz obrobili.
Sam Bog tam Hetmanem był, woyska tak małego,
Iż tak wniwecz obrobił, siły Moskwieskiego.
1070 Bo nasze woysko małe, za nic sobie mieli,
A w kolo ogarnawszy, do Moskwy gnać chcieli.
Tam czternaście set naszych, w tej potrzebie było,
A Moskwy trzy tysiące, pewnie sie liczyło.
Stamtąd sie potym wcale, do domu wroćili,
1075 Bogu dawszy zwycięstwa, dzięki uczynili.

(str. 43).

Bespieczniocy-

- Bespieczniejsze Jeleni, zawsze stado bywa,
Gdy Hetmana w stadzie swym, Lwa śmiałego miewa.
Niżeli stado Lwow męźnych, a którzy Hetmana,
Maią wietrzuonogiego, nad sobą jelenia.
1060 Tak każde woyska wielkie, chocia męźne dzielne,
Przez Hetmana sprawnego, nie będą porządne.
Hanibal z małym woyskiem, na male sie ważył,
Który srodze ad CANNAS, Rzymiany poraził.
Zas nie sprawą stało sie, Hetmana biegłego,
1065 Iż z tak straszney porażki, nie puścił żywego
Przez kilka mac pierscieni, z Rycerstwa zbitego,
Nabral, a tu patrz szczęścia, dziwnie odmiennego.

- Jesliże Scypiona, Hetmana Rzymakiego,
Hektora Hanibala, onego dzielnego,
1090 Jesli że y Witułta, w bitwach potężnego,
Sława z niesmiertelnością, trwa do ośasu tego,
A twoia, zacny Książę, przeczby zginąć miała,
Gdyż godna by po śmierci, głośną trąbą grmiała.
Zatem y s Scypionem, dzielnością nie zrownał,
1095 Mężnego Achilesa, zatem nie celował,
Hanibala w Marszowych, woynach ówiczonego,
Herkulesa obrzyma, onego mężnego,
Co nie tylko Trojany, lecz y Hidry łomił,
Ty, zacne Książę, Turki, y Tatary gromił.
1100 Po tak zacnych potrzebach, własne nadchodziły,
Ktore też tu w oyczyźnie, barzo pilne były.
Przeto nie biorąc przedsię, umysłu inszego,
Jedno kraie nawiedzić, mieysca oyczystego.
Do ktorego tu Pan Bog, z miłosierdzia swego,
1105 S Księżną y też z dziatkami, przynioś był zdrowego.
Lecz Fortuna niestała, prętko sie zmieniła,
Ony pociechy nasze, w smutek obrociła.
Książęciu snadź z wielkich prac, na zdrowiu szkodziło,
Nie pomogła chęć pilność, y staranie było.
1110 Gdy tak z nagle na zdrowiu, iuż poczęło schodzić,
Ktoremu iuż lekarstwa, nie mogły dogodzić.

(str. 44).

Poczuł iuż

- Poczuł iuż Pan schorzały, koniec kresu swego,
Iżego iuż dobieżed s przeyrzenia Bożego.
Wspomniał na Krześćdianskie, swoje powinności,
1115 Z dobrym sumieniem przyiąć, chciał Pańskie Swiętości.
A tym sumieniu swemu, uspokoić trwogę,
Aby do Pana swego, miał bezpieczną drogę.
Gdy iuż dochodzić poczuł, kresu ostatniego,
A ducha swego oddać, do rąk Pana swego.
1120 Dość statecznie s pamięcią, do końca rozmawiał,
Potym cichuchnym tchnieniem, Panu duszę oddał.
A tak to zacne Książę, przy dobrym sumieniu,

Uisłił sie w długu swym, już Panu swoiemu.

W pięćdziesiątym y piątym, swoim prawie lecie,

1126 Dosyć pobożnie żyjąc, przez ten czas na świecie.

Wzrostu będąc miernego, osoby poważney,

Przediów nieprzyiacielom, dzielności przeważney.

Lica był zupełnego, y wzroku wdzięcznego,

Skąd prawie poznać było, Książęcia prawego.

1130 Przeto, o Panie Jezu, Sędzio sprawiedliwy,

Tys jest Pan miłosierny, tys Pan dobrotliwy.

Na on czas gdy tu przydziesz, z nas sędzió każdego,

Przym, Panie, w poczet wiernych, służebnika swego,

Który cie tu miłował, s serca uprzejmego,

1135 Aby s tobą używał, wesela wiecznego.

A M E N.

(str. 45).

Do łaskawego Czytelnika.

- 1 Ni złoto ani srebro, ni zacne klejnoty,
Nie ważą nic ku świętej, odzierzeniu cnoty.
Tey nie za srebro złoto, ludzie dostawali,
Tylko iey godnością swą, wszyscy nabywaią.
Sama wszędzie głośno brzmi, wszędzie sie roznosi,
- 5 A onych dzielnych Rycerzow, ku niebu wynosi.
Niesmiertelną koroną, swoich koronuje,
Y tryumphy po śmierci, zacne wystawuje.
Krezus tylko bogactwem, y podziśdzień słynie,
Których pamięć nikczemna, bystrą wodą płynie.
- 10 Alexander Krol sławny, wielki Macedoński,
Także y on Scypio, y Maryus Rzymski.
Tak zacne Księżę ono, Szkandenberg Albański,
Tak Władysław przesławny, Monarcha Węgierski.
Tych sława niesmiertelna, y ich dzielność słynie,
- 15 Y słynąć długo będzie, a wiecznie nie zginie.
Bo chociaż ich sprochniały, leżą w grobie kości,
Lecz sława niesmiertelna, brzmi wszędzie w osłóci.
A iesliże Witulcy, ony Konstantyny,
Y ony dzielne męże, cne Rycerskie syny,
- 20 Wspominają Kroyniki, aż do czasu tego,
Przecżby też przypomniały, domu tak zacnego.
Gdzie cnota własne gniazdo, nadobne uwiła,
Y tam swoje mieszkanie, wiecznie polubiła.
Szczęśliwa iście na wszem, taka matka była,
- 25 Która takimi syny, dom ten rozumnożyła.
Dom Książąt Wisniewieckich, gdzie sie porodziły,

- Sławę swoją po Państwach, cudzych rozszerzyły.
Jako szani a dzielni, Rycerscy synowie,
S których domu bywali, szani Hetmanowie.
- 80 Więc wszyscy miłośnicy, Pospoliteyrzeczy,
Ktorey wiernie służyli, mając ją na pieczę.
Gardła statek maietność, lekco poważając,
Tak Rzeczypospolitey, we wszem dogadzając.
- (str. 46). Jak ono zac-
- Jak ono szane Książę, Michał Wisniewiecki,
35 Godny sławney pamięci Kasztelan Kijewski.
Jakie szane potrzeby, miewał s Pohaniami,
Jakie s Moskwą s hardymi, w Iflanciech Niemcami,
Gdzie z łaski Bożej zawsze, znacznie triumphował,
Więźnie częste y znaczne, Krolowi oddawał.
- 40 Więc Książę Alexander ¹⁾, Mąż wielkiej dzielności,
Brat Książęcia zeszłego, osobney smiałości.
Pod Piwskimi gorami przy zeszłym Książęciu,
Nie omylił sie iście, na swem przedsięwzięciu.
Tam sie jego dzielności, przypatrować było,
- 45 Gdy to Książę Pohanca, srogięgo gromiło.
W ten czas więźniow czterdzieści, żywych poimali,
S nich dwudziestu Augustu, Krolowi oddali.
Gdyby ieszcze był Pan Bog, Książęcia szanego,
Zachował tu na swiecie, z miłosierdzia swęgo,
- 50 Nie widałby przodkow swych, ich zwykłą dzielnością,
Nie wskurałby Pohaniec, s Tatarską srogością.
Książę Dymitr ²⁾ iak wielkiej, bywał przeważności,
Y szancy a mąż wielki, y mężney dzielności.
Nie byli mu nie srodzy, tu ói Besurmani,
- 55 Ni drapieżny Tatarzyn, Turcy zawoiami.

¹⁾ Князь Александръ Александровичъ Вишневецкій родился 8 декабря 1543 г., умеръ 8 апрѣля 1577 г., похороненъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ. См. Wolff, Князювие etc., str. 550—557.

²⁾ Князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій, по народному прозванію Байда. См. нашу статью о немъ въ Кіев. Стар. 1897, т. 56, отд. I, стр. 519—524.

Krwawił szablą wiele kroć, na głowie zawoie,
 A s Tatary zaś miewał, częste krwawe bole.
 Dobywał go Czar Krymaki, mocno na Chorcyoy,
 Tam szturmując Tatarzy, pobiłi nędznicy ¹⁾.
 60 Ii z wielką zelżywością, nazad odstąpili,
 Jančzarow Tatar zacnych, wiele utracili.
 Pełno go w Turcech było, pełno go y w Moskwie,
 Ktorego potym zdradził, zły naród Wołoski.
 Książę Andzey ²⁾ za swoją, doszedł też dzielnością,
 65 Tak Rzeczypospolitey, z uprzejmą miłością,
 Służąc a godnością swą, przy boku Krolewskim,
 Otrzymał miejsce zacne, w kole Senatorskim.
 Zostawszy Woiewodą, to Książę Wołyńskim,
 Został y ukraińnym, Starostą Lubeckim.

(str. 47).

Stawiał

70 Stawiał pocztę Krolewskie, w Państwa Moskiewskiego,
 Nie litując nakładu, ni kosztu żadnego.
 Przy których cny Senator, osobą swą bywał,
 Potrzeby boiem wstępnym, z Moskwą częste miewał.
 A ciebie, zacne Książę, sławne dzieie twoie,

¹⁾ Въ такъ называемомъ „Лѣтописцѣ Русскомъ“, изданномъ А. Н. Лебедевымъ по рукописи, ему принадлежащей (Москва, 1896), объ этомъ событіи разсказывается такъ (стр. 72): „Того-же мѣсяца (т. е. въ маѣ 1567 года) прислалъ ко царю и великому князю зъ Днѣпра князь Дмитрей Вишневецкой казакѡвъ Дениска Малою с товарищѣи, путимальцовъ, а писалъ ко государю, что царь Крымской Девлетъ Кирей и съ сыномъ и со всѣми людьми Крымскими приходилъ подъ его городъ на Хордецкой островъ и приступалъ дватцать четыре дни, и Божиимъ милосердіемъ и царя и государя великого князя именемъ и счастіемъ отъ царя отбилъ, и побилъ у царя многихъ людей лутчихъ, и пошелъ царь отъ него с великимъ соромомъ. И докуды въ томъ городѣ люди будутъ царскимъ великого князя именемъ, и Крымцомъ на воину ходити нигуды нелазъ. И многіе Вишневецкой у Крымцовъ кочевница поосилелъ“.

²⁾ Князь Андрей Ивановичъ Вишневецкій скончался въ одинъ годъ съ княземъ Михайломъ Александровичемъ т. е. въ 1584 г., имѣя отъ роду 46 лѣтъ. См. Wolff, Kniazowie etc. Str. 557—568.

- 75 Y ony, Konstantynie ¹⁾, znaczne z Moskwą boia.
Znaczneś wiecznie Moskiewskie, Krolowi oddawał,
Znak swej wiernej posługi, Panu okazał.
Waszej Rzeczypospolitej, we wszystkim dogodził,
O niej iako przystało, w spólnych zieżdziach radził.
- 80 Żytomirskim Starostą, potym sławnym został,
Będąc na nim lat kilka, s tym sie światem rozstał.
Tak ty zacne Książęta, przodków swych zwykłością,
Służyli Panu swemu, szczerą życzliwością.
Commoda Pospolitej, rzeczy poważając,
- 85 A iey potrzeby własne, na wszem uważając.
Tak ty wdzięczne odrosli, szczepu wspaniałego,
Ni w czym nie odmienili, przyrodzenia swego.
Ale iaki szczep właśnie, takie latorosli,
Także swoją godnością, wiecznej sławy doszli.
- 90 Która teraz brzmiać głośno, roznosi sie wszędzie,
Y na potomne czasy, wiecznie sływać będzie.
Bo tego iście doszli, za swoją godnością,
Jako dzielni Rycerze, wielką przeważnością.
Których dzieie chwalebne, pisania szerszego,
- 95 Godne, lecz da Bog w rychle, czasu wolnieyszego,
Osobno Historyę, będą ozdobione,
Ku czytaniu dzielnemu, Rycerstwu podane.

—*o*—

¹⁾ Князь Константинъ Ивановичъ Вышневецкій умеръ въ 1674 г. См. Wolf, Kniaziowie etc. Str. 569—570.

Str. 48).

Zamknienie tych wierszow.

- Nie pomyslay drapieżny, nigdy Tatarzynie,
Izbyś szkody czynić miał, iakie ukrainie.
Mamy jeszcze Witulty, mamy Konstantyny,
Co mężnie bronić będą, szablą ukraiны.
- 5 Nie ważcie sobie lekco, Książęcia młodego ¹⁾,
Nie uydą z łaski Bożej, ni w czym oycа swego.
Ktory ieżeli pomnicie, gdy was często gromił,
A iak psy iadowite, z ukraiны gonił.
- Tymże kształtem da Pan Bog, y to Książę młode,
10 Będzie też zastępować, ukraiныą trwogą.
Ktorego, Panie Boże, zachoway w całości,
Możnymi skrzydły swymi, broń go z wysokości.
- Racą mu dać mężne serce, Witulta onego,
Y sprawę Konstantyna, Hetmana dzielnego.
- 15 Izby toru szesłego, oycа naśladował,
Rzeczpospolitą właśnie, iako on miłował.
Ktoremu pamięć wieczną, sprawiła mu cnota,
O którą sie tu starał, za swego żywota.

¹⁾ Подразумывается князь Александръ Михайловичъ Винновскій, упомянутый въ стихѣ 1068. 15-го сентября 1580 г. князь Михаилъ Александровичъ получалъ отъ короля Стефана Баторія грамоту, разрѣшавшую ему передать староства Черкаское и Капевское сыну своему кн. Александру См. Чтенія въ Истор. общ. Нестора лѣтописца, Кн. 14, Киевъ 1900, Отд. III, стр. 87—89, № 11—изъ матеріаловъ по истор. землевад. кн. Винновскихъ, собранныхъ г. Николайчикомъ.

Do Szacunkarza.

Nie pomyślaj, Zoile, wiersz mój pocinasować,
Nie pomyślaj wazeteczyć, pióro me szacować.

Nie zayrzyj iż tu krotko, dzieje Pana swego,
Wypisuje a prostego, dowcipu moiego.

5 Radniey uymi zwykłego, obrotu niecnocie,
Nie przyganiay tak sprośnie, tey prostey robocie.

Pisz ty co chcesz iako chcesz, nie zayrzę ja tobie,
Radzęć tak dzierasz o drugim, iak dzierząysz o sobie.

Z Drukarnie Macieja Wirzbięty

Объясненіе рѣдкихъ словъ.¹⁾

Bachmat, а, м. 203. Nie ieden tam Hyrawiec z *Bachmata* zrazony *Leży*. 390. A drudzy na *Bachmaty* już ręce wsiadaia. 401. Jedni na swe *Bachmaty* spiesząc sie wsiadaia. 415. Więzniow, *Bachmatow* rącozych Tatarskich nabrali. 538. Pohańcy od gęstych kul z *Bachmatow* padaia. Окончаніе *at* показываетъ, что это слово—турецкое. *At* по турецки значитъ: конь, а *bachn* (передѣланное изъ персидскаго *pechn*) значитъ: шпрокій. Турки называли бахматами татарскихъ лошадей—шпрокихъ въ костяхъ и плотныхъ, на сильныхъ ипзкихъ ногахъ. Бахматы легко переносили голодъ и жажду, и безъ устали могли совершать огромные переходы. *Glog*. I, 94. *Karl*. 20. *Łeb*. 41. *Срезн*. I, 46.

Błonie, а, с. 658. *Wugnani* prętko z *Miasta* k *bloniu* uciekaia. Рус. болоніе, болоньё—изменное порѣчье, покрытое травою, *pratium littoreum*, *aquarum eluvioni objectum*. И. И. Срезневскимъ собрано много примѣровъ употребленія этого слова въ древне-русскихъ памятникахъ: (Половци) зажгоша болоньё около града (Кіева). Лавр. 1096 г. стр. 224. Володимеръ... ста исполчивъся передъ городомъ на болоньи. Лавр. 1144 г. стр. 295.—и т. д. *Срезн*. 145—146. *Дюв*. 5.

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ текстѣ сдѣланы сокращенныя ссылки на слѣдующія изданія: 1) Zygmunt Gloger. *Encykl pedja staro-polaka ilustrowana*. 4 тома 1900—1903. 2) Jan Karłowicz. *Słownik wyrazów obcego a mulej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim*. А—К. 1897. 3) W. Łebіński. *Materyały do słownika historycznego języka i starożytności polskich* I. *Militaria*. 1889. 4) Горбачевскій. *Словарь древняго актоваго языка сѣверо-западнаго края и Царства Польскаго*. 1874. 5) А. Дювернуа. *Матеріалы для словаря древне-русскаго языка*. 1894. 6) И. Срезневскій. *Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ*. 1893 и сл. 7) П. Саввантовъ. *Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное*. 1896.

Brak, u, м. — слово нѣмецкое (Brack), у автора имѣетъ значеніе: **выборъ**. Do Słyt. 22. Tak braku w gzesiach nie ma skazonu rozszadek—поврежденный разсудокъ не дѣлаетъ выбора, различія въ предметахъ. Epic. 18. (Smierć) Wszystkich rowno krom braku sobie rowniając—смерть всѣхъ считаетъ для себя равными — безъ всякаго выбора, разбора. Karl. 64.

Brana, y, ж. — *brama*, ворота. Въ старомъ польскомъ языкѣ *brama* и *brona* — были синонимами и очень часто употреблялись въ одномъ и томъ-же значеніи, въ особенности когда шла рѣчь о воротахъ въ замкахъ или городскихъ башняхъ. 995. Drudzy zaś siekierami brony dobywają—другіе топорами разрушаютъ ворота. Глогеръ останавливается надъ вопросомъ, почему „ворота“ и „земледѣльческое орудіе“ обозначались однимъ и тѣмъ-же словомъ *brona*, и высказываетъ мнѣніе, что первоначально это слово означало желѣзную рѣшетку, спускавшуюся сверху и преграждавшую проѣздъ въ ворота, — служившую обороной этого проѣзда отъ вторженія непріятеля; а что потомъ тѣмъ-же словомъ стали обозначать общезвѣстное земледѣльческое орудіе въ виду внѣшняго его сходства съ воротной рѣшеткой. Glog. I, 197—198.

Chudzina, y, м. 485. Owa iako mogący żywi sie chudzina—однимъ словомъ живится (кормится) бѣдняга какъ можетъ (говорится о татаринѣ). *Chudzina* отъ *chudy* какъ *бѣдняга* отъ *бѣдный*, съ отѣнкомъ сожалѣнія.

Chutki—быстрый, проворный, стремительный. 169. Gdy na chutkich Hromakoch buczenie wyjeżdżają—когда они (татары) гордо, дерзко, заносчиво выѣзжаютъ на быстрыхъ аргамакахъ. Karl 99—100.

Dank, u, м. 611. (Mezny Hetman) odzierał z swym gycerstwem dank dla dzielney sprawy. *Dank*—слово нѣмецкое, значить здѣсь: награда за мужество; всю фразу можно перевести такъ: мужественный гетманъ и его рыцарство награждены побѣдой за стройный порядокъ въ бою. Karl. 120—121.

Dłuszcze, м. мн. 673. Naszy gonić za nimi, w dłuszcze ich łapać. 710. Widzimy iako drugich ómy prowadzą w dłuszczach. *Dłuszcze* —

длинная веревка съ петлей на концѣ, которою ловили лошадей въ табунахъ, или на войнѣ захватывали людей, — арканъ. Также называли шнурокъ, къ которому припязывался охотничій соколъ. Glog. IV, 263.

Dwór, u, м. 167. Wielki dwor Dowletkirey Cara Prekopskiego. 243. Tam Dwor Kniazia Romana, Sanguska onego, Leiał. 245. Wnet sie z Dworem złączyli Książęcia zeszłego. Здѣсь слово *Dwór* имѣетъ то значеніе, съ какимъ оно употреблялось иногда въ древне-русскихъ лѣтописяхъ, — *cohors praetoria*. Напр. въ Новг. I лѣт. подъ 1192 г.: „Самъ (кн. Ярославъ) сѣде на Пльсковѣ, а дворъ свой по-славъ съ Пльсковичи воевать“. Дюв. 38, Срезн., I, 644.

Fortel, u, м. — хитрость, обманное дѣйствіе; передѣлано изъ нѣмецкаго *Vorthail* — польза, выгода, прибыль. 684—685. Lecz u w posu nie wekuraj, bo fortyle iego omylily we wszystkim Pohanca chytrego — но и ночью не добился успѣха (татарскій предводитель Бакали), потому-что козни (fortyle) хитраго язычника оказались со-всѣмъ неудачными. 688—689. Fortyl przeciw fortylom wynaydować musi, Gdy kto czego fortylem dostawał sie kuśi — если кто пробуетъ добиться успѣха съ помощью хитростей, то долженъ придумывать хитрости противъ хитростей врага. 727. Fortelem chcąc plundrować tu Podnieprskie strony — (Вѣлгородскій ага Янушъ) хотѣлъ изподтишка (fortelem) пограбить приднѣпровскія мѣстности. Такой-же смыслъ имѣютъ это слово въ стихахъ 743, 744, 831 и 853.

Gościńiec, ica, м. — большая проѣзжая дорога, по которой ѣздили гости т. е. торговые люди, купцы. Na Herby, 28. Tym gościńcem Książęta poszły też Zbaraskie — этою же дорогою (т. е. путемъ, ведущимъ къ чести и доброй славі) пошли также князья Збаражскіе.

Hakownica, y, ж., нѣм. Hakenbüchse, фран. haquebutte, — самое старое ручное огнестрѣльное оружіе. По нѣмецки *Haken* — крюкъ, крючѣкъ, и старыя ружья называли *хаконницами*, потому что ихъ не держали при прицѣлѣ въ рукахъ, какъ это дѣлается съ совре-

менными ружьями, а подвѣшивали на особо устроенныхъ крюч-
кахъ въ амбразурахъ башенъ и крѣпостныхъ стѣнъ. Порохъ для
выстрѣла въ такого рода ружьѣ поджигался безъ помощи замка,
прямо изъ руки—трутомъ. Съ теченіемъ времени въ гаковницахъ
были сдѣланы разныя усовершенствованія. 855. Z Zamku (Черня-
говскаго) z dział u s hakownio ogromnie pukaia. 988. Moskwa z
dział u s hakownio potężnie strzelaią. Glog. II, 231.

Нгемак—аргамакъ, м., тюрк. аргымак. Крупная порода ло-
шадей, отличающаяся легкостью и скоростью въ скачкѣ, почему
она употребляется преимущественно подъ верхъ. Цари и бояре
русскіе ѣзжали обыкновенно на аргмакахъ изъ Кабарды. У этой
породы длинныя ноги, узкая грудь и поджарое тѣло. Слов.
рус. яз. II отд. т. I, стр. 61.—169. Gdy na chutkich Hro-
makoch bucznie wyieżdżaią. 229. Na swych rącznych Hromakoch strze-
laiąc pohońcem (въ дорожку—конечно: за непріятелемъ). 251. Straż
przybieży iz Turcy hromaki siodłaią. 1039. Drudzy hromaki rąco
dopiero siodłaią.

Ныравле, wca, м. 203—204. Nie ieden tam Ныравле, z Bach-
mata zrażony, Leży srodze na głowę z woyskiem porażony. *Ныравле*
отъ слова *hyra*, гыра—чубъ на бритой головѣ; слѣдовательно, че-
ловѣкъ, который брѣшетъ голову, оставляя на ней только гыру—
чубъ. Karl. 221. О татарскомъ обыкновеніи брить голову и остав-
лять на ней только пучокъ волосъ въ видѣ чуба Клѣповичъ въ
„Роксоланіи“ (1584) рассказываетъ такимъ образомъ: „Эти чудо-
вища на гнусно обритой головѣ оставляютъ пучокъ волосъ; шея
у нихъ, высокоблѣнная бритвой,—постоянно красна. Какъ луковица
кругомъ краснѣетъ, на верхушкѣ ея торчитъ кисточка изъ тонень-
кихъ корешковъ, а вся головка—гладкая и голая; такъ и эти вар-
вары предпочитаютъ волосы подрѣзать, а на голой макушкѣ раз-
вѣвается у нихъ кисть рѣдкихъ волосъ (чубъ)“. Rox. v. 1327—1332.

Kalawury, gów, мн. м. 259—260. Turcy też inż w aprawie swej z
mieysca sie ruszaią, Kalawurow iak zwykli przodkiem rowyłaią—Турки
двигаются уже съ мѣста въ своемъ боевомъ порядкѣ; впередъ,
какъ обыкновенно, они посылаютъ дозоры (проводниковъ). *Kalawury*
—это тѣ одиночные передовые всадники, которые, по нынѣшнему
выраженію, „освѣщаютъ“ мѣстность, гдѣ вслѣдъ за ними будетъ
проходить главное войско.

Kitayka, i, ж. 263. S kitayki rozmaitęj proporce sie chwieią—
вьются значки изъ разноцвѣтной китайки. Китайкой называлось
тонкое глянцовитое полотно, которое выдѣлывалось изъ хлопчатой
бумаги въ сѣверномъ Китаѣ и получило имя отъ мѣста произ-
водства. Karl. 274. Glog. III, 31.

Kosz, а, м. Постоянно употребляется со значеніемъ: лагерь.
Занимствовано съ Востока; въ джигатайскомъ яз. значить: толпа
людей, дружина, въ турецкомъ: стадо, скопище людей, лагерь.
Karl. 304. Glog. III, 90.—367. Tamna bezpiecznym miejscu kosz swoy
położyli=тамъ въ безопасномъ мѣстѣ расположили свой лагерь.
368—369. Książę szpiegi rozesał, aby sie wywiedzieli, Gdzieby nie-
przyjaciele koszem swym leżeli=Князь разослалъ шпионовъ, чтобы
они развѣдали, гдѣ непріатели расположились лагеремъ. Съ этимъ
же значеніемъ слово *kosz* употреблено въ стихахъ 877, 880, 893,
398, 399, 458, 497, 499, 503, 519, 661, 850, 935, 1030.

Kredenc, а, м. 403—4. Tamże wprzod Książę kredenc swoim
użył, Mężnie z konia oszczepem Tatarzyna zbił=тутъ князь
прежде всего показалъ своимъ примѣры: онъ мужественно сбилъ
татарина съ коня ощепомъ. Слово *kredenc*, *kredencz* происходитъ
отъ латинскаго *credens* (причастіе отъ глаг. *credo*=вѣрю) и имѣетъ
въ польскомъ языкѣ самыя разнообразныя значенія. Здѣсь выра-
жена этимъ словомъ такая мысль, какъ будто князь повѣрилъ въ
долгъ (закредитовалъ) своимъ приближеннымъ свою храбрость,
выраженную въ нападеніи на татарина, и ожидаетъ, чтобы они
заплатили ему этотъ долгъ, показавъ съ своей стороны такую-же
храбрость. Loh. 271. Karl. 311. Glog. III. 98.

Leżę. 163. Gdy tak z Rycerstwem swoim w pustych polach
leżał. 241. Leżę w Polu z trefunką Turki obaczyli. 244. (Dwór
Kniazią Romana) Leżał tuż nie daleko od miejsca tamtego.
357. Na polach Pozadnieprskich tam na Pale leżeli. 369. Gdzieby
nieprzyjaciele koszem swym leżeli. Во всѣхъ приведенныхъ
примѣрахъ глаголь *leżeć* имѣетъ значеніе: пребывать, находиться,
располагаться.

Łozyna, у, ж.=лозы; мѣстность, поросшая густой лозой. Въ
древнерусскомъ языкѣ: лозина; напр. въ Ипат. лѣт. подъ 1229 г.

оверится о Калишѣ: „Въ бо городъ обошла вода и сильная лозина
и вербѣ“. 542. A Rudasz gdzieś z drugimi w łozynie sie taia—А
Рудашъ и другіе (татары) притаились гдѣ-то въ лозахъ (вѣроятно,
на берегу р. Днѣпра подъ Пивскою Горюю, у которой происхо-
дило сраженіе). Срезн. II, 44.

Маса, у, ж., древняя мѣра для сыпучихъ тѣлъ, преимуще-
ственно для хлѣба; передѣлка нѣмецкаго *Metze*. Вкладн. 1568 г. Ев.
XVI в. (Рум. 190): Две мацы жита, а третья пшеницы. 1086. (Ha-
nibal) Przez kilka mac pierścieni z Rycerstwa zbitego Nabral—(Анни-
балъ послѣ пораженія Римлянъ при Каннахъ) собралъ нѣсколько
маць (мѣръ) перстней, снятыхъ съ убитыхъ римскихъ всадниковъ.
Glog. III, 175. Горбач. 203. Срезн. II, 119.

Naród, оду, м. Na Herby 1—2. Zasná rzecz iest z zasnych byó
przodkow narodzonym, A zasnosciá narodu zdawna osłachcionym—
Почетное дѣло—происходить отъ знатныхъ предковъ и получить
пшакетство (благородство), благодаря знатному происхожденію.
Слово *narod* употреблено здѣсь не въ обычномъ своемъ значеніи,
а въ смыслѣ *порожденія*, происхожденія отъ знатныхъ предковъ.

Obłok, и, м.—облако. Встрѣчается и въ русскихъ памятникахъ:—
Тученосныя *облака* на огнено видѣніе преложиа. Новг. II лѣт.
1421 г. Въ полногласной формѣ *оболока*:—Пришедшимъ орломъ и
многимъ ворономъ, яко *оболоку* велику, играющимъ же птицамъ.
Ипат. 1249 г.—748—749. Więźniowie krzykiem płascom *obłok* rosta-
siałá, Paпа Boga żaloznym sercem swym wzywaiá. Поэтический об-
разъ: Облако разсѣивается отъ крика и плача невольниковъ и мо-
ленія ихъ скорбныхъ сердець свободно поднимаются къ Господу
Богу (облако являлось какъ-бы помѣхой на пути восхожденія мо-
литвы къ Богу). Rostaszać=церк. слаа. *расстачати*, разсыпать, раз-
сѣвать, разбрасывать. 1051. A strzały latające *obłok* zasłaniaia—лети-
щія стрѣлы заслоняють собою облако; иначе сказать: неба не
видно отъ пролетающихъ стрѣлъ. Срезн. II, 527, 533.

Ogrzak, и, м. 681. (Bakaу) Zebrał *ogrzak* niemały ludu Tatarskiego—Ваканъ—собралъ не малый отрядъ татаръ. Слово это венгерское (*ogrzak*) и значитъ по-венгерски: государство. Въ такомъ смыслѣ употребилъ его Оржеховскій въ письмѣ къ Кровницкому: „Świat albo *ogrzak* nasz“—военная или наше государство. Тотъ-же смыслъ имѣетъ оно въ галицко-русской пѣснѣ, которой не могъ исполнять себѣ покойный Н. И. Костомаровъ (см. Исторія козачества въ памятникахъ южно-русского народнаго пѣсеннаго творчества, стр. 112 отд. отт.): „Ой Воже жъ мій, очка мои, очка мои чорненькіи, тилько *ogrzak* проходили, а бѣлый свѣтъ невидили“. Дѣвушка хотѣла выразить: Мои чорненькіе глазки смотрѣли только на наше царство, но не видѣли бѣлаго свѣта. См. А. Brückner, *Cywilizacja i język. Warsz. 1901, str. 121.*

Ostróg, огу, м. 645. Tatarzy w ten czas *ostrog* mieyscy rozgłoszą 682. (Ваканъ хотѣлъ) W nosy miasto ubieżeć przez mocne *ostrogi*. 857. Rozminali do miasta wysokie *ostrogi*. Во всѣхъ трехъ случаяхъ *ostroga*, *ostrogi*—частоколь, ограда изъ кольевъ, устранившаяся около города (miasta); внѣшнее окружное укрѣпленіе (противопологается „замку“—крѣпости внутренней). Это послѣднее противоположеніе особенно ясно выражено въ стихѣ 860: Do miasta z Zamku biją gęstymi kulami. Срезн. II, 744—745. Leb. 383.

Oszczep, и, м.—копье съ короткимъ древкомъ, скорѣе—палика съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ. На войнѣ это было оружіе пѣхоты, на охотахъ имъ пользовались для единоборства съ медвѣдями и дикими кабанами. Къ наконечнику всегда придѣлывался торчавшій въ сторону крючокъ (отрогъ)—для того, чтобы при нанесеніи удара *ощепъ* не погружался слишкомъ далеко въ тѣло челоука или звѣря, и чтобы его удобнѣе было вытащить при необходимости повторить ударъ. Въ древнерусскомъ языкѣ: *оскънъ* Ипат. лѣт. 1123 г.: (Два Ляха) пободоста и (Ярослава Святославича кн. Владимѣрскаго) *оскъномъ*, и едва умычаша плѣ жива суца, и на nochь умре. 198. Drudzy s koni sprychają Tatar *oszczepami*. 232 Jak na nieprzyiaciela zmierzyć *oszczepami*. 404. (Książę) Meźnik s konia *oszczepem* Tatarzyna zbilo. 669. A długimi *oszczepu* s koni obalaia (татаръ). 1041. Strzelba, szabl, *oszczepem* Moskwę obalaia. Glog. III, 311—312. Leb. 384. Срезн. II, 723. Савв. 94.

Parkan, и, м. 980. Во обваровану Zamek (Трубчевскъ) тоспо
 1478 г. сказано: „Antemurale alias
 circa castrum edificabamus.“ Этимъ переводомъ (parkan=
 temurale) поясняется значеніе слова. Парканомъ называли до-
 стый или плетневый, обмазанный глиною, заборъ, которымъ
 ружали вѣрности стѣны, чтобы непріятель, прежде чѣмъ под-
 упить къ нимъ, вынужденъ былъ прорываться черезъ парканъ,
 а его также старались отразить. Иногда передъ парканомъ устраи-
 ли еще земляной валъ; напр. у Іоакима Вѣльскаго читаемъ:
 Potym Krol (Стефанъ Ваторій въ 1580 г. подъ Великими Лу-
 ми) sam za Łowatą rzeką iechał ku szancom, aby sie przypatrzyl
 obywateli zamku, gdzie iz widzial ze Moskwa ziemią ściany dla
 gnia osuła, y kał przed parkanem usunęła, napominal Zamoyskiego
 by do parkanow nie dał strzelać, gdyż kule przez on wał nie mogły
 przechodzić, ale żeby do blankow strzelali“. Zbiór pis. pol t. XIX,
 t. 117.—Лѣб. 18, 89, 390.

Poczet, oztu, м.—первоначальное значеніе: число, numerus; за-
 ымъ: отрядъ войска, рота, эскадронъ. Горбач. 260. Лѣб. 409. — 337.
 Tam swoy poczet kosztowny okazał Krolowi—тамъ (въ Посволѣ) онъ
 представилъ на омотръ королю свой нарядный отрядъ. 970—975.
 Kiryan Latoszyński, mąż serca wielkiego, z pocztem swoim też przy-
 tył do woyska onego. By Rzeczypospolitey znacznie posłużyli, przeto
 Książęcy pocztom swoje przyłączyli y tamże społecznymi zgodnie
 szowami ruszyli sie w Boży czas z swoimi pocztami—Къ этому
 юйску присоединились со своимъ отрядомъ Киріонъ Лятошинскій,
 мужъ великой отваги. Чтобы замѣтно послужить Рѣчи-Посполитой,
 они присоединили свои отряды къ княжескимъ и, уговорившись
 юобща, въ полномъ согласіи двинулись со своими отрядами въ
 добрый часъ впередъ.

Pogotowi, нар. Do Cа. 3. Ukroćć sie nie zdało, przydać pogotowi—
 оократить (объемъ поэмы) не сочтено нужнымъ, расширить—тѣмъ
 болѣе. Въ настоящее время нарѣчіе *pogotowi* не употребляется съ
 такимъ значеніемъ; теперь сказали-бы: Темъ więсѣј, а со więсѣј.

Prępotas, гоа, м.—значокъ, кусоокъ матеріи, прибитый къ
 древу копыя подъ наконечникомъ; старославянское *праноръ* со

значеніємъ: vexillum, signum. См. Matzenauer, Cini slova, 1870 стр. 68—69.—263. S kitayki rozmaitey proporce sie chwicia—изъюта надъ ними значки изъ разноцвѣтной китайки. См. выше, стр. 184—186, прим. Glog. IV, 120—122.

Przygana, у, ж.—критика, осужденіе, неодобреніе, отъ гзы ганиѳ. Do Cа. 15—18. Wždy lepiej ze ci przedać w Polsce i na yduia, ktorzy cnych ludzi sprawу swiata pokazuią, niżli żeby, przy gany chroniać sie w pisaniu, cnoty ich niewdzięczności zostały i mniemanіu—во всякомъ случаѣ лучше, что въ Польшѣ находятсѣ люди, которые обнаруживаютъ передъ свѣтомъ дѣянія доблестныхъ людей, чѣмъ если-бы изъ опасенія критики, угрожающей ихъ писаніямъ, они оставляли доблести въ забвеніи неблагодарности.

Ręczy, а, е,—легкій на бѣгу, быстрый, рысостый. 229. Ni swych ręczych Hromakoch strzelaiąc роhоhоem—стрѣляли въ догонку (за непріателемъ) со своихъ легкихъ аргамаковъ. 390. A drudzy na Bachmaty iuż ręce wsiadaia—другіе садятся уже на быстрыхъ бахматовъ. 415. Więźniow, Bachmatow ręczych Tatarakiel pabrali—набрали плѣнныхъ и быстрыхъ татарскихъ бахматовъ. 1039. Drudzy hromaki ręce dopiо siodłaią—другіе едва лишь садляють быстрыхъ (легкихъ на бѣгу) аргамаковъ.

Rohatyna, у, ж.—широкое, плоское, на обѣ стороны остро конье, насаженное посредствомъ *тулси* (трубки) на *скенице* или короткое ратовище съ металлическою оковкою, которая называлась *подтокомъ*. Рогатины были боевыя, которыя употреблялись пѣшими воинами, и охотничьи, съ которыми ходили на медвѣдей. Между тульею и перомъ боевой рогатины иногда дѣлалось *яблоко* и привѣшивалась *кисть*; охотничьи рогатины имѣли и въ старину, подобно нынѣшнимъ, *отроп* у тульи. Въ сочиненіи Фредры „O porządku wojennym“ (Wyimek ze Zwierzyńca Jednorożców wydaneго przez Fr. Glinkę r. 1670 we Lwowie—Finkel, Bibliografia, cz. I, str. 467) говорится о рогатинѣ слѣдующее: „Rohatyna zaś... dobra na rajtara niemieckiego, na kozaka pieszego, na Tatarzyna konnego, bo dla lekkości tam i ówdzie łatwo się z nią obrócić. W ciagnieniu zaś na sznurach z ramienia lewego może wisieć, żeby prawa ręka wolna

ryła dla władania. Długość rohatyny ma być 5 łokci albo trochę więcej, według wczesności.—411. Naszy Rołatynami goniąc ich spryżaią—преслѣдуя (татарь), наши рогатинами опихиваютъ ихъ (съ коней). 526. Tam meźnie rołatyną w Pohańca zawadził—тамъ (князь М. А. Вышневедкій) мужественно пронзиль невѣрнаго (татарина) рогатиной. 607. Naszy rołatynami я koni obalaia—наши рогатинами сваливаютъ (татарь) съ коней. Это оружіе неоднократно упоминается въ древнерусскихъ лѣтописяхъ. Напр. Лавр. 1149 г. (стр. 308): Единъ же отъ Нѣмчичъ видѣвъ и (князя Андрея Георгіевича), хотѣ просунути роатинию, но Богъ соблюде и. Ипат. 1255 г. (стр. 550): Вдушу же ему (говорится о Данилѣ Галицкомъ) до Грубешева, и уби вепревъ шесть, а самъ же уби и роатинию 3, а три отроци его: и вдасть мяса воємъ на путь. Срезп. III, 129. Чавв. 115. Лѣв. 450—451. Глог. IV, 174.

Reskoszył się—rozkoszył się—расположиться лагеремъ, глаголъ отъ слова *koss*, кошь—лагерь, latine castra.—523. (Pogańcy) Wypiecznie sie iak w domu sobie rozkoszyli—(татары) беззаботно, безпечно расположились себѣ лагеремъ какъ будто у себя дома.—Дювер. стр. 179, подъ словомъ: роскошь.

Scholdować—zholdować—поставить въ ленную отъ себя зависимость, подчинить, покорить.—35—36. A teraz iako cię śmierć groźna scholdowała, nam żalost, sobie tryumf wieczny udzielała—а теперь, когда жестокая смерть тебя покорила, себѣ въ удѣлъ получила она вѣчный триумфъ, а намъ оставила печаль. Карл. 214—215.

Sprawa, у,—устроитель, руководитель, начальникъ. 105. Prawie żan Bog sprawcą był małżonstwa onego—право самъ Богъ былъ устроителемъ этого супружества. 246—247. Tamżo zgodnie obrali wnet sprawcę iednego, Ostaficia dzielnego Kniazia Rużynskiego—тамъ же они тотчасъ въ полномъ согласіи выбрали одного начальника—храбраго князя Евстафія Ружинскаго. 408. Widząc iż sprawce swego iai w wojsku nie maią—видя, что они (татары) не имѣютъ уже посреди войска своего начальника. Лѣв. 497.

Sprośny, а, е; нарѣчіе *sprośnie*, — нечистый, испорченный, развратный, неряшливый, позорный. — 539. *A drugdy zaś w sprawie swej sprośnie się mieszaia* — другие же (татары) позорно перепутываются въ своемъ строю. 954—955. *A tak sprośnie uporne przedsięwzięcie jego, iż zgody ni pokoju nie pragnął świętego* — его (Іоанна Грознаго Московскаго) позорный замыселъ былъ такъ упоренъ, что онъ не жаждалъ ни примиренія, ни святаго покоя. 1003. *Wędziem za łaską Bożą sprośną Moskwę bili* — съ Божіею помощью мы будемъ бить неряшливую Мооску. 1054. *Gdy sprośna Moskwa przed nim wromotnie pirzchała* — когда неряшливая Мооска постыдно бѣжала передъ нимъ въ разсыпную. 1057. *(Książę) swym sercem dolałając sprośną Moskwę gromi* — поддавая своимъ отвага, князь громитъ неряшливую Мооску. Горб. 338.

Strych, и, м. — слово это имѣетъ нѣсколько разнообразныхъ значеній: 1) чердакъ, вышка; 2) гребло, скребокъ; 3) штрихъ, выведенный перомъ, ударъ смычка на скрипкѣ; 4) образъ, способъ. 680. *Во у Bakay tym strychem patrzył szczęścia swego* — вотъ и Бакай такимъ же образомъ попробовалъ своего счастья.

Surma, у, ж. — турецкое *сурна* или *зурна*, труба съ широкими отверстіями для пальцевъ, издававшая очень рѣзкіе, пронзительные звуки. Маленькія сурмы называли *суремками*. — 193—194. *Dawczy potym szurmą znak pewny do potkania, „Hala, Hala“ wołaia wszyscy bez przestania* — (татары) подавши сурмою условный знакъ къ наступленію, всѣ безъ остановки кричатъ: „гала, гала“. 264. *A na surmach żalośnie dumy wygrawaia* — а на сурмахъ жалобно думаютъ они жалобныя думы. Glog. IV, 294.

Szańcować się — oszańcować się — окружать себя окопами, окопываться. Въ такомъ смыслѣ употребленъ этотъ глаголъ въ стихѣ 990: *Gdy się bliżej pod ścianę już przyszańcowali* — когда они подрылись уже окопами (траншеями) поближе къ стѣнамъ. Въ переносномъ смыслѣ — *zszczęścić się*, имѣть счастье, успѣхъ. 958. *Wszędzie się z łaski Bożej naszym szzańcowało* — съ Божіею помощью нашимъ повсюду везло счастье. 962. *Iż mi się z łaski Bożej na wazem szzańcowało* — съ Божіею помощью ему во всемъ везло счастье. Leb. 516.

Stelna, у, ж.—ущелье, чаща, кустарникъ. 412. A drudzy po *szelwach* *kryjących* *lasy*—а другіе хватають укрывающихся въ чащахъ (татаръ) 708—707. Byłby już *bezpieczniejszy* *ocię* z *dziesięć* *swem*, nie *kryłby* po *szelwach* u *lasu* *gęstym*—отецъ съ своими дѣтьми былъ бы въ большей безопасности и не укрывался бы по ущельямъ и по густымъ лѣсамъ. *Leb.* 517—518.

Szwank, и, м.—вредъ, ущербъ, поражение.—Na *Horby*, 39. A *choć* *się* *też* *kuśli*, *zawždy* *szwank* *odnosli*—а хотя они (татары) и покушались нападать, всегда терпѣли поражение. 766—769. *Takim* *szczęściem* *obdarzył* *Bog* *Książecia* *niego*, że *nigdy* z *łaski* *iego* *szwanku* *tak* *wielkiego* *nie* *odniósł* *od* *Pogańców* *w* *tak* *gęstych* *potrzebach*, *których* *dość* *często* *miewał* *przy* *Podnieprskich* *brzegach*—Богъ одарилъ доблестнаго князя такимъ счастьемъ, что по милости Его онъ никогда не понесъ отъ невѣрныхъ особенно большаго пораженія въ тѣхъ частыхъ стычкахъ, которыя онъ постоянно съ ними имѣлъ на берегахъ Днѣпра.

Szwankować, **szwankować**—страдать недостаткомъ чего, быть слабымъ, потерпѣть ущербъ, вредъ, понесть поражение въ битвѣ. 179. *Jako* *w* *on* *szła* *Monarcha* *on* *mężny* *szwankował*—какъ въ то время этотъ мужественный государь потерпѣлъ поражение. 308. *Światem* *on* *też* *wielkim* *aż* z *Rycerstwem* *szwankował*—иногда и этотъ великій мужъ (Скандербегъ) терпѣлъ со своимъ рыцарствомъ (войскомъ) пораженія. Такой же смыслъ имѣетъ этотъ глаголъ въ стихахъ 320, 414, 678 и 1001.—*Leb.* 524.

Taniec, ѣса, м.—первоначальное значеніе: *пьяска*; затѣмъ *танцемъ* называли способъ нападенія на непріятеля, свойственный татарамъ, которые какъ бы *пьясали* передъ непріятельскимъ войскомъ на своихъ быстрыхъ степныхъ бѣгунахъ. 586. *Tatarzy* *zwykłym* *tan-* *cem* *pałazuch* *paieżdżali*—татары наскакивали на нашихъ съ обыкновенными своими танцами. У черкесовъ и другихъ канказскихъ горцевъ эти *танцы* (упражненія въ наѣздничествѣ) называются *джинитовкой*. Отсюда глаголъ *джинитовать*—гарцовать, наѣздничать, упражняться въ наѣздничествѣ съ ловкостью и быстротой трудныхъ оборотовъ на скаку. Слов. II отд. т. I, стр. 1025; *Leb.* 531—532.

Tór, ori, м. — путь, дорога, тропа, стезя. — Na Herby, 27. Tymśi *torom* Książęta poszły Wiśniowieckie — такою именно стезею (путемъ, ведущимъ къ чести и доброй славі) пошли князья Вышневецкіе.

Uf, uff — huf, u, м.; уменьш. *ufice* — *hufiec* — нѣмецкое *Hausen* — куча, груда, околпение, стая, группа, отрядъ, взводъ, шайка, ватага, толпа. У нашего автора употребляется въ значеніи: *отрядъ войска*. 166. Bo straż *ufice* niemały Tatar obaczyła. 282. Alić sie *uff* Tatarski z za kurhana wali. 396. Aż sie k nim z lewey strony *ufice* Tatar wali. 506. Zatym porządnie *uffce* w swym woysku rozadził. 603. (Tatary) Wnet sie zaś sprawią prętko do *uffu* iednego. 738. Prętko sie w ieden *hufiec* Pohańcy sprawili. — Łeb. 230 — 231.

Umor, u, м. — усилие до послѣдней крайности, до смертельнаго изнеможенія, до погибели. Поэтому говорится: Igać na *umor*, śmiać się, pić do *umoru*, do upadu, na zdech, na śmierć, do zgonu, do ubicia, do zginienia. — 606. Tak sie na *umor* sieka, aż sie już mieszaia — сбиутся между собою (на сабляхъ) до упаду, до изнеможенія, до погибели, такъ-что ужъ приходятъ въ замѣшательство. Glog. IV, 406.

Ustawnie, нар. = *ustawicznie* — постоянно, непрестанно, безъ перерыва. См. выше, стр. 173, строка 11 снизу: Przypatrzylwszy sie tei słowu Pańskiemu, ktorego W. W. *ustawnie* słuchać raczyaz — вдумавшись въ Слово Божіе, которое Ваша Вельможность постоянно любите слушать.

Warący вм. *waruniący* отъ *warować* — ограждать, укрѣплять. — 548 — 549. Takóі to zasne Książę wedle swey zwykłości *Warący* Rzeczpospolitą z uprzejmeu szczerości — такъ-то доблестный князь по своему обыкновению ограждалъ, охранялъ Рѣчь Посполитую съ искренною преданностью, изъ покрѣпней къ ней преданности.

Wypłoszyć zkad — откуда нибудь выпугнуть, выгнать страхомъ. — 527. Zaraz duszę wypłoszył y z konia wysadził — сейчасъ душу выпугнулъ (изъ тѣла) т. е. убилъ татарина и сбиль его съ коня.

Zawęj, oje, m.—тюрбанъ, повязка изъ легкой бѣлой матеріи, которую въ старину носили на головѣ турки. —83. **Nie straszny był Moskwidzin, ni Turczyn *zawoist***—не страшны были ему (князю М. А. Вышневецкому)—ни москвитянинъ, ни турокъ въ тюрбанѣ. 97. **Krwawił Turkom *zawoie*, oducał *zwucięstwo***—обливалъ кровью тюрбаны туркамъ, одерживалъ побѣды (Зеновичъ). 278. **Turkom z głowy od szabel *zawoie* latał**—у турковъ отъ сабельныхъ ударовъ тюрбаны слетаютъ съ головъ. Ср. въ думѣ о побѣдѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи ст. 274: турецкымъ биленькымъ *zawoialom* махавъ. Ист. пѣсни мал. нар. I, стр. 216.

Zniewalać—заневоливать, заневолить; взять кого-нибудь въ неволю, полонить; закабалить, лишить свободы дѣйствій. —478—479. **Zniewalał dobrodzieystwy Pohańca zrogiego, zachowując w przedni cíasz sobie przyjaźń jego**—своими благодѣяніями онъ обезоруживалъ жестокаго татарина, обезпечивая себѣ на будущее время его приязнь, дружбу.

Послѣсловіе.

I.

Авторъ заданнаго нами памятника не называетъ своего имени и не сообщилъ о себѣ никакихъ прямыхъ біографическихъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе въ самомъ памятникѣ можно найти достаточно указаній, чтобы составить себѣ объ авторѣ нѣкоторое сужденіе.

Прежде всего мы опредѣленно знаемъ, что свое произведеніе онъ писалъ въ одномъ изъ имѣній князя Михаила Александровича Вишневецкаго, а именно въ селеніи Нижней Бѣлкѣ, расположенномъ при рѣчкѣ Бѣлкѣ, ниже (по теченію ея) другого поселенія, называвшагося Верхнею Бѣлкою. Въ настоящее время Верхняя Бѣлка называется Большою, а Нижняя—Малою.

Затѣмъ авторъ называетъ князя Михаила Александровича Вишневецкаго своимъ паномъ и благодѣтелемъ („*iz tu krotko dzieie Pana swego wypisuię*“... „*złożyłem kilka dziesiąt wierszów przypominające mi przeszłego a świętę pamięci Pana a dobrodziecia swego Miłościwego zeszłego*“), а себя — слугою овдовѣвшей княгини Елисаветы Юрьевны Вишневецкой („*od panieńskiego sługi swego*“).

Изъ этихъ двухъ обстоятельствъ мы можемъ заключить, что авторомъ „Плача“ былъ человекъ, служившій у князя М. А. Вишневецкаго и получившій отъ него для кормленія деревню Нижнюю Бѣлку. Скорѣе всего, что онъ былъ княжескимъ коморникомъ въ родѣ того коморника Богданка, который въ 1563 году во время нападенія кн. Вишневецкаго на Сѣверщану былъ взятъ въ плѣнъ людьми Іоанна Грознаго и затѣмъ былъ отправленъ къ королю Сигизмунду-Августу для засвидѣтельствованія передъ послѣднимъ факта нарушенія кн. Вишневецкимъ мира съ Москвою (см. выше, стр. 192, прим.).

Далѣ мы можемъ утверждать, что авторъ „Плача“ участвовать вмѣстѣ съ кн. М. А. Вишневецкимъ во всѣхъ описанныхъ имъ походахъ и сраженіяхъ съ непрітелемъ. Всѣ эти описанія отличаются необыкновеннымъ для того времени реализмомъ: отмѣчаются малѣйшія подробности схватокъ, пересказываются слова, съ которыми кн. М. А. Вишневецкій обращался къ соратникамъ, воодушевляя ихъ на бой, рисуются ощущенія, которые могли запечатлѣться только въ памяти воина, сражавшагося рука объ руку съ усопшимъ княземъ. Иногда пылъ битвы воспламеняетъ автора и чувствуется присутствіе въ его душѣ значительнаго поэтическаго дарованія. Такъ описывать военныя дѣйствія могли только человѣкъ, принимавшій въ нихъ непосредственное участіе. Для примѣра приведемъ нѣсколько описаній.

Вотъ въ 1554 г. князь М. А. Вишневецкій на берегу р. Хорона у Кильдешовой могилы сражается съ татарскимъ войскомъ, предводимымъ Саткуреемъ... „Татары построились, какъ у нихъ въ обычаѣ. Въ рукахъ у нихъ натянутые луки съ острыми стрѣлами. Подавши сурмой условный знакъ къ наступленію, всѣ безъ остановки кричатъ: „галя, галя“. Князь и его рыцарство жарко съ ними сшиблись и мужественно вступили въ бой съ татарскимъ войскомъ. Обѣ стороны рубятъ другъ друга саблями, а ные изъ нашихъ оцепами спихиваютъ татаръ съ коней. Не малое время длится битва; наконецъ, Богъ помогъ христіанамъ: разстроился воядокъ у жестокихъ басурмановъ. Разгромленные, скачутъ они въ безпорядкѣ по полю, наши же вотъ сейчасъ опять съ ними сѣло схватится. Не одинъ чубатый татаринъ, сбить уже съ бахмата и валется на землѣ: онъ пораженъ, какъ и все его войско. Богъ показалъ доблестному князю ясное знаменіе, что его предвріятіе не дерзновенно. Мы кровавили наши сабли въ жестокой татарской крови, а татаринъ въ то время испыталъ на себѣ доблесть Вишневецкаго“.

Нѣсколько позднѣе три князя: Евстафій Ружницкій, Романъ Сангушко и Михаилъ Вишневецкій—сразились съ турками на Вѣгородскомъ полѣ. Авторъ пишетъ несомнѣнно, какъ очевидецъ: „Стража прибѣжала съ вѣстью, что турки сѣдлають аргамаковъ. По росѣ хорошо слышно, какъ бренчатъ стремена. Дѣло близится къ разсвѣту, загорается заря, день началъ выплывать изъ глубо-

каго моря. Помолвившись Богу, князя садятся на коней и осторожно, въ боевомъ порядкѣ, двигаются со стоянокъ. Когда князь подошли почти подъ самый бокъ непріятелю, въ полномъ порядкѣ, какъ слѣдуетъ передъ сраженіемъ, то и турки въ своемъ строю также тронулись съ мѣста; впередъ, какъ водится, они послали развѣдчиковъ. Полегоныку и наши двигаются на встрѣчу, тщательно вглядываясь въ турецкій строй; надъ ними выются значки изъ разноцвѣтной китайки, а на сурмахъ наигрываютъ они жалобныя думы. На высокомъ курганѣ показались турки. Наши огромною трубою подали сигналъ къ наступленію. Жарко бросаются другъ на друга, мужественно сшибаются. Турки направляютъ на нашихъ длинныя копья, а наши огрѣваютъ турокъ изъ ружей и луковъ. Съ обѣихъ сторонъ валятся уже трупы подъ лошадиными копытами. Довольно крика по полю и эхо отовсюду откликается. Гордый турокъ какъ-то отчаивается уже въ побѣдѣ. Припертые нашими, турки подаются назадъ, а наши смѣло еще напираютъ и двигаются впередъ. Рубятъ другъ друга саблями, стрѣляютъ изъ ружей. По милости Божіей, наши отбиваются отъ турокъ. Припертые нашими, турки показываютъ тылъ; отъ сабельныхъ ударовъ летятъ у нихъ турбаны съ головъ. Разгромленные такъ турки бѣгутъ къ Бѣлгороду. Переправляются вплавь на коняхъ гдѣ кто попалъ, но разыскивая бродъ“.

Только что вступилъ князь М. А. Вишневецкій въ должность Черкаскаго старосты, какъ ему пришлось сразиться въ 1560 году съ татарами, расположившимися на берегу р. Псла. „Породавали за вѣрноо“, говоритъ авторъ, „что татарскаго войска триста человекъ. Хотя это сила неравная нашей, но наши все-таки не страшились. Видя отвагу своего вождя, они одинъ въ другомъ возбуждаютъ мужество. Въ то время начинала всходить румяная заря, своимъ свѣтомъ она разгоняла мглу и темноту ночи. Другая стража дастъ знать, что иные татары уже трогаются, а другіе садятся на быстрыхъ бахматовъ. Князь съ подручниками приводитъ своихъ въ порядокъ и строить ихъ, какъ слѣдуетъ передъ битвой. Онъ старается заставить татаръ на стоянкѣ и приказываетъ своимъ одновременно тронуться съ мѣста. Подвигаясь впередъ, они опѣшавъ ударить на татаръ. Вдругъ съ лѣвой стороны наваливается на нихъ отрядъ татаръ. Этихъ съ помощью Божіей они

бесѣ труда разгромили и ни одного изъ нихъ не выпустили обратно въ лагерь. Потомъ наши поскакали къ лагерю и подняли крикъ, а татары очень встревожились: поспѣшно садятся на своихъ бахматовъ. Наши мужественно и быстро схватились съ татарами. Князь первый показалъ своимъ примѣръ и отважно сбилъ съ коня оцепомъ татарскаго предводителя. У многихъ мужество пробудилось, когда они увидѣли, что ихъ вождь подаль первый признакъ вѣрной побѣды. Татары разстроились, видя, что въ ихъ войскѣ нѣтъ уже вождя, а наши тѣмъ сильнѣе на нихъ напираютъ. Татары разгромлены и прячутся въ камыши; иные-же, отступая, бьются еще вооруженною рукою. Преслѣдуя, наши спихиваютъ татаръ рогатинами съ коней; иные берутъ въ плѣнъ укрывающихся въ чашахъ“.

Послѣ похода весною 1568 года въ Сѣверщину князь М. А. Вишневецкій узналъ, что татары на возвратномъ пути изъ предѣловъ Польши, гдѣ они захватили въ плѣнъ множество народа, остановились лагеремъ подъ Пивскою Горою въ нынѣшнемъ Кременчугскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Онъ поспѣшилъ вслѣдъ за ними и рѣшилъ напасть на ихъ стоянку. „Идя походомъ“, рассказываетъ нашъ авторъ, „онъ разговаривалъ со своими, совѣтовался, какъ сразиться, затѣмъ расположилъ въ боевомъ порядкѣ отряды своего войска. Потомъ онъ убѣждалъ своихъ, чтобы они не трусили, такъ какъ передъ тѣмъ въ маломъ числѣ они побѣждали большія силы. „Вотъ увидите“, молвилъ онъ, — „Вотъ, который всегда помогаетъ христіанамъ, сокрушить мощь жестокихъ язычниковъ; не тревожьтесь множествомъ татарскаго люда, — Вотъ дастъ, мы побьемъ свирѣпаго чужезѣнца. Сжалимся надъ невольниками, предаваемыми мукамъ и изнемогшими отъ ужаснаго татарскаго плѣна“. Потомъ они дружно тронулись со своихъ мѣстъ и, имѣя добрыя предзнаменованія, торжествовали уже побѣду. Утренняя звѣзда начала садиться передъ зарей и румянецъ яснаго дня блисталъ уже пѣз-за ночныхъ тучъ. Какъ только татарская стража увидѣла нашихъ, то съ крикомъ: „гяуры, гяуры“—поскакала къ лагерю. Князь поспѣшно наступаетъ, а Рудашъ, хоть ужъ и не во время, строитъ своихъ въ боевой порядокъ. Невѣрные какъ будто не чувствовали надъ собою непріятеля; расположились себѣ лагеремъ такъ безопасно, какъ дома. Князь объѣзжаетъ ряды и

ободряетъ воиновъ. Потомъ съ громкимъ крикомъ выскочилъ онъ впередъ, мужественно ударилъ рогатиною татарскаго предводителя, выпугнулъ изъ него душу и обиль его съ коня. Наши храбро ударили на татаръ, а татары, видя, что не шутка, — бросились въ разсыпную. Одни быстро хватаютъ коней, другіе бьются, но отъ сильного испуга метаются то туда, то сюда. Рудашъ кричитъ на тѣхъ, что достали лошадей, чтобы они смѣло отстрѣливались отъ гяуровъ изъ луковъ. Какъ, дождь падаютъ съ обѣихъ сторонъ свистящія стрѣлы. Нашимъ, слава Богу, хватаетъ силъ; они обокъ бросаются на татаръ и отбиваютъ у нихъ лошадей. Чѣмъ далѣе, тѣмъ слабѣе обороняются татары; отъ густыхъ пуль многіе валятся съ бахматовъ. Иные трусливо покидаютъ строй. Такъ, по милости Божіей, разгромили наши татаръ и, ловя ихъ, гонялись за ними по полю^а.

Приведемъ еще описаніе нападенія татаръ на г. Черкасы, гдѣ обыкновенно проживалъ князь Михайлъ Александровичъ Вишневецкій. — Однажды въ осеннее время тайными тропинками подкрался Рарадза къ Черкасамъ и съ нимъ — пятьсотъ всадниковъ. Онъ велъ своихъ татаръ, скрывая слѣды; негодай разсчитывалъ ночью вломиться въ городъ. Онъ не покушался напасть днемъ, а ждалъ ночи, чтобы повязать спящихъ, пользуясь ихъ беспомощностью. И вотъ, когда ясное солнце закрыло свое лицо, а мѣсяцъ сіялъ почти на половинѣ неба, люди же спали глубокимъ сномъ, вдругъ по церквамъ ударили въ набатъ. Всѣ схватились со сна, кричатъ: „гвалтъ, гвалтъ“, а татары въ то время разбрасываютъ городокой частоколь. Князь, слыша такой шумъ, схватился со сна и, не ожидая, пока ему подадутъ оружіе, умоляетъ своихъ, чтобы они не тревожились и не боялись, а чтобы выгнали татаръ, какъ собакъ, изъ города. Когда у насъ случилась такая тревога отъ невѣрныхъ, въ то время луна свѣтила съ яркостью солнца. Татары поражаютъ нашихъ густыми выстрѣлами; свистящія стрѣлы слетаютъ съ кривыхъ луковъ. Наши стрѣляютъ по татарамъ изъ длинныхъ ружей, а татары стрѣмглавъ удираютъ изъ города. Князь со своими людьми напираетъ съ отчаянной отвагой, не считаясь съ опасностью. Выгнанные изъ города татары, быстро отступаютъ на лугъ. Кое-какіе изъ нихъ навѣсно пускаютъ стрѣлы въ городъ. Татары съ большимъ позоромъ отступили прочь и, ничего не достигнувъ въ городъ, со всѣмъ своимъ лагеремъ тро-

нужно въ путь. Но черезъ нѣсколько дней они возвратились и опять задумали попробовать счастья. Какъ разъ въ тотъ часъ, какъ всходила прекрасная заря и Фебъ началъ катить изъ моря свою золотую колесницу, закричали они по полю: „гали, гали!“ и бросились къ городу, а наши посѣбно выступили изъ города имъ на встрѣчу. Смѣло на нихъ налетѣли и съ ними схватились. Ваять ихъ съ коней длинными оцепами. Конные татары осыпаютъ нашихъ густыми стрѣлами, а наши пѣхотинцы стрѣляютъ къ татаръ изъ ружей. Иные невѣрные падаютъ съ коней, другіе удираютъ; наши за ними гонятся и ловятъ ихъ на арканы. Въ то время мы захватили въ плѣнъ двадцать татаръ, исключая тѣхъ, которые остались на мѣстѣ убитыми“.

Приведенныхъ примѣровъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы судить, съ какою обстоятельностью описываетъ нашъ авторъ военныя дѣйствія, наполнявшія жизнь князя М. А. Вишновецкаго. Не только отмѣчается время, когда происходила битва: на зарѣ, днемъ или ночью; но даже не забыты такія, напримѣръ, мелочи, какъ то, что татарскій отрядъ напалъ на войско князя съ *левой* стороны (ст. 396), что лягъ стремянъ былъ отчетливо слышенъ *по русь* (ст. 252). Невозможно записать такія подробности съ чужихъ словъ. Поэтому мы рѣшаемся настаивать на томъ, что авторъ „Плача“ былъ постояннымъ соратникомъ усопшаго князя М. А. Вишновецкаго и самъ непосредственно пережилъ тѣ событія, которыя онъ съ такою простотою и яркостью воспѣлъ въ своихъ стихахъ. Дѣлая такое предположеніе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны будемъ допустить, что по возрасту авторъ „Плача“ былъ сверстникомъ князя и что, слѣдовательно, онъ выступилъ на литературное поприще въ позднемъ вѣкѣ, имѣя уже на плечахъ не менѣе половины шостаго десятка лѣтъ.

Въ обращеніи къ критику (*dozasunkaz*), которымъ нашъ авторъ заканчиваетъ свое произведеніе, онъ проситъ послѣдняго быть къ нему снисходительнымъ, такъ какъ онъ не опытенъ до въ литературной риботѣ и пишетъ безхитростно и просто, какъ ему подсказываютъ его непосредственное чувство и желаніе почтить память дорогого покойника. Тѣмъ не менѣе скромность автора нѣсколько преувеличена. Хотя онъ, быть можетъ, и не пробовалъ ранѣе своего пера въ самостоятельныхъ сочиненіяхъ, однако изъ разныхъ мѣстъ „Плача“ видно, что это былъ человѣкъ, получившій законченное по требованію своего времени образованіе и обладавшій значительною начитанностью.

Изъ обращенія автора къ княгинѣ Елисаветѣ Юрьевнѣ Вип-
новецкой (см. выше, стр. 169—174) видно, что тексты священнаго
писанія были крѣпко запечатлѣны въ его памяти и что онъ охот-
но пользовался ими для подкрѣпленія своихъ взглядовъ и для
большей убѣдительности тѣхъ увѣщаній, съ которыми онъ обра-
щался къ княгинѣ, желая ее утѣшить и успокоить въ виду кон-
чины любимаго супруга. Онъ цитируетъ книги какъ Ветхаго,
такъ и Новаго Завѣта, приводя тексты изъ книги Іова, изъ Псал-
тири, изъ книги Премудрости Іисуса, сына Сирахова, изъ посланія
ап. Павла къ Евреямъ. Въ равной степени доступна была ему
исторія древняго міра, изъ которой онъ неоднократно черпаетъ
примѣры въ поясненіе своихъ мыслей, хотя въ этомъ отношеніи
выгодно отличается отъ своихъ современниковъ, такъ какъ не
загромождаетъ своего изложенія многорѣчивыми заимствованіями
изъ классическихъ авторовъ. Онъ вспоминаетъ о походахъ пер-
сидскаго царя Ксеркса на грековъ (ст. 176—184), объ Ахиллесѣ,
устремившемся на войну, хотя онъ былъ укрытъ матерью среди
дочерей царя Ликомеда и послѣ женское платье (ст. 323—326),
объ Аннибалѣ Карфагенскомъ, воевавшемъ съ Римлянами
(ст. 421—426), о Сципіонѣ Африканскомъ, Маниліи, Квинтѣ Ка-
туллѣ и Маріи (ст. 887—890), не говоря уже о томъ, что его рѣчи
присущи такіе общеупотребительныя имена классической древно-
сти, какъ Фебъ—для обозначенія солнца, Марсъ—для обозначенія
войны. Даже шуточные выраженія авторъ заимствуетъ изъ оби-
ходной школьной мудрости. Такъ, описывая поражение татаръ
на Черномъ Ташлыкѣ, онъ говоритъ (ст. 760—761): „Nie długo
tam z Pohańcem argumentowali, bo szablą silogizmu ich konkludo-
wali“.

На ряду съ познаніями автора въ области священнаго пи-
санія и классической древности замѣтно знакомство его и съ ли-
тературою ему современной. Такъ, онъ упоминаетъ о борьбѣ Скан-
дербега съ турками—очевидно, читалъ книгу о его жизни и дѣя-
тельности Марина Барлоція, изданную въ польскомъ переводѣ
Кипріана Базилика въ 1569 г. въ Врестѣ-Литовскомъ (см. выше,
стр. 187, прим.). Желая выставить знатность супруги князя Ми-
хавла Александровича княгини Елисаветы Юрьевны, авторъ

говорить, что она происходит изъ дома Юрія Зеновича — „Iz tego Zienowicza, rycerza wielkiego, na dworze Krolow zasnych dzielnością, znasanego, ktorego u podziśdzien Węgrzy wspominaia, iego rycerskie dzieie w swych Kronikach maia“; изъ этихъ словъ можно заключить, что автору случалось заглядывать въ венгерскія хроники. Наконецъ, дважды онъ упоминаетъ о хроникахъ отечественныхъ, описывающихъ дѣянія великаго князя Витовта и князя Константина Ивановича Острожскаго: ст. 782—783. — „Wspominaia Kroyniki dzieie Witultowe, jak duze Hordzie Tatarskie porazil na glowe“ и До ласк. cyt. ст. 18—20. — „A iesliże Witulty, ony Konstantyny, y ony dzielne meze, sny rycerskie synu, wspominaia Kroyniki aż do czasu tego“..... Мы полагаемъ, что въ обоихъ случаяхъ подъ „Хрониками“ слѣдуетъ подразумѣвать сочиненіе Матвія Стрыйковскаго: „Ktora przed tym nigdy swiatla nie widziala Kronika Polska, Litowska, Żmódzka i wszystkiej Rusi“, напечатанное въ Кенигсбергѣ (Кролевцѣ) въ 1582 году т. е. за два года до выхода въ свѣтъ *Epideccion'a* нашего автора. Когда нашъ авторъ писалъ, что „Хроники“ повѣствуютъ о дѣяніяхъ Витовта,

Jak duze Hordzie Tatarskie porazil na glowe,

Nahajskich y Zawolskich, stąd Tatar do Litwy

Przywiódł на знакъ звыцѣства оней славной битвы,

—несомнѣнно, ему вспоминалось стихотвореніе Стрыйковскаго „O wtorej wyprawie Witolda samego na Tatary, według Cromera, Długosza i Miechoviussa. Roku 1397.“, гдѣ находимъ слѣдующіе стихи (см. Варшав. изд. 1846 г. томъ II, стр. 112—113):

Tam nad Donem i Wolgą Tatarów pogromił,

Zdybawszy ich, bez wieści, pobił i rozgromił;

Obozy ich, wielbłądów i bachmatów stada

Pobrał, i cokolwiek ich horda rodzi rada.

Tak Nahajskich, Zawolskich dwie hordy poraził

I do utarczek Ruskich, drogę im przekazał.

Don, Worschlą, Sina-woda, Wolga, krwią płynęły,

Czym Litwy z Rusią meżne dzielności słynęły.

Horde jedną do Litwy Witold przyprowadził,

Którą nad Waką rzeką na rolach posadził,....

Если во второмъ мѣстѣ нашъ авторъ вспоминаетъ о прославленіи „Хрониками“ не только Витовта, но и Константина —

очевидно, Острожского, то опять таки нельзя сомнѣваться, что подъ неопредѣленнымъ выраженіемъ „Хроника“ онъ разумѣетъ того-же Стрыйковского, посвятившаго описанію подвиговъ Витовта и ки. Константина Ивановича Острожского обширные отдѣлы своего труда (см. Варшав. изд. 1846, т. II, стр. 97—176 и стр. 308—810, 845, 865—371, 380—385, 397).

Изучая параллельно „Epicedion“ и стихотворные отдѣлы Хроники Стрыйковского, неизбежно прійти къ заключенію, что авторы обоихъ произведеній находятся въ ближайшемъ литературномъ родствѣ, принадлежать къ одной и той-же литературной школѣ. Авторъ „Плача“ нигдѣ не описываетъ Стрыйковского, какъ это дѣлалъ немного позже (1587 г.) Верещинскій съ Реемъ; однако у обоихъ постоянно встрѣчаются сходные обороты рѣчи, одинаковые приемы въ описаніи событій, почти тождественные образы. Чтобы не загромождать нашего изложенія примѣрами, приведемъ ихъ немного, выбирая наиболѣе выукные.

Вотъ мѣсто изъ описанія битвы Витовта съ татарами на Ворсклѣ у Стрыйковского (т. II, стр. 115):

Tak rzekł (Витовтъ). Za tym ogromnie *skoczyli* do siebie,
Z krzykiem, z hukiem, aż *Echo odzywał się w niebie*,
Trąby chrapliwe głosy, bębny kołat dają,
Konie rżą, *Hała! Hała! Tatarzy wołają*.
Naszy szablami, strzelbą ruśniczną ich biją,
A *Tatarowie z łuków bez przestanku szują*.

Въ „Плачѣ“ находимъ слѣдующія параллельныя мѣста:

Ст. 191. *Tatarzy zwyciężeni swym, już rozszykowani,*
Gotowi w rękach łuki, z ostrymi strzałami.
Dawszy potym szurmą znak, pewny do potkania,
„Hala, Hala“, wołają wszyscy bez przestania.
Króla z swoim Rycerstwem, zarko k nim *skoczyli*,
196. Mężnie z Tatarskim wojskiem, tam bitwę stoczyli.

Ст. 271. *Krzyku dosyć po polu, Echo głos roztacza,*
Buczný Turczyn w zwycięstwie, już iakoś rozpacza.

Орпѣинов. II, стр. 253:

Przewłoka w wojsku szkodzi, czasem zwyciężeni,
Zwycięsców swoich biją, swłasza przymnożeni.

I Hannibal gdy *Rzymian ad Cannas porasił*,
Snadnieby był wszystkie moc Rzymską zaraz skaził,
By zwycięstwa używać umiał.

Epiced. сгнхх 1082—1083:

Hanibal z małym wojskiem, na male sie wazył,
Który srodze *ad Cannas, Rzymiany porasił*.

Орпѣинов. II, стр. 368:

Na kniazia Constantina *swykłym tańcem* owym
Uderzyli, a on też wnet z wojskiem gotowym,
Starł się z nimi ochotnie, *strzały jak grad leca;*

A kniaz Constanti *maiąc o swych pilną pieczę*,
Krzyczy: „nuss teraz, bracia, chęcią iednakową
Czyńcie, ja was zastawię naprzód swoją głową!”

Epiced. сгнхх 586 - 593.

Tatarzy *swykłym tańcem*, naszych naiożdżają,
Ktorem sie z łaski Bożej, naszym opiorają.

Naszy sie s nimi zetrą, *strzały iak grad leca*,
Księżę wokoło iędzając, ma o swoich pieczę.

Krzyczy: „Nuż teraz, dzieci, chęcią iednakową,
Każdy z was mięznym sercem, śmiałością gotową.

Patrzcie iako Pohańcy, już sie teraz mieszają,
Da Bog iā tu przed nami, namniey nie wskurają“.

Сгнхх 1046—1047:

Teraz, dzielni Rycorzo, *chęcią iednakową*,
Oto ia przy was gotow, *pieczętować głową*.

У Стрыйковского (стр. 368) есть стихъ:

Tak się na umór sieka, aż się pomieszałi,

и тотъ же стихъ съ маленькимъ измѣненіемъ повторенъ въ „Плачѣ“ (606):

Tak się na umor sieka, aż się już mieszaia.

Если съ одной стороны нашъ авторъ весьма близко соприкасается съ тѣмъ литературнымъ теченіемъ, которое принесло Стрыйковского, то съ другой стороны ему не чужда и область „думъ“ т. е. южнорусскихъ эпическихъ поэмъ, воспѣвавшихъ подъ аккомпаниментъ инструментальной музыки наиболѣе волновавшія современниковъ событія изъ борьбы южнорусскихъ князей съ невѣрными. Онъ самъ слышалъ, какъ передъ сраженіемъ князей Ружинскаго, Сангушка и Вишневецкаго съ турками на Бѣлгородскомъ полѣ раздавалась среди ихъ дружинъ жалобная музыка думъ (стихъ 264). Со временъ „Слова о полку Игоревѣ“ въ южнорусскомъ эпосѣ на первомъ планѣ стоитъ инструментальная музыка: „струны князьямъ славу рокотали“; слова являются дополненіемъ и объясненіемъ музыкальной мелодіи. Поэтому нашъ авторъ правильно выразилъ преобладающее впечатлѣніе слушателя, говоря:

A na surmach załośnie dmy wygrawaia.

Громкая музыка сурмъ совершенно поглощала слова думъ.

При чтеніи „Плача“ мѣстами чувствуется, что авторъ его заимствовалъ нѣкоторые образы, обороты и выраженія изъ словеснаго поэтическаго запаса думъ. Такъ, намъ кажется, что думами навѣяны слѣдующіе стихи: „Усопшій князь былъ щитомъ для всей Украины—это и ты, татаринъ, хорошо можешь помнить. Подъ рукой у него всегда было бдительное воинство, отганявшее отъ границъ татаръ, какъ бѣшеныхъ собакъ. Смотри, какъ смутны эти поля, украшенные курганами, словно прекрасное небо—ясными звѣздами; по нимъ князь со свитой воинства часто гонялся за татарами и громилъ ихъ своею острою саблею. Когда татары гнали плѣнныхъ изъ Руси, онъ отнималъ у нихъ невольниковъ, под-

вергая ради несчастных опасности собственную жизнь. Право, если бы поля были одушевлены, они заплакали бы теперь по усопшему князю". (Ст. 51—62). Наверное какой нибудь бандурист из войска князя Вишневецкого в присутствии нашего автора декламировал подь аккомпаниментъ своего инструмента:

Ой на поли на Вилогородськимъ,
На шляху на ордынськимъ:
То не ясный соколъ летае,—
То князь Михайло, сердечный, добрымъ конемъ гулае;

или одушевлялъ тоже поле, обращаясь къ нему:

Ой поле Вилогородське!
Бодай же ты лето й зиму зеленило,
Якъ ты мене при нещасливый годьни сподобило! ¹⁾

Мы беремъ эти стихи изъ думы „о поединкѣ козака Голоты съ татаринѣмъ“, примѣняя ихъ къ князю Михаилу Александровичу Вишневецкому и называя „поле“ не „Кыліяньськимъ“ или „Кылымськимъ“ (отъ г. Килия), а „Вилогородськимъ“ (отъ г. Вѣлгорода—Аккермана), такъ какъ на этомъ „полѣ“ слышались звуки думъ въ войскахъ князей Ружинскаго, Сангушка и Вишневецкаго:

Leżąc w Polu z trefunku, Turki obaczyli,
Gdy Białogrodskim Polem, swoy oboz toczyli.

Дума говорить о козакѣ Голотѣ:

Колыжъ козакъ Голота на Черкени долини гулае,
Да татарына келепомъ у груды потягае....
А татарыня изъ лыхій матери съ коня покотывся... ²⁾

Тожѣ самое сдѣлалъ князь Михаилъ Александровичъ:

Tamże wprzod Książę kredenc, swoim uczyniło,
Meżnie z konia oszczerem, Tatarzyna zbiło.

Нашъ авторъ говорить:

Na wzniosłgm sie kurchanie, Turcy pokazali,
Naszy trąbą ogromną, k potkaniu znak dali,

¹⁾ См. Историч. піснѣи малорус. нар. т. I, 1874, стр. 171.

²⁾ См. тамъ же, стр. 174 и 170.

Skoczą żartko do siebie, meżnie sie potkają...

Z obu stron już pod kołmi, trupy sie walają.

Въ пѣснѣ козакъ обращается къ степной могилѣ:

— Гро жъ моя, гро бяла!

Чому съ давно не згоріла?

— Тому и давно не згоріла,

Бо я кровѣвъ закипіла.

— А якою? — *Козацкою*,

Ва й мишановъ съ *турецкою*. ¹⁾

Наиболѣе труднымъ представляется вопросъ о народности нашего автора: былъ-ли онъ полякомъ или русскимъ, пользовавшимся только польскимъ языкомъ, какъ обычнымъ въ то время для южноруссовъ орудіемъ литературнаго выраженія мысли? Мы полагаемъ, что онъ былъ русскимъ. Князь Михаилъ Александровичъ отъ предковъ былъ православнымъ христіаниномъ восточнаго обряда и послѣ смерти тѣло его было погребено въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Выставляя достоинства князя и княгини Вишневецкихъ, авторъ „Плача“ особенно выдвигаетъ впередъ ихъ благочестіе, преданность вѣрѣ и строгое исполненіе церковныхъ обрядовъ. Будучи католикомъ, онъ врядъ-ли такъ распространялся бы о благочестіи Вишневецкихъ, которые представлялись бы ему, напротивъ, схизматиками, не признающими истинной Христовой

¹⁾ См. тамъ же, стр. 275. Издатели „Историческихъ пѣсней“ придаютъ этой пѣснѣ такой смыслъ: „Козакъ спрашиваетъ у степной могилы, почему на ней не выгорѣла (не высохла) трава, а могила отвѣчаетъ, что трава на ней свѣжа, потому что сама она полита кровью, а на мѣстѣ, политомъ кровью, трава не выгораетъ (не высыхаетъ)“—и видятъ, кажется, въ ней отголосокъ народнаго повѣрья. Мы полагаемъ, что болѣе правильно будетъ иное толкованіе пѣсни: „Козакъ спрашиваетъ у могилы, почему на ней не загорѣлся во время костеръ, давящающій о приближеніи непріятеля, а могила отвѣчаетъ, что некому было развести огонь, такъ какъ сторожившіе на могилѣ козаки убиты были турками“. Станиславъ Жолківскій въ письмѣ къ Яну Замойскому отъ 20 октября 1599 г. говоритъ объ обычай татаръ зажигать предупредительные огни на курганахъ: „Bieleczki w Niedzielę przeszłą o południu odszedł od Malaka, widziało go w tamtą stronę, iż zaraz poczętho szajnicz Jassę albo znaki ogniem po kurhanach“. См. Listy Żółkiewskiego, 1808, стр. 94. Отъ татаръ это обыкновеніе переняли и козаки.

церкви. Можно еще допускать, что онъ былъ протестантомъ, но это будетъ голое предположеніе, не подкрѣпленное никакими доводами изъ разбираемаго нами литературнаго произведенія. Такимъ образомъ наиболѣе вѣроятіа, что нашъ авторъ былъ православнымъ и, слѣдовательно, русскимъ. Въ пользу этого говоритъ какъ будто бы и частое употребленіе имъ нѣкоторыхъ русскихъ словъ, напримѣръ, слова „жарко“:

Ст. 195. *Książę swoim Ryceństwem, tarko k nim skoczyli...*

Ст. 267. *Skoczą tarko do siebie, mężnie sie potkają....* и т. д.

II.

Что касается значенія „Плача“, какъ матеріала для біографіи князя Михаила Александровича Вишневецкаго, то оно очень велико. До сихъ поръ мы имѣли объ этомъ князѣ только нѣсколько чрезвычайно сухихъ свѣдѣній, устанавливающихъ его формуляръ (когда онъ былъ назначенъ старостой черкасскимъ и каневскимъ, старостой любецкимъ, каштеляномъ брацлавскимъ, каштеляномъ кievскимъ), да касающихся дѣлъ его, какъ владѣльца земельныхъ имуществъ при мѣстечкахъ: Врагинѣ (нынѣ Рѣчицкаго уѣзда), Вишневецѣ и Вербовцѣ (нынѣ Кременецкаго уѣзда); но они не давали намъ никакого представленія о томъ, какъ проходила его жизнь, чѣмъ она была заполнена и сколько времени длилась. Изъ поэмы мы узнаемъ, что князь М. А. Вишневецкій прожилъ 55 лѣтъ и скончался въ Вишневецкомъ замкѣ 5 октября стараго стиля 1584 года; такимъ образомъ оказывается, что князь родился въ 1529 году. Авторъ не упоминаетъ, гдѣ учился князь и вообще проходилъ ли онъ школьныя науки. Но за то авторъ подробно распространяется (стихи 89—114) о весьма счастливой женитьбѣ князя на Елпсаветѣ Юрьевнѣ Зеновичъ, происходившей изъ сербскаго княжескаго дома, поселившагося послѣ паденія сербскаго царства на Литвѣ. Отъ этого брака князь имѣлъ пятерыхъ дѣтей (3 сыновей и 2 дочерей), изъ которыхъ старшій сынъ, князь Александръ Михайловичъ, въ послѣдніе годы жизни отца раздѣ-

лялъ съ нимъ его военные труды и выказывать большую храбрость. Во время похода на Сѣверщину къ Трубчевску въ 1581 г., когда войска Вишневецкаго встрѣтились съ московскими войсками на берегахъ р. Судости, князь Александръ Михайловичъ, по словамъ автора „Плача“, „будучи молодыхъ лѣтъ, имѣлъ уже отвагу мужественнаго Гектора; прискакавши во весь опоръ, онъ, какъ рыцарь, бросился въ свалку и смѣло своею саблею разилъ московскіе лбы“ (ст. 1059—1061).

Свою военную службу королю и Рѣчи-Посполитой князь Михаилъ Александровичъ началъ въ 1554 году, имѣя отъ роду 25 лѣтъ (стихъ 157) ¹⁾. Вся жизнь его была жизнью рыцаря, видѣвшаго въ войнѣ единственное достойное поприще дѣятельности, и поэтому не было войны Рѣчи-Посполитой съ сосѣдями, въ которой не участвовалъ бы князь М. А. Вишневецкій. Но главною его заботою, какъ старосты черкаскаго и каневскаго, было отраженіе отъ границъ надоедливыхъ татарскихъ козаковъ, („*iak psy iadowite z ukrainy gonil*“ — стр. 219, ст. 8), чуть не еженедѣльно врывающихся въ пограничныя мѣстности для грабежа и захвата плѣнныхъ, которые потомъ обращались въ рабство и служили предметомъ выгоднаго торга. ²⁾ Люди такого типа, какъ Вишневецкій, имѣли, по словамъ нашего автора, „особую страсть быть въ полѣ; болѣе проводили вѣкъ свой въ полѣ, нежели дома. Они

¹⁾ Князь М. А. Вишневецкій въ письмѣ къ канцлеру Яну Замойскому изъ г. Черкаска отъ 8 апрѣля 1579 г. говоритъ о своей службѣ: „*Ja wiem, jakom poszedl z mlodych lat moich Krolowi JM. ranni swietni i Rpej sluzyc wiernie, woszczikie, iako na moi dom slachecki przyaluszal*“. См. Archiwum Jana Zamoyskiego. Warsz. 1904. Докум. № 301, стр. 315.

²⁾ Стихи 779—780: „*Na Kozaki Tatarskie ty winy wkładając, ktorzy pokoy cęstymi wtarczkami wzruszają*“. О вторженіяхъ татаръ самъ князь Михаилъ Александровичъ въ томъ же письмѣ выражался такъ: „*Co sie dotyczy Tatar, yz naprzod od kogo ynzszego Krol JM. o wtargnieniu ych pod Czorkaszy wiedziec rasczył, na tym barzo malo, gdyz nie nowina, y nie pierwszy raz Talarom y po kilku razow na iednym thudniu pod zamkiem ukrainnym bywas, tym sie niebezpiecznosc zadna panstwom Krola JM. nie okazala, ani tesz sie miastu y poddanym Krola JM. skoda zadna nie stala; by sie o takowych trwoszkach zawsze mialo dawac znać za kazdym razem, pewnie zeby i poslancow prze dalekosc y niebezpieczność drogi nie stawalo*“. См. тамъ-же стр. 314—315.

искали невѣрныхъ по широкимъ степямъ и на высокихъ курганѣхъ держали бдительную стражу. Всѣ они добивались безсмертной славы и пренебрегали силами непріателя". (Ст. 235—240). Поэтому и домашній бытъ князя М. А. Вишневецкаго былъ приспособленъ къ его военной профессіи. Авторъ говоритъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: „Римляне имѣли такое вообще обыкновеніе, что они никогда не позволяли своему воинству предаваться праздности. Хотя они пребывали въ мирѣ и ни съ кѣмъ не воевали, тѣмъ не менѣе ихъ воины упражнялись, пока молодость служила, въ военномъ ремеслѣ. То производили въ полѣ различныя построенія, то лихо, съ возможной ловкостью, вскакивали на быстрыхъ коней. Учились, какъ окапываться, штурмовать, драться въ рукопашную, какъ обмануть сильнаго непріателя. И вотъ Римляне имѣли собственныхъ дѣльныхъ полководцевъ и не чувствовали надобности въ полководцахъ иноземныхъ. Такимъ же образомъ и при дворѣ доблестнаго князя происходили упражненія военныхъ людей, такъ-что они никогда не проводили времени въ глусной праздности, но упражняли свои молодыя силы въ военномъ ремеслѣ. То учились, какъ стрѣлять съ легкихъ аргамаковъ въ догонку за непріателемъ, какъ въ случаѣ надобности сойтись съ невѣрными въ рукопашную, то учились, какъ стронуться пѣшимъ строемъ съ ружьями при нападеніи конныхъ враговъ, какъ наносить непріателю удары оцепами. Вотъ почему не одинъ доблестный рыцарь образовался на Украинѣ отъ такихъ упражненій". (Ст. 215—234) ¹⁾.

¹⁾ Въ грамотѣ Стефана Баторія отъ 26 января 1578 г. Михаилу Грибуновичу Вайбузу говорится: „Маючи ласкавий виглядъ на *залеженье* нашъ *заслуги* и *дѣлности* в речалъ *рыцарськихъ* шляхетного Михайла Грибуновича Вайбузы *презъ* *урожденою* *княжины* *Михайла* *Вишневецкогою*, *старостою* *нашою* *Черкаскою* и *Камескою*, *при* *которомъ* *онъ* *отъ* *немалою* *числу* *будучи* *на* *Украинѣ* *юдне* *и* *пожи* *тчею*, *не* *лиуючи* *утрату* *мастностей* *и* *розлання* *кряи* *свое*, *вносечи* *в* *печезачиность* *адоровъ* *свое*, *противъ* *непріателю* *вашоу* *первей* *еще* *за* *пачо* *зана* *славное* *памети* *на* *яснейшого* *Зимгунта* *Августа*, *короля*, *продка* *на* *шого*, *а* *потомъ* *и* *теперъ* *за* *счастливое* *цанованя* *нашого* *за* *каждою* *ока* *ли* *и* *потребою* *нашъ* *и* *Речи* *Носполитной* *коронной* *верне* *служилъ* *и* *служитъ* *не* *перестаетъ*". См. Чтенія въ ист. общ. Нестора лѣт. кн. 14, Кіевъ 1900, отд. III, стр. 80. Такихъ соратниковъ кн. Вишневецкаго, какъ Вайбуза, имѣеть въ виду нашъ авторъ.

Перейдемъ теперь къ перечисленію тѣхъ битвъ, въ которыхъ участвовалъ князь М. А. Вишневецкій и которые описаны въ „Плачѣ“. Съ татарами онъ имѣлъ первое столкновеніе въ 1554 г. на берегу р. Хорола у Кильденшовой могилы, затѣмъ совместно съ князьями Сангушкомъ и Ружинскимъ сражался съ турками и с ними на Вѣлгородскомъ полѣ вблизи Днѣстровскаго лимана. Въ 1557 г. онъ воевалъ въ Ливоніи противъ магистра Ливонскаго ордена. Потомъ опять идутъ сраженія съ татарами на берегу р. Пола около 1560 г., у Пивской горы въ 1563 г., на урочищѣ „Чигиринѣ“, послѣ отраженія татаръ отъ г. Черкасъ, и на берегу р. Чернаго Ташлыка (въ ближайшіе послѣ этого годы). Противъ Іоанна Грознаго Московскаго князь Михаилъ Александровичъ сдѣлалъ четыре похода, всякій разъ направляясь на Сѣверщину и опустошая ее вдоль и впоперекъ, какъ это было принято въ тогдашнимъ военнымъ обычаемъ. Первый походъ относится къ 1563 году, остальные три — ко времени войнъ съ Москвою Стефана Ваторія (1579—1581). Выше мы привели описанія нѣсколькихъ сраженій съ татарами, желамъ доказать, что авторъ „Плача“ былъ ихъ очевидцемъ. Теперь мы приведемъ рассказъ автора о послѣднемъ походѣ Вишневецкаго на Сѣверщину въ 1581 г., чтобы дать понятіе, какой богатый реальными подробностями матеріалъ представляетъ мѣстами „Плачъ“ для русскаго историка.

„Доблестному князю не хотѣлось быть празднымъ и вотъ онъ снова собралъ не мало воинства противъ Москвы. Съ Божьею помощью ему во всемъ везло очастіе и Господь выносилъ его цѣлымъ изъ великихъ опасностей. Въ помощь ему прибылъ князь Іеронимъ Жижемскій, староста рѣчидскій, человекъ высокой доблести, древняго рода и чрезвычайно почтенный. Вместе съ нимъ прибылъ староста овручскій, доблестный Авраамъ Мышка, гордый домомъ своихъ предковъ, отличавшійся рыцарской отвагой и проявлявшій въ храбрости пылъ своихъ молодыхъ лѣтъ. Присоединился также къ этому войску со своимъ отрядомъ Киріонъ Лятошинскій, мужъ великой отваги. Чтобы замѣтно послужить Рѣчи-Посполитой, они присоединили свои отряды къ княжескимъ и, уговорившись сообща, въ полномъ согласіи двинулись со своими отрядами въ добрый часъ впередъ. Выступая противъ тиранна, князя Московскаго, они направились прямо къ Трубчевскому замку. Подтянувъ

вои въ Трубчевску, они расположились воокъ него съ войсками разсматривали, съ которой стороны лучше на него напасть. Замокъ былъ сильно укрѣпленъ парканами, снабженъ различнымъ нестрѣльнымъ оружіемъ и гарнизономъ изъ отважныхъ людей. Гарнизимъ воеводой въ замокъ былъ князь Радловъ, мужъ славимъ среди москвичей тѣлосложеніемъ и красотою. Князь Вишнеицкій внимательно присматривался къ замку и къ посаду, подгуналъ къ замку не спѣша, и заботливо искалъ безопаснаго для йска мѣста, откуда онъ могъ бы одѣлать приступъ безъ всякаго на себя ущерба. Москвитане сильно стрѣляютъ изъ пушекъ и въ гаковницъ, а наши раздумываютъ, какъ бы имъ поджечь замокъ. Когда они подрывились уже подкопами поближе къ стѣнамъ, о стали совѣщаться, какъ бы имъ штурмовать стѣны безъ вреда для себя. Осажденные въ замокъ ни о чемъ не тужать, а наши, нагословаясь, дѣлають приступъ къ замку. Одни искусно поджигють стѣны, другіе топорами разрушаютъ ворота. Стѣны дыиотся отъ огня и горять пламенемъ, а москвитяне довольно муиественно даютъ нашимъ отпоръ. Князь ободряетъ своихъ преисными словами: „Влагородное рыцарство! Нашъ триумфъ—готовъ; осподъ дастъ, что неприятель потерпитъ поражение. Обновите ише обычное мужество въ эту счастливую минуту и мы съ оижьею помощью побьемъ нееряшливую Москву“. Такъ сказалъ наивный гетманъ и каждый послѣ этой рѣчи почувствовалъ, какъ въ его сердца усилилась смѣлость. Помятся оилоу въ замокъ и ерутъ въ плѣнъ москвитанъ. Отбирають отъ нихъ ружья, сабли и луки. Такъ наши, по милости Вожіей, овладѣли замкомъ, захвали тамъ не мало оружія, плѣнниковъ и всякой добычи. Какъ только взяли въ плѣнъ самого воеводу, то отдали его князю (т. е. Вишневецкому) въ знакъ одержанной побѣды. Такимъ образомъ, разоривши въ прахъ посадь и замокъ, и перевернувъ ихъ вверхъ дномъ, какъ Сципіонъ поступилъ съ Кароагенсмъ, они безопасно двинулись изъ Трубченска домой, но однако сперва сожгли до таа посадь. Однако жо упорная Москва захотѣла попытать счастья и, собравшись въ количествѣ трехъ тысячъ, пустилась за нами въ погоню. Предводителями у неа были воеводы, люди опытные въ военныхъ дѣлахъ и отважные. Прежде всего стародубскій

воевода князь Иванъ Мезецкій, потомъ новгородъ-сѣверскій воевода славный князь Осипъ, путивльскій воевода князь Василій Хилкоу, брянскій воевода князь Лыковъ-Оболенскій, черниговскій воевода отважный князь Иванъ Долгорукий, почепокій воевода Василій. Изъ боярскихъ же сыновей были тутъ: Яковъ Прунчищевъ, Андрей Семеновичъ Селиховъ, Стефанъ Мозырянинъ, Ѳеодоръ, Василиинъ, Богданъ Александровичъ и Иванъ Мордвининъ. Наши расположились лагеремъ у р. Судости, а нѣкоторые переправились и на другую сторону рѣки. При князѣ было не болѣе третьей части войска, потому что никто не думалъ о возможности тревоги со стороны Москвы. А москвитяне поспѣшно слѣдуютъ за нами, надѣясь, что счастье доставитъ имъ вѣрную побѣду. Пустившись бѣжать во всю мочь, они подняли крикъ и выпустили градъ выстрѣловъ изъ длинныхъ ружей. Наши, слыша крикъ и шумъ, голосахъ: „подай коня“, а иные только что еще сѣдлаютъ бистрыхъ аргамаковъ. Тѣ, что были болѣе готовы, даютъ Москвитямъ отпоръ и валятъ Москвитю ружьями, саблями и оцепами. Вышедше за рѣкою пороправились вскачь и ударили съ большимъ трескомъ на московскій войска. Князь объѣзжаетъ вокругъ свое войско и подбодриетъ рыцарство прекрасною рѣчью: „Теперь, доблестные рыцари, я готовъ своею головою запечатлѣть свое единодушiе съ вами. Какую участь пошлетъ доля воймъ вамъ, такую и я приму съ вами, отважные рыцари“. Съ обѣихъ сторонъ довольно крика; ружья стрѣляютъ, летищія стрѣлы заслоняютъ облака. Въ то время поочію обнаружилась доблесть князя Іеронима Жижемскаго. Принимавши Москва постыдно отъ него удирала, отступала назадъ предъ его отвагой, а князь, получивъ въ этомъ дѣлѣ огнестрѣльную рану, все поддавалъ своимъ мужеству и громилъ неряшливую Москвитю. Также князь Александръ, сынъ усопшаго, будучи молодымъ лѣтъ, имѣлъ уже отвагу мужественнаго Гектора. Прискакавъ во весь опоръ, онъ, какъ рыцарь, бросился въ свалку и смѣло разилъ спую саблею московскіе лбы. Какую утѣху имѣлъ ты доблестный князь, когда твои очи глядѣли на молодого рыцаря Гордея Москва очищаетъ ему мѣсто, искренно дивится его горячему натиску. Такъ наши, наступая, разгромили Москву и въ дымъ обратили ея започившія мечтанія. Самъ Господь Богъ былъ предводителемъ столь малаго войска, которое ни во что обратилс

шли московскаго царя. А вѣдь наше маленькое войско москвитяне считали ничтожествомъ и, окруживъ его кольцомъ, намѣревались уже гнать въ Москву! Нашихъ въ этой битвѣ было 1400, а Москвы навѣрное насчитывалось 8000. Оттуда наши возвратились домой и вознесли благодареніе Богу, даровавшему имъ побѣду". (Ст. 960—1075).

Недолго уже оставалось жить князю Михаилу Александровичу послѣ возвращенія изъ московскаго похода 1581 года. Еще до начала войны съ Москвою (8. IV. 1579) онъ выглядывалъ уже старикомъ и, оправдываясь передъ канцлеромъ Яномъ Замоискимъ по предъявленному къ нему обвиненію въ поддержкѣ козацкаго ватажка Лукьяна (см. выше, стр. 81) ¹⁾, онъ ссылался на свою сѣдину („сіуу włosz mou"). Ослабленное непрерывными военными трудами, здоровье его начало клониться къ упадку и, хирѣя все болѣе и болѣе, онъ, какъ сказано выше, скончался въ родномъ Вишневецкомъ замкѣ 5 октября стараго стиля 1584 г., имѣя отъ роду 55 лѣтъ. Изнемогшій отъ болѣзни князь, рассказываетъ нашъ авторъ, предчувствовалъ наступленіе своей кончины. Онъ успѣлъ приобщиться Св. Таинъ и сохранялъ сознание до послѣдняго вздоха, все время разговаривая съ окружающими. (Ст. 1112—1125). Тѣло его для вѣчнаго успокоенія было перевезено въ Кіево-Печерскую Лавру и Аванасій Кальнофойскій (1638) видѣлъ еще цѣлою надгробную надпись на его могилѣ.

Вѣншность усопшаго князя Михаила Александровича нашъ авторъ описываетъ такъ: росту онъ былъ умѣреннаго, осанки важной, лицо имѣлъ полное, а взглядъ ласковый; вся наружность обличала его княжеское происхожденіе.

Долго останавливается нашъ авторъ на нравственныхъ достоинствахъ покойника. Онъ отличался горячею вѣрою въ Бога, искреннею любовью къ ближнимъ, набожностью и вѣрностью данной клятвѣ. Онъ никогда не допытывался легкомысленно о существѣ неизреченнаго Божества и строго сохранялъ пристой-

¹⁾ Упомянутый „Лукьянъ", вѣроятно, тоже самое лицо, что и Лукьянъ Чернискій, разграбившій мѣстечко Кодию 16 марта нов. ст. 1586 г.—„который нашего себе гетманомъ звалъ". См. Арх. юго-зап. Рос., ч. III, т. 1, стр. 19.

ноотъ святой вѣры. Онъ подкрѣплялъ свою вѣру благочестивыми дѣлами, помня, что говорить объ этомъ Священное Писаніе. Относительно немущихъ онъ былъ щедрымъ. Если онъ видѣлъ убогихъ и голодныхъ, то снабжалъ ихъ нужными вещами и припасами. Щедрою рукою онъ раздавалъ всѣмъ свой хлѣбъ и удовлетворялъ во всемъ, въ чемъ они нуждались. Поэтому отовсюду собиралась къ нему гости; даже чужеземцы стремились его видѣть. Военный людъ (гусерstwo) притекалъ къ нему со всѣхъ сторонъ, ибо имя его слыло и въ чужихъ государствахъ. Слава его гремѣла и въ Турціи, и въ Ордѣ, и въ Москвѣ. Съ каждымъ со-сѣдомъ онъ обращался пристойно, никого не обидѣлъ, былъ доволенъ своимъ. Онъ не присваивалъ чужой нивы, а часто въ случаѣ спора отдавалъ и свою. Счастливыми считали себя тѣ, кто граничилъ съ княземъ своею землею: никто изъ нихъ не былъ обиженъ, каждый сидѣлъ спокойно за своею межою. (Ст. 115—144).

Янъ Орышовскій, запорожскій гетманъ.

(?—1577—1605)

Біографическій очеркъ.

Помощникомъ князя Михаила Александровича Вишневецкаго во командованію козацкимъ полкомъ, учрежденнымъ 16 сентября 1578 г., былъ назначенъ королевскій коморникъ Янъ Орышовскій (см. выше, стр. 71).

Янъ Орышовскій былъ польскій шляхтичъ герба Правдичъ. Вѣроятно, колыбелью его рода было селеніе Орышовъ въ нынѣшнемъ Сохачевскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи, отъ котораго онъ и получилъ свое фамильное прозвище. Другіе шляхтичи герба Правдичъ по родовымъ имѣніямъ назывались: Бѣльскими по д. Бялой, Стржелецкими по д. Стржелкамъ и т. д. Годъ рожденія его неизвѣстенъ. Въ историческихъ документахъ онъ начинается со второго года королевствованія Стефана Баторія т. е. съ 1577 г. Король Баторій любилъ имѣть вокругъ себя большую свиту. При тогдашнемъ отсутствіи почтъ и телеграфовъ ему, какъ дѣятельному и энергичному государю, постоянно нужны были люди, готовые, по мановенію короля, исполнять всѣ его порученія, передавать приказы, развозить письма и универсалы, оказывать, наконецъ, ему мелкія личныя услуги. Поэтому, въ передній королевской квартиры, въ королевскихъ замкахъ Кракова, Варшавы, Вильны, Гродна, или на походѣ, всегда толпились молодые люди лучшихъ шляхетскихъ фамилій, желавшіе на королевской службѣ получить навыкъ къ дѣламъ, приобщиться къ людямъ, ихъ достоинствамъ и недостаткамъ, приобрести вышній придворный лоскъ. Эти люди носили званіе *subicularii missiles*, иначе: королевскіе коморники, дворяне,—и

число ихъ доходило до 40 и болѣе человекъ ¹⁾. Такимъ коморникомъ мы застаемъ въ 1577 году и Яна Орышовскаго. Въ апрѣлѣ этого года онъ ѣдетъ изъ г. Иновроцлава, гдѣ квартировалъ въ то время король, къ отправленному посломъ въ Турцію Дзѣржку чтобы передать ему деньги на путевые расходы и приказъ короля поторопиться съ отъѣздомъ въ Константинополь ²⁾. Въ концѣ іюня Орышовскій повезъ королевскія письма на Волынь и в Днѣпръ ³⁾.

Нужно предполагать, что въ это время Янъ Орышовскій имѣлъ сильныхъ покровителей при дворѣ, или выделялся изъ ряда королевскихъ коморниковъ особыми способностями и заслугами, потому что 5 сентября того же 1577 года онъ получилъ уже отъ короля жалованную грамоту на опустѣлыя урочища въ Брацлавскомъ воеводствѣ, а именно: 1) на урочище Копыстеринъ и р. Мурахвѣ, надъ шляхомъ, именуемымъ въ народѣ Кучманскимъ между Баромъ и Брацлавомъ; и 2) на урочища Гайсинъ ⁴⁾ и Гоголевъ при рѣчкѣ Собѣ за р. Бугомъ. Оба урочища остались въ морочными послѣ прежнихъ владѣльцевъ Дахна Копыстеринскаго и Матвѣя Мизененка и даются Орышовскому со всѣми угодьями и доходами въ его пожизненное владѣніе. Въ грамотѣ сказано

¹⁾ Напр. въ 1576 году въ статьѣ выписки жалованья *cubicularis missarii* ихъ поименовано 43 человека. См. *Żr. dz.*, t. IX, a, стр. 60.

²⁾ См. *Żr. dz.*, t. IX, b, стр. 173: „Eidem (Christophoro Dzierzek) per Idanem Oryszewski ex Inowladislawia, ut eo citius Constantinopolim eat secumque Armenum e Leopoli accipiat, qui perferat literas ad S. Mtem R., dati fl. 160“.

³⁾ См. *Żr. dz.*, t. IX, a, стр. 120: „Oriszewski Wolyniam et ad Boristenum cum literis suae Mtis... eunt fl. 80“. Съ этой поѣздкой Орышовскаго связанъ любопытный эпизодъ съ претензіей шляхты Брацлавскаго воеводства на короля Баторія за то, что онъ писалъ свои письма къ Брацлавскимъ шляхтичамъ по-польски, а не по-русски. „Дани суть листы черезъ дворянина Вашои Королевское Милости, папа *Оринескою*, братьей нашей наименьшимъ слугою и подданнымъ Вашои Королевское Милости *писмомъ полскимъ писанымъ*“... Шляхты ссылаются на условія унии Литвы съ Польшею и просятъ короля на будущее время писать къ представителямъ ея „*рускимъ писмомъ*“. См. *Acta historica regestas Poloniae illustrantia* T. XI, Kraków 1887, стр. 82—83, докум. № 57 изъ Брацлава отъ 7 іюля 1577 г.

⁴⁾ Нынѣшній уѣздный городъ Гайсинъ подольской губ.

это пожалованіе дается, чтобы наградить Орышовскаго за величайшую вѣрность и усердіе, и чтобы на будущее время побудить его быть еще болѣе ревностнымъ и исполнительнымъ при отправленіи королевской службы ¹⁾.

Назначенный 16 сентября 1578 года въ помощники князю М. А. Вишневецкому, онъ продолжалъ тѣмъ не менѣе исправлять свою прежнюю должность и въ томъ же сентябрѣ возилъ еще королевскій универсалъ Низовцамъ по дѣлу Константина Лакусты и письма короля епискупу каменецкому, старостамъ черкасскому, барскому и брацлавскому, воеводѣ люблинскому, самому Константину Лакустѣ и Янчи Бегеру ²⁾. Въ эту же поѣздку Орышовскій ввелъ канцлера Замойскаго во владѣніе селами: Карчмановцы, Поповцы, Василевцы, Гандиковцы, Каняцы и Микулинцы въ повѣтъ Ровскомъ или Варскомъ, пожалованными ему королемъ 7 іюля 1578 г. На территоріи этихъ селъ въ слѣдующемъ 1579 г. былъ основанъ Замойскимъ г. Шаргородъ, получившій названіе отъ „пшидомка“ Замойскихъ „Сариушъ“ (Sarius) ³⁾.

Во время войнъ съ Москвою мы не видимъ Орышовскаго въ королевской свѣтѣ. Гейденштейнъ рассказываетъ, что въ 1580 г. Янъ Орышовскій предводительствовалъ низовыми козаками, которые вторглись со стороны Сѣверщины въ Московскія владѣнія, пробравшись до Стародуба, опустошая все вдоль и наперекъ, сожгли нѣсколько посадовъ и замковъ. Потомъ повернули они къ Почепу, но, отбитые отъ этого замка, съ большою добычею вернулись во-свояси. Въ этомъ набѣгѣ слѣдуетъ видѣть проявленіе дѣятельности того козацкаго полка, который былъ учрежденъ 16 сентября 1578 г. и во главѣ котораго стоялъ Орышовскій, представляя собою особу князя М. А. Вишневецкаго (см. выше, стр. 84).

¹⁾ См. ниже приложение къ настоящей статьѣ № 1.

²⁾ См. *Źr. dz. t. IX, a, стр. 200*: „*Joanni Oriaszewski ad Nizovios cum literis universalibus in negotio Constantini Walachi, item ad rimum episcopum Camenecem, capitaneum Czerkasten., Baren. Bracławien., palatinum Lublinen. item ad Constantinum Walach, Ianczy Begler cum literis Mtis R. misso, fl. 80*“.

³⁾ См. Arch. Jana Zamoyskiego, T. I. W. 1904, str. 501, примѣч. 2 и 8.

Въ іюль 1581 г. мы застаемъ Орышовскаго на Дніпровскомъ Нязу, откуда онъ доносить королю письмами обо всемъ тамъ происходящемъ ¹⁾.

Пока былъ живъ князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, то своею знатностію, богатствомъ и военными доблестями онъ оказывалъ сильное обаяніе на умы низовыхъ козаковъ и никому не позволялъ занять среди нихъ командующаго положенія. Не удивительно, что онъ заслонялъ собою и Орышовскаго. Но со смертію Вишневецкаго (5/15 октября 1584 г.) положеніе Орышовскаго среди козаковъ сдѣлалось болѣе виднымъ и съ этого времени источники начинаютъ называть его „запорожскимъ гетманомъ“. Въ 1585 г. Орышовскій предпринимаетъ очень удачный набѣгъ на Крымъ (см. выше, стр. 114), а въ 1586 г. онъ змуетъ въ Кіевъ и выслушиваетъ жалобу Кіево-Софійскихъ слобожанъ на княгиню Анастасію Воронецкую (см. выше, стр. 117).

Конвокаційный сеймъ открылся въ Варшавѣ 1 февраля нов. ст. 1587 года. Орышовскій явился на сеймъ, какъ представитель запорожскихъ козаковъ, и въ засѣданіи 28 февраля выставялъ свои заслуги и просилъ объ уплатѣ жалованья и о наградахъ козакамъ. Онъ, вѣроятно, показался сеймующимъ панамъ большимъ чудачкомъ: одѣтъ онъ былъ *по-иречески*, а когда читали наложенную на письмѣ его челобитную, то онъ посреди пановъ усылся прямо на землю *по-турецки* т. е. поджавши ноги ²⁾. Паны постановили, что низовцы должны охранять отъ татаръ переправы черезъ Дніпръ и извѣщать о появленіи непріятеля, что за это они будутъ получать жалованье и что начальствовать ими будетъ Орышовскій ³⁾. Когда былъ избранъ Сигизмундъ III (18 августа 1587 г.), то онъ подтвердилъ за Орышовскимъ имѣніе Гайсинъ, пожалованное послѣднему королемъ Стефаномъ въ пожизненное владѣніе ⁴⁾.

¹⁾ См. X. Jan Plotrowski, Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków. Wydal A. Czuczynski. W Krakowie 1894, стр. 81: „Bieg wypadków wypisuje Orszowski Królowi, co porucznikiem Niżowców jest“.

²⁾ См. Scriptores rerum polonicarum, T. XI, Kraków 1887, стр. 83.

³⁾ См. тамъ-же стр. 87: „Nad nimi przełożył Pana Oryszewskiego“.

⁴⁾ См. ниже, приложение къ настоящей статьѣ № 2.

24 января нов. ст. 1588 года Орышовскій съ отрядомъ за-
порожцевъ участвовать въ составѣ войскъ канцлера Замойскаго
въ битвѣ подъ Вычной съ Максимиліаномъ австрійскимъ, кон-
чившейся взятіемъ Максимиліана въ плѣнъ ¹⁾.

Въ 1590 году Орышовскій является помощникомъ снятын-
скаго старосты Николая Язловецкаго, ибо сохранился универсалъ
короля Сигизмунда III отъ 25 іюля этого года, въ которомъ по-
ручается старостѣ снятынскому Николаю изъ Вучача Язловецкому
и поручнику ею Яну Орышовскому ²⁾ набрать отрядъ въ 1.000 че-
ловѣкъ изъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей для укрощенія
украинскаго своеволія и для удержанія пограничныхъ людей отъ
нападеній на сосѣднія государства. Мѣстомъ для пребыванія от-
ряда назначалось урочище Кременчукъ на бессарабскомъ берегу
р. Днѣстра, гдѣ предполагалось срубить деревянное укрѣпленіе
(castell z drzewa) изъ бревенъ, спущенныхъ водою внизъ по Днѣстру
изъ вышележащихъ староствъ и королевскихъ имѣній. Продовольствіе
отряду должны были доставлять старосты и державцы имѣній ³⁾.

7 іюня нов. ст. 1591 въ пятницу Іанъ Орышовскій явился въ
Краковъ, какъ свидѣтель по дѣлу о назначеніи аббата Іосифа
Верещинскаго католическимъ епископомъ Кіевскимъ. Онъ назы-

¹⁾ См. Sobieszczański, Joachima Bieleckiego Dalszy ciąg Kroniki Polaków.
Warsz. 1851, str. 88.

²⁾ Изъ нѣкоторыхъ послѣдующихъ фактовъ можно заключить, что
Язловецкій и Орышовскій скоро почувствовали себя соперниками и разоо-
рились. 7 іюня 1591 г. Орышовскій называетъ себя *supremis capitaneis exerci-
tium cosachorum Nizowienium*, 10 марта 1592 г. Язловецкій подписался *Starzysj
wojaka zaporozkiego ręką swą*. (Listy Żółkiewskiego, 1868, str. 22). Лѣтомъ 1594 г.
Язловецкій по настоянію и съ помощью денегъ папскаго агента Александра
Комузео хотѣлъ устроить набѣгъ запорожскихъ козаковъ на Крымъ, а Оры-
шовскій удерживалъ ихъ въ Молдавію, гдѣ можно было получить большую до-
бычу, и нападеніе на Крымъ не состоялось. Любопытно, что Орышовскій,
самъ повторивъ одинъ изъ тѣхъ набѣговъ, которымъ должно было помѣшати
устройство укрѣпленія въ бессарабскомъ Кременчуку.

³⁾ Іоакимъ Вѣльскій со словъ Орышовскаго упоминаетъ объ этомъ
распоряженіи короля, но не объясняетъ, гдѣ находилось урочище Кременчукъ
(Kron. Pol. над 1852 г., т. XVIII, стр. 194). Нельзя сомнѣваться, что издатель
Актовъ о козакахъ въ Архивѣ Юго-Зап. Рос. ч. III, т. 1, издавалъ документъ

заетъ себя: „*Supremus capitaneus ex brachio S. Regiae Mts exercituum Cosachorum Nizoviensium circa fluvium Boristhenem prope insulam Tartarorum Praecor dictam*“. Это — маленькое измѣненіе азаніа, полученнаго 16 сентября 1578 г. княземъ М. А. Вишневецкимъ „*Supremus dux militum Boristhenis Nizovii dictorum*“. Въсто *supremus dux* — *supremus capitaneus*. Орышовскій показывалъ слѣдующее:

Кіевскую епископскую кафедру около двадцати лѣтъ подрядъ занималъ нѣкій еретикъ, по имени Павелъ Паць. Послѣ его смерти на эту кафедру назначенъ былъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ Яковъ Воронежскій. Послѣдній не вступалъ въ управленіе своей епархіей, такъ какъ послѣ назначенія онъ не получилъ утвердительной грамоты отъ апостольскаго престола. Какъ видно, Воронежскій пренебрегалъ этою епархіей, ибо болѣе трехъ лѣтъ послѣ своего назначенія не хлопоталъ объ утвердительной грамотѣ. Наконецъ, теперь король Сигизмундъ III назначилъ Іосифа Верещинскаго, чтобы съ помощью его умѣнія и опытности въ дѣлахъ привести эту епархію въ лучшее состояніе.

Далѣе Орышовскій упоминалъ, что въ Кіевѣ нѣтъ кафедральнаго костѣла, ибо Кіевъ нѣсколько разъ былъ разоренъ при ча-

№ 11 (стр. 28—31), посчиталъ за ошибку обозначеніе мѣстоположенія урочища Кременчукъ „*над Dniestrem*“ и поправилъ „*над Dnierpem*“, предполагая, что урочище Кременчукъ было только на р. Днѣпрѣ (нынѣшній г. Кременчугъ Полтавской губ.). Между тѣмъ рѣчь идетъ о Кременчукѣ бессарабскомъ. Новѣйшій туристъ г. Тиверцевъ говоритъ о немъ такъ: „Въ слѣдующемъ не большомъ прогонѣ, у подошвы горы въ формѣ трапеціи, расположенъ бессарабскій Кременчукъ, бывшее мѣстечко, жители котораго, по разсказу добродушнаго старика, кременчугскаго обывателя, были разогнаны татарами и дано названіе полтавскому Кременчугу (днѣпровскому)...“ См. Кіевская Старина 1899, т. 64, кн. 1, отд. 2, стр. 18, изъ статьи „По Днѣстру“. Только укрѣпленіе въ бессарабскомъ Кременчукѣ могло воспрепятствовать вторженію запорожскихъ козаковъ въ сосѣднія государства т. е. въ Молдавію, Валахію, Турцію и т. д. Мѣстоположеніемъ Кременчука объясняется и то, что командованіе отрядомъ поручалось старостѣ сіямынскому. Если бы дѣло шло о теперешнемъ полтавскомъ Кременчугѣ, то навѣрное командиромъ отряда былъ бы назначенъ ближайшій староста каменскій и черкасскій князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій.

ихъ татарскихъ набѣгахъ. Единственный въ городѣ католическій костѣлъ принадлежитъ монахамъ ордена св. Доминика; при немъ обыкновенно проживаютъ два монаха. Русскими, исповѣдующими греческую схизматическую вѣру, принадлежитъ около десяти церквей дивной постройки и изящной архитектуры. вѣрятъ, что прежде ихъ было около трехсотъ; и дѣйствительно, кренились слѣды какъ этихъ церквей, такъ и католическихъ. ювъ назначенный Кіевскій епископъ стремится къ тому, чтобы ратить въ кафедральный костѣлъ русскую церковь св. Софіи, торая чрезвычайна обширна. Отсюда слѣдуетъ, что и канониковъ тамъ никакихъ нѣтъ.

Кіевъ — городъ обширный, имѣетъ деревянные строенія, огражденъ землянымъ валомъ, а не каменной стѣной, ворота же сдѣланы каменные. Доходы епископа очень малы и неопредѣленны изъ-за частыхъ татарскихъ набѣговъ. Многие изъ князей и князичей присвоили себѣ имѣнія католической церкви, пожалованные ей пресвѣтлыми королями. Теперь только немногія села юлятся за епископомъ. Остальные доходы заключались въ мѣсовыхъ и мясныхъ даняхъ.

Другіе свидѣтели подтвердили показанія Орышовскаго ¹⁾.

Въ 1592 г. возникла война между императоромъ австрійскимъ Рудольфомъ II и Турціей. Запорожскіе козаки, узнавъ объ этомъ, послали къ императору своего уполномоченнаго предложить ему, не найметъ-ли онъ козаковъ для дѣйствій противъ турокъ. Императоръ не далъ опредѣленнаго отвѣта, не зная, кто такіе козаки и въ какомъ государствѣ они живутъ. Онъ опасался, какъ бы не нажить непріятностей съ Польшей или Москвой, нанявъ въ службу чужихъ подданныхъ, можетъ быть, противъ воли ихъ правительства. Но случай нанять храбрыхъ воиновъ для войны съ Турціей представлялся императору заманчивымъ. Онъ поручилъ казшему 9 апрѣля 1593 г. посломъ въ Москву Николаю Варкочу разузнать тамъ, не оскорбится ли московское правительство, если императоръ найметъ запорожскихъ козаковъ къ себѣ на службу.

¹⁾ См. *Excerpta ex libris manu scriptis archivi consistorialis Romani*. Edit. M. Joseph Kozeniewski. Cracoviae 1890. Pag. 13—14.

Въ Москвѣ отвѣчали, что запорожскіе козаки не подвластны московскому государю и что ему нѣтъ до нихъ никакого дѣла. Между тѣмъ запорожцы вторично прислали къ императору уполномоченнаго для переговоровъ о наймѣ. Тогда императоръ въ концѣ 1593 г. (21. XII) послалъ доктора правъ Матвія Вакера въ Польшу, чтобы тайно развѣдать, какъ отнеслось-бы польское правительство къ поступленію запорожцевъ на императорскую службу. Проживая въ январѣ или февралѣ 1594 года на постояломъ дворѣ въ Замостѣи, Вакеръ былъ вызванъ на бесѣду нѣкимъ Валицкимъ, рекомендовавшимся ему однимъ изъ козацкихъ старшинъ. Валицкій разсказалъ Вакеру, что козаки — люди свободные, но собственному побужденію воюють съ врагами имени Христова; что становища ихъ расположены у р. Днѣстра и у р. Днѣпра между Кіевомъ, Каневомъ и Черкасами, но опредѣленныхъ мѣстъ жительства они не имѣютъ; что главнымъ вождемъ ихъ состоитъ Орышовскій, остальные же предводители охотно ему повинуются; что на императорскую службу могло бы поступить до десяти тысячъ козаковъ, но что главный вопросъ — въ размѣрѣ жалованья. Валицкій увѣрялъ, что Вакеръ могъ бы окончательно договориться обо всемъ съ Орышовскимъ, но что къ сожалѣнію Орышовскій нѣтъ теперь въ Замостѣи, такъ какъ онъ за два дня передъ тѣмъ выѣхалъ въ лежація по сосѣдству свои имѣнія (*ad vicina quaedam rura sua*). Тѣмъ не менѣе Валицкій обѣщалъ, что онъ дастъ знать Орышовскому о пріѣздѣ Вакера и что они вмѣстѣ явятся къ Вакеру на переговоры въ Замостье или Люблинъ, куда Вакеръ собирался черезъ два дня уѣзжать. Однако свиданіе Вакера съ Орышовскимъ не состоялось и миссія его не привела ни къ какимъ результатамъ. Что касается имѣній, въ которыхъ уѣзжалъ Орышовскій, то несомнѣнно, что рѣчь идетъ не о пожалованныхъ Орышовскому Стефаномъ Баторіемъ Копыстеринъ и Гайсинъ, а о какихъ-то имѣніяхъ въ центральной Польшѣ неподалеку отъ Замостья, такъ какъ Валицкій не могъ бы называть Копыстеринъ и Гайсина *vicina rura*, разговаривая съ Вакеромъ на постояломъ дворѣ въ Замостѣи. Кромѣ того мы имѣемъ письмо Станислава Жолкѣвскаго къ Яну Замойскому изъ Хмельника-Подольскаго отъ 8 марта 1594 г., въ которомъ онъ пишетъ: „*Rapa Horijszowskiego niemasa tu w tem kraju*“. Жолкѣвскій не могъ бы такъ вы-

разытиса, если-бы Орышовскій проѣхалъ незадолго до даты писема въ Копыотеринъ или Гайсинъ ¹⁾).

Подъ осень того же 1594 г. Орышовскій и другіе козацкіе **гетманы**: Григорій Лобода и Станиславъ Хлопицкій—предприняли **набѣгъ** на Тегинъ (Вендеры) и Килію. Когда они шли во-свояси, **вотрѣтали** ихъ Молдаване и разгромили. Послѣ этого они собрались въ большихъ силахъ и вторглись въ самую Молдавію. **Господарь** Ааронъ бѣжалъ изъ страны, а козаки ограбили и сожгли г. Яссы, и жестоко опустошили всю ихъ окрестность. Изъ писема **каштеляна** каменецкаго и старосты теребовльскаго Якова Претвича къ Яну Замойскому отъ 25 ноября 1594 г. изъ Шаравки можно заключить, что послѣ раздѣла захваченной въ г. Яссахъ добычи Лобода и Хлопицкій заняли квартиры въ г. Варѣ, а **Орышовскій** отошелъ къ г. Винницѣ ²⁾.

Лѣтомъ 1600 г. Янъ Орышовскій поѣхалъ за Пороги пригласить козаковъ присоединиться къ королевскому войску, собиравшемуся въ Каменцѣ-Подольскомъ противъ турокъ. Ему удалось подбить на походъ тогдашняго козацкаго предводителя Самуила Кошку и 1 августа 1600 года Орышовскій и Кошка пишутъ уже канцлеру Замойскому изъ Бѣлобережья ³⁾, что они съ запорожскою пѣхотой на лодкахъ спѣшатъ въ Каневъ и, пробывши въ Каневѣ съ недѣлю для пополненія войска охотниками изъ пограничныхъ городовъ, двинутся черезъ Бѣлую Церковь и Брацлавъ къ Каменцу для соединенія съ войскомъ канцлера ⁴⁾.

Хотя Орышовскій умеръ, вѣроятно, не задолго до 2 марта 1605 г., когда пожалованное ему въ пожизненное владѣніе имѣніе Гайсинъ было передано другому лицу, но за послѣдніе пять лѣтъ

¹⁾ См. приложенія къ ст. Евгенія Варинскаго „Сношенія императора Рудольфа II и папы Климента VIII съ козаками“ въ Запискахъ научнаго товариства имени Шевченка, 1896, т. X, вып. 2, стр. 21—34.—*Listy Żółkiewskiego, W Krak. 1898, str. 44.*

²⁾ См. *Listy Żółkiewskiego, str. 59.*

³⁾ Бѣлобережье—урочище на правой сторонѣ р. Днѣпра противъ с. Ляленицъ Золотоношскаго уѣзда. См. чертежъ Климатинской земли въ „Истѣяхъ истор. общ. Нестора Лѣтописца, книга 11-я, 1896.

⁴⁾ См. *Listy Żółkiewskiego, str. 107.*

его жизни мы не находимъ никакихъ свѣдѣній о его дѣятельности въ историческихъ источникахъ.

Заканчивая краткій очеркъ біографіи Орышовскаго, мы должны еще упомянуть, что слѣдъ его личности остался въ одномъ литературномъ памятникѣ, къ которому мы теперь и обратимся.

Въ 1597 году въ типографіи Якова Зибенейхера въ Краковѣ вышла книга: „Kronika Polska Marcina Bielskiego. Nowo Przy Ioachima Bielskiego syna iego wydana. Cum gratia et Privilegi S. R. M. W Krakowie. W Drukárni Iákubá Sibeneychera, Roku Pańskiego 1597“¹⁾. Изложеніе событій въ этой книгѣ оканчивается смертью Стефана Баторія въ 1586 году. Посвящена она по обычаю того времени, когда каждой книгѣ старались найти могущаго заступника, королю Сигизмунду III. Исторія этой книги хорошо известна. Мартинъ Бѣльскій (род. около 1495 г., умеръ въ 1576 г.) написалъ и издалъ въ 1550 году обширную историческую компиляцію, точнаго заглавія которой мы не знаемъ, такъ какъ въ сохранившемся экземплярѣ он не достаетъ заглавнаго листа. Въ 1554 г. изданіе было повторено въ исправленномъ видѣ подъ заглавіемъ: „Kronika Wssythyego swyata na szeszo wiekow ná czwory księgi tákież Monárchie rozdzielona, rozmaitych historiák w swyętym piśmie yáko w prostym, s Kosmografią nową y rozmaitemi krolestwy, ták pogáńskimi, żydowskimi, yáko krzescoiýńskim w ktorej też żywoty Papyeskiye, Ceserskiye, y krolow inych tákiye Káuząńt, od początku swyátá aż do tego roku ktory sye piśie 1554 Myodzy ktorymi też nássá Polska yest z osobná położóná, y swyát nowego wypisánye. Dostátiecznyey niż pierwsza spisána y pilnye figurámi ochędożnemi. Cum gratia et privilegio. Drukowano w Krakowyo przez Hieronimá Schárffenbergá Roku Pańskiego 1554“²⁾. Это изданіе посвящено королю Сигизмунду-Августу. Черезъ десять лѣтъ, въ 1564 г., вышло третье изданіе хроникки, напечатанное въ Краковѣ въ типографіи Матвея Зибенейхера. Заглавіе съ мало чѣмъ измѣнено, посвящена она по-прежнему королю Сигиз

1) См. Wierzbowski, Bibliographia polonica XV ac XVI sa. vol. I, Varsoviae 1889, стр. 141, № 638.

2) См. Wierzb. Bibl. pol., vol. I, стр. 82, № 144.

мунду-Августу, но за то она дополнена новыми главами, продолжена до 1564 г. и раздѣлена на 10 книгъ, чего не было во 2-мъ изданіи; восьмая книга отведена исторіи Польши. Въ 3-мъ изданіи „Хроникъ Свѣта“ Мартинъ Вѣльскій высказывается, что, въ виду своего преклоннаго возраста (въ 1564 г. онъ имѣлъ около 70 лѣтъ), онъ не надѣется продолжать изложеніе польской исторіи своего времени: „я поручаю писать объ этомъ“, говоритъ онъ, „кому-нибудь болѣе молодому, слѣдуя указанной мною дорогѣ, такъ какъ лѣта мои настолько преклонны, что я долженъ пересѣсть съ коня на возъ и съ рогожи на матрацъ“¹⁾. Продолжателемъ литературной дѣятельности отца явился сынъ—Іоакимъ Вѣльскій (род. въ 1540 г., умеръ 8 января 1599 г.). Въ 1590-хъ годахъ онъ не только передѣлалъ, дополнилъ и продолжилъ восьмую книгу „Хроникъ Свѣта“ Мартина Вѣльскаго и издалъ ея въ 1597 г. подъ приведеннымъ выше заглавіемъ, стараясь представить дѣло, по неяснымъ для насъ побужденіямъ, такъ, какъ будто хроника эта составлена отцомъ его, Мартиномъ Вѣльскимъ, а только издана имъ, Іоакимомъ Вѣльскимъ. Между тѣмъ изъ собственнаго признанія Мартина Вѣльскаго мы знаемъ, что послѣ 1564 г. онъ не въ состояніи уже былъ по старости лѣтъ заниматься литературной работой; затѣмъ 18 декабря 1575 г. онъ умеръ; слѣдовательно, событія 1564—1586 гг. могли быть изложены только сыномъ его, Іоакимомъ. Да кромѣ того изъ сравненія языка, стilia, содержанія и всѣхъ подробностей „Хроникъ Свѣта“ (въ 8-й книгѣ) и „Хроникъ Польской“ видно, что эти хроникъ написаны разными лицами²⁾. Въ „Хроникѣ Польской“, авторство которой послѣ предыдущихъ замѣчаній мы будемъ приписывать исключительно Іоакиму Вѣльскому, вслѣдъ за заимствованнымъ у Горецкаго разсказомъ о происходившей въ 1574 г. войнѣ молдавскаго господара Ивона съ турками вставлено отдѣльной главой сказаніе „О козакахъ“. Главнымъ основаніемъ его послужили свѣдѣнія, вычитанныя авторомъ въ книгѣ Сѣвниинскаго (Сарницкаго) *Descriptio veteris et*

¹⁾ См. Wiszniewskiego, *Historia literatury polskiéj*. Tom VII, w Krakowie 1845, стр. 424.

²⁾ См. Wiszn. *Hist. lit. pol.*, Tom VII, 1845, стр. 420—438, а статью Собіанскаго „O życiu i pracach piśmennych Marcina i Joachima Bielskich“ въ книгѣ „Joachima Bielskiego dalszy ciąg Kroniki Polskiéj“, Warszawa 1851.

почае Poloniae 1585 г. (см. выше, стр. 18, прим. 8), но кое въ чемъ оно дополнено, какъ указываетъ авторъ, со словъ родолюбиваго его по отцу Яна Орышовскаго (o szum słuszałem dosyć mądrze mówić Jana Oryszowskiego stryca mego¹⁾), который продолжительное время былъ у козаковъ гетманомъ (ktory Hetmanem bywał u Kozaków grzech szas piętały). Зная теперь обстоятельно біографію Яна Орышовскаго, мы должны придать особое значеніе сказанію Іоакима Вѣльскаго, ибо въ нѣкоторыхъ пунктахъ оно является свидѣтельствомъ непосредственнаго наблюдателя того явленія, которое въ сказаніи описывается. Приводимъ здѣсь сказаніе въ возможно точномъ переводѣ.

О КОЗАКАХЪ.

Эти люди занимаются обыкновенно на Низу (рѣка эта владаетъ въ Днѣпрѣ)²⁾ ловлей рыбы, которую сушатъ тамъ же безъ соли на солнцѣ, и питаются ею лѣтомъ; а на зиму расходятся въ ближайшіе города, какъ-то въ Кіевъ, въ Черкассы и въ другіе, а лодки свои прячутъ гдѣ-нибудь въ безопасномъ мѣстѣ на одномъ изъ Днѣпровскихъ острововъ и кромѣ того оставляютъ тамъ нѣсколько сотъ человѣкъ „на куренѣ“, какъ они выражаются, при артиллеріи, ибо они имѣютъ собственныя маленькія пушки, частью захваченныя въ турецкихъ укрѣпленіяхъ, частью отнятыя у татаръ. Прежде козаковъ водилось не такъ-то много, но теперь ихъ собирается уже до нѣсколькихъ тысячъ; особенно размножились они въ настоящее время и часто причиняютъ не малый вредъ туркамъ и татарамъ: они уже по нѣскольку разъ разрушали Очаковъ, Тегинъ (Бендеры), Вѣлгородъ (Аккерманъ) и другія крѣпости; и въ степяхъ они захватываютъ не мало скота. Турки и татары не осмѣливаются уже такъ далеко пробираться въ степи на пастбища съ овцами и скотомъ, какъ пробирались раньше; съ той стороны Днѣпра они нигдѣ не приближаются болѣе, какъ на разстояніе де-

1) „Stryjcamі“ называли въ старой Польшѣ родныхъ и двоюродныхъ дядей по отцу, а также двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ изъ рода отца. См. Z. Gloger. Encyklopedja staropolska, T. IV, W. 1903, str. 65.

2) Іоакимъ Вѣльскій по ошибкѣ принимаетъ Низъ (низовье Днѣпра) за особую рѣку, яко-бы впадающую въ Днѣпръ.

десяти миль ¹⁾. Козаки больше всего ссорятъ насъ съ турками; и татары такъ разсказываютъ, что если-бы не козаки, то они съ нами хорошо жили бы, но татарамъ не слѣдуетъ вѣрить. Хорошо, чтобы козаки существовали, но только слѣдуетъ привести ихъ въ порядокъ и платять имъ; да и пусть себѣ живутъ постоянно тамъ на Днѣпрѣ по отмелямъ или островамъ, которыхъ тамъ нѣсколько и которые такъ защищены природою, что если какой-либо островъ заняло бы нѣсколько сотъ человѣкъ, то даже самое громадное войско ничего съ ними не подѣлало бы, если бы отважилось подступить.

А между другими островами есть тамъ одинъ островъ, который называется „Коханье“, между Порогами, въ 40 миляхъ отъ Киева; имѣетъ онъ нѣсколько миль длины; когда на немъ сторожатъ козаки, то татары не такъ-то легко къ намъ переправляются, потому-что съ него можно не подпустить ихъ къ бродамъ Кременецкому и Кучманскому, которыми они обыкновенно къ намъ перебродать ²⁾.

¹⁾ Иоаннъ Бѣльскій хотѣлъ сказать, что татарскіе пастухи не подгоняютъ своихъ стадъ ближе десяти миль къ лѣвому берегу р. Днѣпра.

²⁾ Въ книгѣ Descr. vet. et novae Polon. 1585 г. подъ словомъ *Kochanie* говорится такъ: „Est locus supra insulam dictam Chorcyca inter cataractas seu Porohi, aliquot milliaribus, supra modum amoenus: in quo si aliqua manus militum disponderetur, commode posset impediri transitus Tartarorum, qui per utrumque traiectionem Borystenia, Kuczmanski inquam et Krzemienieckie, quoties non sentiunt esse in armis Nisovios Kozakos, libere transire solent et infestare nostras regiones. Distat hic locus a Kiovia 40 milliaribus. Haec omnia ex sententia magnificorum virorum adiecti, qui lustrandis illis regionibus a R. M. delecti et destinati erant. Narrant insuper praeter illas duas insulas Thomakowka inquam, et Chorcyca esse et alias complures desertas in illo flumine, in quibus materies ampla et lignorum copia est tam ad aedificandas arces, quam ad naves struendas. Cui testimonio suffragatur etiam historia de Principibus Kioviensibus qui ante quadringentos annos magnos exercitus, et ingentes classes ex his locis secundo flumine usque Constantinopolim et ulterius deducere solebant ad oppugnandum orientale imperium. Et cavendo ne hoc amplius fieret, existimo Turcas Scythias eos portus replevisse, quos etiam suo patrocinio tuentur. Narrant praeterea lidem D. lustratores in suo itineralio ad flu. Ros et Tysmienica et Olszanica, et in aliis fluvii esse ibidem loca confragosa, etc. ubi arces possent excitari, nec haberet Turca ansam ita conquerendi, sicuti praetendere solet: cum ad Tiram aliquid nostri edificare instituunt“.

Есть и другой остров по близости — тотъ, который называется Хортицею и на которомъ раньше проживали Вишневецкій; послѣдній былъ большою помѣхой татарамъ и при немъ они и смѣли такъ часто къ намъ вторгаться; немного ниже Хортицы р. Тысменица (Конская) впадаетъ въ Днѣпръ, въ 44 миляхъ отъ Кіева ¹⁾.

Есть еще и третій островъ, который называется Томаковкою и на которомъ преимущественно проживаютъ низовые казаки; онъ имъ замѣняетъ самое могущественное укрѣпленіе; противъ него впадаютъ въ Днѣпръ тѣ двѣ рѣки, Тысмень (Конская) Фесынь (Базавлукъ); послѣдняя беретъ начало изъ Чернаго моря ²⁾.

Не мало есть тамъ и иныхъ меньшихъ отмелей или острововъ; если бы на нихъ выстроить укрѣпленія и поселить города, то татары не смѣли бы такъ часто являться къ намъ; но мы предпочитаемъ защищаться отъ нихъ у Самбора ³⁾. Со стороны воды напрасно кто-либо вздумалъ бы приступить къ нимъ, потому что тамъ со стороны моря никакія галеры или боты не могутъ пройти въ Днѣпръ черезъ Пороги, которые Господь Богъ самъ создалъ и если бы не Пороги, то турки давно уже навѣстили бы тамошній край. Но казаки такъ привыкли къ Порогамъ, что переплываютъ ихъ въ своихъ кожаныхъ лодкахъ, которыя они называютъ „чалками“, спуская ихъ на канатахъ внизъ и таща ихъ за собою и канатахъ же вверхъ ⁴⁾. Въ такихъ точно лодкахъ Русь нѣкогда

¹⁾ См. выписку на стр. 28, прим. 8.

²⁾ См. выписку на стр. 28, прим. 2.

³⁾ Иоаннъ Бѣльскій хотѣлъ этимъ выразить, что польское правительство вмѣсто того, чтобы строить передовыя укрѣпленія въ степяхъ, отражаетъ татаръ только тогда, когда они достигнутъ уже г. Самбора на верховьяхъ р. Днѣстра въ воеводствѣ Русскомъ, иначе сказать: проникнуть уже въ глубины страны.

⁴⁾ Постъ наданія книги І. Бѣльскаго, въ юлѣ 1600г. Янъ Орышковскій, комендантъ, лично участвовалъ въ перетаскиваніи челновъ черезъ Пороги, когда козацкое войско шло изъ Запорожья вверхъ по Днѣпру въ Каневъ, чтобы оттуда двинуться на помощь канцлеру Замоискому въ Каменцу-Подольскомъ „Ku górze wodę idąc przeciwne wiatry mając do progów przyszedłszy ledwo i każdy przez skały brzegiem czółni morskie ciągnęliśmy po dwie po trzyście osób wlecząc się za lina ciągnęliśmy“ — такъ писали Орышковскій и Кошка канцлеру отъ 1 августа 1600 г. изъ Влоберези. См. Listy Żółk. str. 107.

причиняла вредъ греческимъ императорамъ, пробываясь иногда в самое Константинополь, какъ объ этомъ пишетъ Зонара, реческій историкъ. Кажется, что и теперь козаки отважились бы на это, если бы ихъ было по-больше. Однако же турки заботятся, чтобы тѣ края оставались пустынными и чтобы люди въ нихъ не множались; они хотятъ быть безопасными въ Царьградѣ ¹⁾.

Много лѣтъ тому назадъ былъ въ тѣхъ краяхъ большой юртъ, а именно въ Бѣлгородѣ (Аккерманѣ), изъ котораго подольскую пшеницу доставляли въ самый Кипръ, но теперь только караваны сухимъ путемъ ходятъ оттуда въ Москву черезъ Очаковъ; на него проходитъ большая торговая дорога изъ Бѣлгорода, на которой козаки часто грабятъ турецкихъ купцовъ; когда они хотятъ „языка“ достать, то тамъ скорѣе всего достаютъ ²⁾.

Но не только на Дибърѣ, а также и на маленькихъ рѣчкахъ, Гысменницѣ и Оршаницѣ, достаточно попадаетъ такихъ острововъ, на которыхъ можно было бы построить сильныя укрѣпленія противъ татаръ. Если бы укрѣпили Балаклею, который лежитъ надъ р. Чапчаклеомъ (нынѣ — Чичиклей) въ десяти миляхъ отъ Очакова, то татары не такъ-то легко отваживались бы ходить оттуда

¹⁾ См. выше на стр. 268 прим. 2.

²⁾ Въ *Descrip. vet. et novae Polon. 1585 г.* подъ словомъ *Bialogrod* говорится: „*Praeterit vero Bialogrodum via trita et celebris quae ducit Oczakoviam. Haec Turcici et Scythici negotiatores potissimum commeant quos illi lingua sua arabicos vocant. Quando igitur nostri aliqua mancipia intercipere conantur, et ex eis discant quid nam hostis machinetur modo, quidve in Turcia Scythiave pratur, tunc ad eam usque viam genus quoddam militum levissimae armaturae militationibus aptum, quos Kozakios vocant, progreditur, ac ita ex praetereuntibus rapiunt quos possunt, et ad praefectos suos citato et festinanti cursu redeunt, saepius tam retro cervice inflexa prospectantes ne quis eorum vestigia agnet, et urgendo capiti eorum invehat. Nam non raro alea secus cadit quam optassent, et saepe ex captivante fit captivus. Et interrogati cur ita temere lubio Marti se exponant, respondere solent: Bene est, si inquit nihil inde utilitatis percepero, nisi quod juvenilem aetatem meam ex pacto consolabor contentaveroque satis est, iuvat. At contentatio illa qualis futura sit, si interim ad manus Scythicas levereris, nemo est qui ignorat. Fuit quondam Bialogrodum emporium celebre et obvium nostris hominibus. Nam temporibus Casimiri Cyprum usque domebant aves onerarias tritico Podolico plenas. Nunc tantum scandulae prono flumine ad barbaros deinceps Bialogrodum solent, idque non sine gravi discrimine vitae“.*

къ намъ, особенно Чернымъ шляхомъ, который называется такъ отъ Чернаго лѣса ¹⁾. Въ послѣднемъ татары привыкли укрываться, пока не переправятся вѣсь они черезъ Синюю воду т. е. черезъ очень спокойное озеро, находящееся близъ того мѣста, гдѣ Днѣпръ впадаетъ въ море ²⁾.

Также слѣдовало бы выстроить укрѣпленіе въ Кременчукѣ (впрочемъ король, нашъ нынѣшній государь, поручилъ уже слѣлать это Николаю Язловецкому, старостѣ снѣтинскому) ³⁾. Если бы въ такомъ дѣлѣ были заинтересованы нѣмцы или венеціанцы, то они не были бы такими безпечными, какъ мы. Если бы мы только воспользовались помощью козаковъ, то легко успѣли бы въ дѣлѣ постройки укрѣпленій, особенно обративъ на это и посылаемые татарамъ „упоминки“. А если бы кварталы не хватило на наемъ солдатъ, то лучше брать ихъ до поры до времени по набору, но только устроить города и укрѣпленія тамъ, гдѣ слѣдуетъ. А ихъ будетъ изъ чего строить, такъ какъ дерева достаточно на тѣхъ островахъ и въ камнѣ нѣтъ недостатка. Такимъ образомъ мы

¹⁾ Descr. vet. et. novae Pol. 1586 г. подъ словомъ *Czarczaklei*: „Flumen est, notius habetur propter viva vestigia munitissimae arcis Balaklei, quem si iusto praesidio munitur, firmissimum p. opugnaculum ad impediendos Praecopiensium transitus per Hyppaniam esset. Et praesertim si vicissim ad flumen Russava in loco illo excitandae arcis peidoneo et a multis celebrato propugnaculum novum inaedificaretur. Hae inquam duae arces non plus quam 20 milliaribus a se distantes, alia ad Tiram ex opposito Thehinia, alia ostia versus Hyppanis, si bene munitur, totum tractum illum triangularem ab Oczakovia tanquam duo parastatae, id est columnae ex aequo a se distantes, mirificae tutum redderent, ut consilium lustratorum adscriptum prudentissime suadet. Distat Czarczaklei ab Oczakovia octo milliarib. aut novem ut lustratores idem annotarunt“.

²⁾ Descr. vet. et novae Polon. 1585 г. подъ словомъ *Nigra sylva*: „Ubi Scythae latitare solent, inausuri in regiones nostras“. Тамъ-же подъ словомъ *Sina voda*: „Est restagnatio quaedam maris ad ostia Borysthenis. Hae Scythae navigiis subvehere se solent, et tandem in nigra sylva latitare, donec omnes conveniant. Inde a nigra sylva dicitur Czarny Szlak. Mare illud est tranquillum, et ab iniuriis procellarum tutum, ita ut etiam in eo folia nimphaeae sicuti fit in aliis lacubus parvis exorescant, et supernantent aquae: Et differt Sina voda a mari mortuo, in quo sal veluti glacies tenuis supra aquam innatat, et est admodum subtile. Hoc situm est ad Prekop, ubi illa fossa a mari cernitur ad mare“.

³⁾ Выше было объяснено, что здѣсь рѣчь идетъ о бессарабскомъ Кременчукѣ на берегу р. Днѣстра.

легко избавился бы отъ военныхъ татаръ, если бы только сами захотѣли этого. Я слышалъ, какъ объ этомъ чрезвычайно мудро разсуждалъ мой родотверенникъ *Янъ Орынковский*, который не малое время былъ у козаковъ гетманомъ и хорошо знаетъ эти мѣста; онъ могъ бы взяться за это дѣло и счумѣлъ бы разумно его выполнить.

Есть также козаки Московскіе, которыхъ мы называемъ Донскими и которые живутъ у р. Дона или Танаиса, а съ р. Дона переходятъ иногда на р. Волгу, перетаскивая свои „чайки“ на валикахъ черезъ гору Переволоку. Они также гдѣ могутъ причиняютъ татарамъ вредъ, который татары вымещаютъ на Москвѣ, также точно, какъ и на Ясѣ. Иногда наши низовцы сходятся съ ними, но должны ходить другъ къ другу сухимъ путемъ, потому что между ними нѣтъ воднаго сообщенія. И въ то время, когда король Стефанъ непремѣнно хотѣлъ потребовать низовцевъ, они удирали къ московскіе предѣлы къ тѣмъ козакамъ; видя въ этомъ еще большую для себя опасность, король Стефанъ оставилъ ихъ, кажется, въ покоѣ. Вслѣдствіе этого своеволие среди нихъ еще болѣе разрослось, такъ что до того дошло, что вмѣсто оказанія поддержки они причиняютъ намъ только вредъ.

Необходимо, что они были подчинены власти, чтобы имъ платили жалованье, чтобы они имѣли гетмана по назначенію отъ короля и чтобы, наконецъ, сотники и атаманы ихъ приносили присягу; безъ сомнѣнія услуги ихъ были бы тогда полезными и тѣмъ краямъ было бы съ ними безопасно.

Но я предоставляю обсужденіе этого вопроса кому-либо болѣе мудрому.

Приложение № 1.

Oblata pro parte servitoris Oriszowski.

Actum in castro inferiori Leopoliensi feria quarta post festa solenis Paschae proxima anno Dni millesimo quingentesimo octuagesimo. Ad officium actaque praesentia castr. capitanealia Leopoliensia oblatae sunt litterae papiraeae infrascriptae sac. regiae maiestatis servitoribus sic gnosi Joannis Oriszewski datae et concessae, quarum litterarum tenor de verbo ad verbum sequitur et est talis:

Stephanus, Dei gratia rex Poloniae magnus dux Lithwaniae, Rusiae, Prusiae, Mazoviae, Samagitiae, Kijoviae, Wolchiniae, Podlachiae, Liwoniae etc. necnon princeps Transilvaniae.

Significamus tenore praesentium quibus expedit universis et singulis, harum notitiam habituris, quod nos benignam rationem habentes servitorum gnosi Joannis Oriszowski, que nobis summe fide et diligentiae exhibet, cupientesque eum et de nobis et de republica regni nostri ad bene merendum promptiorem et alacriorem imposterum reddere, dedimus, donavimus et concessimus illi, prout per praesentes damus, donamus et concedimus loca certa et possessiones... desertas, possessoribus, habitatoribus culturaque carentes, in confinibus Tartarorum sitas, quas vicini, illis locis propinquiore, eorum usumfructum nullo iure sibi vendicant, jure advitalicio posidendas unam videlicet possessionem desertam Kopisterin vocatam in transitu, vulgo na Kocz-manskim sliaku, inter Barum et Braczlaiam ad flumen Morochwa communiter apelatum sitam, quam nobilis olim Dachno Kopisterinski tenuit, et alteram quoque incultam Aissin et Hohul dictam, ultra fluvium Boch sitam, quam torenns Sob perfluit, quoque antea a quodam vita functo Mutiae Mizenizinko posidebatur. Quibus quidem bonis nostris locis et possessionibus utrisque, in pallatinatu capitaneatuque

Bracławieński jacentibus, idem ipse gnoscus Joannis Oriszewski utetur, fruetur eaque possidebit et tenebit integre cum omnibus et singulis agris, pratis, campis, fluminibus eorumque ripis, stagnis, lacubus, piscaturis, silvis, mericis, saltibus et receptaculis ferrarum, earum venationibus, prout ad nos mensamque nostram pertinent, necnon cum omnibus et singulis proventibus, comodis et proventibus, que nunc in eisdem bonis sunt aut successu temporis humana industria aucta et instituta esse possunt, nullis penitus exceptis nec pro nobis successoribusque sc. nostris aut pro quocunque alio reservatis, idque ad extrema vite tempora, salvis tamen iuribus reipublicae regni nostri ac... nostris ad ea bona et possessiones permanentibus. In quorum indubiam fidem manu nostra subscripsimus et sigillum regni nostri praesentibus appendi iusimus. Datum ex castris nostris ad Laternam die quinta mensis Septembris anno Dni millesimo quingentesimo septuagesimo septimo, regni nostri anno secundo. Stephanus rex. (*Извлечено из Гротева из Бернардинскаго архива во Львов и напечатано впервые в Записках науковаго товариства имени Шиченки т. VIII, 1895, кн. 4, отдѣлъ Miscellanea, стр. 5--8*).

Приложение № 2.

Zygmunt Treti, Bożu miłostyiu korol polski etc: Oznaymujemy tym lystom naszym wsim wobec y kożdomu zosobna, komu to wedaty należy, iż szto iesmo z łaski naszoie krolewskoie za chodnyie służby urodzonemu Petrowi Swirskomu, żołnirowi naszomu, dały dobra naszymie krolewskije w wojewodztwi Bracławskim, Haysyn nazwanyie, w uroczyskach y pewnych hranycach czerez nas w przywileiu naszym zezłomu urodzonemu Janowi Oryszewskomu menowite opisanych, w kotorych dobrach on pracu, dozorum y kosztom swoim twerzu zamoczok założywszy, mestoczko osadył y dozel osażaiet, ludni wolnemy usyluiet, pomnażaiuczy w tym oboronu panstw y pożytkow naszym reczy pospolitey, czoho my buduczy ponim wdiazchnyie y choteczy bułszy znak łaski naszoie krolewskoie jemu pokazaty za prosboiu icho a pryczynoiu nekotorych panow rad y uradnikow naszym na tych że dobrach naszym Haysynie daiemo y daruiemo prawo

dożywotnie małżonce ieho urodz. Jadwidze Rohosinakoy (z domu też swoieho nam y Reczy pospolitoy dobre zasłużonoho), za którym to spólnym prawom dożywotnim pręczonej małżonkowie tyż dobra miasteczko Haysyn z gruntami, u lyste naszym Oryszewskim danymy, to iest menowyte naprod po dorohu, ktoraja leży z Rachnowa do wercha ryki Bohuszy, toju ryczkoju Bohuszoju do ryki Sobu hranici y po tuju ryczku Bohuszu; z druhoie strony branyci ryczka Kuna, od werchu Kuny aż do Sobu ryki, y zas za rykoju Sobom totże grunt po ryczku, ktoruju zowiut Kublicz, ktoraja wpadaiet w Sob protyw Kuny, toja ryczka Kublicz w werch iduczy aż do ryczki Wezowec, od ustia Wezowca, hde w Kublicz wpadaiet, u werch iduczy Wezowcem, aż do lesu Chocholewa, a czeres les dołom Byłykowym Potokom aż do Unicy ryczki, a od Unicy dołom Suchym w werch podle Werbiczowa aż do Semeryczki, a Semeryczkoju sz do Sobu ryki powyszczy Bohuszy ryczki, szto w Sob wpadaiet z druhoiestorony, ze wszelakimy należytosciami y pożytkami, tak wspólnie, iako y rozdelnie majut y mohty budut tyie dobra miasteczko Haysyn z nas y potomkow naszych derżaty y ich spokojnie używaty do ostatnieho kresu żywota swoieho, pozwalaiuczy im tym listom naszym y pręczonej miasteczku Haysynie wuyta, burmistra, ławnikow, pisarz wrad meski prysiażny postanowity y zawedaty, także jarmarki y torhy czasow sposobnych ustanowity y obwołaty bez perekazy, odnak innych mest naszych y obywateloy tamesznych prylehlyoh waruiucz toż teje pylne, aby meszczane y poddanyie tameszniie bez woli y wedomasty hotmanow naszych y derżawcy swoieho niczoho swowolnoh tak z postronnymi iako y z tutecznymi nie poczynali, ani sia wrzylale wowsim sia iako wernyie poddanyie ku nam y Reczypospolitoi także derżawcy swoiemu prystoynie sprawowali y zachowali, praw naszyie krolewskije y reczypospolitoje wcale tam zostawuiuczy tymz listom naszym, kotory dla lepszyie wery y twerdosty rukoiu naszoj podpysawszy peczat koronnoju k niemu przytysnuty roskażaly iesmo Pisan w Warazawe na seymie wałnym koronnym, roku tysiacz sześćset piatoho, mesaca marca wtoroho dnia, panowania krolestwasz naszych polskoho osmnatciatoho, a szwedzkoho dwenatciatoho roku Sigismundus rex. Zachariasz Jelowicky sekretarz y pisarz. (Ks. Kie. Centrp. Apx. № 4633, л. 15).

Експедиція Самуїла Зборовського в Запорозжя літомъ 1581 года.

(Къ стр. 93).

*Текстъ Бартоша Папроцького в книжцѣ: „Herby Rycerstwa
Polskiego“ 1584 года, в отдѣлѣ „O klejnocie Jastrzębiec“.*

Samuel Zborowski, szósty syn kasztelana krakowskiego, rotmistrz na Podole, u Baliny w wojsku cesarza Maxymiliana. Wtórę indziej, w prawach rycerskich ówiczony, *vir animosus*. Na koronacyi króla Henryka przez zwadę zabił Andrzeja Wapowskiego kasztelana przemyskiego z domu Nieczuja, o co był *exilio* skaran, wszakoż takiem, które nigdy zacności domowi Zborowskich szkodzić nie miało. Ten jako posłuszny, uczynił był dosyć tej egzekucyi, wyjechał do Węgier, tamże był przy siedmiogrodzkim wojewodzie Stefanie z domu Batorych, którzy za herb noszą trzy zęby wilcze. Tego wojewodę gdy Polacy króla obrali, po zjechaniu Henryka Francuza, on też przyjechał do Polski, któremu *propter animum ejus* żaden nie kontradykował.

Tenże potem był od niżowych Kozaków, którzy się zaporożskimi młojcy zowią¹⁾, deklarowan za hetmana²⁾, z którymi był w takiój potrzebie, która się zaczęła tym sposobem:

Kozacy niżowi wiedząc go być mężnym, hojnym, a dobrej sławy chciwym, wskazali do niego, żądając go o to, aby był hetmanem ich. Który niedługo się na to rozmyślając, jako człowiek *magni animi*, posłał im zaraz przez one posły upominki i pieniądze³⁾, chcąc je sobie zjednać na potrzebę, ku otrzymaniu dobrej sławy ojczyźnie i domowi swemu. Umyślił inną stroną do Moskwy z nimi wtargnąć⁴⁾.

Naprzód tedy do Kaniowa przyszedł z pocztem niemałym sług swoich i hajduków⁵⁾, wsiadł na rzekę Dniepr⁶⁾, konie na brzeg puścił etc. Znowu młojcy zaporożcy wiedząc o nim, posłali do niego posły, radując się przyjazdowi jego, a już mu zwierchność nad sobą zlecając. Za co on im podziękował i znowu upominki posłał. Oni zatem wzgardziwszy obietnicami starosty pogranicznego, który je odwodząc od służb Zborowskiego, do siebie namawiał, wielkie łaski z siebie samego i od króla im obiecując⁷⁾. Oni chcąc prędko pokój mieć, przez posły

przysięgli posłuszeństwo Zborowskiemu, a potem i sami ustnie to wszystko, co by czynić chciał, pomagać mu wszystkiego obiecali. Jechał potem do Cyrkas, z Cyrkas do Pakły rzeki, którą chciał iść pod Putywl zamek moskiewski⁹), tak jako się był przedtem zmówił przez listy z starostą, jednym ukraińnym, wszakoż ten starosta w słowie mu się nie ziścił. On bacząc nieustawiczość w słowie starosty onego, radzili mu Kozacy, aby jechał do wojska¹⁰).

A tak się od onej rzeki Pakły obrócił, do drugiej rzeki Samary.

Tam znalazł 200 Kozaków rzecznych, którzy tylko zwierzę i ryby łowią drugim na żywność, a ci już tam mieli starszego co im rozkazywał. Jest tam rzek wiele obfitych barzo w ryby i zwierzę różnego rodzaju, który się nad nimi na pastwiskach chowa¹⁰), o czem będziesz miał szerzej w historyi. A temi tam rzekami może iść do Hordy i do Moskwy, i chodzą dla korzyści.

A tak gdy przyjechał Zborowski do miejsca onego, kędy się Kozacy chowają, wszyscy mu czołem uderzyli, i posłuszeństwo wszelkie obiecali; bo ci tam ustawicznie między rzekami mieszkają, mając pożytek z zwierzę, jako z rysiów i z innych, a co do żywności należy, drugim odsyłają¹¹).

Od onych wodnych, prosto się puścił do progów, kędy rycerzcy ludzie mieszkają. Tam jest miejsce na Nieprze trudne do przebycia, bo te progi są z wielkich skał, przez które woda jakoby kędy z wysokich grobli spada, i tam nie może nikt przejechać, oprócz tych Kozaków, bo oni z tych progów w czelniech się spuszczaają po linach¹²). Tamże u Jawołzanego uroczyska¹³) między progami, chcieli mu dać Kozacy bitwę, kiedy go obaczyli, a ujrzeli przy nim hajduki; rozważali to sobie: Pewnie, że ten będąc panem, nie znając nigdy żadnej nędzy, z nami tu nie będzie mógł wycierpieć niedostatków. A tak go rozumieli być przeciwnym, a iżby ich z naprawy królewskiej chciał wygubić¹⁴). Ale on dał sprawę dostateczną o sobie, i to powiedział: „Zem ja tu przyjechał na żądanie posłów waszych, któreście do mnie ślali, przeto się odemnie nie obawiajcie nic innego, tylko miłości towarzyskiej, i tego pewni bądźcie, że ja tu zajechawazy z tymi wszystkimi, które przy mnie widzicie, chcę z wami zła i dobra cierpieć równo, i z wami szczęście swoje dzielić“. Oni mu zatem, to od niego usłyszawazy, posłali ośmdziesiąt Kozaków, którzy go przepro-

szedli przez one progi, których jest tam dwanaście: bo nie miał ze sobą tylko wszystko ludzkie nowe jako i sam. Było szlachciców samych ślaskich siedmdziesiąt, oprócz hajduków. Wszakże niektórzy szlachciocy eknąwszy się onych strasznych przewozów, nazad się wrócili. Tam daleko jest zamek Chortycza, który był Wiśniowiecki postawił; ad ten nie mogą iść galery¹⁵⁾. Tamże pod nim sam hetman postrzegł raz tatarską, bo tam często bywają, a zawsze ich Kozacy gromią; wszakże na ten czas natrzeć na nich nie chcieli, chociaż ich więcej niż Kozaków było.

Za progami skoro potkali się naprzód z szarańszą, która acz szdriom nie barzo szkodzi, wszakże koni dla niej odeszło przez trzysta, szdrie też niektórzy puchnęli¹⁶⁾.

Wyjechawszy z Chortycze zamku, na którym nocleg mieli, tam dopiero dojechał Kozaków i posłów, którzy od nich do niego ślani byli. Tam gdy się zjechali, uczynił do niego rzecz jeden starszy, adując się z przyjazdu jego, a winszując mu, aby z miejsca tego ojczyźnie milej był pożyteczny, a iżby fortunnie nieprzyjaciela jój gromił, czego mu sami do gardł swoich, w posłuszeństwie jego będąc, pomagać obiecali¹⁷⁾. Podziękował im za chęć i za winszowanie Zborowski, i zatem jechał z nimi na miejsce to, kędy mieszkania swe mieli. To aroczysko zowią Tomakowski Ostrów, który jest tak szeroki, że może na nim wychować 20 tysięcy ludzi, i koni niemało. Przy tymże ostro-
wie jest jezioro wielkie i barzo rybne, tam skoro wysiedli, był od wszystkich radośnie witan, zaraz go obwołali hetmanem, z rusznie
strzelali. Nazajutrz uczyniwszy koło rycerskie, tam mu dekorowali
jako hetmanowi, i oddali mu buławę hetmańską¹⁸⁾ rzecz do niego uczyniwszy temi słowy:

„My, miłościwy panie, wiedząc cię być panem rycerskim i zacznie
urodzonym, co acz to u nas mało waży, tylko sprawa a serce mężne,
ośmiemy o tobie wiele od postronnych narodów slyszeli, także i od
braci swej, jakoć zawszo Bóg przeciwko każdemu nieprzyjacielowi
twemu wielkiej fortuny pożyczal. My też gdyżesmy się tu ciobie do-
czekali tak zacnego Polaka, wielkiego urodzenia pana, z szczęścia i z
męstwa sławnego, nie mogąc cię tu niczem inaszem tak znaczenie, uda-
rować, podawamyó tę broń pierwszych hetmanów miejsca tego, którzy
nam fortunnie z dobrą sławą rozkazowali. A my sami siebie z wier-
nemi chęciami naszemi i z posłuszeństwem wszelakiem, zaraz ci przy

tej buławie oddawamy, życząc ci tego, abyś nam długo rozkazywał, skądbyś sobie, nam i ojczyźnie milej, i potomstwu swemu nieśmiertelną sławę otrzymał⁴.

Wziąwszy buławę od nich, odpowiedział im w te słowa: „Nie baczę ja tego w sobie, moi mili a zaci rycerze, abym się do tego urzędu na który mię teraz przekładacie, (a już mi go zgola mocno w ręce za podaniem tej buławy oddawacie) zejść mógł, bom i nie na to tu przyjechał, abym się tego podjął miał, tak wielu mężnym, sprawnym ludziom rycerskim rozkazywać miał, ale tylko temu k'woli, abym współek z wami przyjąwszy towarzystwo, w obojgu szczęściu złem i dobrem równo cierpiał, potem ojczyźnie swej milej służył, tak jako młodszy między wami, za radą i nauką was ludzi rycerskich. Wszakoz znajduję w was tak wielką chęć i miłość przeciwko sobie, śmieło od was ten urząd przyjmuję, w którym jeśliby się przydało zbłądzić, jako mało bywałem, mam za to, że od was samych łaskawie ostrzeżonym będę⁵.

Potem szli pod zamek P'utywł, który jest u Pakły rzeki, chcąc się tam starosty jednego ukraińskiego doczekać⁶), uskarżali mu się na nielaskę wielką przeciwko sobie panów polskich i niewdzięczność za swe posługi etc. Co potem w historii być może.

Nie ruszywszy się z miejsca onego, chcieli to po nim wiedzieć, kiedy im Pan Bóg da we zdrowiu przyjeść z Moskwy, gdzieby się też miał wolą obrócić. On ich nie chcąc długo trzymać na słowie, pokazał im pisanie od cara tatarskiego z Przekopu, który mu był w dom do niego jeszcze z niemałemi upominkami posłał, obiecując mu chorągiew u cesarza tureckiego na ziemię wołoską zjednać⁷). Tam oni prosili go zaraz, aby posłał do cara, dając mu już o sobie znać na Nizie, aby przypomniiał cesarzowi obietnicę, żebyś się w tem uścił, który to dla niego uczyni, bo mu ludzi niemało do Persyi posłał, gdzie mu brata Adylkirya pojmano⁸). A chcąc być pewniejszy tamtej obietnicy, darowali mu więźnia znacznego Tatarzyna, którego zaraz hetman posłał przez posły swe carzowi, przy czem był Bielecki, komornik króla Stefana, którego był carz zatrzymał, wszakoz go za perswazją posłów hetmana niżowego puścił.

Złocił też to był hetman posłom swoim, aby dali zrok⁹), albo miejsce posłom cesarskim, gdzie się zjechać mieli, jeśliby które do niego posłał, aby się z nimi zjechali w dziesiąci koni tylko. Dali

zrok na prochy Karajstehen, które jest forum, albo rynek, gdzie tatarowie z Kozaki wszelakie targi swe miewają²³).

Na to tedy miejsce jechał hetman; tam zastał posły cesarskie i woje, którzy skoro przyjechał, przywitali go z wielką uczciwością, sty oddawszy, zdrowie od carza nawiedzili, potem mu oddawszy pominki, koni dwanaście rumaków pięknie ubranych, i trzy szaty łotogłowowe, którą gdy na hetmana włożyli w onem polu, znowu szczyt piękną do niego uczynili, radując się z dobrego zdrowia jego, iż na to miejsce przyszedł, gdzie tak swawolne Kozaki hamować noże, z tego się cieszyli. A iż carz kochając się z tego, a wdzięcząc się przyjazdu twego, za syna cię swego przyjmuje, obiecując ci to wszystkiego pomagać, w czymby go jedno używał, i tej obietnicy koło chorągwie wołoskiej potwierdzili, tylko o to pilnie prosili, żeby pokojnie czekał na Dnieprze chorągwie. On, nie dbając o chorągiew, rosił, aby mu carz w towarzystwo posłał do Moskwy hetmana swego, powiedając że Moskwicini wiele w litewskim księstwie czyni w granicach szkody królowi panu naszemu²⁴).

Skoro mu to powiedzieli posłowie, zaraz rzekł, żebym tego k'woli królowi nie uczynił nigdy, co dla niego jako dla syna swego uczynię, i dał mu znać o tém, czem go barzo ucieszył. A gdy się zaszł z nim gotować hetmanowi, w tem carz turecki pisał do niego, aby mu się w obietnicy uisoił, iżby z nim jechał do Persyi, tak jako obiecał. Dał o tem znać Zborowskiemu na Niż przez posła swego carz przekopski. Wtem już zawątpił, że ojczyźnie posłużyć nie mógł, utrzymawszy posła na onem miejscu, jechał sam do stanowiska swego, a gdy noc zaszła, począł myśleć, co czynić miał.

Rano do onych posłów jechał, zawołać kazał onego Tatarzyna, którego już był wolno wypuścić, żeby do niego z przedniejszym posłem przyszedł. On strwożony szedł do niego, obawiając się tego, aby go znowu nie kazał związać. On powiedział: „Gdyż tego carz dla mnie uczynił nie ochoł, niechżeby mi wzdy był Bakaja z ludem posłał; oto ja jemu k'woli to uczynię, że z nim pojedę do Persyi, tylko mi niech przysięże, że mam być wszędzie przespieczen zdrowia swego, abym nie był albo otrut, albo z naprawy jego stracon zdradliwie. Niechże do mnie przysze mustalika²⁵) i radę swą naprzedniejszą z murzami, którzyby mi na to przysięgli²⁶. Posłowie podziękowawszy za tę chęć wielką, u nóg padali podług obyczaju swego hetmanowi, a z radością

do cara swego jechali; dał im zrok Zborowski za tydzień, niedaleko od tegoż miejsca, gdzie się zjechać mieli.

Gdy posłowie z tą nowiną do cara przyjechali, wścieknie ich przyjął i udarował. Hetman też Zborowski jechał do wojska swego, które było na ostrowie nazwanym Kartamłyk²⁶⁾, powiedział rycerstwu to co z posły postanowił. Wnet się rozerwali, jedni chcieli z nim jechać, drudzy na to nie dali słowa rzec, powiedając, że to psi zdracliw, słować nie zdzierzą, zginiesz i nasby przy sobie pogubił. A wtem w nocy wielki się rozruch stał, że nie wiedział co z nimi czynić miał hetman, i nie był od nich przespieczen zdrowia swego. Posłał do nich porucznika²⁷⁾, rozkazując im, aby się uciszyli, bo jeśli tego nie uczynią, tedy im bitwę pierwszej, niżli nieprzyjacielowi inszemu dam. Oni go za tem wskazaniem karać chcieli podług zwyczaju swego: opasawszy mocno, piasku za nadrę nasypał a w wodę wrzucił²⁸⁾.

Szedł potem sam do nich, łagodnie ich ukrocił, wszakoż cały tydzień miał wielką trudność z nimi. Wezwał potem starszego do siebie, przed którym powiedział, że ja żadnego nie przymuszam, który chce niechaj zostanie, a który chce jedzie, tylko ci co tu zostaną, aby hordzie dali pokój, bo stąd takie niepożytki baczę, że króla i rzeczpospolitą obrażają; druga, że mnie w niebezpieczeństwo przywiodą. Zatem posłał straż, aby strzegli na onem miejscu, kędy mustalik przyjdzie z murzami.

Hetman sam, iż nie mógł na czas naznaczony przyjechać, tam gdzie był dał zrok Tatarom, była ta przyczyna, iż jeszcze nie dobrze był świadom wszystkich miejsc i uroczysk na Dnieprze, którym się przypatrował, jednak posłał zaraz dowiadując się gdy przyjadą, aby się do niego przymknęli. Mustalik obawiając się jakiej zdrady, został sam na miejscu naznaczonem, a posłał kilkaset murzów, prosząc hetmana, aby do niego przyjechał, bo go na miejscu naznaczonem z radością czeka, a przyjechał był z wielkim orszakiem, mając tysiąc koni z dworu carekiego barzo świetno, z dary wielkimi, z wozy, z wielbłądy, pieszo także miał ludu niemało.

Tam murzowie, gdy do nich hetman niżowy przyjechał, przywitali go z uczeiwością, barzo ochotnie, jako mogli nauczciewiej, podług zwyczaju swego, padając całowali nogi etc. Zatem go prosili, aby do mustalika jechał, opowiadając mu wielką chęć i przyjaźń carską. On im obiecał jechać do nich, tylko prosił, aby go do trzeciego dnia mu-

malik na onem miejscu poczekał umówionem, aż wojsko rozprawi, bo mu szło o to, aby ci co zostawali na Dnieprze, szkody jakiej nie czynili, a tak ich chciał przysięgą sobie zobowiązać, aby hordzie okój dali, wymawiając się, że mi się ich ładajako odjechać niegodzi, alko hetmanowi, gdyż nie wszystkich biorę z sobą do Perayi.

Powiedzieli mu, że tego mustalik uczynić nie może, bo carz naż tylko na cię czeka, a niedba o insze, tylko żeby ciebie samego yna swego miał przy sobie, a też już dawno ze stem tysięcy ludzi r polu leży, nie stawa mu żywności, ani trawy koniom. A tak cię wrosić kazał, abys co narychlej do niego przyjechał.

Mając ochęć wielką Zborowski widzieć wojska i sprawę pogańską, wrosił, aby tylko do północy zetrwali, a on zaraz już z nimi miał wsiadać. A Kozacy dla Boga prosili, aby nie jeździł, płacząc a opowiadając mu już zginienie. Nie mogli mu tego odwieść, wszakoż mając rozmaite zabawy z onymi murzami, mało nie do samego wieczora ich znowu zabawił. Wtem folgując prośbie ich i chęci swoj łosyć czyniąc, prosił, aby mu konia dali, chcąc już wsiadać w drogę, już płaczu i prośby rycerstwa swego nie słuchając, ani na to dbając; dali mu zaraz konia murzowie.

Tu prawie Pan Bóg, który jeszcze na świcie go zostawić chciał, a nie dać mu w rękę pogańskich ginąć. Z onych wielkich prac, konia obaczywszy, pytał, jeśli stępią idzie? Rzekli, że bystr. On ich prosił o inszego konia, któryby statecznie szedł, bo był strudzony barzo. Wnet się rzucili starając się o inszego konia, a on chodził, jako na koń wsiadł, sahajdak przypasał, szablę etc. Wtem kucharz jego Michał rzekł do niego z płaczem: „Panie mój, już cię podobno nie oglądam; jest szczuka dobra, proszę najedz się na drogę“. A tak on, że cały dzień nie jadł, dał się namówić, szedł jeść, konia mu wtem przywiedziono. A gdy chciał przysięgi od murzów, oni mu rzekli: „Że my tobie za to nie możemy przyrzekać“. Wtem to Kozacy usłyszawszy, z żalności porwali go gwałtem między się, zanieśli go do czołnów na siebie, wsiadłszy w czołny, poczęli strzelać, murzowie się ich barzo bojąc, rozskoczyli się; potem odbiwszy od brzegu, z radością jechali do wojska swego z nim. Kozacy oni gdy go ujrzeli, z wielkiej radości niewymowne sztuki pokazowali, śpiewając pieśni, strzelając, na kobzach grając, *et alia*²⁹).

Tam gdy się to działo, straż kozacka przywiodła więźniów kilkanaście, którzy z Hordy uciekali, do ich tego czasu we źniwa wiele uchodzi. A tak ci powiedzieli hetmanowi, na jakiej części miał być u carza, która taka być miała: Sam miał być więźniem jego, a ci wszyscy na palach, którzyby z nim przyjechali, albo przyszli przed Przekopem, na co się prawie wszyscy zgodzili, bo to jeszcze na miejscu będąc od murzów słyszeli.

To usłyszawszy Zborowski, rozgniewawszy się serdecznie na carza, przybrawszy czterdzieści człowieka jechał do koni, które były od stanowiska siedm mil, bo się ich nie spodziewał więcej zastać, bo zdychały od chrobactwa wielkiego, a ludzie puchnęli; chciał tymże tropem jechać za wojskiem carskiem, chcąc go zewsząd szkodzić najężdżając. A gdy przyjechał do koni, nie zastał i dwu zdrowych, chciał przedsię jechać, Kozacy mu odradzili, powiedając mu: „Niżli te konie przepławim, tedy owe zemdlone padną, a my z tobą poginiemy”. Jednak on chcąc się onej chytrłości mścić, chciał Tatarom zastępować na drodze tym, co się do wojska carskiego ściągali, wszakoż mu Kozacy odradzali mówiąc, że w tym niedostatku nie uczynisz.

Wtem przyszła wieść pewna od tatarskiej straży, że ony wszystkie co byli po hetmana przyjechali carz pokarał, iż na te kondycje, których on chciał, nie przyzwalał, a iż go z sobą nie przywieźli. Miał natenczas u siebie posła króla perskiego, który był do niego z tem poselstwem przyjechał, powiedając, iż cię pan mój dawno czeka z cesarzem tureckim, czemu nie wsiadasz, a co się twemu bratu dostało, to i ciebie potka³⁰⁾. Na które jego tak harde poselstwo, hardzie też do niego wskazał carz tatarski; chciał był jeszcze hetmana czekać, ale iż mu przynaglał hetman perski, aby co rychlej jechać, jechać musiał, zostawiwszy dziesięć tysięcy ludzi dla obrony od Kozaków nizowych. Posłał jednak prosząc do hetmana, aby pokój z nim umówiony jako z ojcem trzymał, a on mu postąpił dań na wszystkie Kozaki, i tę chorągiew którą mu obiecał na wołoską ziemię z Persyi zaraz przywieść obiecał, kiedy się wróć, tylko prosił pilnie, aby ziemi jego dał pokój.

Wtem Zborowski odprawivszy posła, myślił co czynić miał. Droga go już do Moskwy omyliła, także i do Persyi³¹⁾. A tak posłał do Piotra hospodara wołoskiego, aby mu się w obietnicy uścił, jako obiecał, która była takowa: Miał dać 500 koni Zborowskiemu,

jeśliby był szedł do Moskwy, a jemu żeby dał pokój, bo go już była wieść doszła, że się przeciwko niemu gotował, jeszcze gdy był we Złoczowie imieniem swem³²). A mając w tem nadzieję, że mógł być poratowan w służbę Rzeczypospolitej, dał z roku cztery niedziele, żeby się z posły wołoskiemi widzieć mógł³³). Posłał z sług swoich szlachcica jednego, Kozacy też z molojców swoich drugiego, dalej czasu nie mogąc postąpić, bo też już drudzy starostowie ukraiinni wyjeżdżać mieli³⁴).

W tych czterech niedzielach czekając posłów onych, więźniowie którzy z Tatar uciekali Nieprem, iż tam są niedaleko stada wielkie, wie się też przymykały tatarskie do Dniepru: bo tam wie takim kształtem budowane, jako one budki albo chatki, które owocarze na kółkach za owcami włóczą. etc. A gdy o trwodozyszą, tedy ze wszystkiem zaraz, zaprzągnąszy onę chałupę, którą na na kółkach, uwozi co nadalej. O czem usłyszawszy Kozacy, wnet się poczęli frasować na hetmana, powiedając, że już dalej czekać niechcą, tylko uderzyć na hordę, bo możemy mieć korzyść wielką³⁵). Hetman ojczyźnie to chcąc pokazać, że mogąc sławy dostać i korzyści wielkiej, nie chciał, aby miał *movere turbas*, a tego nieprzyjaciela na potem poruszyć przeciwko niej, bo natenczas nie mogli jej szkodzić, gdyż wszyscy do Persyi byli wyszli, ale pamiętając na przymierze, które Turcy i Tatarowie z królem i z koroną mają, hamował Kozaki w przedsięwzięciu ich³⁶). Acz go w tem słuchać nie chcieli, aż wszystek rynsztunek swój, który tam z sobą miał natenczas, konie, szaty, pieniądze, między nie rozdał, tych też podlejszych potem, jaką mógł srogością odgramiał. Owa ono przedsięwzięcie ich w nich uspokoił, a to wszystko czynił w ten sposób, że się oglądał na pokój ojczyzny, w której jako rozrodzon, to nietylko swym, ale i postronnym narodom nie tajno, mając żonę z domu także możnego Jordana Spytka kasztelana krakowskiego córkę, z którą potomstwo zostawił synów dwóch: Alexandra i Samuela na ten czas *minorens*, któremu też nie tak wiele skarbów zostawić pomyślając, jako po sobie sławy, a pamięci dobrej życząc.

A tak uciszwszy ono dzikie wojsko swoje, czekał czasu jako był naznaczył posłom do czterech niedziel. Wyszedł czas, drugie i trzecie cztery niedziele, posłów ani jego, ani wołoskich słyhać było. A wtom posłał sto człowieka z czółny na morze po sól, bo tam kiedy

rok suchy, sziada się na wyspach, biała iako lód²⁷⁾. Owa swątpiwary o onych posłach, rozumiał, że je hospodar posadzał, albo Tatarowia. Puścił się na Dniepr, bo tam posłów czekając wielkiego głodu i niewczasów się nacierpiał, k'temu z Kozaki wielkiej trudności, którzy niedbają na króla pana swego, ani na ojczyznę, w której się porodzili, tylko już wszystkie nadzieje w onem miejscu pokładają, kędy żyją, a tak jakoby rzekli oną pospolitą przypowieścią: Póki żyta, póty byta²⁸⁾.

Nic tedy nie obeszła nędza żadna, głód, niewczasy onego nowego hetmana ich, przy onem dzikiem wodnem rycerstwie, acz miał ryb, zwierzu wszelakiego dostatek, wszakoż ono na każdy czas odwodzenie ich, albo hamowanie, od szkodliwych ojczyźnie umysłów ich, tak go barzo fatygowało, że czasem po wiele razy mało o zdrowie nie przyszedł, gdyż to lud bystry, nienhamowany. A tak puściwszy się po Dnieprze rozumiał, że się miał z onej nędze ochłodzić, wszakoż w tem od szczęścia nie mógł być ratowan, bo daleko w większe nieprzespieczestwo, niżli miał pierwej, przyszedł. Bo kiedy mu oni znać dali, którzy jechali po sól, iż są galery na morzu, on zaraz im dla posiłku płynął do nich, z którymi się potkał, gdy nazad płynęli, żadnej na się trwogi nie mając, nabrali soli tyle ile mogli.

Posłał potem straż *ad ostium maris*, to jest tam, kędy rzeka w morze wpada, ta straż zaraz tego postrzegła, że dwie galerce weszły na Dniepr a przy nich dziesięć tysięcy Tatarów lądem, chcąc bitwę dać Kozakom na miejscu kędy ciasnem. Mając tę już wiadomość o nich hetman nie mniej też o tem myślał, jakoby im też bitwę dać mógł, tylko na to czychał, żeby na takim miejscu stanął, aby oni do niego na ostrów z galer wysiedli, żeby ich także mógł wprawić w kąt ciasny, jako tam o to łączno na Dnieprze. Czekając ich długo, spodziewał się, że już tam wszystka moc ich była w onym ludzie, jako ich straż obaczyła, a ono to tylko była straż, którą sędziak wysłał dla języka²⁹⁾. Obrócił się do nich, ale oni zaraz obaczywszy Kozaki tył podali. Żałował tego hetman że z nimi bitwy stoczyć nie mógł, przez tak nierychłe do nich jechanie. Obrócił się nazad, a już sobie umyślił wtargnąć do Wołoch, dla tego zagniewany, że mu posły zatrzymano.

A wtem jadąc na pierwszym noclegu w ziemię, potkali więźnie którzy z Tatar uciekali, a gdy przyszli przed hetmana, powiedzieli,

o teraz czas na Tatary, możecie przepiecznie iść w ziemię ich, bo wielką korzyść mieć będziecie, powiedając im tam dla nich o wielkiej rwordze, że już sama carzowa do lasów uciekała. Kozacy słysząc te słowa ich, brać się tam poczęli chciwie. A gdy ich hetman od tego dwodził, poczęli narzekać, że je próżno trzymał, a nie życzył im nikowej korzyści. On jako człowiek ten, który rozumiał, co mu na sam i ojczyźnie należało, prosił, aby baczność nań w tej mierze mieli, jak jako to obiecali być mu we wszem posłuszni.

A skoro ich ulagodził, posłał do carzowej upominając ją, żeby się nie bała, może nie uciekać, bo ja jako syn, chcę się o to starać, żeby matka moja w pokoju siedziała, pomniąc na obietnicę carza ojca swego, chyba, żeby on nie chciał trzymać słowa swego. Wszakże i do pomszczenia będę miał czas inny. A tak posły odprawiawszy, uścił się na przedsięwziętą drogę do Wołoch.

Wtem znowu wieść przysła o Tatarzech, że byli na zamku Iasnonhorodku. Chcąc pokazać to Zborowski, o co się też kuśił przed nim książę Rozeński przed kilku laty, starając się o on zamek, aby go mógł być zburzyć, jakożby był tego już okazał, tylko przez nieopatrzność, gdy podsadził pod zamek prochy, na złem miejscu stanął, potem mizernie zginął⁴⁰).

A tak ich Zborowski chcąc zastać na onym zamku, nadedniem prawie do niego przyszedł, Tatarowie skoro go postrzegli, zaraz uskożyli. Posłał do nich tłumacza, któryby ich do niego prosił na rozmowę, i rozkazał się skrać kilku Kozakom z rusznicami, dla tego, żeby go nie porwali, a wtenczas jeden Kozak strzelił do Tatarzyna. Zagniewany hetman porwał się do Kozaka, chcąc to pokazać, że im słowo trzyma, ale drudzy wiedząc go być godnym, zaskoczyli, a nie dościli do niego. Ten Kozak umiał każdą strzelbę zamówić, że mu szkodzić nie mogła, ani temu wojsku w którym był⁴¹). A tak powstałi Kozacy o to przeciwko hetmanowi tak barzo, że ich ledwo ubłagał.

Potem gdy się uspokoili Kozacy, przysłali Tatarowie do niego, dziękując mu za chęć i za pokoju trzymanie, chcąc mu dać stacyą, aby obie odpoczął z ludem swym na onem miejscu, prosząc go i o to, aby się z carzykami poznał, którzy do niego chcą przyjechać. On rozkazał: Na ten czas nie potrzebuję; a druga: do znajomości na tym czasie przyjeść z carzykami nie mógł, gdyż miał potrzebę pilną i hospodarem wołoskim na uroczysku Probitym u Bohu⁴²).

Tam stąd idąc z Haslonhorodka, miał nocleg u Witałtowej ławnie, tam się napatrzył wielkich *antiquitates* jego⁴³). Ztądże prosto puścił się *ad ostia maris*, tam gdzie Dniepr w morze wpada, stąd prosto wyprawił dziesięć człowieka do Probitego ku Bohu, aby nie omieszkał na zrok z Wołochy. Ona straż idąc trafiła na Turki, których pojмали trzy-naście. Turkom gdy przybywała wielka pomoc, oni z nimi uciekli do rzeki Bohu, i tamże z nimi jechali aż do Probitego. Hetman też na onem miejscu, skąd był wysłał straż, dzień odpoczywał, o to dla tego, iż Kozacy obszywali czółny trzcina, bohy były małe na morzo⁴⁴). Tam wyjechawszy na zwierz na wyspy morakie, usłyszał że kilka razy z dział strzelono. Pytał coby to było: Jedni powiedali, że strzelano na Przekopie, drudzy mówili, że to grom i łyskawica. Owo nie nie myśląc o Turkach, ruszyli się z onego miejsca na morze, a oni którzy jechali do Bohu nie dali mu znać o nich. Tam mijając Przekop spokojnie, chcąc jechać a dać pokój Tatarom, z którymi sam, i król, i ojczyzna, mieli przymierze⁴⁵).

Wtem postrzegli dziewięć galer wielkich, okrom batek małych, które szły przeciwko nim, zastanowili się, mniemając, żeby jaki zamek. A gdy się lepiej rozedniało, poznali, że galery, które się zdaleka świeciły; nie było na nich tylko lud wybrany do boju.

Począł z Kozaki mówić: „Mamy panowie bracia czas, że sławy dostać możem, a będzieli nam Pan Bóg szczęścił, będzie i korzyść.” Rzekli Kozacy: „Albo nie wiesz panie hetmanie, że to nam nie równy plac do potkania⁴⁶); lepiejby o tem radzić, jakobyśmy co naprędzej uchodzić mogli.” Tego Zborowskiemu było żal, ale widząc, że mu prawdziwie radzą, nie wiedząc co czynić, myślił o tem, jakoby się im bronić, gdyż już blisko od niego byli, trudno już było uciekać, a do Bohu jeszcze było siedm mil. Kozacy strwożeni czynili złe serce hetmanowi, chociaż tam tacy ludzie byli, co jedno szablą żyli, wszakoż im to wszystko sprawowało złe miejsce, a k'temu czółny przeciwko galerom, wielka różność; poczęli się mięszać a wołać na hetmana, że chcieli njeżdżać. Który przedsię stał jako lew, pragnąc z nieprzyjacielem chętnie bitwę zwieść. Wtem ich dojechawszy, uczynił tę rzecz do nich: „Niechże was nic nie obchodzi, moi mili cnotliwi rycerze, wielkość pogańska, ani ta ich ogromna armata, bo to my mamy naprzód przed nimi, żeśmy są ludzie chrześcijańscy, dla czego samego nie wątpimy, że Pan Bóg za nami pomagać będzie, a sam potłumi nieprzyjaciela a

Rusznierza imienia swego, k'temu i niewinność nam pomoże, jedźmy sobie nie lękając się, a nie cieszmy pogan, aby na nas serca nie brali." Dwa tak ujeżdżając z nimi równo, prosił ich, aby mu tej sromoty i sobie nie czynili. Wtem się jedna galera wydała, na której był hetman i wszystkich ludzi, ten rozkazał pilno przykładać a gonić Kozaki, chcąc się o nie kusić, niżby im drugie na ratunek przyszły.

A tak za wielkimi prośbami i upominaniem, Kozacy którzy byli do brzegu się przybili a uciekać chcieli, znowy w czołny siedli. Hetman im serce dobre czynił, sam za nimi jechał albo płynął ostrożny a choiwy na stoczenie bitwy. Ta galera, ze wszech piękniejsza, szła za nimi jako strzała, już słyszeli trąby, bębny, okrzyk pogański, ukazywały się chorągwie tureckie; hetman z Kozaki śmieje stanawszy, czekał nieprzyjaciela. Tam wataman który na czołnie hetmańskim był, jął słabo sterować, począł go hetman gromić, a niechając aby drugim serca złe czynił, choiał go zabić. A gdy już oo dalej to bliżej byli, stanęli Turcy, a dziwowali się jego śmiałości, już to mając za pewną korzyść, na to czyhali, jakoby go pojmali z Kozaki, czegooby byli dokazali za oną trwogą Kozaków, ale że się z piasku ruszyć nie mogli. Hetman wołał na swe, aby do niego co naprędzej nadbiegali. Ale sternik mało dbając na wołanie i upominanie jego, do brzegu się co prędzej obracał. Turcy obaczywszy poczęli z dział strzelać, ugodzili sternika jednego tuż podle samego hetmana, który lecąc aż chłopca za sobą w morze wtrącił, wszakoż tego prędko ratowali, acz z trudnością. Wtem oni o których hetman najwięcej rozumiał, wypadłszy z czołnów, poczęli się brać do brzegu. Wołał na nie hetman, aby drugim złego serca nie czynili, a nieprzyjaciela nie cieszyli. Turcy z dzielek ucząszczając czołny barzo dziurawili, zatykali czołny Kozacy. Widząc że im trudno co na wodzie począć, do brzegu się przypławili, tam wypadłszy na brzeg, poczęli na się z obu stron śmieje strzelać; już byli dostali Turcy języka, wielzieli kędy i który hetman, a tak nań strzelbę wszystkę obracali. Prosił go Kozacy, aby uszedł na górę, albo od siebie kazał drugim odstąpić; zaraz chłopca który go pilnował, od siebie odepchnął, a ledwie rękę od niego odwiódł, jako go zaraz kula z działa ugodziła. Wziąwszy hetman onę rusznicę, którą on chłopiec za nim nosił, rozkazał się wszystkim rozskoczyć, a sam wziąwszy śmigownicę⁴⁷⁾ począł do galery strzelać; obaczywszy ich bałwana srebrnego w zawoju, mniemając aza sędziak, zmierzał do niego, a wtem zapalili

działo w galerze, co on obaczywszy, przypadł, kula tuż przed nim mało nie na piędzi upadła. Zatem się porwał, uderzył też z śmigownice w onego bałwana, aż blachy srebrne leciały, zatem Turcy wołać poczęli głosem: Hała, hała, hała, i więcej. Więźniowie i ci co rozumieli ich język, powiedali, że baczyli rzecz swoją przegraną; Kozacy zatem poczęli sobie dobre serca czynić, k'temu im było łącno sobie szance poczynić, bo tam na tem miejscu świnie dzikie ryjąc, wielkie doły poczyniły⁴⁴). Hetman znowu z śmigownice strzelił w gromadę ludzi na galerze, zaraz kilka człowieka zabił na jednej ławie, na której rzędem siedzieli. A wtem ony galery wyprawily dwie, aby u Bohu rzeki, dwie mile od onego miejsca, przewozili Tatarzy. Poczęli się Kozacy trwożyć, a wybierając z czołnów żywność, poczęli uciekać. Hetman ich gromił i upominał mówiąc: „Że wam to ludziom takim nie przystoi czynić, o których wszyscy narodowie rozumieją, że wam w męstwie świat równych nie ma. Turcy obaczywszy trwogę między Kozaki, wysiadłszy w nawy, poczęli na brzeg wysiadać, narychtowawszy strzelbę na galerach, a też się spodziewali, że im już Tatarowie przybyć mieli. Hetman widząc że na brzeg wychodzą, krzyknął na sługi, których miał kilkadziesiąt, aby zaraz ochotnie do nich skoczyli, którzy to chętnie uczynili, stoczyli bitwę z nimi dosyć mężnie. Kozacy widząc, że sobie dobrze poczynają Polacy i szczęści się im, skoczyli do nich. Wtem dano znać hetmanowi, że Tatarowie bieżą na pomce Turkom, skoczył do strzelby, wtem obaczył, że jego straż; znowu się do swych obrócił, ciesząc je świeżym ludem. Dodał tem serca Kozakom, śmieje na Turki nacierali. Obaczywszy Turcy, że ich wiele pobito i hetmana albo sędziaka im zabito, przed którym chorągiew szła, zaraz wpław do galery się puscili, tylko chłopiec sędziaków siedział płacząc nad panem swoim zabitym, ale go też zaraz Kozacy rozsiekali.

Nie mając w czem onych strwożonych Turków gonić, szedł z onego poboiska hetman z Kozaki, trafił na Tatarzy, obaczywszy je zdaleka, chciał na nie takiej sztuki użyć: ukazał chorągiew turecką, dając im znać, że Turcy wygrali, wtem się kazał Kozakom skradać do nich. Obaczywszy Tatarowie chorągiew, skoczyli do niej z radością: Kozacy ci co turecki język umieli, wołali na nie. A wtem drudzy którzy na nie waść wielką mieli, nie mogli wytrwać, skoczyli do nich prędko. Tatarowie się obaczywszy, nazad obrócili. Kozacy po nich, ale zaledwie kilku ubili. A gdy obierali trupy, Tatarowie ich potem nabiegali,

ale od Kozaków męźnie wsparci byli. Owi też z galer strzelali, owa tego było mało nie więcej, niż godzinę w noc.

Obrócił się potem hetman do czółnów z Kozaki, których nie zastał, bo było wszystkie popsowano, tylko ośm całych było, w które kazał wsieść kilkiem ich, a gdy wiatr wstał, zaniósł ich na brzeg tatarski, tamże je pojmano. Hetman szedł ziemią, włożywszy kilka rannych na jeden czółn. A gdy go Tatarowie gonili, obaczywszy strwożone Kozaki dla wielkości Tatar, zastanowił się z półtorem stem człowieka, napomniawszy ich słowy pięknymi, i to im przekładając, z jakąby sławą było to ich zginienie, jeśli by się Pan Bóg na nie rozgniewawszy, poganom dał górę nad nimi otrzymać, a jakoby też nieprzyjaciela niepomału ucieszyli, gdyby mu, aby najmniej placu ustąpić mieli, chociaż im dziesięć razy nie równo było, mówiąc: „Lepiejci, moi mili bracia, pocziwie umrzed rycerzowi każdemu, aniżeli źle żyć.“ Tak ich tedy przy sobie zatrzymawszy, obiecując im z sprawiedliwej wroźki serca swego, że mieli fortunnie pogany gromić, stanął z nimi w sprawie; oni ranni nie mogli się przez piasok przekopać w czółnie, prosili, aby ich hetman kazał dobić, to już było drugiego dnia na Bohu rzece. Przyszły potem galery do nich, stanawszy na wodzie, Tatarowie na łądzie, dziwowali się śmiałości ich, jednak się sami o nie kusić nie śmieli, wrócili się potem nazad z galerami, tak, aż i razu nie strzelili. Tam Kozacy już będąc zgłodzeni, hetman także ich, bo półtora dnia nie jedli wszyscy, szli w gromadzie pospołu, aż do Ingulę, nad rzeką Bohem⁴⁰). Tam nadeszli Kozaki, co byli od nich uciekli, dostali u nich trochę żywności, kędy siły wszystkiey posilili. Jechał potem do Ingulę i tamże zastał kilkadziesiąt koni, które był na prośbę posłał. Będąc na onem miejscu w polach dzikich, obumierając, nie wiedział co miał czynić z ludźmi, a żywność którą miał, Turcy mu byli strzelbą w onych czółnach, jakoś wyżej czytał, popsowali, chyba co tak który z nich miał przy sobie jaką trochę dla posilenia się; mogliby byli mieć ryb dostatek, ale im z czółny do tego wszystkie potrzeby popsowano, zwierza też żadnego tam dostać nie mogli; zaraz one konie rozdał między Kozaki, ale cóż to było na tak wielki lud, bo było wszystkich o półtrzecia tysiąca.

Tamże będąc na Ingule radził się Kozaków co miał czynić; przebrawszy kilkanaście człowieka, jechał ku Wołochom do Probitego uroczyska, pojmał kilka rybołowców tureckich, dowiedział się u nich

o straży wołoskiej na Martwej Wodzie.⁵⁰⁾ Szedł tam, nie zastał jedno świeże stanowisko wołoskie, którymby był barzo rad dał bitwę dla wielkiego niedostatku, by jedno był mógł dostać żywności od nich; chociaż nie miał tylko jedenastcie człowieka, a Wołochów było omdziesiąt; on też już kilka dni niejadł, jedno zółdł, i to jeśli go kędy nadszedł. Już zdychali Kozacy od głodu, namawiali go, aby się do wojska wrócił, ale się spodziewał jeszcze w nocy Wołochów zastać, przeto jechał do Kremenczuta,⁵¹⁾ a gdy nie zastał nikogo, przyjechał do Probitego, znalazł tam pismo, co ona jego straż napisała węglem, którą był posłał na zrok, który miał mieć z hospodarem; tam to było pisane: „Jeśli tu kto będzie z wojska hetmana naszego, powiedz o nas na uroczysku Krzywem!”⁵²⁾ Już się pocieszył, zastał tam straż swoją, o której rozumiał, że ją Turcy wzięli. Nałowili mu ryb, najadł się z onymi, które miał przy sobie, i tam odpoczął. Dano mu znać, że jest straży wołoskiej półtora sta, zaraz z radością począł się do nich gotować, ale Wołochowie postrzegli ich, tył podali. Obaczywszy, że nie mógł mieć bitwy statecznej, wrócił się do wojska, przyjechał znowu na wielki głód, frasowali się na to, że hospodara nie zastali. Ruszył się potem z ludem, a co miał iść do Soroki, to się udał do Sawarny⁵³⁾, a to dla tego, że rozumiał, iż mógł mieć żywności dostatek z Bracławia; tam im dopiero nędza dokuczyła, że rogi jakie naleźli, jelenie kopyta znajdując, co od lat kilku leżały, jedli, także kości jakich dostać mogli,⁵⁴⁾ jednak go Bóg we zdrowiu do ojczyzny wrócił. Tak ci trudno sławy dostawał ten sławny Polak, z wielką nieoprespiecznością zdrowia swego. Wiele potem przypadków na tej tam drodze jego w historii czytać będziesz. Zostawił z Zofią Jordanowną kasztelana krakowskiego córką synów dwóch: Alexandra i Samuela, i córkę.

Примѣчанія.

¹⁾ „Запорожскіе молодцы“— обычное названіе пленныхъ козаковъ въ эпоху Стефана Баторія. Выше (стр. 15, прим. 1) мы указали, что король Стефанъ свои посланія къ нимъ подписывалъ: „Запорожскимъ молодцамъ.“

²⁾ Мы видѣли (стр. 81, прим.), что въ эпоху Баторія каждый начальникъ вооруженнаго отряда назывался гетманомъ. Также точно называли запорожскіе козаки и своего предводителя до времени Хмельницкаго, когда запорожскій гетманъ сдѣлался обладателемъ военной и гражданской власти въ цѣлой странѣ, а на Запорожьи мѣсто его занялъ кошевой атаманъ т. е. буквально: начальникъ лагеря.

³⁾ Запорожскіе козаки торговали своими услугами. Поэтому послать имъ подарки и деньги значило расположить ихъ въ свою пользу, привлечь ихъ на свою сторону.

⁴⁾ Значеніе этой фразы мы объяснили выше на стр. 90—93.

⁵⁾ Гайдуками (отъ венгерскаго слова *haid*=воинъ, *haidi*=военный) называли въ Венгріи легко вооруженныхъ пѣхотинцевъ, служившихъ при дворахъ венгерскихъ магнатовъ. Набирались они изъ разныхъ бродягъ венгерскаго и юго-славянскаго происхожденія преимущественно для веденія войнъ съ турками. Еще при Сигизмундѣ-Августѣ польское правительство и отдѣльные паны охотно нанимали гайдуковъ на свою службу. Со времени Баторія, когда сношенія съ Венгріей участились, это обыкновеніе еще болѣе распространилось. Гайдуки сражались въ 1579 г. подъ Полоцкомъ и въ 1580 г. подъ Великими Луками въ рядахъ королевскихъ войскъ. По цвѣту одежды ихъ называли: черные гайдуки, голубые гайдуки. Удалые разгульные гайдуки положили начало особому

стремительному танцу, посвященному ихъ нимъ: гайдуку. Древнѣйшій мелодія его записана въ 1541 г. О немъ упоминаетъ Клёновитъ въ „Роксоланіи“ (1584 г.): „Vidimus Hoceduos celeres plausisse choreas“ (ст. 621). Подробности см. у Гюгера: *Encyklop. starop. ilustr.* Т. II, 1901, стр. 230, в. v.

9) *Weiadł na rzekę Dniepr*—сокращенное выраженіе вышото того, чтобы сказать: посадилъ своихъ людей въ лодки и поплылъ по Днѣпру.

1) Пограничнымъ старостой, о которомъ идетъ рѣчь, могъ быть только или князь Михайлъ Александровичъ Вишневецкій, въ ту минуту каштелянъ кіевскій, староста любецкій, или сынъ его князь Александръ Михайловичъ, только что принявшій отъ отца, съ разрѣшенія короля Стефана отъ 15 сентября 1580 г., староства каневское и черкасское.

2) Путь отъ устья р. Псла къ Путналю—это тотъ обычный путь, которымъ поддерживалось сообщеніе между московскимъ государствомъ и крымскою ордою. См. выше, стр. 11-12.

3) Опять повторяемъ, что пограничнымъ старостой, съ которымъ списывался (*zmówił przez listy*) Самуилъ Зборовскій, могъ быть только одинъ изъ князей Вишневецкихъ: или отецъ—Михайлъ Александровичъ, или сынъ—Александръ Михайловичъ. Молодой князь Александръ не игралъ еще самостоятельной роли и находился въ полномъ распоряженіи отца.

10) Рѣчь идетъ о крупныхъ и мелкихъ травоядныхъ звѣряхъ, каковы: дикія лошади, туры, зубры, лоси, олени, лани, сугаки, дикія козы и т. д.

11) „Рѣчными“ или „водными“ называли козаковъ, промышлявшихъ на мелкихъ притокахъ Днѣпра въ отличіе отъ днѣпровскихъ и запорожскихъ, промышлявшихъ на самомъ Днѣпрѣ и за его Порогами. Конечно, это названіе нѣсколько не обозначало какого то строго опредѣленнаго, специальнаго разряда козаковъ, и „рѣчной“ или „водный“ козакъ 1581 года могъ стать въ слѣдующемъ 1582 году уже днѣпровскимъ или запорожскимъ. Ср. выше, стр. 15, примѣч. 1.

12) О перетаскиваніи челновъ съ помощью канатовъ черезъ Пороги были приведены выше извѣстія Іоакима Вѣльскаго и Орышовскаго. См. стр. 269.

¹³⁾ Урочище Таволжанское, иначе островъ Таволжанскій, ниже Будиловскаго или Таволжанскаго порога противъ с. Августиновки Екатеринославскаго уѣзда, получившій названіе отъ обильно порывавшей его красной лозы — таволги. См. выше, стр. 116, прим. 1.

¹⁴⁾ Козаки знали, какъ стремился Стефанъ Ваторій потребить ихъ (см. выше, стр. 31), и боялись, не является ли Самуилъ Зборовскій исполнителемъ королевскихъ намѣреній.

¹⁵⁾ См. выше, стр. 28, прим. 8, и стр. 269.

¹⁶⁾ Коня Зборовскаго дохли вслѣдствіе того, что, не имѣя юдожнаго корма, истребленнаго саранчей, они вмѣсто него по-киралаи самое саранчу, которая отравляла ихъ и вызывала падежъ. Люди пухли, вѣронтию, отъ смрада, издаваемого саранчей. Болѣе подробныя свѣдѣнія о саранчѣ въ южно-русокихъ степяхъ сообщалъ съ лишкомъ семьдесятъ лѣтъ спустя извѣстный Вольфъ. См. Мемуары, относ. къ ист. южной Руси. Вып. II. К. 1890, стр. 300—303.

¹⁷⁾ Подъ непрітелемъ, котораго намѣревался громить Зборовскій, слѣдуетъ разумѣть московское государство.

¹⁸⁾ Запорожцы не позабыли еще, что палица съ головкой (булава) была первоначально оружіемъ (broń) и только съ теченіемъ времени, переходя отъ одного гетмана къ другому, утратила значеніе оружія и сдѣлалась исключительно эмблемой гетманской власти.

¹⁹⁾ Г. Путивль лежитъ не „и Ракіу гзекі“, а на р. Сеймѣ, не вдалекѣ отъ него р. Псіоль имѣетъ свои истоки въ Корочанскомъ уѣздѣ Курской губерніи. Зборовскій надѣялся дожидаться здѣсь прихода князя Михаила Александровича Вишневецкаго съ его соратниками, но тщетно; недождавшись, онъ возвратился на Запорожье. Описаніе похода кн. М. А. Вишневецкаго на Сѣверщину въ 1581 году приведено нами выше, стр. 251—254.

²⁰⁾ Крымскій ханъ Мухаммедъ-Герай II Жирный (1577—1584) обѣщалъ Самуилу Зборовскому выхлопотать для него у турецкаго султана „хоругвь“ на молдавскую землю т. е. право занять молдавскій престолъ. Высшимъ знакомъ передачи этого права была присылка султаномъ новому господарю знамени.

²¹⁾ Султанъ Мюрадъ III, по мнѣнію козаковъ, долженъ былъ отнестись благосклонно къ ходатайству хана за Зборовскаго, ибо ханъ полагалъ ему въ войнѣ съ Персіей, гдѣ погибъ и ханскій

братъ, калга Адиль-Герай, взятый въ плѣнъ и убитый персїянами за его любовную интригу съ сестрою и женою персидскаго шаха. См. Смирновъ, Крымское Ханство и пр. Спб. 1887, стр. 438. Въ Польшѣ очень интересовались войною между Турціей и Персїей и въ тотъ годъ, когда Самуиль Зборовскій искалъ приключеній на Запорожьи, издана была брошюра: „Item ex litteris Constantinopoli hoc anno 1581 die 14 Januarij datis, descriptae narrationes de bello Persico, quod a Turcis in Media geritur, et de Armeniis et aliis rebus.“ См. Wierzb. Bibl. pol. V. II, 147, № 1562.

²²⁾ Zrok — франц. rendez-vous, мѣсто свиданія, условленное заранѣе.

²³⁾ *Karajleben* — тоже, что *Torhovistia*, урочище при впаденіи р. Конской въ Днѣпръ. Въ *Descrip. vet. et novae Polon.* 1585 г. читаемъ: „*Torhovistia* significat nostra lingua nundinationes, eo quod ibi negotiatorum emporium nobile admodum fuit, dum starent res Russorum et Graecorum.“ — „*Tismienica* flu. ad Torhovistiam in Borysthenein sese infundens.“

²⁴⁾ Самуиль Зборовскій, не надѣясь достигнуть, по ханскому ходатайству, молдавскаго господарскаго стола, хотѣлъ по крайней мѣрѣ добиться отъ хана помощи для похода противъ Москвы.

²⁵⁾ Мусталикъ — названіе татарскаго должностнаго лица.

²⁶⁾ Картамлыкъ — тоже, что Чертомлыкъ, мелкій притокъ р. Днѣпра съ правой стороны и островъ на р. Днѣпрѣ противъ него.

²⁷⁾ Выше (стр. 72, прим.) мы говорили о значеніи слова *roguesnik*.

²⁸⁾ Казнимаго крѣпко подпоясывали, насыпали за пазуху рубахи песку и топили въ рѣкѣ. Этой казни былъ подвергнутъ королевскій гонецъ Георгій Глембодскій весною 1585 г. См. выше, стр. 112 — 113.

²⁹⁾ Это тоже картина, которую рисуетъ Самуиль Величко полторасти лѣтъ спустя, когда говоритъ о запорожцахъ, что они „тѣшились непрестанными арматными и мушкетными громами, весело гуляли и подпивали.“

³⁰⁾ Персидскій посолъ заносчиво подымѣвается надъ ханомъ, что если они вмѣстѣ съ турецкимъ султаномъ появятся въ Персїю, то ихъ постигнетъ таже участь, что выпала на долю Адиль-Герая.

³¹⁾ Это значитъ: такимъ образомъ походъ противъ Москвы съ запорожцами не состоялся, равно и противъ Персїи съ татарами.

³²⁾ Имяне Зборовскаго Злочовъ — нынѣ городъ въ Галиціи.

³³⁾ Не желая разстаться съ мыслью о походѣ противъ Москвы, Зборовскій ухватился за послѣднее средство добыть себѣ вооруженную помощь: потребовалъ исполненія даннаго обѣщанія отъ молдавскаго господаря Петра Хромого.

³⁴⁾ Выше (стр. 93, прим.) мы указали, какіе именно пограничные старосты собрались въ набѣгъ на Сѣверщину съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Вишневецкимъ, тогдашнимъ каштеляномъ кievскимъ, старостою любецкимъ, во главѣ. Это были: сынъ его князь Александръ Михайловичъ, староста каневскій и черкасскій, князь Ярошъ Жижемскій, староста рѣчицкій, и Авраамъ Мышка, староста овруцкій.

³⁵⁾ Самуилъ Зборовскій ищетъ прежде всего рыцарской славы, сообразуетъ свои дѣйствія съ общими политическими обстоятельствами Рѣчи-Посполитой, не хочетъ нападать на татаръ, когда король по случаю войны съ Москвою заключилъ съ ними перемиріе, а казаки руководятся только матеріальными выгодами, имѣютъ единую цѣль дѣятельности — добычу.

³⁶⁾ Такимъ образомъ дѣйствій Зборовскій хотѣлъ снискать для себя милость короля Стефана.

³⁷⁾ Дѣло идетъ о такъ называемой осадочной соли.

³⁸⁾ Слово *жито* употреблено здѣсь въ старославянскомъ смыслѣ — пища, продовольствіе; поговорка значитъ: пока есть пища, дотолѣ длится и жизнь.

³⁹⁾ „Языкомъ“ называли плѣннаго, который могъ рассказать, что дѣлается у непріятеля.

⁴⁰⁾ О мѣстоположеніи Хасланъ-городка и князь Богданъ Ружанскомъ см. выше стр. 34, прим. 1, и стр. 85, прим. 1.

⁴¹⁾ Такого рода вѣрованіе было очень распространено среди запорожцевъ и въ позднѣйшее время; казаковъ, которымъ приписывалась чудодѣйственная сила, называли „характерниками“.

⁴²⁾ Урочище Пробитое, иначе островъ Пробитый на р. Бугъ, — нанесенъ на карту Украины (Turpis generalis Ucrainae) Воплана, изданную В. Г. Ляскоронскимъ при трудѣ Гильомъ Левассеръ-де-Вопланъ и проч. Кіевъ, 1901.

⁴³⁾ На одной изъ картъ Воплана „Ваня Витовта“ (Balneum Witoldi) показана на устьѣ Буга (см. Ляскоронскій, цит. соч., стр.

31). Въ „древностяхъ“ (*antiquitates*), на которыя насмотрѣлся Зборовскій, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, видѣть развалины храма Димитры или Матери боговъ на Ипполаевомъ (Станиславскомъ) мысу. Въ подкрѣпленіе этого соображенія можно привести извѣстіе въ *Descrip. veter. et novae Polon.* 1686 г.: „*Balneum Vitovdi. Nunc fons tantum amaeus ubi miles stativa habere et corpus reficere solet. Adrat et Oartorium ibi gentile dirutum*“ Не умѣя опредѣлять происхожденія развалинъ, народная фантазія связала ихъ съ дѣятельностью прославленнаго Витовта и въ остаткахъ греческаго храма увидѣла слѣды „бани“ или „купальни“ (*laźni*), которую яко-бы выстроилъ для себя Витовтъ на берегу днѣпровско-бугскаго лимана. См. В. Латышева, Изслѣдованія объ исторіи и государственомъ строѣ города Ольгинъ въ Ж. М. Н. Пр. 1887 г., стр. 25—29, и его же статью „О мѣстонахожденіи Ипполаева мыса,“ стр. 39.

44) О манерѣ запорожцевъ обкладывать челны тростникомъ подробнѣе распространяется Воилянъ и даетъ рисунокъ челна, такимъ образомъ приспособленнаго. См. Мемуары отн. къ ист. Ю. Руси, К. 1896, Вып. II, стр. 344.

45) Сохраненіе мира съ татарами было чрезвычайно важно для польскаго правительства въ виду того, что война съ Іоанномъ Грознымъ не была еще закончена и всѣ военныя силы Польшы были отвлечены къ Пскову.

46) Козаки не хотѣли сразиться съ турками на водѣ, къ чему увлекалъ ихъ Зборовскій, и настаивали на отступленіи.

47) *Smigownica*, смиговница—огнестрѣльное орудіе, заряжавшееся съ казенной части. Смиговницы обыкновенно возили на телегахъ. Для правильнаго прицѣла ихъ можно было поворачивать на станки вверхъ и внизъ, вправо и лѣво.

48) По этому обстоятельству можно судить, до чего много дикихъ свиней водилось въ той мѣстности.

49) Мѣстность при впаденіи р. Ингула въ р. Бугъ.

50) Мертвая Вода—притокъ р. Буга съ лѣвой стороны.

51) Кременчуть—островъ на р. Бугѣ между устьемъ Мертвой Воды и островомъ Пробитымъ; нанесенъ на карту Украины Воуплана, изданную В. Г. Ляскоронскимъ.

³²⁾ Кривой—также островъ на р. Бугъ выше по теченію о. Юбитаго; нанесенъ на карты Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ плана, наданныя В. Г. Ляскоронскимъ.

³³⁾ Саварна—нынѣшнее мѣстечко Савранъ Балтскаго уѣзда Подольской губерніи при впаденіи р. Савранки въ р. Бугъ. Въ VII вѣкѣ имъ владѣли Конецпольскіе и построенную въ немъ плппомъ крѣпость назвали Новымъ Конецполемъ въ память одного Конецполя въ Сѣрадскомъ воеводствѣ. Это названіе скоро было.

³⁴⁾ Среди степей не было недостатка въ костяхъ павшихъ жреѣй. Вспомнимъ слова Мартина Броневскаго: „In campis ingens ossium aservi reperiuntur“ (см. выше, стр. 9, прим. 2).

Послѣсловіе.

Выше (на стр. 90—93) мы доказали, что экспедиція Самуила Зборовскаго на Запорожье относится къ 1681 году. Намъ кажется, что въ принятіи этого года для приуроченія экспедиціи не можетъ быть никакихъ колебаній, такъ какъ всѣ подробности разсказа Вартоша Папроцкаго истолковываются удовлетворительно только при предположеніи, что экспедиція происходила лѣтомъ 1681 года. Событія ея выяснятся для насъ еще болѣе полно, если удѣлѣны и будутъ извлечены когда-либо на свѣтъ изъ архивной пыли письма Яна Орышовскаго къ Стефану Ваторію, относящіяся именно къ этому времени (см. выше, стр. 259).

Планъ экспедиціи заключался въ томъ, чтобы съ небольшимъ вооруженнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ семидесяти шляхтичей, такъ называемыхъ слугъ, нѣсколькихъ сотенъ гайдуковъ и прислуги, продвинувшись на Днѣпръ, соединиться тамъ съ запорожскими козаками и съ ополченіями пограничныхъ старостъ: двухъ князей Вишневецкихъ, отца и сына, князя Яроша Жижемскаго и Авраама Мышки, и затѣмъ общими силами вторгнуться въ предѣлы московскаго государства со стороны Путивля въ то время, когда королевская армія будетъ оперировать противъ Пскова. Была еще надежда, что получится подкрѣпленіе въ количествѣ пятисотъ всадниковъ отъ молдавскаго господара Петра Хромого, который обѣщаль эту помощь Зборовскому подъ условіемъ, что послѣдній не будетъ стремиться свергнуть его и очистиить для себя молдавскій престолъ.

И вотъ Зборовскій двинулся въ путь.

Точкой отправленія экспедиціи было его имѣніе Злочовъ, нынѣ городокъ въ Галиціи. На коняхъ дружина Зборовскаго прошла

въ Злочова въ Каневъ на Днѣпрѣ. Въ г. Каневѣ люди сѣли на одки, а лошадей повели берегомъ. Минули г. Черкасы и устье . Пола, дошли до устья р. Самары и здѣсь нашли дѣйствіе козаковъ, занимавшихся рыболовствомъ и охотой по р. Самарѣ и снабжавшихъ родовольствіемъ козаковъ, пребывавшихъ за Порогами. Какъ видно, Зборовскій спросилъ Самарскихъ козаковъ, могутъ ли они слѣдовать а нимъ къ Путнялю, и получилъ отвѣтъ, что для рѣшенія этого вопроса ему слѣдуетъ спуститься за Пороги, къ мѣсту пребыванія козацкаго войска. Поплыли далѣе. Остановившись съ лодками у Пороговъ, Зборовскій сдѣлалъ повидимому рекогносцировку вдоль берега, и у Таволжанскаго острова встрѣтилъ отрядъ козаковъ, которые хотѣли вступить съ нимъ въ битву, полагая, что Зборовскій присланъ Баторіемъ истребить ихъ въ собственномъ ихъ нѣздѣ. Послѣ объясненія Зборовскаго, что онъ прибылъ по приглашенію самихъ козаковъ съ цѣлью раздѣлять съ ними военные труды, козаки дали ему восемьдесятъ человекъ изъ своей среды для проведенія черезъ Пороги его лодокъ. Послѣ этого дружина Зборовскаго ночевала на островѣ Хортицѣ въ крѣпостцѣ, оставшейся тамъ со времени князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго. На Хортицѣ Зборовскій засталъ другой отрядъ козаковъ, а также пословъ, которые вызывали его на Запорожье. Отсюда всѣ вмѣстѣ поплыли на островъ Томаковку къ главному мѣстопребыванію козацкаго войска. Между тѣмъ шедшія берегомъ лошади Зборовскаго встрѣтились съ движущейся саранчой и болѣе трехъ сотъ изъ нихъ пали, отравившись саранчею, которую они сѣли вмѣстѣ съ травой.

На Томаковкѣ Зборовскій засталъ большое сборище козаковъ, повидимому, тысячъ до трехъ. Здѣсь собрался войсковой кругъ, на которомъ Зборовскій провозглашенъ былъ запорожскимъ гетманомъ. При этомъ въ знакъ облеченія его гетманскою властью ему передана была булава, которую носили прежніе запорожскіе гетманы, какъ эмблему своего сана. Вслѣдъ затѣмъ послѣ взаимныхъ привѣтствій козаковъ и вновь избраннаго гетмана рѣшенъ былъ совмѣстный походъ козацкаго войска и дружины Зборовскаго подъ Путняль. Тамъ Зборовскій долго ждалъ прихода князя Михаила Александровича Вишневецкаго, чтобы, соединившись съ нимъ, вторгнуться въ предѣлы московскаго государства, но не

дождался и, не рѣшившись предпринять набѣгъ съ наличными силами, возвратился обратно на Запорожье. Еще во время похода къ Путивлю запорожцы приговаривали къ Зборовскому, чтобы онъ имъ объяснилъ, какія еще предпріятія можетъ онъ имъ предложить. Онъ признался, что царь перекопскій Мухаммедъ-Герая II обѣщаетъ ему выхлопотать у турецкаго султана молдавскій престолъ и что вслѣдствіе этого можетъ предстоять набѣгъ въ Молдавію. По возвращеніи на Запорожье козаки настояли, чтобы Зборовскій отправилъ къ перекопскому царю пословъ, которые знали бы на переговоры уполномоченныхъ со стороны царя. Мѣстомъ переговоровъ назначено было урочище Караитебенъ или Торговище. Ханскіе послы доставили Зборовскому въ подарокъ отъ Мухаммедъ-Герая II двѣнадцать скакуновъ въ нарядной сбруѣ и три одежды изъ золотошова, и просили, чтобы онъ спокойно ждалъ на Днѣпрѣ, пока ханъ выхлопочетъ ему молдавскій престолъ. Зборовскій въ свою очередь просилъ хана прислать ему подкрѣпленію для похода противъ Москвы. Царь перекопскій согласился было на это и приказалъ уже татарскому отряду изготovitъ въ путь, но въ это время получилъ отъ турецкаго султана приказаніе отправиться въ Персію на помощь воювавшимъ тамъ гуркамъ. О такой перемѣнѣ обстоятельствъ ханъ извѣстилъ Зборовскаго.

Послѣ этого, не желая отказаться отъ похода на Москву, Зборовскій началъ хлопотать, чтобы ханъ прислалъ къ нему на помощь Бакаю съ его ордой (см. выше, стр. 196). За это онъ предлагалъ хану сопутствовать ему въ Персію. Когда Зборовскій сообщилъ козакамъ о сдѣланномъ имъ хану предложеніи, то послѣдніе раздѣлились на двѣ партіи: согласныхъ идти въ Персію съ татарами и несогласныхъ, причемъ ночью между ними произошло такое смятеніе, что Зборовскій чуть не заплатилъ жизнью и только съ большимъ трудомъ послѣ долгихъ переговоровъ ихъ успокоилъ. Тѣмъ не менѣе козаки настояли на томъ, что Зборовскій не двинулся въ Персію. При этомъ выяснилось, что ханъ хотѣлъ воспользоваться добровольнымъ прибытіемъ Зборовскаго чтобы сдѣлать его плѣнникомъ, а всѣхъ его спутниковъ посадить на палы. Зборовскій порывался отыскать хану за вѣроломныя

намѣренія, но козаки ему отосвѣтовали. Тѣмъ временемъ ханъ съ жрдою ушелъ въ Персію.

Не получивъ помощи отъ татаръ и не желая разстаться съ мыслью о набѣгѣ въ московскіе предѣлы, Зборовскій послалъ одного шляхтича изъ своихъ слугъ и уполномоченнаго отъ козаковъ къ молдавскому господарю Петру Хрому требовать отъ него, чтобы тотъ прислалъ для участія въ московскомъ походѣ пятьсотъ обѣщанныхъ всадниковъ. Въ ожиданіи возвращенія пословъ козаки нѣсколько разъ порывались напасть на татаръ, но Зборовскій не допускалъ ихъ до этого, чтобы не нарушать перемирія, заключеннаго между Польшею и Крымомъ въ виду московскихъ войнъ. Когда возвращеніе пословъ, отправленныхъ къ молдавскому господарю, затянулось на нѣсколько ездѣй, Зборовскій, чтобы запяť козаковъ, двинулся съ ними къ днѣпровскому лиману. Въ устьи Днѣпра войско Зборовскаго застало двѣ турецкія галеры и десять тысячъ татаръ на берегу. Зборовскій хотѣлъ сразиться съ татарами, но они отъ него убѣжали. Тогда онъ рѣшился не отвлекаться отъ молдавскаго похода, гнѣваясь на господаря за продолжительное задержаніе пословъ. Въ это время получилось свѣдѣніе отъ бѣглыхъ невольниковъ, что въ Крыму осталось очень мало татаръ. Козаки хотѣли ворваться въ полуостровъ, чтобы воспользоваться богатою добычею, на которую можно было рассчитывать; но Зборовскій не позволилъ имъ этого, чтобы нарушеніемъ перемирія не создать затрудненій Рѣчи-Посполитой. Онъ сохранилъ намѣреніе продолжать путь въ Молдавію.

Тутъ опять пришло извѣстіе, что татарское скопище расположилось въ Хасланъ-городкѣ. Зборовскій рѣшилъ подойти къ этой крѣпости, чтобы развѣдать о татарскихъ сплахъ. Козаки по обыкновенію порывались сразиться съ татарами, но Зборовскій и на этотъ разъ не допустилъ ихъ до нарушенія перемирія.

Тѣмъ временемъ козаки обложили челны тростникомъ, чтобы они лучше держались на водѣ, и все войско поплыло далѣе къ морю. Выйдя изъ лимана, козаки Зборовскаго подошли къ островамъ (на вузурі морскіе), расположеннымъ вдоль берега по пути къ Крыму (о. Тендра и др.), и охотились здѣсь на дикихъ звѣрей. Направляясь обратно къ устью р. Буга, чтобы оттуда слѣдовать въ Молдавію, въ семи миляхъ отъ него, лодочная флотилія Збо-

ровскаго встрѣтила турецкій флотъ изъ девяти большихъ галеръ и нѣсколькихъ ботовъ. Произошло морское сраженіе. Турки палили бомбами по козацкимъ лодкамъ, дѣлали въ нихъ пробоины и навели на козаковъ такой страхъ, что козаки поскорѣе причалили къ близкому по счастью берегу, выскочили изъ лодокъ и съ суши отвѣчали на огонь турокъ. Зборовскій подавалъ примѣръ мѣткой стрѣльбы. Между тѣмъ турки отрядили двѣ галеры къ устью р. Буга, чтобы переправить съ крымскаго берега татаръ, которые должны были напасть на козаковъ съ суши. Нѣкоторые козаки, испугавшись такого оборота дѣла, стали выгружать изъ лодокъ продовольствіе и пустились въ бѣгство. Турки, замѣтивъ смятеніе среди людей Зборовскаго, пересѣли на шлюпки и бросились на берегъ, чтобы при удобномъ случаѣ разгромить козаковъ. Зборовскій съ помощью своихъ слугъ далъ туркамъ дружный отпоръ и этимъ настолько подбодрилъ козаковъ, что они также кинулись отражать непріятеля. Турки, увидѣвъ, что имъ приходится плохо, и потерявъ своего предводителя, поспѣшили вернуться на галеры. Послѣ этого и войско Зборовскаго стало удаляться отъ моря. Стычка съ спѣшившими на помощь туркамъ татарамъ обошлась для него благополучно. Тутъ на помощь отступавшимъ пришла спустившаяся на землю ночь. На другой день козаки возвратились къ покинутымъ челнамъ, изъ коихъ уцѣлѣло только восемь; остальные были ни къ чему не годны. Нѣкоторые козаки влѣзли въ нихъ, чтобы плыть, но поднявшійся внезапно вѣтеръ занесъ ихъ на татарскій берегъ и они были взяты въ плѣнъ.

Зборовскій съ остатками своего войска двинулся сухимъ путемъ къ устью р. Буга и только раненыхъ козаковъ возли на лодкѣ. Татары преслѣдовали его по пятамъ, а турки, плывя вдоль берега, наблюдали за нимъ съ галеръ. Но какъ татары, такъ и турки не возобновили нападенія. Тѣмъ временемъ Зборовскій быстро двигался впередъ, не смотря на голодъ, отъ котораго всѣ ужасно страдали. Продовольствіе погибло на лодкахъ, затопленныхъ турецкими бомбами, а рыбы нельзя было наловить, такъ какъ въ тѣхъ же лодкахъ остались и рыболовные снасти.

Наконецъ прибыли къ устью р. Ингула.

Тамъ повстрѣчали козаковъ, бѣжавшихъ съ морского берега въ началѣ битвы; у нихъ нашлось немного сѣстныхъ припасовъ,

которыми всё и подкрѣпились. Вскорѣ встрѣтили табунъ изъ нѣсколькихъ десятковъ лошадей, посланныхъ Зборовскимъ къ устью Буга степью, когда самъ онъ съ дружиной и съ козаками отправлялся на лодкахъ. Лошадей зарѣзали и съѣли; но этого было мало для войска, достигавшаго двухъ съ половиною тысячъ. Оставивъ козаконъ на р. Ингуль, Зборовскій въ сопровожденіи одиннадцати воядниковъ поѣхалъ вверхъ по р. Бугу разыскивать молдаванъ, которые должны были пріѣхать отъ господаря Петра для переговоровъ съ нимъ. На островѣ Пробитомъ на р. Бугѣ онъ не засталъ ихъ, но отъ пойманныхъ турецкихъ рыболововъ узналъ, что молдаване находятся у устья р. Мертвой Воды. Здѣсь онъ опять такъ не захватилъ ихъ, равно какъ и на островѣ Кременчутъ, куда на всякій случай заглянулъ. Тогда онъ возвратился на о. Пробитый и нашелъ тамъ записку отъ людей своего разѣзда, высланнаго еще до охоты на морскихъ островахъ и до морской битвы съ турками на встрѣчу ожидаемымъ молдавскимъ посламъ; въ ней они извѣщали Зборовскаго, что ихъ слѣдуетъ искать на островѣ Кривомъ на р. Бугѣ. Онъ отправился на о. Кривой и дѣйствительно засталъ тамъ свой разѣздъ. Во время всѣхъ этихъ поисковъ Зборовскій и его спутники питались только желудями; можно себя представить, съ какимъ удовольствіемъ поѣли они рыбы, которою ихъ угостили участники разѣзда. Зборовскій хотѣлъ было ударить на молдавскихъ пословъ, но они своевременно провѣдали о его намѣреніяхъ и обратились въ бѣгство. Послѣ этого Зборовскій возвратился къ своему войску и во главѣ его двинулся вверхъ по теченію р. Буга, держа путь на г. Сороку. Но страшная нужда одолѣла войско въ этомъ походѣ; голодали до того, что ѣли рога и копыта павшихъ оленей и кости разныхъ звѣрей, разбросанныя по степямъ. Пришлось отказаться отъ похода въ Молдавію и свернуть къ Савранѣ, чтобы пробраться въ мѣстности, гдѣ можно было добыть съѣстные припасы отъ мѣстнаго населенія. Такова схема событій экспедиціи Зборовскаго на Запорожье, переданная кратко, съ опущеніемъ многихъ подробностей.

Обращаясь теперь къ тѣмъ чертамъ козацкаго быта, которые разсѣяны на протяженіи всего разсказа Вартоша Папроцкаго, мы должны признать, что онѣ даютъ возможность возстановить весьма полную картину этого быта. Порядки запорожскаго войска явля-

ются въ 1581 году вполне сложившимися. Одни козаки занимаются болѣе рыболовствомъ и охотой, снабжая продовольствіемъ другихъ, посвятившихъ себя преимущественно военному дѣлу. Козацкія скопища можно найти и по р. Самарѣ, и на Таволжанскомъ островѣ и на о. Хортицѣ, но главнымъ мѣстопробываніемъ козакаго войска служить обширный островъ Томаковка. Выраженіемъ коллективной воли всего войска является войсковой кругъ, который избираетъ гетмана для предводительства въ походахъ и вручаетъ ему въ знакъ облеченія его властью булаву, какъ эмблему носимаго имъ сана. Цѣлью своей дѣятельности козани ставили приобрѣтеніе „добычи,“ какъ средства удовлетворить ежедневнымъ потребностямъ существованія. Вся философія ихъ быта выражалась въ поговоркѣ: „поки жыта, поты быта“ т. е. пока есть пища, дотолѣ длится и жизнь; поэтому крайне дикими представлялись имъ рѣчи Зборовскаго о рыцарской славѣ, о пользѣ отечества, о соблюденіи перемирія, заключеннаго королемъ съ татарами. Козаки представляли себѣ дѣло такъ, что всѣ вопросы сводятся къ матеріальной выгодѣ: они идутъ воевать за того, кто имъ дѣлаетъ подарки и платитъ деньги, или нападаютъ по собственному побужденію на тѣхъ, отъ кого можно ожидать наиболѣе богатой добычи. Самыми обычными и любимыми предпріятіями козаковъ были набѣги на Крымъ и на Молдавію. У татарскихъ скотоводовъ имъ всегда удавалось отбивать огромныя стада овецъ и лошадей, а въ домахъ молдавскихъ бояръ они зачастую находили много цѣнныхъ предметовъ восточной роскоши. Для крымскихъ набѣговъ у нихъ наготовѣ были челны, которые для приданія имъ большей устойчивости обкладывались тростникомъ, если имѣлось въ виду выйти изъ Днѣпра въ лиманъ или въ открытое море. Въ молдавскіе походы они отправлялись пѣшкомъ, имѣя при себѣ возы для продовольствія и военныхъ запасовъ. Съ провинившимися тѣмъ либо въ глазахъ козаковъ расправа была очень короткая: казнамаго туго опоясывали, насыпали ему за пазуху рубахи нѣсколько пудовъ песку и бросали въ воду. Всѣ вопросы высшаго порядка, религіозные, политическіе и національные, — были совершенно чужды тогдашнимъ козакамъ. Каждый могъ пріютиться среди нихъ, какой бы онъ ни былъ вѣры и народности, изъ какого государства ни проходилъ бы, если только онъ имѣлъ достаточно выносливости

и мужества для преодоленія тѣхъ трудовъ и опасностей, какіе всегда и вездѣ выпадаютъ на долю обитателей такихъ пустынныхъ степныхъ пространствъ на рубежѣ двухъ культуръ, какими были наши южнорусскія степи, прерія сѣверной Америки или пами Арауканіи. Въ разсказѣ Вартоша Папроцкаго, напечатанномъ три года спустя послѣ того, какъ состоялась экспедиція Зборовскаго, мы имѣемъ въ краткомъ видѣ всѣ тѣ свѣдѣнія о запорожцахъ, которыя такъ любятъ излагать съ излишней растянутою неумѣренныя поклонники запорожской старины вслѣдъ за Эрихомъ Лассотой и перехваленнымъ Вопланомъ.

Изъ старинной переписки.¹⁾

I.

Письмо киевскаго епископа Иосифа Верещинскаго къ камерлеру Яну Замойскому изъ Фастова (Новаго Верещина) отъ 29 августа нов. ст. 1593 года.

Адресъ: Jasníe Wielmożnemu a memu Miłosciwemu Panu a Panu Janowi Zamoyskiemu z Zamoscia Canclerzowi i Hetmanowi Coronnemu Belskiemu, Malborskiemu, Derpskiemu, Kniszynskiemu, Miedzyrzeckiemu, Grodeckiemu, Jaworowskiemu etc. etc. Stárostcie do rąk Jego M. własnych należy.

Jasníe wielmożny a miłosciwy Pánie Hetmanie a Pánie moy miłosciwy.

Unízoną powolność służb moich zalecam do łaski W. M. mego miłosciwego Pána a dobrodzieia z uprzejmą wszego dobra życliwością etc.

Zascie²⁾ to, które się wznieciło było między Kozakami Zaporoskimi a Jego M. Panem Stárostą Czerkáskiem³⁾, z łaski Pańskiej już się usmierziło, y przisięgą się z obu stron obstringowało, za temi condi-

¹⁾ Издаваемые ниже письма списаны нами съ оригиналовъ, хранящихся въ библиотекѣ гр. Замойскихъ въ Варшавѣ, съ любезнаго разрѣшенія библиотекаря г. Корзона, которому приносимъ за это искреннюю благодарность.

²⁾ *Zajście*—столкновение, споръ, ссора, свалка.

³⁾ Пánъ староста черкасскій—князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій, умершій въ слѣдующемъ сентябрѣ мѣсяцѣ того-же 1593 года. См. выше, стр. 219.

ciami, że borosna¹⁾), czolny y konie kozackie ma J. M. Pan Starosta Czerkaski powracać, a co napierwsza pokoy wieczny z obudwu stron niemá być poruszón, A o śmierć niebożczyká Kosinskiego, Szalewskiego, Sniatowskiego y inszych, na to práwo wolne krewnym y powinnyim iest ich zostáwiono. Co się zaś dotyczye mairtnosci po zmártych towarziszach kozeckich, urzędniocy J. M. tak Podstároscie iáko też y Horodniocy nie májá ich na J. M. Paná Stároscę Czerkáskiego bráć²⁾), ale według przyrodzonego práwá na żony, dzieci, y na powinne ich przychodź y spadák májá. Kozacy kiedyszbykolwiek z Nizu do Starostw Jego M. przychodzili, májá mieć wolny przychód y odchód, wszakże ci ktorzi przychodź będą, májá między sobá stárszego obráć, który by z nich sprawiedliwosc z występkú ich czynió miał³⁾). Ku temu też ci wszyscy Kozacy, ktorzi przez ten wszystek czás, iáko się te burdy toczyły, przy J. M. X. Wisnieweckim etc. iák też przy Woysku J. M. byli, tym wszystkim przychód y odchód wolny, iáko tu, też za Porohy do woyska Kozúckiego, kto by ieno chciał, zachowák powinni będą,

¹⁾ Воротна — имен. мн. отъ борошно — мука. Изъ приводимаго ниже свидетельства Бартоша Верещинскаго мы увидимъ, что запорожскіе козакъ взили къ себѣ муку съ бочками. Это самое слово въ полногласной формѣ: борошно употреблялось еще въ древнерусскихъ памятникахъ съ значеніемъ *мучное кушанье*, *сibus e farina confectus*: Воротина (дати) колько могоуть язвѣсти. Р. Прав. Яр. по Ак. сп. См. Срезн. Матер. и пр. т. I. столб. 154—155. Церковнослав. форма *брашно* — яства, пища, кушанье, мука.

²⁾ Обычай отбирать въ пользу черкаскаго старосты выморочное козацкое имущество шель, какъ мы знаемъ, изъ очень давняго времени. Онъ установленъ уже въ документѣ 1503 года: „того обычай естъ, тыи отумерлые речѣ, хто ближнего не маєть, приходить на намѣстника Черкаскаго!“ См. выше, стр. 150. Вѣроятно, съ теченіемъ времени чиновники старосты, подстаросты и городничіе, стали злоупотреблять этимъ обычаемъ и отбирали имущество не только послѣ смерти безродныхъ козаковъ, но и такихъ, которые имѣли законныхъ наследниковъ. Козаки хотѣли добиться уничтоженія этой несправедливости.

³⁾ Учрежденіе особаго суда для козаковъ, гостившихъ въ заселенныхъ мѣстностяхъ, коренился въ томъ старинномъ воззрѣніи, по которому каждая группа людей, связанныхъ общностью занятій, могла имѣть свое обычное право и свой органъ суда. Отсюда въ Старой Польшѣ особые права и суды для мельниковъ, судоходцевъ, бортниковъ и пр. Обеспеченіе судомъ гостившихъ козаковъ являлся повтореніемъ мѣры 1572 г. См. выше, стр. 79—80.

bez wasolakiego urągania ani pomst śadnych nąd niemi pokázowania. Jesliby też na potym który towarzysza z Woyská Zaporoskiego co swoiego w kogo poznał w starostwach J. M., takiemu kasdemu wolno práwó ná to záchowano.

Aczoi dobrze było, aby Ukraina była ich prośna, lecz iż ósás niepotemu, ktemu y sily z nieiakiey niebyło, a co było naniebespieczonszego, że Cár Prekopski znowu pochuohywa swey sławy w Páństwach Krola Páná naszego popráwowáć, do czego się podstápnie y Turek barzo prámieszywa, przeto, condonuiąc *tempori*, musiało do takowiego iednánia z nimi przisć. A tez złe niuciece, bo iesli Kozacy są wywołáncami¹⁾ y na Stárosty Ukráinne sroga iáka pená²⁾ iest ná Seymie uchwalóná, áby nad nimi exequucia była oxequowana, tedy to y ná potym może byó, a nie teraz, poniewasz teraz iż słów Páwła S. używáó będę: *Dies mali sunt*. Co ia waszystko dobremu baczeniu Páná y dobrodzieia mego, ktoemu to przináleży o tym więczej discursówáć, na wolá podaię. A s tym się milosciwey lásce W. M. mego milosciwego Páná pilnie zalecam, z ktorey proszę, proszę ábych niebył opuszczon y do koncá. Datum z Nowego Wereszczyná 29 Augusti Anno Domini 1593. Jasnie Wielmoznego a mego Milosciwego Pana wszego dobrego zyczliwy przyaciél y nanisky słuźka Josephus Wereszczynski Dei Gratia Nominatus Episcopus Kyowiensis Abbasque Sieciechowien-sis manu sua.

Citto, citto, citto.

.

Исторія съ Косишюкимъ, объ исходѣ которой идетъ здѣсь рѣчь, заключалась, насколько можно судить по дошедшимъ до насъ источникамъ, въ слѣдующемъ: Косишюкій еще въ 1586 г. проживалъ на Запорожьѣ и былъ однимъ изъ видныхъ представителей запорожскаго козацкаго войска (см. выше, стр. 115). Судя по имени „Крыштофъ“ и по тому, что онъ подписывался польскими буквами, можно думать, что онъ былъ чистокровнымъ полякомъ.

1) *Wywołaniec*—присужденный къ изгнанію, къ ссылке.

2) *Pená* отъ латин. *pena*—пеня, денежный штрафъ, нѣм. *Geldbusse*, *Geldstrafe*.

Іоакимъ Вѣльскій родиною его называетъ Подлясье.¹⁾ На шляхетское достоинство его, равно какъ и его сотоварищей Шалевскаго и Снятовскаго, указываетъ предооставленіе ихъ родственникамъ и свойственникамъ права молать съ князя Вишневецкаго вознагражденія за ихъ смерть. Въ 1590 г. по протекціи канцлера Замойскаго Косинскому пожалована была „пустыня“ Ракитно (ниже Вѣлоу Церкви по теченію р. Роси), но онъ не захотѣлъ удерживать ее въ своемъ владѣніи, а уступилъ князьямъ Вишневецкимъ (2г. dz. t. XXII, 1897, str. 120). Мы знаемъ, что козаки постоянно продавали свои услуги польскому правительству, претендентамъ на молдавскій престолъ и даже частнымъ лицамъ, которыя къ нимъ обращались, какъ мы видѣли на примѣрѣ Самуила Зборовскаго. Вѣроятно, Крыштофъ Косинскій съ полкомъ запорожцевъ въ силу универсала Сигизмунда III отъ 25 іюля н. ст. 1590 г. былъ нанятъ на королевскую службу снятынскимъ старостою Николаемъ Яловецкимъ. Въ 1591 г. уплата жалованья козакамъ назначена была на день св. Іоанна Предтечи (24 іюня). Мѣстомъ ихъ стоянки въ это время было мѣстечко Пиковъ нынѣшняго винницкаго уѣзда. Снятыяскій староста почему-то оттягивалъ расчетъ. Пришедшіе въ нетерпѣніе козаки послали своихъ выборныхъ потребовать отъ Яловецкаго скорѣйшей уплаты жалованья. Но и это не подвинуло дѣла. Въ августѣ мѣсяцѣ козаки, разсердившись, писали уже своимъ уполномоченнымъ, что они не желаютъ ждать долѣе слѣдующихъ денегъ: обѣщали же намъ уплатить жалованье на святого Іоанна, а теперь уже осень; такъ протянуть пожалуй и до зимы. Это денежное недоразумѣніе послужило, вѣроятно, поводомъ къ тому, что осенью того же 1591 года Косинскій собралъ большую шайку запорожскихъ козаковъ и разнаго сброда, съ которою предпринялъ цѣлый рядъ разбойничьихъ нападеній на города, замки, мѣстечки, шляхетскіе дворы и имѣнія, вездѣ производя грабежи, пожары и убійства. Однимъ изъ первыхъ пострадалъ отъ него (29 декабря н. ст.) проживающій въ Вѣлоу Церкви бѣлоцерковскій

¹⁾ Подлясье—область, занимавшая части нынѣшнихъ губерній Сувалской, Гродненской и Сѣдлецкой. Здѣсь жила цѣлыми поселками такъ называемая загородовая шляхта, изъ которой, вѣроятно, и происходилъ Косинскій. См. Gloger, Geografia historyczna ziem dawnej Polski, 1900, str. 201—211.

подстароста князь Дмитрій Курцевичъ-Вулыга; не только заграблена была вся его движимость, но была похищена и шкатулка съ деньгами, драгоценностями и бумагами, среди которыхъ находились порученные ему документы князей Острожскихъ, Константина и Януша. Такъ какъ князья Острожскіе были самыми богатыми на помѣстья владѣльцами всей пограничной со степями области, то они и страдали сильнѣе всего отъ безчинствъ Косинскаго. Но прошло болѣе года, прежде чѣмъ князю Константину Константиновичу Острожскому удалось собрать достаточно сильное ополченіе изъ мѣстной шляхты и изъ наемныхъ войскъ для прекращенія набѣговъ Косинскаго. Въ концѣ января 1593 года ополченіе кн. Острожскаго нагнало шайку Косинскаго въ мѣстечкѣ Пяткѣ (недалекѣ отъ нынѣшней желѣзнодорожной станціи Демчинъ). Здѣсь произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ погибло болѣе двухъ тысячъ козаковъ. Очевидцы утверждали, что даже въ битвѣ подъ Вычиною между войсками канцлера Замойскаго и Максимиліана австрійскаго не было навалено столько труповъ, какъ подъ Пяткой. Потери ополченія князя Острожскаго были такъ ничтожны, что не достигали и десятка душъ. Трупы все были козацкіе. Послѣ такого погрома Косинскій три раза падалъ на колѣни передъ княземъ Острожскимъ и его сыновьями, проса прощенія и пощады. Князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій явился заступникомъ козаковъ передъ кн. Острожскими и подъ его вліяніемъ маститый князь Константинъ Константиновичъ согласился простить Косинскаго и его товарищей съ тѣмъ, чтобы козаки никогда не избирали Косинскаго своимъ гетманомъ; чтобы они не шатались по пограничнымъ городамъ и селамъ, а скромно сидѣли на „звѣлыхъ“ (обычныхъ) мѣстахъ за Порогами; чтобы они выдали „слугъ“, ¹⁾ бѣжавшихъ къ нимъ какъ отъ князей Острожскихъ, такъ и отъ пріятелей ихъ княжескаго дома; чтобы они возвратили огнестрѣльное оружіе, захваченное въ замкахъ, а также хоругви, лошадей, рогатый скотъ и всякую движимость, какія были ими заграблены во время набѣдовъ; чтобы они отпустили на волю плѣнную „че-

¹⁾ Слугами назывались лица, преимущественно изъ шляхты, которые принимались добровольно на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго могли свободно переимѣнить господина.

жиды¹⁾ обоюго пола, которую при себѣ удерживаютъ; чтобы они подчинялись власти князя Острожскаго и другихъ пограничныхъ князей. Косинскій и козаки присягнули, что они свято исполнить всѣ перечисленные обязательства. Событіе это произошло 1/11 февраля 1593 года, въ канунъ Срѣтенія.

Тѣмъ не менѣе присяга не надолго обуздава Косинскаго. Весною 1593 г. онъ собралъ уже вокругъ себя болѣе двухъ тысячъ козацкаго войска и вновь принялся за свои разбойничьи набѣги. По выраженію князя Александра Михайловича Вишневецкаго, онъ хотѣлъ вверхъ дномъ перевернуть все пограничье („do gruntu wkwisłko rogtanicze wuwłócił“) и вырѣзать всѣхъ тамошнихъ владѣльцевъ. Онъ стремился еще къ тому, чтобы вмѣстѣ съ турецкими и татарскими войсками опустошить области польскаго королевства и подчинить его басурманамъ. Сносился онъ и съ царемъ московскимъ, принималъ присягу на подданство ему и также обѣщалъ покорить его власти все пограничье на сто миль въ окружности. Московскій царь Феодоръ Ивановичъ въ письмѣ своемъ къ козакамъ называлъ себя государемъ Запорожскимъ, Черкасскимъ и Низовскимъ, и послалъ имъ за Пороги въ подарокъ суконъ и денегъ. Въ маѣ мѣсяцѣ скопище Косинскаго подошло къ г. Черкаскамъ съ значительной артиллеріей. Козаки стрѣляли изъ пушекъ по замку и по посаду, и убили немало людей. Они намѣревались ночью, по своему обыкновенію, произвести штурмъ замка и посада съ горящими головнями въ рукахъ, предать все огню и вырѣзать гарнизонъ и жителей. Не допуская до этого, черкасскій староста князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій одѣлалъ вылазку и самъ напалъ на войско Косинскаго. Въ происшедшей битвѣ Косинскій, Шалевскій, Снятовскій и другіе козацкіе старшины были убиты, скопище разсѣяно, оставшіеся въ живыхъ козаки убѣжали на Запорожье. Князь Александръ Михайловичъ въ письмѣ отъ 23 мая просилъ у канцлера Яна Замойскаго военной помощи, такъ какъ предполагалъ, что запорожцы будутъ мстить ему за погибшихъ товарищей. Невѣстно, что происходило лѣтомъ

¹⁾ Челядь—это крѣпостные крестьяне, жившіе въ имѣніяхъ и исполнявшіе въ нихъ полевые работы.

1598 г., но въ августѣ соора между княземъ Вишневецкимъ и запорожцами „усмирилась“ („zawzięcie się usmierzyło“), по выраженію епископа Верещинскаго. Князь Вишневецкій заключилъ съ ними миръ на слѣдующихъ предлагаемыхъ Верещинскимъ условіяхъ.

1) Вѣчный миръ не долженъ быть нарушаемъ ни одной изъ сторонъ; въ виду этого князь Вишневецкій возвращаетъ запорожцамъ то, что у нихъ отнято: муку, челянъ, и лошадей.

2) Родственники и овойственники убитыхъ Косинскаго, Шалевскаго, Снятовскаго и иныхъ имѣютъ право искать съ кн. Вишневецкаго оудомъ вознагражденія за ихъ смерть.

3) Подстаросты и городничіе кн. Вишневецкаго не имѣютъ права отбирать въ пользу его, какъ старосты черкаскаго, имущества, остающагося послѣ смерти козацкихъ „товарищѣй“, но оно по праву законнаго наслѣдованія должно переходить къ ихъ женамъ, дѣтямъ и родственникамъ.

4) Козаки могутъ во всякое время приходить изъ Запорожя въ предѣлы подвѣдомственныхъ князю Вишневецкому старостѣ, но тѣ, которые прійдутъ, должны выбрать изъ своей среды одного старшаго, дабы онъ судилъ ихъ за проступки, учиненные въ границахъ старостѣй.

5) Всѣ тѣ козаки, которые въ теченіе времени, пока происходили смитенія, находились при князѣ Вишневецкомъ или въ рядахъ его войска, могутъ свободно какъ уходить на Запорожье, такъ и возвращаться въ староства, и за это не должны подвергаться никакому преслѣдованію или возмездію.

6) Если который нибудь „товарищъ“ изъ войска запорожскаго признаетъ свои вещи въ чьихъ либо рукахъ въ предѣлахъ старостѣй, таковой „товарищъ“ можетъ доказывать свое на нихъ право.¹⁾

¹⁾ См. Арх. юго-зап. Рос. Ч. III т. 1, 1868, стр. 81—82; Listy Stanisława Żółkiewskiego, 1858, str. 21—28; Joachima Bielskiego dalszy ciąg kroniki Polskiej, 1851, str. 188—191 и т. д. Лучшее изложеніе дѣла Косинскаго принадлежитъ покойному Іосифу Ролле (Opowiadania historyczne. Serya VI, str. 43—108); въ сожалѣнію онъ безъ достаточныхъ основаній выставляетъ Косинскаго личнымъ врагомъ князя К. К. Острожскаго (стр. 86), а это даетъ дѣлу ложное освѣщеніе. Издаваемое нами письмо не было извѣстно г. Ролле.

Надаваемый документъ чрезвычайно важенъ, какъ свидѣтельство компетентнаго лица о тѣхъ вопросахъ, которые волновали гдашнее запорожское козачество и были поставлены на разрѣшеніе при заключеніи имъ мира съ княземъ Александромъ Милославичемъ Вишневецкимъ.

II.

Письмо кіевскаго епископа Іосифа Веретинскаго къ канцлеру Янушайскому изъ Фастова (Новому Веретина) отъ 20 марта нов. ст. 1596 года.

Адресъ: Jasnie Wielmożnemu a mnie Mcziwemu Panu y dobrodzielowi Jego mczі Panu, Panu Janowi Zamoyskiemu z Zamoscia kanczlerzowi i Hetmanowi korunnemu, Belskiemu, Malborskiemu, brpjskiemu, Kniszynskiemu, Miedzyrzyczkiemu, Grodeczkiemu, Jawowskiemu, etc. etc. etc. Staroscie do rąk Jego mczі naliczy.

Jasnie Wielmożny a Mcziwy Panie Hetmanie Corrunny, Panie Panie moy Miłosciwy.

Uniżone powolne służby moje w Mcziwą łaskę wm. mogo Mcziwego Pana y dobrodzieia pilnie zaliczam etc.

Iż szam w naszym kraju kozactwa się okolo dwudziestu y pulnuszecia tysiacza namnożyło, ktorzy wielkie dokuki wzgłędem żywnosci ludziom ubogim a ohywatelom owych krajow do tych czasow czynią, a tbyc ych żadną miarą niemozem.¹⁾ W czym moje zdanie ieszt, aby ych J. K. M. Pan nasz Mczimy, bąc za opatrzeniem ich Zadnieprszem,²⁾ bąc tesz na obietniczy ich słowem swym kroliewskiem napotym zach-

¹⁾ Интересное статистическое свидѣніе о томъ, сколько запорожцевъ находилось въ окрестностяхъ Флотова весною 1596 года: 20.500! Конечно, мирнымъ жителямъ приходилось отъ нихъ солоно.

²⁾ Веретинскому представлялось удобнымъ поселить козаковъ за Днѣпромъ т. е. въ вытѣшскихъ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, такъ какъ въ то время мѣстности эти были еще совершенно пустыны.

wawszy, aby ych do ziem cudzych bez odwloki (oddawszy ym swoy Kroliewską chorągiew przyskładem Świentey pamięci krolia Stephana¹⁾) za ten chlieb, ktorego przeszedł ten czas w Państwie J. K. M. przyszkrociła zastywali, iść rozkazac raczył, bądź do Hord Tatarskich, bądź też do ziemie Moskiewskiej, gdzie by przysmierza statecznie nietrzymał, a Zadnieprza do końca, iako począł posiadać, wrócić niechoiał. Owa rzecz W. M. iako moy Mcziwy Pan obmyśliwao o tym, y zgoła włożył się do J. K. M. iakoby iusz wienczey się nam obywatelom ukraynnym bytnością swą kozaczy nieprzyskrasyli, alie y owszem aby posługę znaczną J. K. M. y Rzeczypospolitey z niesmiertelną sławą J. K. M. Pana swego Mcziwego za tę winę w cudzych ziemiach uczynili, gdysz też y szami iakom z nich zrozumiał, tylko na rozkazanie J. K. M. czoby czynić mieli czekaia. Jesliby się thedy J. K. M. y wmcziom wszysztkiem Senatorom zdało za rzecz zdrosną, proszę rzecz w. m. moy Mcziwy Pan niemieszkaiacz dniem y nocą dawac znac, bo ych czuię być gotowych na wszelkie rozkazanie J. K. M. Pana swego. W czym ych y szam iako canonikow swoych, na visitowanie Cara Precopskiego a Sufragana swego, iako według Zakonu chrześcianskiego nieżyjącego (gdzieby nie zakrociło przysmierze) nicetelo buntuie, alie też y thowarzysztwa ym bytnością swą za pozwoleniem J. K. M. Pana mego Miłosciwego y benedictią J. M. X. Legata Oycza S. gotowem ieszt pomagać.²⁾ Unizenie przys tym prosząc w. m. mego Mcziwego Pana o przyszczyne do Jego M. X. Legata Oycza S. aby mie też z rąk swoych z osobna opatrzyć raczył chorągwią krszyczką według Reguły S. Mauritii et Lazari, gdysz to wybornie czuię iść mie pan Bog na ten świat dla thego naywieczey wypuścić raczej z żywota matki moiey, aby belo we mnie pochwalione Imie Pana Jezusza Christusza Zbawiciela swego y między narodem Bisurmaniskiem, iaką pochwałę odniósł Pan a Zbawiciel nasz Jezusz Christu

¹⁾ См. выше, стр. 74.

²⁾ Борьба между католичествомъ и православиемъ настолько слабо отразилась еще на пограничьи въ самый годъ Врестскаго собора, что католическій епископъ считалъ возможнымъ сопутствовать козакамъ въ ихъ набѣги на Крымъ, несмотря на то, что большая часть козаковъ наѣрное официально принадлежала къ православной церкви, хотя, быть можетъ, мало притуплена была религиозными чувствами.

dzę ludem Israelskiem praze onego Sliaporodzonego na tho zachod-
nego, ktorego ono raczel oświecić moczą Bostwa swego. A moznali
z, proaze, aby ta chorągiew od Jego mczi X. Legata bela
ryniesiona do mnie przesz Jego mczi Pana Prowane, ktory iest
ze Reguly iakysie domagam chorągwi od Jego mczi X. Legata,
zacz sobie abymi chcial pomocz thowarzystwa do Ordy, gdysz
na tho professował, aby Pogany woiował, a chwałę Panską rozmna-
Ostatek zliczam posłanczowi memu z wm. mem Mcziwym
sem conferować. Zaliezaiacz sie przytytym miłosciwey łasce wm.
go Mcziwego Pana y dobrodzicia. Data z nowego Wereszczyna
marcij Anno Domini 1596.

Waszoi Jaeny Wielmoznosc pana i dobrodzicia mogo uprzeimyy
i aciel i gotowy sluga Joseph Wereszczynski z łaszki Bozey Biskup
iowski a Opath Sieciechowski ręką własną.

Prosze przy tym Mcziwy Panie o przyczynę do J. K. M. y
Jchmczi Panow Senatorow, zeby mie raczyli z miłosciwey łasky
yi na tę przedsiwziętą drogę moie ratować iakiem tysianczem
tych, gdysz iusz nierasz opieszalem sie stawam sluzacz namilszey
czyźnie swey a za tho naygorzey mi sie ze wszystkich dzieie. Widze
prawdziwa iest ona Sententia: Qui omnibus servit, nemini servit.

Slie tesz wm. memu Mcziwemu Panu y Copia Uniwersalu na
hotniki do swoiowania Ord Poganskich, gdzieby tho przedsiwzięcie
ie J. K. M. sie zdało za zdrowe, prosze rasz wm. z miłosciwey
ki swey dać powydrukować do Drukarni J. K. M. y rusiło to
edzy ludzmi iako Paterfamilias, a Jchmc. Duchowni zeby z miłosciwey
ki swey miasto Donativi ustepuiacz na ten czas *ad eum solum actum*
erogatiw y wolności swych Duchownych, dignentur mittere opera-
in mensem suam, poniewasz Czar Praecopski bendacz w mey
ociesicy Suffraganem moim nietylo mnie nie iest posłuszny, alie y
zystkiemu Chrszcianstwu iest z swymi owczami przeciwny, ktorego
trzeba ukrocić kulami miasto słowa Bozego ołowianemi, y sablami
miasto sierpow ostremi. Czego Jchmc., zyczacz niesmiertelney sławy
wszystkiego Chrszcianstwa, y przysługi u J. K. M. Pana swego
łosciwego Jch M. synowczom y siestrzenczom swoym, mogą tego
wszystkiego dokazać snadnie.

III.

*Универсалъ снискана Вереминосана, присланеміи ароминусе а
находи протмусе мамарь.*

Copia Universalu na ochotniki wabiąc ie pod Choragiew Krzy-
żacką gdzie mi bendzie przesć ręce J. M. X. Legata Oycza S. a
za pozwoleniem J. K. M. Pana naszego na zbrzenie Ord Tatarskich
do rąk mych oddana.

Joseph Weresczynski z łaski Bozey Biskup Kyiowski a
Opat Sieciechowski.

Uprseymie chęnci swe y zyczliwosci Braterskie pilnie zalecza do
miłosciwych łask wm z winczowaniem wszego dobra od Pana Boga
wszechmogącego na czaszy niezamierzone etc.

Miłosciwi Panowie Bracia a zacnoi obywatele wszysztkiey Cor-
runy Polskiey, gdym u siebie częszto a gęsto uważał wielki skwirk,
wielki płacz, wielkie narzekanie, y nieznośne bezsprawie, ktore odnosi
Corruna Polska, a Oyczyzna nasza miła bez winnosoi y przyczyny
dania od sprosnych Pogan a naraczey Tatar bez przestanku, tak w
maietnosciach swych, iako tesz y w szamych osobach liudzi Chrsesci-
anskich, ktorych częszto a gęszto bez miary nietylo tysiączmi, alie y
po kiliadziesiath tysienczy iednych łapaia, drugich morduią, y do wie-
zienia srogiego biorą, s ktorych potym handlie swoje rozmaite s
niemałą zelzywoscią Chrsescianską według dumy swey odprawuią,
skąd znowu niemale uraganie Pan Christus w osobach ych odnosi nie-
ynaczey iedno iako na on czasz odnosil czaszu srogiey męki swey
od niezboznych Zydow: przetho ia czuiąc sie byo nie telo prawym
Chrsescianinem albo sługą Bozym, ktemu nie wyrodkiem alie prawym
szynem Corrunnem do thego y Senatorem zacznego Krolietwa Pol-
skiego, bendąc zięty zalem wielkiem, ktemu nader bendąc rozza-
liony przesć Pana Boga zastepow, umyslilem, za daniem mnie tako-
wego od Pana Boga sercza, sczytem byc Oyczyźnie swoiey miley od
tego sprosznego Poganstwa y drogi takowey szukac ze ym Pan Bog
przesć mie zetrze te pyśne rogi ktore nastoperozyli przeciwo wier-
nym Panskiem. Gdysz tho wybornie czuię, isz mie Pan Bog na ten
Swiath dla thego naywięczey wypuscioć raczeł z zywota Matki moiey,
aby belo we mnie pochwalione imie Pana Jezusza Christusza zbawi-

ala swego y miedzy narodem Bisurmanskiem, iaką pochwałę odniósł
an a zbawiciel nasz Jezus Christus miedzy ludem Israelskiem prze-
lego alieporodzonego na tho zachowanego, którego ono raczeł oswie-
o moczą Bostwa swego, którą tesz tho moczą Bostwa swego tenze
an przesz mie służę swego takiesz na tho zachowanego te Ord-
atarskie iako nieprzysiaciele wszystkiego Chrsescianstwa prsewieie,
rozmicze, odysz tho y czudowne urodzenie moie¹⁾ przeznaczyło,
m się urodzić miał na pociechę Chrsescianską, a na hanbę Pogan-
a. Praetho moi Miłosciwi a łaskawi Panowie Bracia, kto sie poczuwa
mo byc Chrsescianinem y prawem szynem Korrunnem, a nie iest wy-
dkiem, alie prawem obywateliem Kroliestwa zacznego Polskiego,
owolywam wasz pod chorągiew Krszyczaczką mnie przesz ręce Jego
iczi X. Legata Oycza S. tudzies tesz za pozwoleniem J. K. M. Pana
aszego miłosciwego oddaną, a tho na wykonanie tey woliey Bozey
na zgubę y upadek wszystkich Ord Poganstwa sprosznego: na czo
isz mamy nienagorszy poczatek Woyszka Kozackiego w Xięstwie
yiowskiem około dwudziestu y poltysocia tysiancza: ile ludzi tako-
tych ktorzy wiedzą w rzeczach Ryczerskich wszystkie stuki y ku-
szy²⁾ Poganskie. W czym nicz nie wątpie, ze wmi. zyczacz sobie
lawy dobrej, która poniesie za sobą nie telo przyszłą u Pana Boga

¹⁾ Въ брошюрѣ Публика, изданной въ 1894 г. въ Краковѣ, Верещинскій
мъ рассказываетъ объ обстоятельствахъ своего рождения; „Какъ только я
мчался въ утробѣ матери моей, сейчасъ же выступили очень густо кресты
а бѣлыя мохъ родителей, не только на рубахахъ, но и на простыняхъ, и на
наткахъ; это могутъ добросовѣстно засвидѣтельствовать нѣкоторые люди въ
снѣ Хомиской, пріатели моего дома, теперь еще находящіеся въ живыхъ.
ти кресты держались до самаго рожденія моего и послѣ рожденія до на-
тушленія семилѣтняго возраста. Когда я выходилъ на свѣтъ изъ утробы ма-
тери моей, тогда всѣ домохадцы, находящіеся подъ кровлей того же дома,
слышали голосъ, сопровождаемый сильнымъ гуломъ; онъ произнесъ слѣ-
дующія слова: „Я посылаю его свѣту на утѣху хрстіанамъ и на позоръ
внчникамъ, а чтобы онъ исполнялъ волю Мою, даю ему крестъ, какъ эмблему
и щита.“ А родители мои часто и густо напоминали мнѣ о слышанномъ го-
лосѣ, впитывая мнѣ въ сердце, чтобы я всегда не только сознавалъ умомъ,
но и чувствовалъ сердцемъ значеніе слышаннаго голоса, и чтобы я считалъ для
себя драгоценнымъ сокровищемъ кресты, густо разстѣнные по бѣлому бѣлью!“
Зм. Pisma polityczne Wereszowskiego. Wyd. Turowskiego, 1858, str. 15—16.

²⁾ Stuki y kulasy—военныя хитрости и извороты.

wzechmogącego albo łaskę u J. K. M. Pana swego tudzież ten Bohomodłczstwo niezmierne u Chrześcianaństwa wszystkich, bondziecie sie do nowego Wereszczyna do mnie kupić czo napreczey, a zwłaszcza pro finali na dzień naliczenia S. Kraszya.¹⁾ Czo day Panie Boże abychny sie czo napreczey skupili, a wasz zdrowi dobrze zdrowych oglądali, a potem za pomocą Bożą zwycięstwo nad Ordami Poganскими w tymże roku otrzymawszy, ze wszystkim Chrześcianaństwem Te Deum laudamus zaspiewali. Datha z nowego Wereszczyna 26 Martij Anno Domini 1596.

Wm. mym Mcziwym Panom Braciey waszego dobra zyczliwy y służyó gotowy

Idem qui supra.

IV.

Письмо Бартоша Верещинскаго²⁾ къ канцлеру Яну Замойскому и Фастова (Новоу Верещина) отъ 15 апрѣля н. ст. 1601 г.

Адресъ: Jasnie Wielmożnemu panu Janowi Zamojskiemu canclerzowi y Hetmanowi pnu eta. etc. memu Moxiwemu Panu.

Mnie Mcziwy Panie.

Służby moje we wszem zyczliwe y powolne zalecam do Miłosiwey łaski wm. mego mcziwego Pana eta. Iz mi iest na pamięci dobroy pisanie Jego Mczi Pana Chrzastowskiego³⁾ imieniem wm. mego mczwego pana do mnie. Abym wm. wiadomem czynil y oznajmial

¹⁾ Inventio s. Crucis—8 мая нов. стиля.

²⁾ Бартош Верещинский—кажется, племянникъ епископа Верещинскаго; на документъ отъ 1 января 1598 г. (Арх. юго-зап. Рос. Ч. VI, т. 1, стр. 258—263) онъ подписался въ числѣ свидѣтелей: Бартошъ Верещинскій, староста ново-верещинскій.

³⁾ Хржонстовский—старый слуга дома Замойскихъ, „gubernator i dozorca“ (управитель и надсмотрщикъ) обширнаго Шаргородскаго канцлерскаго имѣнія. См. Иосифа Ролле, Zameczki Podolskie na kresach multińskich. Том III, 1880, str. 290.

рады Козакow Запороских. Із іест розноса мідзды нмы. Чыніл радę Козакa¹⁾ тры кроц а в тых тэрох не позвалалі сіла іх на потребу Крoла Јеґо Мцзі. Ніспомінаіа Інфлaнт іедно Свечыа, кторы сіę барзё боіа, зебы не былі завіедзены на пoхібл. Једно сукна взіаушы у піеніаде іед Запорохі. Луб тєз бєдa сукна або не бєдa, іедно чєкаіа (по) аланцoв свых,²⁾ чхa собіє нагродзіл змїє. із Запорохі. Чoлны сa іуа зготoванє. ок гoтуіа, тaк тєз борoсзнo в бєцкї бyацз сіла іх іуа понaбыалі.³⁾ Јєслібы тєз сукна тє прызшлї луб на чєтєры тысіацє луб на шєсє тaк тєз піеніаде іацы чхa мідзды сіę рoзєбрaц, кторы былі Woлoсзoч на пoтрєбіє⁴⁾ а на вієцy Woіска не чхa дaч міеніац тaк: „мы тоіє зaслузылі, а друдзы нїєчaј собіє зaслугуіа,“ бо то мoвa Кусчынa бyлa в радзї: „oбєцaнo пїєрвєy хрoсзы у сукна на чєтєры тысіацy а тєпєр на шыст, тым лїпш, дoлшыгї сукнї⁵⁾ будєм мїєтї.“ В тым oстaтєк добрoму бaчєнїу вm. поручaм. Гдзїбы прэдсїєвсїєцїя свєго нє мoглї прэлoмїдз за пїсанїм Крoла Јеґо Мцзі луб тєз вm. мoгo мїлoсцївєго пaнa у пoслaнцa кторы мa бyц з сукны у с пїєнієдзмy oд Крoла Јеґо мцзі. Тєды умыслнїє пoсылaм слугę свєго до oсoбы вm. мoгo Мїлoсцївєго пaнa, пoчзувaіа сіę бyдє synєм кoрoнным у вієрным пoддaным Крoла Јеґо мцзі. Јєслібы то бyлa вoлa вm. прызлaч мнїє чoрaґїєw вoлунтaрїјскa луб тєз лїст вoлунтaрскї длa звїєдзєнїя лудзї Рycєрскїх бо мї іх сіла o то прoсїлї, бyм іa мoгл мїєц oд в. мцзі, тaк слaхєцїєw сілę.

¹⁾ Самуїл Кошкин-родомъ, кажется, изъ брацлавскихъ или винницкихъ земель Кошчичей (о нихъ см. ст. Неймана въ Киевск. Стар. 1889 г., т. 25, стр. 582—587); стоялъ во главѣ запорожскаго войска съ лѣта 1600 г. до февраля 1602 г.; былъ стронителемъ церкви Николая Добраго въ Киевѣ на Подолѣ (Петровъ, Очерки древняго Киева, К. 1897, стр. 201).

²⁾ Посланцы эти перечислены въ письмѣ Самуїла Кошкина къ Яну Замоискому изъ Бѣлой Церкви отъ 22 января 1601 г.:—Иванъ Радкевичъ, Андрей Комишъ и Иванъ Макаровичъ. Listy Żółk. str. 109.

³⁾ Интересное свидѣтельство о томъ, что муку на Запорожьє доставляли въ бочкахъ.

⁴⁾ Походъ въ Молдавію въ 1600 г. былъ предпринятъ канцлеромъ Яномъ Замоискимъ для возстановленія на молдавскомъ престолѣ Іеремїи Могила, свергнутаго галацкимъ господаремъ Михаиломъ II Храбрымъ. Орышовскіи и Кошкинъ съ запорожцами участвовали, какъ мы знаемъ (выше, стр. 204), въ этомъ походѣ. См. С. Голубєна, Петръ Могила, т. 1, К. 1883, стр. 41, прим. 85.

⁵⁾ Suknia—кафтaнъ.

iak też ludzi Ukrainnych y kozaków Zaporoskich niemalo. A nasna-
czyo dla skupienia ludzi Rycerskich mieisce (w)sakoz niedlugi czas
bo to prętką potrzeba przypada. Do tego też list od osoby wm. wiado-
mem czyniąc mie, slugi swego, iz idę na potrzebę.... Jego Krolew-
skiej Męczy y Rzeczy pospolitej..... Krolewskich xiężych y slache-
ckich nam żywność byla dawana. Przestrzegao tego będę zeby zadnych
zbytkow nie bylo, bo będę miał lud przebrany, nie będę przymował
szuie poputnej.¹⁾ Do tego też proszę do spraw prawnych o dwa Exem-
pti ieden do Polski a drugi na Ukrainę y o list wyznany od w.
męczy mego Miłosciwego Pana zem był na potrzebie Jego Krolewskiej
Męczy w Wołoszech.²⁾ Lubom Exempti od wm. mego Miłosciwego pana
pokazał przez prokuratora,³⁾ przed się mi sąd roskazał abym pokazał
list od osoby wm. mego Miłosciwego Pana zem był na potrzebie Jego
Krolewskiej Męczy y Rzeczy pospolitey w Wołoszech na przyszli roki
Ziemskie Owruckie, a przysli byli w Owruczym na S. Michal a w
niebytności mey położono pozew na mię. Przytem się łasce wm. mego
Miłosciwego pana poruczam. Dan w nowym Wereszczynie die 15 April.
Anno Dni 1601.

W. m. memu miłosciwemu panu wszego dobrego ziczę

Bartosz Wereszczinskj

ręką szwą.

Къ писъму приложена печать съ изображеніемъ герба: Триз
вугру и по сторонамъ его инициаловъ автора писъма: В. В.

.

Издаваемое писъмо оовѣщаетъ намъ интересный моментъ въ
исторіи Войска Запорозкаго, когда оно, только-что скончивъ уча-
стіе въ молдавскомъ походѣ, предпринятомъ канцлеромъ Замой-
скимъ противъ Михаила Храбраго, расположилось зимовать въ
Вѣлой Церквѣ, по пути въ излюбленное Запорожье, и колебалось,

¹⁾ Szuka poputas—придорожная сволочь.

²⁾ Бартошъ Верецшискій участвовалъ въ молдавскомъ походѣ Замойскаго.

³⁾ Prokurator—позвѣренный въ дѣлахъ, уполномоченный, защитникъ

принять я ему новое предложеніе канцлера Замойскаго о походѣ въ „Инфлянты“ (нынѣшнія губерніи Эстляндская и Лифляндская съ западною частью Витебской) противъ вторгнувшагося въ пределы этой области шведскаго принца Карла Будерманландскаго, или отъ него отказаться. Повидимому, канцлеръ предполагалъ привлечь на службу противъ шведовъ не менѣе шести тысячъ человекъ запорожцевъ и для возбужденія въ нихъ охоты къ поступленію на королевскую службу послалъ денегъ и сукопъ по такому разсчету, чтобы тѣхъ и другихъ хватило на шесть тысячъ душъ. Во главѣ запорожцевъ стоялъ въ это время гетманъ Самуилъ Кошка. Мы знаемъ, какъ въ іюлѣ и августѣ 1600 г. Кошка и Орышовскій вели Запорожское Войско изъ Сѣчи на лодкахъ вверхъ по Днѣпру до Канева, а затѣмъ пѣшкомъ изъ Канева въ Каменецъ-Подольскій и дальше въ Сучаву (см. выше, стр. 264). 19 октября и. ст. 1600 г. Михаилъ Храбрый былъ разбитъ соединенными ополченіями Замойскаго и Іереміи Могилы на р. Телеайну (см. Хѣнорол, I, р. 891) въ Валахія и козаки получили возможность отправиться на зимовку въ Вѣлую Церковь. Слѣдить за ихъ „радами“ (совѣщаніями) долженъ былъ, по порученію Хржонтовскаго, Бартошъ Верещинскій, самъ—участникъ молдавскаго похода, жившій въ Фастовѣ. Замоискій имѣлъ намѣреніе раздать деньги и сука только тѣмъ козакамъ, которые сдѣлали уже молдавскій походъ и затѣмъ выразили согласіе двинуться противъ шведовъ, но сами козаки представляли себѣ дѣло иначе: они желали думать, что деньги и сука розданы будутъ исключительно участникамъ молдавскаго похода, но безъ всякой оговорки относительно согласія ихъ предпринять инфлянтскій походъ. Вотъ почему они, по словамъ Верещинскаго, говорили: „Мы тое заслужили, а други нехай собѣ заслугуютъ!“ Козаки полагали, что, получивши заслуженное, они имѣютъ полное право отказаться отъ похода въ „Инфлянты“ и уйти на Запорожье. Такъ понималъ дѣло и гетманъ Кошка. Приводимыя Верещинскимъ слова его: „Обѣщано первѣе грошей и сука на четыре тысячи, а теперъ на шесть, тѣмъ лишшъ, долшны сукии будемъ мѣти“ имѣютъ такой смыслъ: „намъ пришлютъ денегъ и сукопъ на шесть тысячъ человекъ, а не на четыре тысячи участниковъ молдавскаго похода; тѣмъ лучше: мы будемъ имѣть болѣе длинные кафтаны!“ Такимъ образомъ и самъ запо-

рожскій гетманъ былъ того мнѣнія, что полученіе денегъ и суконъ нисколько не обязываетъ запорожцевъ непременно идти противъ шведовъ. Въ виду этого между запорожцами не было единомыслія. Нѣкоторые козаки по полученіи денегъ и суконъ соглашались идти въ „Инфлянты,“ но большинство вслѣдъ за Кошкою было противнаго мнѣнія, и намѣревалось, получивши отъ Замойскаго деньги и сукна, съ наступленіемъ весны запастись мукой, сѣсть въ лодки и отплыть внизъ по Дуѣпру на Запорожье. Изъ письма Самуила Кошки къ Яну Замойскому отъ 22 января н. ст. 1601 г. изъ Бѣлой Цѣркви видно, что козаки ставили канцлеру нѣкоторыя условія, при исполненіи которыхъ съ его стороны они соглашались идти въ „Инфлянты“ противъ шведовъ; они просили: 1) чтобы жалованье (*zold*) уплачивалось имъ болѣе аккуратно; 2) чтобы имущество, остающееся послѣ смерти козака, не считалось выморочнымъ и подлежащимъ поступленію въ казну, а доставалось ближайшему его товарищу или пріятелю; 3) чтобы при козацкомъ войскѣ во время похода постоянно состоялъ королевскій чиновникъ для защиты козаковъ отъ притѣсненій со стороны „уридовъ“ (властей); 4) чтобы козаки судились за свои проступки своимъ „старшимъ“ (старшиною) или королевскимъ комиссаромъ; 5) чтобы городскія власти не притѣсняли козаковъ, когда они будутъ входить въ города; 6) чтобы съ козаковъ снята была банницін, наложенная на нихъ сеймомъ 1593 г. (*Vol. leg. II, 344*); 7) чтобы козакамъ отданъ былъ вновь Трахтемировъ (королевское имѣніе) для тѣхъ цѣлей, для какихъ предназначилъ его король Стефанъ (см. выше, стр. 74). Возможно, что Замойскій обѣщалъ исполнить желанія козаковъ; они являлись повтореніемъ тѣхъ требованій, какія были предъявлены козаками въ 1593 г. при заключеніи мира съ княземъ Александромъ Михайловичемъ Вишневецкимъ. Какъ бы то ни было, настроеніе запорожцевъ измѣнилось, они подъ предводительствомъ Кошки отправились въ „Инфлянты“ и сражались тамъ со шведами въ рядахъ польскихъ войскъ. Они терпѣли при этомъ страшные недостатки, въ особенности, когда наступила зима 1601 — 1602 года, какъ это мы знаемъ изъ писемъ Самуила Кошки къ Яну Замойскому отъ 1 и 23 декабря 1601 г. и отъ 2 и 18 января 1602 г.¹⁾ Сначала козаки про-

¹⁾ См. *Listy Żółkiewskiego*, 1888, №№ 82, 83, 84 и 85.

сии перемѣстятъ ихъ въ болѣе обильный съѣстными припасами край („nasz goscakao zabuzystu w iakim ziaznem kraiu stanely“), чѣмъ тѣ окрестности м. Эрмеса (нынѣ Валескаго у.) и м. Рингена (нынѣ Юрьевского [Дерптскаго] у.), гдѣ они пропадали отъ холода и голода, а потомъ взбунтовались и рѣшили вернуться домой на Запорожье. Самуилъ Кошка не рѣшался ихъ удерживать и даже выражалъ опасеніе, какъ бы озлобленные козаки не побили его камнями (ukamienowaly). Не сбылось ли его опасеніе? Письмо отъ 18 января 1602 г.— послѣдній документъ, гдѣ встрѣчается его имя; съ той поры оно исчезло изъ жизни навѣки... Въ Боркулабовской Хроникѣ находимъ извѣстіе, подтверждающее наше предположеніе: „Тамъ же (т. е. въ Инфлянтахъ) того Самуила убито, а поховано у Києва“ — вѣроятно, въ построенной Кошкою церкви Николая Добраго (см. Кулишъ, Матер. для ист. возз. Руси, т. I, 1877, стр. 77).

Дополненія и поправки.

1) Стр. 17, строка 4 снизу.—Сказано: „въ русскомъ языкѣ память объ этомъ чиновникѣ осталась въ словѣ *арма*, *армиска*, что значило: низшій полицейскій чинъ.“ Къ этому слѣдуетъ добавить: „въ томъ же смыслѣ употреблено это слово въ думѣ „о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи“:

— Панове-молодци! добре дбайте,
Всѣхъ у Чорное море бросайте,
Тильки Ляха-Бутурлака не рубайте,
Между військомъ для *порядку за ярызу військову* зоставляйте!—
Тогди козаки добре малы:
Всѣхъ Туркивъ у Чорное море пометали,
Тильки Ляха-Бутурлака не зрубали,—
Между військомъ для *порядку за ярызу військову* зоставляли.
Ляхъ-Бутурлакъ (потурнакъ?) былъ оставленъ въ живыхъ для наблюденія за порядкомъ въ качествѣ военно-полицейской власти. См. Истор. пѣсни малор. народа, т. I, К. 1874, стр. 215.

2) Стр. 31, строка 2 снизу.—Въ новой книгѣ Людвика Бопатыньскаго „*Stefan Batory i Plan ligi przeciw Turkom (1576—1584)*“, w Krakowie 1903, одѣлавшейся намъ извѣстною послѣ отпечатанія нашего труда, высказаны положенія, совершенно сходныя съ нашими: „*Przyjaźń tedy turecka w pierwszej linii obok innych względów utorowała drogę do tronu polskiego Batoremu*“... „*Zdecydowawszy się ubiegać o koronę polską, oddaje się na razie zupełnie pod opiekę Porty i o każdym kroku ją uwiadamia*“ (Стр. 12—13). Въ прим. 1 на стр. 13 приведены многочисленные доказательства изъ современныхъ документовъ.

3) Стр. 41, строка 2 сверху. — Въѣсто: „съ конемъ-иноходцемъ“ слѣдуетъ читать: „съ конемъ-аргамакомъ“ (въ подлин. в *konieŃ Hromiakom*). О словѣ *hromak*, *hromiak* см. выше, стр. 224.

4) Стр. 62, строка 9 сверху. — Любопытно, что въ сосѣдной Чехіи распоряженіе Баторія о казни Подковы тоже объясняли какъ уступку его давленію турецкаго правительства. Николай Датицкій изъ Геслова говоритъ въ своихъ памятныхъ запискахъ: „Стефанъ Баторій повелѣлъ казнить Ивана, называемаго Подковою, гетмана козаковъ (*hejtmana Kozákuov*), мужа великой силы; онъ якобы переламывалъ голыми руками жолѣзныя конскія подковы. Причиною казни этого Подковы было то, что онъ со своими козаками очень вредилъ туркамъ, чѣмъ озлобилъ противъ себя турецкаго императора, который потребовалъ отъ польскаго короля или выдачи, или казни Подковы; такъ и сталося по его желанію, ибо въ противномъ случаѣ онъ грозилъ королю нарушеніемъ поремпріи!“ См. *Paměti Dačického. Svaz. I. K vyd. upr. A. Rezek, V Praze 1878, str. 160—161.*

5) Стр. 89, строка 10 снизу. — Въ новой книгѣ Л. Боратынскаго „*Stefan Batory i Plan ligi*“ etc. находимъ свѣдѣніе (стр. 84, прим. 4), что „освобожденіе татарскихъ царевичей изъ козацкихъ рукъ стоило королю много тысячъ дукатовъ“ и что лѣтомъ 1582 года королевскій посолъ Іеронимъ Филипповскій, ѣхавшій въ Константинополь на торжество обрѣзанія первороднаго сына турецкаго султана, отвезъ татарскихъ царевичей въ подарокъ послѣднему.

6) Стр. 100, строка 8 снизу. — Съ 1579 по 1604 г. старостою брацлавскимъ и винницкимъ былъ Юрій Струсь. См. Папроцкаго *Herby ruc. pol., wyd. Turowskiego, 1858, str. 687; Киев. Стар. 1889, т. 25, стр. 533, прим.*

7) Стр. 189, строка 17 сверху. — Въ доказательство того, что фамилія „Ватура“ нами не выдуманъ, а дѣйствительно существовала въ XVI вѣкѣ, приводимъ слѣдующее мѣсто изъ „Древняго

помянника Кіево-Печерокой лавры“, наданнаго проф. С. Т. Гобовымъ въ приложеніи къ кн. VI Чтеній въ нот. общ. Неот. Л (1892): „[Жихоря. іо. Θεοδора. Бамура невідѣають имъ именъ колися довідѣають тогды их уппшут]. іо. Θεοδора. Бамуру.“ Стр.

8) Стр. 151, строка 9 сверху.— Въ наданныхъ С.-Петербургса Археографической Коммиссіей подъ редакціей П. А. Гильтебранд „Старинныхъ описяхъ Литовской метрики“ (Лѣтопись занят выпускъ 11-ый, 1903) слово „бурсникъ“ употреблено слѣдующимъ образомъ: „Въ понеделокъ, вилею Трохъ Кролевъ, под лет Б Нарож ѿѿ и чотырдесятаго (1540) году, мсца ген 7 (5) донъ, пидиктъ 71 (18). ВYROKъ мещанину Витебъскому Гуречъку Наумо сыну Кузапову зъ мещаны Витебъскими Деменьтеемъ Есковымъ сыномъ Гоглосвичомъ и бурсникомъ ого Васкомъ Грядковымъ сыномъ о должъ въ пятьдесят копъ грошей шырокое личъбы.“ (Стр. 2 Редакторъ переводить: *бурсникъ*—товарищъ (стр. 176).

9) Стр. 264, строка 17 сверху.—Вмѣсто словъ: „противъ 1 рокъ“ должно быть: „противъ Михаила II Храбраго, господа валашскаго, изгнавшаго Іеремію Могилу изъ Молдавіи и объединившаго на короткое время Валахію, Молдавію и Трансильванію подъ своею властью“; затѣмъ должна быть осылка: „См. А. — Хénonopol, Histoire des Roumains de la Dacie Trajane, t. I, Рз 1896, р. 376—379.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ:
65	17 сверху	1587	1578
94	6 снизу	2 октября	4 октября
101	5 снизу	insurgionis	insurgionis
272	7 снизу	что	чтобы

174 AA A 30 P - 1

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 04764 2080

Digitized by

Google

